Федеральная служба исполнения наказаний

ВЕСТНИК
ВЛАДИМИРСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА

№ 2(55)
Апрель – июнь
2020

Научно-образовательный журнал
Выходит четыре раза в год

Издается с 2006 г.

Журнал включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (юридические науки)

Учредитель – федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний»

Главный редактор –
доктор юридических наук, профессор
Ткачук Татьяна Алексеевна

Редакционная коллегия:
Аверин А. В., доктор юридических наук (г. Владимир)
Баранов В. М., доктор юридических наук, профессор (г. Нижний Новгород)
Богатырёв В. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Борисова И. Д., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Гаврилов Б. Я., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Головинская И. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Головкин Р. Б., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир) (заместитель главного редактора)
Емельянова Е. В., доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург)
Исаенкова О. В., доктор юридических наук, профессор (г. Саратов)
Каламкарян Р. А., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Кудрявцев А. В., доктор юридических наук, доцент (г. Владимир)
Кузбагаров А. Н., доктор юридических наук, профессор (г. Санкт-Петербург)
Лазарева Л. В., доктор юридических наук, профессор (г. Владимир)
Меркурьев В. В., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Миронов А. Н., доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
Михайлова Е. В., доктор юридических наук, доцент (г. Самара)
Пожарский Д. В., доктор юридических наук, доцент (г. Москва)
Редкоус В. М., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Тепляшин П. В., доктор юридических наук, доцент (г. Красноярск)
Третьякова О. Д., доктор юридических наук, доцент (г. Владимир)
Чепурнова Н. М., доктор юридических наук, профессор (г. Москва)
Шеслер А. В., доктор юридических наук, профессор (г. Новокузнецк)
Данилова И. Б., ответственный секретарь

© ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний», 2020

Адрес редакции:
600020,
Владимирская обл.,
г. Владимир,
ул. Б. Нижегородская, 67е
Телефоны:
(4922) 40-45-18, 40-45-14,
8-905-649-5050;
факс (4922) 32-28-93
Интернет-сайт:
http://vui.fsin.su
E-mail:
vestnik-VUI@yandex.ru

Распространяется
по подписке.
Подписной индекс 90961
в объединенном каталоге
«Пресса России»

Электронная версия
номера журнала
размещена
на интернет-сайте:
http://vui.fsin.su

Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-25060,
выданное
Роскомнадзором
21.07.2006

Тираж 400 экз. Заказ 20.
Дата выхода в свет
26.06.2020.
Свободная цена.

Отпечатано в РИО НЦ
ФКОУ ВО «Владимирский
юридический институт
Федеральной службы
исполнения наказаний».
600020, г. Владимир,
ул. Б. Нижегородская, 67е

Federal Penitentiary Service

BULLETIN
OF VLADIMIR LAW INSTITUTE

Scientific and Educational Journal
The journal is published quarterly

No. 2(55)
April – June
2020

Published
since 2006

The journal is included in the List of peer-reviewed scientific editions of the Higher Attestation Board (VAK) of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, publication in which is mandatory for defending PhD and Doctorate dissertations within the groups of scientific specialties: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (Jurisprudence)

Founder – Federal State Educational Institution of Higher Education «Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service»

Editor-in-Chief –
Doctor of Law, Professor
Tkachuk Tat'yana A.

Editorial Board:
Averin A. V., Doctor of Law (Vladimir)
Baranov V. M., Doctor of Law, Professor (Nizhny Novgorod)
Bogatyrev V. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Borisova I. D., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Gavrilov B. Ya., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Golovinskaya I. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Golovkin R. B., Doctor of Law, Professor (Deputy Editor-in-Chief) (Vladimir)
Emel'yanova E. V., Doctor of Law, Associate Professor (St. Petersburg)
Isaenkova O. V., Doctor of Law, Professor (Saratov)
Kalamkaryan R. A., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Kudryavtsev A. V., Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir)
Kuzbagarov A. N., Doctor of Law, Professor (St. Petersburg)
Lazareva L. V., Doctor of Law, Professor (Vladimir)
Merkur'ev V. V., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Mironov A. N., Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
Mikhailova E. V., Doctor of Law, Associate Professor (Samara)
Pozharsky D. V., Doctor of Law, Associate Professor (Moscow)
Redkous V. M., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Teplyashin P. V., Doctor of Law, Associate Professor (Krasnoyarsk)
Tret'yakova O. D., Doctor of Law, Associate Professor (Vladimir)
Chepurnova N. M., Doctor of Law, Professor (Moscow)
Shesler A. V., Doctor of Law, Professor (Novokuznetsk)
Danilova I. B. (Executive Secretary)

© VLI of the FPS of Russia, 2020

Address
of Editorial Office:
600020,
Vladimir region,
Vladimir,
B. Nizhegorodskaya Str., 67e
Telephones:
(4922) 40-45-18, 40-45-14,
8-905-649-5050;
fax (4922) 32-28-93
Website:
http://vui.fsin.su
E-mail:
vestnik-VUI@yandex.ru

Distributed
by subscription.
Subscription Index
in the United Catalogue
«Press of Russia» 90961

Electronic version
is available on the website:
http://vui.fsin.su

Certificate of Registration
in mass media
ПИ № ФС77-25060 issued
by the Federal Supervision
Agency for Information
Technologies
and Communications
(Roskomnadzor)
21.07.2006

Circulation 400 copies
Order 20. Free price.
Date of publication
26.06.2020.

Printed by
Publishing Department
of Scientific Center
of VLI of the FPS of Russia.
600020, Vladimir,
B. Nizhegorodskaya Str., 67e

СОДЕРЖАНИЕ (CONTENTS)

С ЮБИЛЕЕМ!	7	*HAPPY ANNIVERSARY!*
НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ		*SCIENTIFIC AND APPLIED ASPECTS OF IMPROVING INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL SYSTEM*
Семёнова О. Н., Ушаков С. Н., Бородкин М. А. *Международно-правовое регулирование и виды профессиональной этики работников, проходящих службу в уголовно-исполнительной системе*	13	**Semenova O. N., Ushakov S. N., Borodkin M. A.** *International legal regulation and types of professional ethics of employees serving in the penal system*
Ткачук Т. А., Ерина К. А. *Противодействие коррупции в уголовно-исполнительной системе России: возможность использования зарубежного опыта*	20	**Tkachuk T. A., Erina K. A.** *Anti-corruption in the Russian penal system: the possibility of using foreign experience*
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ		*ACTUAL ISSUES OF THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES*
Абакумова О. Н. *Система виктимологической защиты женщин – жертв криминального насилия в России*	27	**Abakumova O. N.** *The system of victimologic protection of women – victims of criminal violence in Russia*
Ашин А. А., Михайлов А. Е. *Раскрытие и расследование преступлений как элемент борьбы с преступностью: правовой аспект*	33	**Ashin A. A., Mikhailov A. E.** *Detection and investigation of crimes as an element of fighting crime: legal aspect*
Баринов А. В., Некрасова М. А. *Проблемы использования информационных технологий при рассмотрении гражданских дел в Российской Федерации*	38	**Barinov A. V., Nekrasova M. A.** *Problems of using information technologies in civil cases in the Russian Federation*
Дондоков Г. Р., Стёпин Д. С. *Особенности правового регулирования противодействия пропаганде террористической и экстремистской деятельности в социальных сетях*	43	**Dondokov G. R., Stepin D. S.** *Features of legal regulation of counteraction to terrorist and extremist propaganda activities in social networks*
Иванов П. И. *Относительно самостоятельная отрасль прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: быть или не быть*	47	**Ivanov P. I.** *Relatively independent branch of prosecutorial supervisionfor the enforcement of laws by bodies implementingoperational-search activity: to be or not to be*
Киселёв А. М. *Вопросы правового обеспечения государственной защиты участников уголовного судопроизводства, содержащихся в следственных изоляторах*	53	**Kiselev A. M.** *Issues of legal support of state protection of participants in criminal proceedings held in pre-trial detention centers*
Климова Ю. Н. *Фальсификация доказательств по уголовному делу: особенности объективных и субъективных признаков*	58	**Klimova Yu. N.** *Falsification of evidence in a criminal case: features of objective and subjective signs*

Ковалёв С. Д., Полуянова Е. В.
Нормативно-правовое регулирование отношений, связанных с обработкой персональных данных, в Российской Федерации
67
Kovalev S. D., Poluyanova E. V.
Legal and regulatory framework of relations related to the processing of personal data in the Russian Federation

Кудрявцев А. В., Крюков И. В.
Отдельные аспекты взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и МВД России в рамках деятельности по борьбе с мошенничествами, совершаемыми в исправительных учреждениях с использованием средств мобильной связи и Интернета
72
Kudryavtsev A. V., Kryukov I. V.
Certain aspects of interaction between the operational units of the FPS of Russia and the MIA of Russia in the framework of the fight against fraud committed in prisons using mobile communications and the Internet

Кудрявцев А. В., Сучков Р. Н.
Современные детерминанты совершения в учреждениях уголовно-исполнительной системы особо учитываемых преступлений и характеристики личности потерпевших и лиц, совершивших данные преступления
76
Kudryavtsev A. V., Suchkov R. N.
Modern determinants of committing crimes of special concern in institutions of the penal system and personality characteristics of victims and persons who committed these crimes

Курысев К. Н., Гофман А. А.
Некоторые правовые аспекты контроля дополнительных возможностей сотовых телефонов в ходе оперативно-розыскной деятельности
80
Kurysev K. N., Gofman A. A.
Some legal aspects of controlling of extra means of cell phones in the course of operational search activities

Макашова Т. П.
Адвокат – представитель по делам частного обвинения в уголовном судопроизводстве
85
Makashova T. P.
Attorney – representative for private criminal proceedings

Михайлов А. Е.
Общая характеристика борьбы с преступностью
90
Mikhailov A. E.
General characteristics of the fight against crime

Николаева М. И., Рябчиков В. В.
Стадия возбуждения уголовного дела: тенденции реформирования
95
Nikolaeva M. I., Ryabchikov V. V.
Stage of initiation of a criminal case: reform trends

Радченко К. Н.
Проблемы правоприменительной практики привлечения к уголовной ответственности за клевету
103
Radchenko K. N.
Problems of law enforcement practice of criminal liability for libel

Ращупкина Л. В., Шоргина Е. В.
Договор аренды земельного участка для нужд уголовно-исполнительной системы: проблемы и перспективы развития
109
Rashchupkina L. V., Shorgina E. V.
Lease contract of land property for the needs of the penal system: problems and prospects for development

Родионов К. В., Ушаков С. Н.
Международная защита женщин от насилия: проблема эффективности
114
Rodionov K. V., Ushakov S. N.
International protection of women from violence: problem of effectiveness

Савин А. А.
Применение принудительных мер медицинского характера к невменяемым лицам вследствие освобождения их от уголовной ответственности
120
Savin A. A.
The use of compulsory medical measures to insane persons as a result of their release from criminal liability

Сизова А. С., Кучин Н. С.
Участие населения в осуществлении местного самоуправления в России и КНР как эффективная реализация демократических принципов осуществления власти
124

Сизова А. С., Макаренков С. С.
Проблемы правового регулирования миграционных процессов и их практической реализации
130

Тараканов И. А., Янова А. С.
Необходимая оборона: особенности учета характера насилия, применяемого посягающим лицом, при оценке правомерности оборонительных действий
135

Шумова К. А., Долотова Д. В.
Приоритетность судебной медиации как формы преодоления семейно-правового конфликта
143

Sizova A. S., Kuchin N. S.
The participation of population in local self-government in Russia and China, as an effective implementation of democratic principles of government

Sizova A. S., Makarenkov S. S.
Problems of legal regulation of migration processes and their practical implementation

Tarakanov I. A., Yanova A. S.
Necessary defense: consideration features of the nature of violence used by the offending person when assessing the legality of defensive actions

Shumova K. A., Dolotova D. V.
Priority of judicial mediation as a form of overcoming a family-legal conflict

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

Абражеева Д. В., Балакин А. В., Сердюк А. Л.
Конституционно-правовой статус личности в России в условиях цифровизации
149

Богатырёв В. В.
Системность международного права в современных условиях
155

Борисова И. Д., Кирова И. О.
Правовые основы интенсификации академической мобильности в Союзном государстве
163

Головкин Р. Б.
Некоторые особенности цифровой формы интеграции права и экономики
168

Головкин Р. Б., Гудкова А. В.
Некоторые проблемы развития правового статуса женщин
172

Ерин Д. А.
Владимирская офицерская школа МВД СССР (1946–1951 гг.): организационно-правовые основы деятельности по подготовке кадров для тюремной системы
177

Зяблова Т. Е., Мамчун В. В.
Некоторые аспекты изучения преамбул нормативных правовых актов в российской и польской теории права
184

Игнатов О. С.
Интегративная функция Конституции Российской Федерации: структура и системные свойства
192

Abrazheeva D. V., Balakin A. V., Serdyuk A. L.
Constitutional status of the personality in Russia in conditions of digitalization

Bogatyrev V. V.
System of international law in modern conditions

Borisova I. D., Kirova I. O.
Legal basis for intensification of academic mobility in the Union state

Golovkin R. B.
Some features of the digital form of integration of law and economy

Golovkin R. B., Gudkova A. V.
Some problems of women's legal status development

Erin D. A.
Vladimir officer school of the Ministry of Internal Affairs of the USSR (1946–1951): organizational and legal basis for training personnel for the prison system

Zyablova T. E., Mamchun V. V.
Some aspects of studying the preamble of normative legal acts in the Russian and the Polish theory of law

Ignatov O. S.
Integrative function of the Constitution of the Russian Federation: structure and system properties

Насриддинова Н. Ф.
Место правоохранительной функции в системе функций государства, ее понятие и содержание 197 **Nasriddinova N. F.**
The place of the law enforcement function in the system of state functions, its concept and content

Нинциева Т. М.
Процессуально-правовое регулирование как особый вид правового регулирования 201 **Nintsieva T. M.**
Procedural legal regulation as a special type of legal regulation

Плетников В. С., Плетникова М. С.
Государственные учреждения в механизме (аппарате) современного Российского государства: вопросы теории и практики 206 **Pletnikov V. S., Pletnikova M. S.**
State institutions in the mechanism (apparatus) of the modern Russian state: issues of theory and practice

Сизганова Е. Ю., Потапова Е. П.
Базовые принципы разработки Кодекса этики государственных и муниципальных служащих в России и за рубежом: сравнительный анализ 211 **Sizganova E. Yu., Potapova E. P.**
Basic principles for the development of Code of Ethics for state and municipal public servants in Russia and abroad: a comparative analysis

Симонова М. А., Турко Т. Н.
Гендерное насилие как опасная форма гендерной дискриминации: теоретико-правовой аспект 216 **Simonova M. A., Turko T. N.**
Gender-based violence as a dangerous form of gender discrimination: theoretical and legal aspect

Третьякова О. Д., Головкин Р. Б.
Теоретико-правовые проблемы организации и реализации правовых режимов, обеспечивающих борьбу с коронавирусной инфекцией в Российской Федерации 222 **Tret'yakova O. D., Golovkin R. B.**
Theoretical and legal problems of organization and implementation of legal regimes that ensure the fight against coronavirus infection in the Russian Federation

Тумин А. Ю.
Проблематика московской полиции императорской России в историко-правовых исследованиях 227 **Tumin A. Yu.**
The problems of the Moscow police of imperial Russia in historical and legal research

235

ПАМЯТИ УЧЕНОГО *IN MEMORY OF THE SCIENTIST*

Краткие правила опубликования статей 237 **The basic guidelines for article submission**

Анкета автора публикации и оператора персональных данных 238 **About the author of the publication and the operator of personal data**

К юбилею видного отечественного правоведа профессора В. М. Баранова

Баранов Владимир Михайлович родился 6 августа 1945 г. Это великий ученый, общественный деятель, наставник и просто хороший человек, который добился успехов в жизни своим упорным трудом и интересом к науке. Он родился в Калининской (ныне Тверской) области. После окончания средней школы с ноября 1964 г. по октябрь 1967 г. служил в Советской Армии. С сентября 1968 г. по июль 1972 г. В. М. Баранов учился на дневном отделении Саратовского юридического института им. Д. И. Курского (сейчас Саратовская государственная академия права). С отличием завершив учебу в институте, был рекомендован для дальнейшего обучения в очной аспирантуре. В 1975 г. досрочно защитил кандидатскую диссертацию по общей теории права на тему «Поощрительные нормы советского права».

С 1975 по 1981 г. работал на должностях преподавателя, старшего преподавателя, доцента кафедры теории государства и права Саратовского юридического института.

С июля 1981 г. и по настоящее время трудится в Нижегородской академии МВД России. Начинал с должности доцента, а затем возглавлял кафедру государственно-правовых дисциплин. С октября 2000 г. по 26 июля 2007 г. работал заместителем начальника Нижегородской академии МВД России по научной работе. По достижении предельного возраста службы в МВД России вышел в отставку и ныне занимает должность помощника начальника академии по инновационному развитию научной деятельности. Полковник милиции в отставке.

В 1990 г. в Академии управления МВД СССР В. М. Баранов защитил докторскую диссертацию на тему «Истинность норм советского права (проблемы теории и практики)».

В сентябре 1991 г. В. М. Баранову присвоено ученое звание профессора. 22 февраля 1996 г. он был избран действительным членом Петровской академии наук и искусств, 12 июня 1996 г. – действительным членом Российской академии естественных наук; 15 сентября 2004 г. – действительным членом Российской академии юридических наук; 8 февраля 2008 г. – почетным профессором Нижегородской академии МВД России.

В. М. Баранов получил широкую известность как ученый-правовед, исследующий не только актуальные проблемы теории, практики и техники правотворчества, логики права, истинности, ценности и эффективности юридических норм. Он внес значительный вклад в анализ системы и систематизации законодательства, рекламного законодательства, теневого права, экстерриториального пространства права, критики законодательства, в теорию и практику юридических рекомендаций.

Им опубликовано 543 научно-методические работы объемом 1487,27 печ. л.

Особенность научно-исследовательской манеры В. М. Баранова – в нетрадиционной постановке вопросов, выявлении таких аспектов, которые часто скрыты от глаз, в использовании многообразных методов познания и привлечении огромного статистического, нормативного, архивного, мемуарного и иного материала. Вот почему авторитет В. М. Баранова в науке является безукоризненным.

Научно-методические работы В. М. Баранова получили многочисленные положительные отзывы российских и зарубежных юристов. Он является ответственным редактором многих межвузовских научных сборников, организатором проведения актуальных научно-практических конференций и круглых столов журналов «Государство и право», «Правоведение», международных симпозиумов по линии Совета Европы.

При научном консультировании В. М. Баранова 10 человек защитили докторские диссертации: по специальности 12.00.01 (теория и история права и государства; история учений о праве и государстве) – Сенякин И. Н., Пономарев Е. Г., Сорокина Ю. В., Бриль Г. Г., Демичев А. А., Толстик В. А., Пшеничнов М. А., Хужин А. М., Макарейко Н. В. и по специальности 12.00.09 (уголовный процесс, криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность) – Александров А. С.

Профессор В. М. Баранов являлся научным руководителем по 87 кандидатским диссертациям, которые посвящены наиболее актуальным проблемам юридической теории и практики (правотворческие, правоприменительные, интерпретационные ошибки, правоприменительный риск, правовые символы, юридические фикции, преюдиции в праве, правовой нигилизм, правовое чувство, правовое состояние, образовательная функция Российского государства, правовая позиция, институционализация федеральных округов, юридическое поощрение, государственное депоощрение, примечания в праве, отсылки в праве, законодательные исключения, преамбула в праве, правила игры и законодательство, экстерриториальность права).

Научную работу В. М. Баранов осуществляет в неразрывной связи с юридической практикой. Он неоднократно участвовал в подготовке проектов нормативных правовых документов и предложений по совершенствованию законодательства и учебно-воспитательного процесса в специализированных вузах; принимал активное участие в подготовке экспертных заключений по президентскому проекту Конституции Российской Федерации, по уставам Нижегородской области и г. Нижнего Новгорода; являлся членом Экспертного совета МВД России, председателем Нижегородского отделения общественного центра «Правовая экспертиза» при Академии естественных наук Российской Федерации. В соавторстве с ведущими специалистами Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации им подготовлены и изданы в Нижнем Новгороде в 2000 г. Рекомендации по подготовке и оформлению проектов федеральных законов.

В. М. Баранов 27 лет является председателем докторского диссертационного совета при Нижегородской академии МВД России. Более 10 лет выполнял обязанности члена докторских диссертационных советов при Национальном исследовательском университете «Высшая школа экономики», при Владимирском юридическом институте ФСИН России, при Санкт-Петербургском университете МВД России.

Профессор В. М. Баранов выполняет обязанности главного редактора журнала «Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России» (индексируется в международной реферативной базе данных Web of Science и включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий). Возглавляет редколлегию ежегодника «Юридическая техника». Он член редакционных коллегий многих научных журналов, таких как: «Актуальные проблемы правоведения» (Самара), «Философия права» (Ро-

стов-на-Дону), «Юридическая мысль» (Волгоград), «Вестник Уфимского юридического института МВД России» (Уфа), «Вестник Саратовской государственной юридической академии» (Саратов), «Юридическая наука и правоохранительная практика» (Тюмень), «Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки» (Тольятти), «Вопросы российского и международного права» (Ногинск), «Юридическое образование и наука» (Москва), «Вестник Владимирского юридического института» (Владимир).

В. М. Баранов – преподаватель высшей квалификации. Он творчески ведет занятия со слушателями и курсантами дневного и заочного факультетов академии. Его лекции отличаются новизной мышления, тесной связью с происходящими в стране общественно-политическими процессами и практикой деятельности юрисдикционных органов.

Профессор В. М. Баранов – соавтор нескольких учебников и учебных пособий по теории государства и права. Одним из первых «перестроечных» учебников нового поколения стал курс лекций «Общая теория права» (Н. Новгород, 1993) под редакцией профессора В. К. Бабаева, где авторский коллектив аргументированно выдвинул идею о «включении» материала теории государства в политологию. Под редакцией профессора В. М. Баранова в 2015 г. опубликован учебник «Юридическая техника», получивший гриф МВД России. В 2016 г. московским издательством «Юрайт» выпущен в свет двухтомный учебник «Юридическая техника».

Профессор В. М. Баранов значительное внимание уделяет научно-исследовательской работе с курсантами, слушателями, студентами. Многие его ученики стали обладателями дипломов на межвузовских и всероссийских конкурсах студенческих работ.

В. М. Баранов активно занимается многообразной общественной деятельностью. Работал в экспертной группе Комиссии по вопросам привилегий и льгот Верховного Совета СССР, являлся экспертом Правового управления Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. В 2001 г. был руководителем согласительной комиссии по приведению в соответствие нормативно-правовых актов республик Татарстан и Башкортостан с федеральным законодательством, выполнял обязанности члена Научно-гуманитарного совета МВД России, руководил филиалом Ассоциации юристов России по Нижегородской области.

В 2006 г. организовал и возглавил в качестве президента Нижегородский исследовательский научно-прикладной центр «Юридическая техника».

В 2010–2011 гг. выполнял обязанности члена Экспертного совета ВАК Минобрнауки России по праву. На основании распоряжения Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки от 23 июня 2011 г. № 142-07 аккредитован экспертом в сфере образования при проведении мероприятий: по государственному надзору за соблюдением законодательства Российской Федерации об образовании; контролю за соблюдением лицензионных требований и условий; государственному контролю качества образования.

С сентября 2009 г. по настоящее время – заместитель председателя научно-консультативного совета при Законодательном собрании Нижегородской области.

В. М. Баранов является членом экзаменационной комиссии Нижегородской области по приему квалификационного экзамена на должность судьи.

В соответствии с протокольным решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по противодействию коррупции от 25 сентября 2012 г. № 34 включен в состав Междисциплинарного совета по координации научного и учебно-методического обеспечения противодействия коррупции.

Согласно распоряжению Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации от 27 февраля 2017 г. № 15 выполняет обязанности члена Экспертного совета при этом правозащитном институте.

В. М. Баранов систематически читает лекции по политико-правовой тематике перед населением Нижегородской области, практическими работниками органов внутренних дел. В центральных и местных газетах им опубликовано более 80 статей по проблемам формирования правового государства, повышения юридической культуры граждан и должностных лиц, реформирования юридического образования. В июле 1990 г. награжден Почетной грамотой правления общества «Знание» Российской Федерации.

В. М. Баранов является обладателем многочисленных государственных и ведомственных наград и почетных званий. Среди них: почетные звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», «Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации», орден «За заслуги перед Отечеством» II степени, орден Почета, медаль «За доблесть в службе», медалью Анатолия Кони, поощрен наградным оружием – пистолетом Макарова.

Помимо этого, профессор В. М. Баранова неоднократно был отмечен общественными организациями за огромный вклад в науку, за активную деятельность в области научных исследований.

Так, в 2012 г. Нижегородским отделением общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России» признан лауреатом первой региональной юридической премии «Юрист года» в номинации «За вклад в юридическую науку»;

– 5 апреля 2018 г. общероссийской общественной организацией «Российское профессорское собрание» отмечен национальной премией «Профессор года»;

– 1 ноября 2018 г. за цикл работ по технике правотворчества, опубликованных московским издательством «Проспект», отмечен дипломом I степени победителя Международного конкурса на лучшую научную книгу;

– в 2018 г. В. М. Баранову присуждена высшая юридическая премия «Фемида» в номинации «За вклад в развитие науки» с вручением диплома премии и знака ее отличия – статуэтки богини правосудия Фемиды, изготовленной по эскизу известного российского скульптора Михаила Переяславца.

В. М. Баранов активно сотрудничает с многими образовательными и научными организациями России и зарубежных стран. В этом ряду особое место занимает Владимирский юридический институт ФСИН России. Благодаря энергии и авторитету В. М. Баранова в 2004 г. в этом институте был открыт и многие годы функционировал диссертационный совет. При непосредственном участии и под руководством профессора В. М. Баранова были защищены кандидатские и докторские диссертации 52 сотрудниками ФСИН России, которые ныне осуществляют свою научную и преподавательскую деятельность в образовательных и научных организациях ФСИН России. В. М. Баранов является почетным профессором Владимирского юридического института ФСИН России, продолжая и по сей день плодотворно сотрудничать с учеными института, обмениваясь наиболее актуальными идеями по разрешению проблем современной теории права, осуществляя научное консультирование преподавателей и курсантов института.

В этот 2020 г. – год 75-летия Великой Победы нашего народа в Великой Отечественной войне профессор В. М. Баранов – ровесник этой Победы отмечает свой 75-летний юбилей.

Коллектив Владимирского юридического института ФСИН России
поздравляет профессора В. М. Баранова с Днем рождения
и желает счастья, здоровья, успехов и дальнейшего научного сотрудничества!

НАУЧНО-ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

SCIENTIFIC AND APPLIED ASPECTS OF IMPROVING INSTITUTIONS AND BODIES OF THE PENAL SYSTEM

УДК 343.8:17

О. Н. Семёнова[1, 2]
С. Н. Ушаков[2]
М. А. Бородкин[1]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*
[2] *Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация*

O. N. Semenova[1, 2]
S. N. Ushakov[2]
M. A. Borodkin[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*
[2] *Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation*

Международно-правовое регулирование и виды профессиональной этики работников, проходящих службу в уголовно-исполнительной системе

International legal regulation and types of professional ethics of employees serving in the penal system

Ключевые слова: профессиональная этика; уголовно-исполнительная система; международные стандарты; работники УИС; имплементация; правовой статус; международные правительственные организации.

Аннотация. Нравственные качества работника уголовно-исполнительной системы являются одной из основных составляющих его профессиональной пригодности. Этические требования нашли свое отражение не только в российском законодательстве, но и в международном, в такой форме документов, как рекомендации. Особенностью последних является то, что они не имеют прямого действия на территории страны, не подлежат обязательному переводу на русский язык и официальному опубликованию, в связи с чем нередко оказываются вне поле зрения законодателя и правоприменителя. Учитывая важность тематики, авторы предприняли попытку систематизировать накопленный международный нормативный материал в данной области, осуществив классификацию профессиональной этики работников пенитенциарных учреждений.

Key words: professional ethics; the penal system; international standards; employees of the penal system; implementation; legal status; international government organizations.

Abstract. Moral qualities of the penal system employee are one of the leading elements of his professional fitness. Ethical requirements are reflected not only in the Russian legislation, but also internationally, in such a form of documents as recommendations. The peculiarity of the latter is that they do not have a direct effect in the country, not subject to mandatory translation into Russian and official publication, in connection with which they are often out of the field of view of the legislator and law enforcement officer. Taking into account the importance of the topic, the authors of the article have attempted to systematize the accumulated international normative material in this area by classifying professional ethics of penal institutions employees.

Профессиональная этика государственных служащих не раз становилась предметом научного осмысления. Каждый ученый с позиции собственного видения, а также отрасли знания, в которой специализируется, старался внести свой вклад в изучение этого вопроса. Наиболее показательными и методологически важными для настоящего исследования являются следующие позиции ученых.

Так, А. В. Мяготин, рассуждая о значимости нравственных начал в деятельности государства, приходит к выводу, что государство неминуемо распадется, погибнет, если будет подвержено разложению нравов и станет существовать вне нравственных принципов и ценностей, что подтверждено историей многих народов и стран [Мяготин 2010]. В этой связи особую актуальность приобретает вопрос, связанный с профессиональной этикой работников – государственных служащих, поскольку несение государственной службы, по заключе-

© Семёнова О. Н., Ушаков С. Н., Бородкин М. А., 2020

нию Т. М. Садкиной, является выражением особого доверия со стороны общества и государства. Это обусловливает предъявление высоких требований к нравственности, этике и моральному облику государственных служащих [Садкина 2017, с. 264].

Однако регламентирование профессионального общения государственных служащих, на наш взгляд, продиктовано не только этим обстоятельством. Согласимся с мнением Т. В. Мишаткиной о том, что необходимость регламентирования профессионального общения государственных служащих обусловлена нарушением равенства сторон – субъект-субъектностью их отношений, что ни в коей мере не должно рассматриваться как унижение. Такое нарушение предусматривается особыми условиями взаимодействия сторон – зависимость других людей от действий специалиста. Из этого вытекает необходимость возникновения и существования специальных этических кодексов, предписаний и «правил поведения» специалиста в условиях неравенства [Мишаткина 2008, с. 166], конечная цель которых всегда состоит в том, чтобы публичные должностные лица знали границы приемлемого поведения и чтобы их работа способствовала обеспечению эффективности институтов и доверия общественности к этим институтам[1]. Одновременное действие моральных и правовых норм обладает наибольшим положительным социальным эффектом: они дополняют друг друга как способы и средства достижения гармонизации личных и групповых отношений [Борисова 2019, с. 224].

Таким образом, общество рассматривает нравственные качества государственного служащего как один из ведущих элементов его профессиональной пригодности. Однако государственная служба включает в себя несколько видов, каждый из которых, безусловно, с одной стороны, характеризуется общими нравственными требованиями, предъявляемыми к облику его работников как государственных служащих, с другой стороны – специальными, обусловленными спецификой и характером решаемых задач в профессиональной деятельности. По этой причине В. П. Халиулина полагает, что общеморальные нормы должны быть особым образом конкретизированы в трудовой деятельности с учетом специфики труда, структуры моральных отношений, характерных для этого типа профессий [Халиулина 2004, с. 46–47].

Служба в уголовно-исполнительной системе (далее: УИС) является разновидностью федеральной государственной службы. Задачи и цель, стоящие перед отечественным уголовно-исполнительным законодательством, определены в ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации. К задачам относятся: регулирование порядка и условий исполнения и отбывания наказаний; определение средств исправления осужденных; охрана прав, свобод и законных интересов осужденных; оказание осужденным помощи в социальной адаптации. Целью являются исправление осужденных и превенция (частная и общая).

На наш взгляд, цель и задачи, стоящие перед уголовно-исполнительным законодательством, которые должны решить работники УИС, обусловливают необходимость разработки нравственных требований, предъявляемых к их личности. Работник УИС во многих случаях вынужден действовать в соответствии со своими представлениями о добре и зле, справедливости и долге, т. е. руководствоваться нормами профессиональной этики [Тимофеева 2017, с. 128]. В последнем случае важна профессиональная подготовка, которую, по мнению М. Г. Свирина, следует рассматривать в качестве элемента более широкого процесса – процесса их профессиональной социализации, когда работники осваивают и воспринимают профессиональный этос, систему ценностей, этику и стандарты поведения. Профессиональное образование, тренинги, повышение квалификации, наблюдения за моделями поведения старших сотрудников являются средствами профессиональной социализации [Свирин 2019, с. 188].

В этой связи не случайно, полагаем, в международных документах, регламентирующих вопросы исполнения наказаний, связанных с лишением свободы и без изоляции от общества, отмечается, что именно профессионализм является корнем понимания и этического применения всей совокупности специальных знаний, а также развития этих знаний и профессиональных навыков. Для этого штатный персонал, ответственный за исполнение наказаний, должен пройти соответствующую подготовку и получить сведения, которые позволили бы ему реально воспринимать всю специфику своей сферы деятельности, свои практические обязанности и этические требования к выполняемой работе (п. 39 Рекомендации № R (97) 12 Комитета министров Совета Европы «О персонале, занимающемся осуществлением санкций и мер»)[2].

Однако, согласно известному высказыванию Б. Паскаля, случайные открытия делают только подготовленные умы. Согласимся с мнением А. В. Мяготина о том, что вести себя правильно (тактично, корректно, вежливо) можно и под страхом наказа-

[1] Предупреждение возникновения и урегулирование коллизии интересов (пункт 4 статьи 7 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции) : справочный документ, подготовленный Секретариатом в рамках Конференции государств – участников Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции (Вена, 5–7 сентября 2018 г.). URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/V18/041/24/pdf/V1804124.pdf?OpenElement (дата обращения: 02.01.2020).

[2] Совет Европы и Россия : сб. док. М. : Юрид. лит., 2004. С. 635–646.

ния. В таком случае речь о морали идти не может [Мяготин 2010]. Именно поэтому в дополнение к требуемому уровню образовательной подготовки, коммуникабельности и подходящему квалификационному опыту согласно европейским правилам перед приемом на службу нужно обращать внимание на следующее: кандидаты должны быть гибкой и стабильной личностью, явно подходить работе, которую они ищут, иметь качества, необходимые для формирования хороших человеческих взаимоотношений, и обладать стремлением к учебе (п. 7 Рекомендации № R (97) 12 Комитета министров Совета Европы «О персонале, занимающемся осуществлением санкций и мер»). Сосредоточение внимания на морально-психологических качествах будущего сотрудника при подборе кандидатов на службу позволит впоследствии избежать принятия на службу не соответствующего предъявляемым требованиям человека [Борисова, Малетина 2019, с. 199].

Из изложенного выше следует, что профессиональная этика работников УИС регламентирована не только нормами российского законодательства. Российская Федерация как член прежде всего Организации Объединенных Наций (далее: ООН), Совета Европы последовательно исполняет добровольно принятые на себя международные обязательства, свидетельством чего является имплементация международных стандартов в отечественное законодательство и практику его применения. Безусловно, подписанные и ратифицированные договоры в области прав человека имеют прямое действие на территории нашего государства, а это свидетельствует о том, что для их внедрения в российскую действительность не требуется сначала совершенствовать отечественное законодательство. Однако требования, предъявляемые к нравственности, этике и моральному облику работников пенитенциарных учреждений, получили отражение в такой правовой форме международного сотрудничества, как рекомендации международных правительственных организаций, сущность которых качественным образом отличается от международных договоров: их реализация также является обязательной для России, но, в отличие от международных договоров, они не имеют прямого действия на территории страны (т. е. подлежат применению только после внесения изменений во внутреннее законодательство страны); государству предоставляется отсрочка в их исполнении, исходя из наличия (отсутствия) экономических и административных ресурсов [Халак 2016, с. 162]. Особенностью последних является также то, что они не подлежат обязательному переводу на русский язык и официальному опубликованию, в связи с чем нередко оказываются вне поле зрения законодателя и правоприменителя.

С учетом вышеизложенного для имплементации («лучших практик» в первую очередь) международных стандартов в области профессиональной этики пенитенциарных работников в российскую действительность, а также выявления пробелов в отечественном правовом регулировании в рассматриваемой сфере важно изначально упорядочить имеющийся международный нормативный материал по данному вопросу, в дальнейшем подвергнув его изучению.

Классификация тех или иных предметов и явлений, по мнению С. С. Алексеева, имеет значимость не только первичной обработки и упорядочения соответствующего материала, но выполняет и другие сложные функции: «…она позволяет вовлечь в поле зрения исследователя весь объем классифицируемого материала, охватить большой диапазон изучаемых объектов и, следовательно, избежать односторонности их научной интерпретации, главное – классификация дает возможность при определении ее критериев выявить новые ее черты, качественные особенности данных предметов и явлений» [Алексеев 1987, с. 16].

Проведенный нами анализ международных документов, регламентирующих профессиональную этику работников пенитенциарных учреждений, научной литературы по этому вопросу позволил классифицировать ее по различным основаниям.

1. В зависимости от вида исполняемого уголовного наказания следует выделять профессиональную этику работников, проходящих службу в учреждении, исполняющем уголовное наказание в виде лишения свободы (профессиональная этика тюремного персонала) и без изоляции от общества (профессиональная этика персонала службы пробации) [Нарышкина, Халак 2016, с. 89].

Этические нормы, которым нужно следовать тюремному персоналу, получили отражение прежде всего в Минимальных стандартных правилах ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Манделы) 2015 г.[1], Европейских пенитенциарных правилах 2006 г.[2], Европейском кодексе этики для работников пенитенциарной системы 2012 г. (далее: ЕКЭР)[3] и др.

Этические нормы, которым нужно следовать персоналу службы пробации, содержатся: в Стандартных минимальных правилах ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключени-

[1] Правила Манделы. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении обращения с заключенными / сост. А. П. Букалов. Харьков : Изд-во права человека, 2015. 40 с.

[2] Сборник конвенций, рекомендаций и резолюций, касающихся пенитенциарных вопросов. Рязань : Акад. ФСИН России, 2008. С. 58–96.

[3] Рекомендация № CM/Rec(2012)5 Комитета министров Совета Европы : [принята 12 апр. 2012 г. на 1140-м заседании заместителей министров]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ем, (Токийские правила) 1990 г.[1], Европейских правилах исполнения наказаний и иных мер без изоляции правонарушителей от общества 1992 г. (далее: ЕПИН)[2], Правилах Совета Европы о пробации 2010 г.[3] и др.

2. В зависимости от того, в отношении какой категории заключенных надо исполнять уголовное наказание или меру пресечения, следует выделять профессиональную этику работников, исполняющих санкцию в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Эти категории можно еще более детально подвергнуть исследованию и выделить среди них несовершеннолетних, женщин, родителей, женщин, имеющих при себе малолетних детей, и др. Этические нормы, регламентирующие деятельность по исполнению меры государственного принуждения в отношении указанных категорий осужденных, подозреваемых или обвиняемых, получили отражение: в Минимальных стандартных правилах ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, (Пекинские правила) 1985 г.[4], Правилах ООН, касающихся обращения с женщинами-заключенными и мер наказания для женщин-правонарушителей, не связанных с лишением свободы, (Бангкокские правила) 2010 г.[5] и др.

3. В зависимости от занимаемой должности в профессиональной этике работников УИС можно выделить этику отношений по вертикали – руководителя и подчиненного и по горизонтали – этику сотрудников конкретных специальностей одной профессии [Тимофеева 2017, с. 127].

Приведем несколько примеров.

В п. 4 ЕКЭР указано, что тюремный персонал на всех уровнях несет личную ответственность за свои собственные действия, бездействие или приказы подчиненным и их последствия (профессиональная этика руководителя в общении с подчиненными). Тюремный персонал в свою очередь всегда должен проверять заранее законность своих предполагаемых действий. Кроме того, тюремный персонал выполняет все законные инструкции, изданные должным образом их вышестоящими органами, но они обязаны воздерживаться от выполнения инструкций, которые серьезно и очевидно нарушают законодательство, и сообщать о таких инструкциях без страха наложения санкций (п. 9 ЕКЭР).

При исполнении наказаний без изоляции от общества должна быть создана обстановка, при которой руководители советуются с персоналом по вопросам, касающимся профессиональной деятельности и условий работы. Соответствующая обязанность возлагается на руководителя службы (п. 32 Правил Совета Европы о пробации).

При профессиональном общении с коллегами персонал, исполняющий наказания, связанные и не связанные с изоляцией правонарушителя от общества, не должен критиковать своих коллег в присутствии спецконтингента или кого-либо из их семей или знакомых (п. 8 Европейских руководящих принципов для национальных этических руководящих принципов для персонала, занимающегося осуществлением санкций и мер (далее: ЕРЭП)[6]. Тюремный персонал, в частности, должен: всегда обращаться к коллегам вежливо и с уважением (п. 14 ЕКЭР); полностью учитывать потребность борьбы с расизмом и ксенофобией, а также содействовать гендерному восприятию и предотвращать сексуальные домогательства во всех формах в отношении другого персонала (п. 24 ЕКЭР); содействовать продвижению духа сотрудничества, поддержки, взаимного доверия и понимания между коллегами (п. 30 ЕКЭР).

Полагаем, приведенная классификация отражает не все аспекты профессионального общения работников УИС, поскольку последние общаются не только между собой, с руководителем, заключенными, но и с родственниками и близкими людьми подозреваемых, обвиняемых и осужденных, иными гражданами (представителями общественности), общественными организациями, местными властями, представителями контрольных и надзирающих органов, средствами массовой информации.

Приведем несколько примеров.

Так, профессиональное общение работников пенитенциарных учреждений с членами семей заключенных должно основываться на следующих этических правилах. Тюремный персонал должен сохра-

---

[1] Международное сотрудничество в области прав человека. Документы и материалы / сост. В. Н. Бавpин [и др.]. М. : Междунар. отношения, 1993. Вып. 2. С. 518–523.

[2] Рекомендация № R (92)16 Комитета министров Совета Европы : [принята Ком. министров 19 окт. 1992 г. на 482-м заседании постоян. представителей министров] // Сборник документов по предотвращению перенаселенности тюрем. URL: http://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806ab9ac (дата обращения: 20.01.2020).

[3] Рекомендация № Rec(2010) 1 Комитета министров государствам-членам : [принята Ком. министров 20 янв. 2000 г. на 105-м заседании заместителей министров] // Сборник документов по предотвращению перенаселенности тюрем. URL: http://rm.coe.int/CoERMPublicCommonSearchServices/DisplayDCTMContent?documentId=09000016806ab9ac (дата обращения: 20.01.2020).

[4] Сборник стандартов и норм Организации Объединенных Наций в области предупреждения преступности и уголовного правосудия. Нью-Йорк : Изд-во ООН, 1992. С. 49–74.

[5] URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bangkok_rules.shtml (дата обращения: 20.01.2020).

[6] Рекомендация № R (97) 12 Комитета министров Совета Европы // Совет Европы и Россия : сб. док. М. : Юрид. лит., 2004. С. 635–646.

нять положительные профессиональные отношения с заключенными и членами их семей (п. 6 ЕКЭР). В процессе применения не связанных с тюремным заключением мер уважается право правонарушителя на личную жизнь, а также право на личную жизнь семьи правонарушителя (п. 3.11 Токийских правил). Сотрудники персонала тюремной службы и службы пробации не должны испытывать колебаний, предпринимая соответствующие действия, касающиеся каких бы то ни было сомнительных отношений с преступниками и их семьями (п. 19 ЕРЭП).

Тюремный персонал должен: сотрудничать надлежащим образом с соответствующими учреждениями системы уголовного правосудия, включая службы пробации, если они существуют (п. 3 ЕКЭР); содействовать сотрудничеству с правительственными и неправительственными организациями и общественными группами, решающими вопросы, которые связаны с благополучием заключенных (п. 29 ЕКЭР); всегда вежливо и с уважением обращаться не только с заключенными и коллегами, но и с иными лицами, находящимися в тюрьме (п. 14 ЕКЭР).

Использование частных лиц (представителей общественности) персоналом, занимающимся исполнением наказаний и иных мер без изоляции от общества, не должно подменять собой их работу, выполнять которую требуется штатному профессионально подготовленному персоналу (правило 49 ЕПИН). Привлекаемым организациям и частным лицам, представляющим общественность, следует давать подписку о неразглашении профессиональной тайны (правило 52 ЕПИН).

В том случае, когда персоналу учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы или без изоляции от общества, требуется направить уполномоченным субъектам информацию, касающуюся правонарушителя, на них лежит этическое обязательство обеспечить объективность, искренность и полноту этой информации, в частности, если информация касается какой-либо противозаконной деятельности преступника (п. 16 ЕРЭП).

Учреждения УИС, обеспечивающие исполнение наказания в виде лишения свободы, нередко становятся объектом проверки со стороны европейского квазисудебного контрольного органа – Европейского комитета по предупреждению пыток. В международном договоре, который регламентирует деятельность последнего, закреплено, что международный контрольный орган вправе получать от государства информацию, которая необходима ему для выполнения задач. При этом в поисках такой информации международный контрольный орган соблюдает применимые нормы национального права и профессиональной этики (ч. 2 ст. 8 Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания 1987 г.[1]).

При взаимодействии со средствами массовой информации работникам тюремной службы и службы пробации требуется обеспечить соблюдение следующих правил: 1) законность взаимодействия в соответствии с отечественным законодательством, политикой или предписаниями (иными словами, не все работники пенитенциарных учреждений вправе делать публичные заявления); 2) честность, объективность и искренность при взаимодействии (п. 10 ЕРЭП).

Таким образом, в правовой системе ООН и Совета Европы мы не найдем правовых актов, непосредственно регламентирующих общение работников с указанными нами субъектами. Эти нормы получили свое законодательное закрепление в документах, регламентирующих исполнение наказаний, связанных с лишением свободы и без изоляции от общества, а также в отношении определенных категорий заключенных.

Несмотря на это, общение работников пенитенциарных учреждений с родственниками и близкими людьми подозреваемых, обвиняемых и осужденных, иными гражданами (представителями общественности), общественными организациями, представителями контрольных и надзирающих органов, средствами массовой информации, местными властями должно выступать в качестве самостоятельного объекта научного осмысления по следующим причинам. Общение работников пенитенциарных учреждений с указанными категориями граждан и должностных лиц не носит единичный характер в профессиональной деятельности. Кроме того, они обладают свойственными только им социальными, профессиональными, криминологическими и другими характеристиками, а также имеют свои притязания к работнику как представителю органа или учреждения УИС. Наконец, по общению конкретных работников пенитенциарных учреждений с этими категориями граждан и должностных лиц в первую очередь (а не по общению между собой и с руководством) определяется моральный облик работника пенитенциарного учреждения в целом. Очевидно, что такое общение должно подлежать регламентированию на уровне не только моральных, но и правовых норм, свидетельством чего является законодательное закрепление данных вопросов международными правительственными организациями.

Итак, УИС является одной из разновидностей федеральной государственной службы. В связи с этим к ее работникам как представителям государства предъявляются высокие требования, касающиеся

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 36, ст. 4465.

их нравственности, этики и морального облика. Работник УИС во многих случаях вынужден действовать в соответствии со своими представлениями о добре и зле, справедливости и долге, т. е. руководствоваться нормами профессиональной этики. Однако профессиональная этика работников УИС – это набор нормативно закрепленных правил, выполнять которые требуется не под страхом наказания, а по собственному убеждению, сквозь призму понимания своего профессионального статуса и смысла профессиональной деятельности, ее этических норм и принципов. Отдельно, на наш взгляд, в зависимости от круга общения, следует рассматривать профессиональное общение с подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, а также с их родственниками и иными близкими людьми, частными лицами (представителями общественности), общественными организациями, представителями контрольных и надзирающих органов, средствами массовой информации, местными властями, каждый из которых обладает свойственными только им социальными, профессиональными, криминологическими и другими характеристиками, а также имеет свои притязания к работнику как представителю органа или учреждения УИС.

Предлагаемое нами основание для классификации профессиональной этики позволит вовлечь в поле зрение международный нормативный материал, выявить дефекты в отечественном законодательстве и устранить их, тем самым выполнить добровольно принятые на себя страной международные обязательства. В этой связи перед отечественной наукой законодателем поставлена важная задача по дальнейшей разработке этических норм работников УИС с учетом требований международных стандартов. При этом государствам – членам международной организации предоставлено право адаптировать стандарты в соответствии с внутренней правовой системой, с учетом политических, экономических, социальных и культурных условий и традиций каждой страны, ее национальных особенностей. В дальнейшем не исключено, что после апробации в стране «адаптированных» с учетом российской действительности международных стандартов они могут быть изменены (усовершенствованы) в рекомендациях международных правозащитных организаций, которые, как известно, разрабатываются и впоследствии видоизменяются после изучения передового опыта, лучших практик стран – членов организаций.

Список цитируемых источников

Алексеев 1987 – *Алексеев С. С.* Правовые средства: постановка проблема, понятие, классификация // Советское государство и право. 1987. № 6. С. 12–19.

Борисова 2019 – *Борисова Д. П.* Соотношение понятий «право» и «нравственность» // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Вып. 3. М. : ФКУ НИИ ФСИН России, 2019. С. 221–225.

Борисова, Малетина 2019 – *Борисова Д. П., Малетина Е. А.* Профессиональная подготовка сотрудников пенитенциарных учреждений в Российской Федерации и зарубежных странах // Научные труды ФКУ НИИ ФСИН России. Вып. 4. М. : ФКУ НИИ ФСИН России, 2019. С. 199–203.

Мишаткина 2003 – *Мишаткина Т. В.* Этика. Экспресс-курс. Минск : Новое знание, 2008. 192 с.

Мяготин 2010 – *Мяготин А. В.* Профессиональная этика государственного служащего: современные ракурсы // Социально-гуманитарные знания. 2010. № 1. С. 121–129.

Нарышкина, Халак 2016 – *Нарышкина Н. И., Халак О. Н.* Международные стандарты при исполнении уголовных наказаний : учеб. пособие. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2016. 143 с.

Садкина 2017 – *Садкина Т. М.* Роль профессиональной этики в формировании профессиональной культуры государственных служащих в России // Современное общество и власть. 2017. № 2(12). С. 264–268.

Свирин 2019 – *Свирин М. Г.* Формирование навыков соблюдения норм профессиональной этики в процессе профессиональной социализации государственных служащих // V Международные педагогические чтения, посвященные памяти профессора С. И. Злобина / сост. Н. А. Санников. Пермь : Перм. ин-т ФСИН России, 2019. С. 177–182.

Тимофеева 2017 – *Тимофеева Е. А.* Профессиональная этика сотрудников уголовно-исполнительной системы как фактор, способствующий профилактике их профессиональной деформации // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». Рязань : Акад. ФСИН России, 2017. С. 126–131.

Халак 2016 – *Халак О. Н.* Рекомендации международных организаций как источники уголовно-исполнительного законодательства // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики / отв. ред. А. Г. Антонов. Новокузнецк : Кузбас. ин-т ФСИН России, 2016. С. 161–163.

Халиулина 2004 – *Халиулина В. П.* Профессиональная этика юриста : учеб. пособие. М. : Изд-во РУДН, 2004. 161 с.

References

Alekseev, S. S. (1987), "Legal means: statement of the problem, concept, classification", *Sovetskoe gosudarstvo i parvo,* no. 6, pp. 12–19.

Borisova, D. P. "Correlation of the concepts of "law" and "morality", *Nauchnye trudy FKU NII FSIN Rossii, vyp. 3* [Scientific works of the PKU Research Institute of FPS of Russia, iss. 3], FKU NII FSIN Rossii, Moscow, Russia, pp. 221–225.

Borisova, D. P. and Maletina, E. A. (2019), "Professional training of prison staff in the Russian Federation and foreign countries", *Nauchnye trudy FKU NII FSIN Rossii, vyp. 4* [Scientific works of the PKU Research Institute of FPS of Russia, iss. 4], FKU NII FSIN Rossii, Moscow, Russia, pp. 199–133.

Khalak, O. N. (2016), "Recommendations of international organizations as sources of criminal executive legislation", *Ugolovno-ispolnitel 'naya sistema segodnya: vzaimodeistvie nauki i praktiki* [Penal system today: interaction of science and practice], Kuzbasskii institut FSIN Rossii, Novokuznetsk, Russia, pp. 161–163.

Khaliulina, V. P. (2004), *Professional 'naya etika yurista* [Lawyer professional ethics], Izdatel 'stvo RUDN, Moscow, Russia.

Mishatkina, T. V. (2008), *Etika. Ekspress-kurs* [Ethics. Express course], Novoe znanie, Minsk, Belarus.

Myagotin, A. V. (2010), "Civil servant professional ethics: modern perspectives", *Sotsial 'no-gumanitarnye znaniya,* no. 1, pp. 121–129.

Naryshkina, N. I. and Khalak, O. N. (2016), *Mezhdunarodnye standarty pri ispolnenii ugolovnykh nakazanii* [International standards in the execution of criminal sentences], VYuI FSIN Rossii, Vladimir, Russia.

Sadkina, T. M. (2017), "The role of professional ethics in shaping the professional culture of civil servants in Russia", *Sovremennoe obshchestvo i vlast '*, no. 2(12), pp. 264–268.

Svirin, M. G. (2019), "Formation of skills for compliance with professional ethics in the process of professional socialization of civil servants", *V Mezhdunarodnye pedagogicheskie chteniya, posvyashchennye pamyati professora S. I. Zlobina* [V International pedagogical readings dedicated to the memory of Professor S. I. Zlobin], Permskii institut FSIN Rossii, Perm, Russia, pp. 177–182.

Timofeeva, E. A. (2017), "Professional ethics of employees of the penal system as a contributing factor to the prevention of professional deformation", *III Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie"* [III International penitentiary forum "Crime, penalty, correction"], Akademiya FSIN Rossii, Ryazan, Russia, pp. 126–131.

Информация об авторах

Семёнова Оксана Николаевна,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; mercury06@inbox.ru

Ушаков Сергей Николаевич,
кандидат юридических наук, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; ushakov13.03.2011@mail.ru

Бородкин Максим Алексеевич,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; maximborodkin@yandex.ru

Information about the authors

Semenova Oksana N.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; mercury06@inbox.ru

Ushakov Sergei N.,
PhD (law), Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; ushakov13.03.2011@mail.ru

Borodkin Maksim A.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; maximborodkin@yandex.ru

Для цитирования

Семёнова О. Н., Ушаков С. Н., Бородкин М. А. Международно-правовое регулирование и виды профессиональной этики работников, проходящих службу в уголовно-исполнительной системе // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 13–19.

For citation

Semenova, O. N., Ushakov, S. N. and Borodkin, M. A. (2020), "International legal regulation and types of professional ethics of employees serving in the penal system", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 13–19.

УДК 343.8

Т. А. Ткачук[1]
К. А. Ерина[2]
[1] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация

T. A. Tkachuk[1]
K. A. Erina[2]
[1] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation
[2] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation

Противодействие коррупции в уголовно-исполнительной системе России: возможность использования зарубежного опыта

Anti-corruption in the Russian penal system: the possibility of using foreign experience

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система; коррупция; коррупционные преступления; борьба с коррупцией; зарубежный опыт.

Аннотация. Авторы исследуют вопросы противодействия коррупции с учетом зарубежного опыта; детально анализируют основные направления борьбы с коррупцией в зависимости от политики государства. Особое внимание уделяют трем группам мер по противодействию коррупции. Делают вывод о необходимости использования указанных мер в борьбе с коррупцией в уголовно-исполнительной системе.

Key words: the penal system; corruption; corruption crimes; fight against corruption; foreign experience.

Abstract. The article discusses the fight against corruption, taking into account foreign experience; provide a detailed analysis of the main directions of fight against corruption, depending on the state policy. Special attention is paid to the three groups of counteraction measures. The conclusion about the need of using these measures in the fight against corruption in the penal system has been made.

Коррупция – это зло, с которым сталкиваются все государства мира. Справедливости ради надо сказать, что на современном этапе она из внутригосударственной проблемы превращается в проблему глобального масштаба. Можно с уверенностью утверждать, что, наряду с войнами и финансовыми кризисами, коррупция оказывает огромное негативное влияние на все мировое сообщество.

Масштабы, которые принимают коррупционные проявления в настоящее время, обусловливают: значительное число принимаемых управленческих решений, реформирование ведомств и отраслей власти; учреждение государственных структур; переориентирование деятельности правоохранительных структур; издание нормативных актов; разработку научных исследователей.

Исследованием уровня восприятия коррупции по всему миру занимается неправительственная международная организация «Transparency International». Согласно ее статистическим данным индекс восприятия коррупции (Corruption Perception Index, CPI) в Российской Федерации в 2019 г., как и в 2018 г., составил 28 баллов из 100, соответственно, Россия поднялась на одну позицию выше, заняв 137-е место из 180[1]. Столько же набрали Доминиканская Республика, Кения, Либерия, Ливан, Мавритания, Папуа – Новая Гвинея, Парагвай и Уганда. Среди стран СНГ и географических соседей России «Transparency International» отметила повышение показателей Армении с 35 до 42 баллов, а также Азербайджана, Казахстана, Узбекистана, Беларуси и Кыргызстана. Причем надо особо отметить, что с 2015 г. показатели индекса восприятия коррупции в России остаются стабильными (2015–2017 гг. – 29 баллов, 2018, 2019 гг. – 28 баллов).

Вполне естественно, что вопросы коррупции и борьбы с ней находятся в центре внимания многих государственных лидеров. И это не случайно, ибо коррупция «затрудняет функционирование государственного аппарата, замедляет экономические процессы и деформирует, иногда до неузнаваемости, политическую систему» [Мировой опыт 2018, с. 3].

Так, Президент Российской Федерации В. В. Путин отмечает, что, решая государственные задачи, необходимо постоянно совершенствовать,

[1] Россия в Индексе восприятия коррупции – 2019: 28 баллов и 137 место. URL: https://transparency.org.ru/research/v-rossii/rossiya-v-indekse-vospriyatiya-korruptsii-2019-28-ballov-i-137-mesto.html (дата обращения: 20.04.2020).

© Ткачук Т. А., Ерина К. А., 2020

улучшать следственную и правоприменительную практику, в том числе вести постоянную борьбу с криминалом и коррупцией[1].

Учитывая масштабность и транснациональный характер коррупционных преступлений, главы иностранных государств также уделяют повышенное внимание вопросам своевременного и эффективного противодействия коррупции. Например, Президент Республики Беларусь А. Г. Лукашенко в числе задач, стоящих перед силовыми ведомствами по борьбе с коррупцией, называет необходимость «заниматься преступлениями, которые наносят наибольший вред интересам государства и общества»[2].

В условиях «саботирования борьбы с должностными и коррупционными преступлениями» актуальным представляется заявление Президента Киргизской Республики А. Ш. Атамбаева, во-первых, об обязательности соблюдения «чистоты» правоохранительных структур, а во-вторых, о «претворении слов в реальную жизнь, очищении ведомств от коррупционеров»[3].

Таким образом, вопросы оптимизации и модернизации борьбы с коррупцией как с социально-правовым явлением, порождающим противоправные деяния, не теряют своей актуальности и значимости с течением времени, вне зависимости от формы государственного устройства, его месторасположения, занимаемой территории. А имплементация антикоррупционных инструментов в отдельные институты власти России возможна только на основании структурного их анализа по опыту зарубежных государств.

При этом анализ передового зарубежного опыта борьбы с коррупцией позволит:

– выявить перспективные направления превентивной уголовно-правовой политики;

– проанализировать возможность создания целевых министерств (ведомств, компаний, структур, учреждений), специализирующихся на противодействии коррупционным проявлениям и сочетающим возможность как выявления, так и раскрытия, расследования и профилактики указанных преступлений и правонарушений;

– повысить уровень прозрачности деятельности чиновников различных уровней, принятия мер по недопущению формирования устойчивых коррупционных связей;

– спроецировать возможность принятия прикладных антикоррупционных мер, направленных на борьбу с коррупцией в отдельных отраслях государственного устройства, в том числе и в отдельных ведомствах.

Очевидно, что противодействие коррупционным проявлениям в различных странах мира подразумевает меры организационно-распорядительного властного характера. Как правило, выделяют три основных направления этой деятельности:

1) пресечение коррупции;

2) своевременное выявление коррупционных фактов;

3) привлечение к ответственности и (или) вынесение справедливого наказания.

Рассмотрим более подробно каждое из этих направлений деятельности, учитывая опыт зарубежных стран.

1. Пресечение коррупции.

Превентивные меры по борьбе с коррупционными преступлениями могут носить нормативный, морально-этический, материальный характер. В частности, к ним относятся:

– материальное поощрение за своевременное сообщение о злоупотреблении должностными полномочиями и взяточничестве (Нидерланды) [Мировой опыт 2018, с. 6];

– высокая оплата труда чиновников государственного и местного аппарата (Япония, Сингапур) [Бочарников 2014; Мировой опыт 2018, с. 16];

– предоставление гражданам через средства массовой информации сведений о предъявлении обвинения лицу по факту совершения коррупционного преступления, с последующим предоставлением возможности гражданам осуществлять контроль и надзор за деятельностью чиновника (Япония) [Бочарников 2014];

– продвижение «культуры прозрачности», внедрение интернет-платформ, онлайн-ресурсов предоставления государственных и муниципальных услуг (Южная Корея) [Бочарников 2014], системы электронного управления (Армения) [Егиазарян 2012];

– закрепление антикоррупционных стандартов поведения, иных морально-этических норм и регуляторов на законодательном уровне (США) [Белёнова, Саклакова 2019; Бочарников 2014].

2. Своевременное выявление коррупционных фактов.

Выявление коррупционных преступлений может осуществляться правоохранительными структурами, учрежденными ведомствами, специально уполномоченными должностными лицами, гражданами государства, средствами массовой информации. Например, в этих целях в разных странах были созданы:

– учреждение служащих «сторонних наблюдателей», т. е. структур (подразделений), осуществляющих прием, разрешение жалоб (заявлений), проведение предварительного расследования по

[1] Путин поздравил сотрудников органов следствия с их праздником // Российская газета. 2019. 25 июля.

[2] Президент Беларуси поставил задачи силовым структурам // Российская газета. 2020. 25 февр.

[3] От убеждения – к конкретным мерам // Российская газета. 2020. 6 февр.

фактам совершения коррупционных правонарушений и преступлений (Комитет по стандартам (поведения) в общественной (государственной) жизни под председательством лорда Нолана и Управление жалобами в отношении действий сотрудников полиции в Министерстве внутренних дел в Англии, Бюро по расследованию случаев коррупции в Сингапуре) [Бочарников 2014; Шурыгин 2015];

– агентства, учреждаемые за счет средств федерального бюджета, но не входящие ни в одну государственную структуру, ветвь власти и не связанные с политикой (Комиссия по жалобам общественности в Нигерии) [Гевелинг 2012].

3. Привлечение к ответственности и (или) вынесение справедливого наказания.

Наказание может иметь уголовно-правовой, административный, гражданско-правовой характер, а также включать систему дополнительных ограничений и запретов, как то:

– определенный срок лишения свободы;

– применение смертной казни;

– выплата денежных средств в виде штрафа;

– запрет занимать государственные и иные должности во властных структурах;

– запрет получения социальных льгот и выплат.

В рассматриваемом аспекте интересным представляется опыт Республики Беларусь, который подразумевает не только применение уголовного наказания, но и отсутствие замены его неотбытой части. Так, лица, уличенные в совершении коррупционных преступлений, не имеют права претендовать на условно-досрочное освобождение или смягчение оставшейся части срока осуждения[1].

Коррупционные проявления возможны во всех сферах государственного устройства и институтах власти, но, по нашему мнению, особого внимания заслуживают вопросы противодействия коррупционным проявлениям в правоохранительных структурах, в том числе в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы (далее: УИС). В этой связи считаем целесообразным проанализировать как количественно-качественные показатели коррупционной преступности в УИС, так и рефлекторность ее проявления среди российских граждан. Согласно статистическим данным, представленным Следственным комитетом Российской Федерации, в 2019 г. в суд направлено 6 468 уголовных дел коррупционной направленности в отношении 3 952 обвиняемых, являющихся должностными лицами, среди которых 181 сотрудник УИС, что составляет всего 4,6 %[2]. При этом, проведя сравнительный анализ обвиняемых в совершении коррупционных преступлений сотрудников внутренних дел и УИС, выяснили, что первых было привлечено 752 чел. и указанное соотношение определено 19 % от общего числа обвиняемых и почти в 4,5 раза превышает показатели УИС. Однако, принимая во внимание указы Президента Российской Федерации об утверждении штатной численности каждого из этих ведомств[3], нужно заметить, что процентное соотношение лиц, уличенных в совершении коррупционных преступлений по отношению к предельному количеству должностных лиц, проходящих службу в министерстве и ведомстве, соответственно равен 0,08 %.

То есть можно заключить, что, несмотря на достаточно малый процент в соотношении количества обвиняемых сотрудников УИС к их общему числу, проблема борьбы с распространением коррупции в ФСИН России не должна терять своей злободневности и актуальности. Это подтверждают и результаты социологического опроса граждан Российской Федерации, согласно которым к ФСИН России сформирован наименьший уровень доверия (около 85,7 % среди более 38 тыс. респондентов), а уровень коррупции в правоохранительных структурах определяется как высокий или выше среднего (77 % опрошенных)[4].

Принимая во внимание вышеизложенное и опираясь на проведенный анализ функционирования некоторых антикоррупционных инструментов в ряде зарубежных стран, считаем целесообразным рассмотреть возможные положения, которые могут быть восприняты Российской Федерацией при решении проблем, связанных с коррупцией, в том числе и в УИС:

1. Создание специализированных структур, не зависящих от внутренней политики и власти органов, имеющих контрольно-надзорные функции в финансово-кредитной сфере и иных вопросах, касающихся денежного оборота в стране. Например, подразделения, обеспечивающие собственную безопасность в УИС, так или иначе входят в структуру оперативных аппаратов ФСИН России, следовательно, направление антикоррупционной политики определено ведомственными приоритетами. Под подразделениями собственной безопасности

[1] Президент Беларуси ужесточил ответственность за коррупцию // Российская газета. 2019. 10 мая.

[2] Бастрыкин: В этом году в суды направлено 6468 уголовных дел о коррупции // Российская газета. 2019. 8 дек.

[3] О некоторых вопросах Министерства внутренних дел Российской Федерации : указ Президента Рос. Федерации от 5 мая 2014 г. № 300 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 19, ст. 2396 ; Об установлении штатной численности работников уголовно-исполнительной системы : указ Президента Рос. Федерации от 27 нояб. 2015 г. № 577 // Там же. 2015. № 48, ч. II, ст. 6818.

[4] Результаты проведения социологического опроса об оценке эффективности применяемых антикоррупционных мер. URL: https://мвд.рф/anticorr/oprosanticorr (дата обращения: 19.03.2020).

УИС следует подразумевать специализированное оперативно-розыскное структурное звено ФСИН России, осуществляющее в пределах своей компетенции оперативно-розыскную и контрразведывательную деятельность, направленную на создание и функционирование системы средств и мер, позволяющих УИС противостоять угрозам и неправомерному вмешательству в ее нормальную деятельность [Косоногов 2012, с. 60]. Учитывая широкий спектр полномочий и должностных обязанностей сотрудников подразделений собственной безопасности, следует заключить, что выявление коррупционных преступлений – лишь одна из его функций. В связи с этим необходимо создание отдельной структуры в правоохранительной системе, которая включала бы полномочия по пресечению коррупционных проявлений. При этом указанная структура должна находиться в подчинении непосредственно Президента Российской Федерации.

2. Введение новой редакции понятия «коррупции», по аналогии с Законом Республики Сингапур 1960 г. «О противодействии коррупции» (Prevention of Corruption Act), что даст возможность сделать уголовно наказуемым деянием незаконное получение вознаграждения, к которому относятся не только деньги, вещи и предметы, но и любые услуги, оказание благосклонности, предоставление любой защиты или воздержание от исполнения любого властного воздействия [Шурыгин 2015]. Тем самым в качестве коррупционного преступления будет криминализировано незаконное получение любой, в том числе неимущественной, выгоды.

3. Изменение формы уведомления о родственниках, проходящих службу в УИС. Форма должна быть дополнена уведомлением о наличии родственников в иных правоохранительных органах (Следственный комитет Российской Федерации, Министерство внутренних дел Российской Федерации и т. д.), в том числе уже не проходящих службу.

Итак, завершая статью, отметим, что вопросы противодействия коррупции находятся в дискуссионном поле сразу нескольких наук, а предмет исследования является разрабатываемым, поэтому мы будем признательны за отклики, комментарии других исследователей по вопросам реализации мер усовершенствования системы противодействия коррупционным проявлениям в учреждениях и органах УИС.

Список цитируемых источников

Белёнова, Саклакова 2019 – *Белёнова Т. С., Саклакова Н. В.* Международный опыт борьбы с коррупцией // Молодой учёный. 2019. № 47(285). С. 270–272.

Бочарников 2014 – *Бочарников И. В.* Зарубежный опыт противодействия коррупции. URL: https://nic-pnb.ru/articles/zarubezhnyj-opyt-protivodejstviya-korrupcii/ (дата опубликования: 16.08.2014).

Гевелинг 2012 – *Гевелинг Л. В.* Зарубежный опыт борьбы с коррупцией: Федеративная Республика Нигерия // Лоббист. 2012. № 3. С. 98–102.

Егиазарян 2012 – *Егиазарян А. М.* Причины и условия возникновения и распространения коррупции в Республике Армения // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 142–146.

Косоногов 2012 – *Косоногов Д. А.* Подразделения собственной безопасности ФСИН России: понятие и содержание деятельности // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2012. № 3–4. С. 56–60.

Мировой опыт 2018 – Мировой опыт борьбы с коррупцией и российские реалии: специальный доклад. М. : Центр полит. информ., 2018. 38 с.

Шурыгин 2015 – *Шурыгин Ф. Ф.* Антикоррупционная политика Республики Сингапур // Молодой учёный. 2015. № 22(102). С. 681–691.

References

Belenova, T. S. and Saklakova, N. V. (2019), “International anti-corruption experience”, *Molodoi uchenyi,* no. 47(285), pp. 270–272.

Bocharnikov, I. V. (2014), “Foreign anti-corruption experience”, available at: https://nic-pnb.ru/articles/zarubezhnyj-opyt-protivodejstviya-korrupcii/ (Accessed 16 August 2014).

Egiazaryan, A. M. (2012), “Reasons and conditions for the emergence and spread of corruption in the Republic of Armenia”, *Probely v rossiiskom zakonodatel ’stve,* no. 2, pp. 142–146.

Geveling, L. V. (2012), “Foreign anti-corruption experience: the Federal Republic of Nigeria”, *Lobbist*, no. 3, pp. 98–102.

Kosonogov, D. A. (2012), “Internal security divisions of the Federal penitentiary service of Russia: concept and content of activity”, *Vestnik Volzhskogo universiteta imeni V. N. Tatishcheva*, no. 3–4, pp. 56–60.

Mirovoi opyt bor'by s korruptsiei i rossiiskie realii, spetsial 'nyi doclad (2018) [World experience in the fight against corruption and Russian realities: a special report], Tsentr politicheskoi informatsii, Moscow, Russia.

Shurygin, F. F. (2015), "Anti-corruption policy of the Republic of Singapore", *Molodoi uchenyi,* no. 22(102), pp. 681–691.

Информация об авторах

Ткачук Татьяна Алексеевна,
доктор юридических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; tatkachyk@mail.ru

Ерина Ксения Александровна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; whatisboris@rambler.ru

Information about the authors

Tkachuk Tat'yana A.,
doctor of law, professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; tatkachyk@mail.ru

Erina Kseniya A.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; whatisboris@rambler.ru

Для цитирования

Ткачук Т. А., Ерина К. А. Противодействие коррупции в уголовно-исполнительной системе России: возможность использования зарубежного опыта // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 20–24.

For citation

Tkachuk, T. A. and Erina, K. A. (2020), "Anti-corruption in the Russian penal system: the possibility of using foreign experience", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 20–24.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

ACTUAL ISSUES OF THE RUSSIAN LEGAL SCIENCE AND LAW ENFORCEMENT PRACTICES

УДК 343.988-055.2

О. Н. Абакумова[1]
[1] Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация

O. N. Abakumova[1]
[1] St.-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, St.-Petersburg, Russian Federation

Система виктимологической защиты женщин – жертв криминального насилия в России

The system of victimologic protection of women – victims of criminal violence in Russia

Ключевые слова: виктимологическая профилактика; женская виктимность; виктимизация; насильственная преступность.

Аннотация. В статье проведен анализ действующего отечественного законодательства в сфере виктимологической профилактики, предложены меры, направленные на эффективное функционирование системы виктимологической защиты женщин – жертв криминального насилия. Автором приведены сведения уголовной статистики, отражающие состояние виктимизации лиц женского пола от преступлений, сопряженных с насилием, в том числе показатели, характеризующие женскую криминальную смертность в России.

Key words: victimologic prevention; female victimization; victimization; violent crime.

Abstract. The article analyzes the current domestic legislation in the field of victimologic prevention; measures aimed at the effective functioning of the system of victimologic protection of women – victims of criminal violence have been proposed. The author provides information on criminal statistics that reflects the state of victimization of women victims of violent crimes, including indicators characterizing female criminal mortality in Russia.

Насилие в отношении любого человека – это прямое нарушение общечеловеческих ценностей, среди которых главное место принадлежит жизни и здоровью человека. Подтверждение данного положения можно найти в принятой 20 декабря 1993 г. на 85-м пленарном заседании 48-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Декларации об искоренении насилия в отношении женщин: «… насилие в отношении женщин является нарушением прав человека и основных свобод женщин, а также препятствует или не позволяет им пользоваться этими правами и свободами»[1]. Конституция Российской Федерации гласит, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а обязанность государства – это признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Женщины характеризуются повышенной степенью виктимности (в сравнении с мужчинами) с точки зрения совершения в отношении них преступлений, сопряженных с насилием. В частности, Всемирной организацией здравоохранения отмечен тот факт, что насилие, включая сексуальное, в отношении лиц женского пола признано важнейшей проблемой в сфере общественного здравоохранения, во многих странах этот вопрос до сих пор не включен в комплекс мер, проводимых в рамках осуществления государственной политики. Насильственные преступления по степени общественной опасности и тяжести причиняемых последствий превосходят другие криминальные проявления, так как они наносят часто непоправимый ущерб обществу [Артемьев 2018, с. 22].

На современном этапе защита жизни и здоровья женщин, в том числе от преступного насилия, находится в числе приоритетных направлений государственной политики. 8 марта 2017 г. распоряжением Правительства Российской Федерации была принята Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2017–2022 годы (далее: Стратегия)[2], главная идея которой заключается в том, что права женщин – это неотъемлемая часть общих прав человека. В ней определены основные направления государственной политики в отношении женщин. Согласно Стратегии реализуемые сегодня меры профилактики насилия в отношении женщин, в том числе семейно-бытового насилия, недостаточны, при этом отмечается, что почти половине всех особо жестоких бытовых убийств предшествует длительная конфликтная

[1] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Абакумова О. Н., 2020

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 11, ст. 1618.

ситуация в семье. В Стратегии также находит свое подтверждение тот факт, что официальная статистика не отражает полной картины совершенных преступлений в отношении женщин, так как пострадавшие часто не обращаются в правоохранительные органы или медицинские организации.

Для понимания масштабов виктимизации женщин – жертв криминального насилия целесообразно привести некоторые статистические показатели за последние пять лет. На территории России, по данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, потерпевшими от преступлений было признано:

– в 2015 г. – 1 699 020 чел., из них – 805 336 женщин (47,4 % от общего количества потерпевших);

– в 2016 г. – 1 544 238 чел., из них – 731 610 женщин (47,4 %);

– в 2017 г. – 1 417 374 чел., из них – 650 445 женщин (45,9 %);

– в 2018 г. – 1 335 166 чел., из них – 610 805 женщин (45,7 %);

– в 2019 г. – 1 369 812 чел., из них – 641 749 женщин (46,8 %)[1].

Таким образом, доля женщин-потерпевших в общей массе всех пострадавших от преступлений на протяжении 2015–2019 гг. остается практически неизменной и составляет более 45 %.

При этом доля погибших женщин в результате совершенного преступления за указанный период также остается практически на одном уровне.

Так, в 2015 г. количество погибших женщин в результате совершения преступления составило 9 802 чел. (1,2 % от общего количества женщин-потерпевших); в 2016 г. – 9 149 чел. (1,3 %); в 2017 г. – 8 502 чел. (1,3 %); в 2018 г. – 8 274 чел. (1,4 %); в 2019 г. – 7 504 чел. (1,2 %).

В период с 2015 по 2019 г. отмечается негативная тенденция к увеличению удельного веса женщин, пострадавших от причинения тяжкого вреда здоровью, в общей массе всех потерпевших женщин: с 1,5 % в 2015 г. до 1,7 % в 2019 г.

Аналогичная ситуация прослеживается и относительно причинения женщинам средней тяжести вреда здоровью. Так, на протяжении 2015–2019 гг. увеличивается удельный вес потерпевших женщин от причинения средней тяжести вреда здоровью в общей массе всех потерпевших женщин: с 0,8 % в 2015 г. до 1,1 % в 2019 г.

Анализ статистических показателей свидетельствует о том, что возросло число насильственных преступлений, связанных с причинением тяжкого и средней тяжести вреда здоровью, совершенных в отношении лиц женского пола.

В период с 2015 по 2019 г. доля потерпевших женщин от преступлений, сопряженных с насильственными действиями, в общей массе всех потерпевших от указанных преступлений варьировалась от 44,6 % в 2015 г. до 49,0 % в 2016 г., т. е. каждое второе преступление, сопряженное с насильственными действиями, совершалось в отношении женщин. Только за последние три года (2017–2019 гг.) доля потерпевших женщин уменьшилась (в 2019 г. составила 40,6 %). Однако данную положительную динамику прежде всего можно объяснить изменениями, внесенными в УК РФ, в результате чего была частично декриминализирована ст. 116 УК РФ «Побои», как результат этого – категория «женщины – жертвы побоев» перестала учитываться как один из показателей уголовной статистики.

Таким образом, с 2017 г. удельный вес женщин, в отношении которых были совершены преступления, сопряженные с насильственными действиями, остается практически неизменным в общей массе всех потерпевших от этих преступлений. Особо следует отметить, что в результате последних криминологических исследований установлено, что почти половине всех особо жестоких бытовых убийств предшествует длительная конфликтная ситуация в семье [Ивасюк, Калашников 2018, с. 104].

Результаты обобщенных сведений о состоянии виктимизации лиц женского пола от преступлений в целом и от насильственных преступлений, в частности, позволяют заключить, что вопрос виктимологической профилактики в отношении указанной категории лиц остается актуальным и требующим принятия определенных мер как со стороны государства, так и со стороны общества. По мнению представителей научной среды, значительным эффектом обладают меры, направленные на устранение факторов, способствующих виктимизации потенциальных потерпевших, к которым можно отнести едва ли не все население Российской Федерации [Виктимологическая профилактика 2009, с. 8].

Несмотря на имеющуюся разработанную комплексную теоретическую основу системы виктимологической профилактики (одна из первых моделей системы виктимологического воздействия была создана Д. В. Ривманом и В. С. Устиновым [Ривман, Устинов 2000]), до настоящего времени в России не реализована в полной мере эффективная виктимологическая политика, в частности, отсутствует система виктимологической защиты населения, которую можно было сопоставить с существующими аналогами в западноевропейских странах. Действующее российское законодательство не содержит норм, которые бы закрепляли методику реабилитации жертв и предупреждения преступле-

[1] Здесь и далее представлены сведения в соответствии с формой 493, разд. 4 (всего по России) (URL: https://мвд.рф/Deljatesnost/statistics (дата обращения: 05.04.2020).

ний [Буз 2018, с. 11]. Между тем работа с потенциальными жертвами преступлений нередко является более эффективной, о чем свидетельствует опыт развитых зарубежных стран, где виктимологической науке и практике уже давно отводится самостоятельная и достаточно значимая роль.

Содержание таких понятий, как «виктимологическая политика», «виктимологическая профилактика», «виктимологическая защита» нормативно не закреплено до настоящего времени в отечественном законодательстве.

В одном из основных нормативных правовых актах Российской Федерации, регулирующих сферу проводимой в государстве профилактики правонарушений, – Федеральном законе от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[1] (далее: Закон № 182-ФЗ) также не содержится понятие «виктимологическая профилактика». Кроме того, в Законе № 182-ФЗ индивидуальная профилактика определена довольно узко с точки зрения воздействия на криминальную виктимность, а точнее, можно говорить почти о полном отсутствии регламентации такой деятельности, за исключением упоминания одного направления – оказание помощи лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми. В связи с этим видится необходимым закрепление в действующем федеральном законодательстве понятия «виктимологическая профилактика», под которой предлагаем понимать деятельность субъектов системы профилактики правонарушений, направленную на предупреждение преступлений и иных правонарушений путем снижения у лиц риска стать жертвами противоправных посягательств и предотвращение повторной виктимизации лиц, ставших жертвами противоправных посягательств.

Вопрос о субъектах виктимологической профилактики в России также не урегулирован на законодательном уровне. В частности, до настоящего времени дискуссионным остается вопрос о перечне субъектов профилактики правонарушений, который указан в ст. 5 Закона № 182-ФЗ. В соответствии с Законом № 182-ФЗ субъектами профилактики правонарушений являются: а) федеральные органы исполнительной власти; б) органы прокуратуры Российской Федерации; в) следственные органы Следственного комитета Российской Федерации; г) органы государственной власти субъектов Российской Федерации; д) органы местного самоуправления. Однако в п. 4 ст. 2 Закона № 182-ФЗ названа такая категория, как лица, участвующие в профилактике правонарушений, к таковым относятся: граждане, общественные объединения и иные организации, оказывающие помощь (содействие) субъектам профилактики правонарушений в рамках реализации своих прав в сфере профилактики правонарушений (включая ее составляющую часть – виктимологическую профилактику) в соответствии с Законом № 182-ФЗ и другими федеральными законами. В Законе № 182-ФЗ также предусмотрено участие общественных объединений и иных организаций, во-первых, в формах профилактического воздействия, таких как: 1) правовое просвещение и правовое информирование; 2) социальная адаптация; 3) ресоциализация; 4) социальная реабилитация; 5) помощь лицам, пострадавшим от правонарушений или подверженным риску стать таковыми; во-вторых, в реализации государственных и муниципальных программ в сфере профилактики правонарушений, выявления причин и условий, способствующих совершению правонарушений, разработки и проведения мероприятий по их предупреждению, участия в мероприятиях по охране общественного порядка и других социально значимых мероприятиях в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Таким образом, деятельность указанных субъектов не находит своего отражения на законодательном уровне в силу того, что в перечень субъектов профилактики Закона № 182-ФЗ они не включены, а это в свою очередь вызывает вопросы не только со стороны лиц, которые непосредственно участвуют в такой деятельности, но и представителей научной общественности.

Исходя из положений Закона № 182-ФЗ, а также общепринятого подхода об уровнях профилактики, целесообразно представить субъекты системы виктимологической профилактики криминального насилия в отношении женщин в виде трехуровневой системы: общие, специальные, индивидуальные.

Первая группа субъектов представлена государственными органами власти и управления в лице самого государства, а также некоммерческими общественными объединениями (кризисные центры, фонды помощи, благотворительные организации и др.), которые непосредственно принимают участие в профилактике правонарушений. Основные задачи этих субъектов – решение наиболее масштабных проблем экономического, социального, политического и иного характера в целях повышения качества жизни населения, а также выработка и принятие нормативных актов, регулирующих вопросы осуществления виктимологической защиты женщин от насилия. Общественные объединения также принимают участие в такой деятельности в рамках реализуемых в государстве программ в сфере профилактики правонарушений в пределах, установленных законодательством. В качестве положительного опыта можно выделить победу проекта «Мужчины и женщины

[1] Российская газета. 2016. 28 июня.

вместе против насилия в семье» (2018 г.) Нижегородской областной общественной организации «Нижегородский женский кризисный центр» при поддержке Фонда президентских грантов и фонда «ОМК-партнерство». В рамках проекта в городах Нижегородской области состоялся цикл семинаров-тренингов по профилактике насилия в отношениях для специалистов социальных служб, семейных пар, студентов колледжей, начали работу отцовские и материнские клубы для семей, находящихся под патронажем социальных служб[1].

Вторая группа – государственные органы, главной задачей которых является противодействие преступности (органы внутренних дел Российской Федерации, суды, прокуратура, др.). Такие субъекты решают задачи, непосредственно касающиеся профилактики правонарушений, а также ее составляющей части – виктимологической профилактики. Одним из таких субъектов являются органы внутренних дел (служба участковых уполномоченных полиции, подразделения по делам несовершеннолетних, строевые подразделения патрульно-постовой службы полиции, органы дознания, следственные подразделения МВД России и др.).

Третья группа субъектов формируется в соответствии с индивидуальным уровнем профилактики, поэтому деятельность таких субъектов направлена прежде всего на индивидуальную виктимологическую профилактику.

Особую роль среди субъектов профилактики насилия в отношении лиц женского пола играют государственные и негосударственные медицинские учреждения, органы местного самоуправления, средства массовой информации, включая различные ресурсы сети «Интернет», международные организации, частные инициативы отдельных граждан, так называемых лидеров общественного мнения.

В качестве объекта системы виктимологической защиты женщин – жертв криминального насилия следует выделить несколько категорий, исходя из уровней виктимологической профилактики:

1) все женщины как одна из наиболее уязвимых категорий лиц;

2) лица женского пола, обладающие повышенной степенью виктимности (малолетние, несовершеннолетние, пожилые, инвалиды);

3) конкретные лица, являющиеся потерпевшими (жертвами) насильственных преступлений, а также потенциальными жертвами.

Виктимность женщин, пострадавших от насильственных преступлений, имеет свои отличительные признаки, с учетом которых необходимо разрабатывать и принимать меры по снижению уровня такой виктимизации. В их числе – необращение женщин – жертв преступлений, сопряженных с насилием (в особенности совершенных на сексуальной почве или связанные с конфликтной ситуацией в семье), в правоохранительные органы. Причиной такого поведения часто становятся страх, стыд, низкий уровень правовой грамотности, скептицизм в отношении функционирования правоохранительных органов в сфере восстановления их нарушенных прав и др.

Анализ виктимологической характеристики насильственной преступности в отношении лиц женского пола позволяет не только более конкретно изучить виктимность женщин, пострадавших от криминального насилия, но и определить степень влияния их поведения на механизм преступного поведения лиц, совершающих преступление, в том числе позволит установить более четкие границы латентности такого вида преступности, а как результат – сформулировать рекомендации по совершенствованию системы предупреждения криминального насилия в отношении женщин.

Таким образом, основная цель виктимологической профилактики насилия в отношении лиц женского пола – это обеспечение виктимологической безопасности лиц женского пола от криминального насилия. Достичь поставленную цель возможно путем реализации определенных мероприятий, направленных: 1) на снижение степени виктимности отдельных категорий населения женского пола (одинокие пожилые люди, несовершеннолетние, включая малолетних, и др.); 2) устранение причин и условий, детерминирующих виктимизацию указанной категории лиц; 3) создание «работающей» системы социально-правовой защиты (включая институт обязательной компенсации) женщин – жертв преступного насилия; 4) правовое просвещение населения с целью повышения и активизации индивидуальных защитных свойств указанной категории лиц; 5) создание новых государственных и негосударственных субъектов, деятельность которых направлена на социальную поддержку и правовую защиту жертв преступлений, а также реформирование имеющихся субъектов с учетом возникших новых потребностей в этой сфере; 6) исполнение отдельных положений законодательства в области социально-правовой защиты женщин – жертв криминального насилия; 7) вовлечение большего числа граждан и общественных объединений в профилактическую деятельность виктимологического характера с возможностью поощрения такого участия со стороны государства (финансирование, льготы, др.).

Однако следует признать, что виктимологическая профилактика как одно из направлений пре-

[1] Нижегородский женский кризисный центр : [сайт]. URL: http://www.woman-nnov.ru/programs/ (дата обращения: 05.04.2020).

дупреждения преступности в практической деятельности субъектов профилактики правонарушений недостаточно распространена. При этом нельзя отрицать тот факт, что развитие виктимологического потенциала предупредительного воздействия имеет ряд преимуществ, например: совершенствование профилактики преступности, более релевантное определение масштаба латентной преступности, расширение возможностей государства в создании механизма обязательного возмещения ущерба жертвам или их родственникам, иным лицам и др. [Майоров 2017, с. 57].

Несмотря на указанные преимущества виктимологической профилактики, существует еще немало проблем в этой области. Так, в Стратегии отмечается, что в действующих в субъектах Российской Федерации кризисных центрах для женщин ежегодно получают помощь около 60 тыс. женщин и более 10 тыс. девочек, которые подверглись разного рода насилию. Однако справедливости ради надо сказать, что такие кризисные центры (отделения) созданы не во всех субъектах Российской Федерации, а там, где они функционируют, остро стоит вопрос, связанный с их недостаточным финансированием со стороны государства.

Далее, не урегулирован механизм взаимодействия центров, оказывающих помощь женщинам, подвергшимся насилию, с правоохранительными органами. В связи с этим предлагаем в качестве повышения эффективности профилактики виктимизации лиц женского пола от насилия разработать механизм передачи (обмена) между кризисными центрами (как государственными, так и негосударственными) и участковыми уполномоченными полиции информации, содержащей в себе сведения о лицах (семьях), которые стали жертвами совершенного в отношении них насилия (за исключением случаев оказания услуг в таких учреждениях на конфиденциальной основе). На наш взгляд, такое взаимодействие (например, обмен информацией о семьях социального риска) существенно повысит эффективность работы по недопущению новых случаев совершения насилия в отношении женщин, в том числе несовершеннолетних и пожилых лиц.

В целях устранения обозначенных проблем целесообразно проводить работу по следующим направлениям: совершенствование законодательства в сфере профилактики насилия в отношении женщин, в том числе семейно-бытового; изучение и использование передового положительного опыта зарубежных стран по противодействию насилию в отношении женщин, например, практика вынесения предупреждений лицу, применившему насилие в отношении супруги (сожительницы), с обязательным прохождением в течение шести месяцев терапевтической сессии с психологом (психотерапевтом); построение унифицированных форм взаимодействия субъектов профилактики, в первую очередь правоохранительных органов и общественных объединений, кризисных центров (отделений) по вопросам обмена информацией; решение вопросов материально-технического характера для учреждений, оказывающих услуги женщинам – жертвам насилия (например, создание на базе таких учреждений «кризисных квартир», увеличение койко-мест в стационарах для женщин, подвергшихся насилию); разработка мер поощрения со стороны государства некоммерческих организаций, которые предоставляют помощь женщинам – жертвам насилия; создание единого Фонда поддержки женщин, пострадавших от насильственных преступлений.

Залог эффективной виктимологической профилактики – организованное и систематическое взаимодействие всех ее субъектов, особенно служб правоохранительных органов между собой и с другими государственными органами и негосударственными (общественными) организациями и объединениями.

Для достижения продуктивного взаимодействия всех субъектов виктимологической профилактики насилия в отношении женщин необходимо располагать информацией о реальных масштабах виктимизации в каждом регионе и в стране в целом, об особенностях механизма виктимизации лиц женского пола от отдельных видов насильственных преступлений, а также о причинах и условиях, которые этому способствуют. Результаты анализа такой информации позволят разработать определенную систему рекомендаций, внедрение которых в значительной степени сможет влиять на сдерживание виктимизации населения от различных видов преступлений [Кучина 2015, с. 89].

Итак, завершая статью, мы пришли к следующим выводам:

– проблема виктимологической защиты и профилактики насилия в отношении женщин в России абсолютно очевидна, об этом свидетельствуют масштабы виктимизации пострадавших от криминального насилия лиц женского пола;

– действующее отечественное законодательство в области виктимологической политики нуждается в реформировании, в частности, необходимо нормативное закрепление такого понятия, как «виктимологическая профилактика». Кроме того, на законодательном уровне должен быть утвержден полный перечень субъектов виктимологической профилактики;

– система воздействия на виктимность женщин, пострадавших от криминального насилия, может включать в себя три уровня: общий, специ-

альный, индивидуальный, – при этом необходимо учитывать наиболее значимые факторы, детерминирующие виктимность женщин – жертв криминального насилия;

– отдельного внимания со стороны субъектов виктимологической профилактики требуют некоторые категории лиц женского пола, обладающие повышенным уровнем виктимности (несовершеннолетние лица, лица пожилого возраста, лица с ограниченными возможностями), для которых должны быть разработаны специальные программы (государственные, общественные) с целью предотвращения их виктимизации или снижения степени их виктимности;

– эффективность виктимологической профилактики во многом зависит от того, насколько организованно и слаженно будут взаимодействовать все ее субъекты.

Список цитируемых источников

Артемьев 2018 – *Артемьев Н. С.* Криминологическое исследование поведения потерпевших в насильственных преступлениях в сфере семейно-бытовых отношений // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26(1–4), № 1. С. 22–28.

Буз 2018 – *Буз С. И.* Виктимологическая профилактика преступлений против личности в зарубежных государствах // Вестник КРУ МВД России. 2018. № 4(42). С. 11–14.

Виктимологическая характеристика 2009 – Виктимологическая характеристика региональной преступности и ее предупреждение / под ред. Л. А. Репецкой. М. : Academia, 2009. 304 с.

Ивасюк, Калашников 2018 – *Ивасюк О. Н., Калашников И. В.* Виктимологические особенности преступлений против половой свободы, совершаемых в отношении женщин // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 104–110.

Кучина 2015 – *Кучина М. С.* Значимость виктимологической профилактики в системе мер предупреждения преступлений // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2015. № 3(8). С. 88–94.

Майоров 2017 – *Майоров А. В.* Содержание системы виктимологического противодействия преступности // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2017. № 3(41). С. 56–65.

Ривман, Устинов 2000 – *Ривман Д. В., Устинов В. С.* Виктимология. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2000. 332 с.

References

Artem ’ev, N. S. (2018), “Criminological study of the behavior of victims of violent crimes in the field of family relations”, *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*, vol. 26(1–4), no. 1, pp. 22–28.

Buz, S. I. (2018), “Victimologic prevention of crimes against the person in foreign countries”, *Vestnik KRU MVD Rossii,* no. 4(42), pp. 11–14.

Ivasyuk, O. N. and Kalashnikov, I. V. (2018), “Victimological features of crimes against sexual freedom committed against women”, *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii*, no. 5, pp. 104–110.

Kuchina, M. S. (2015), “The importance of victimologic prevention in the system of crime prevention measures”, *Innovatsionnaya ekonomika: perspektivy razvitiya i sovershenstvovaniya,* no. 3(8), pp. 88–94.

Maiorov, A. V. (2017), “The content of the system of victimologic counteraction to crime”, *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel ’naya praktika,* no. 3(41), pp. 56–65.

Repetskaya, A. L. (ed.), *Viktimologicheskaya kharakteristika regional ’noi prestupnosti i ee preduprezhdenie* [Victimologic characteristics of regional crime and its prevention], Akademia, Moscow, Russia.

Rivman, D. V. and Ustinov, V. S. (2000), *Viktimologiya* [Victimology], Yuridicheskii tsetr Press, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Абакумова Оксана Николаевна,
Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ksus86@mail.ru

Information about the author

Abakumova Oksana N.,
St.-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, St.-Petersburg, Russian Federation; ksus86@mail.ru

Для цитирования

Абакумова О. Н. Система виктимологической защиты женщин – жертв криминального насилия в России // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 27–32.

For citation

Abakumova, O. N. (2020), “The system of victimologic protection of women – victims of criminal violence in Russia”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 27–32.

УДК 343.9

А. А. Ашин[1]
А. Е. Михайлов[1]
[1] Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация

A. A. Ashin[1]
A. E. Mikhailov[1]
[1] Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation

Раскрытие и расследование преступлений как элемент борьбы с преступностью: правовой аспект

Detection and investigation of crimes as an element of fighting crime: legal aspect

Ключевые слова: раскрытие и расследование преступлений; борьба с преступностью; противодействие преступности.

Аннотация. В статье раскрывается проблематика правового регулирования такого направления противодействия правонарушениям, как борьба с преступностью. Авторы отмечают традиционный характер данной деятельности, составной частью которой являются раскрытие и расследование преступлений. При этом обращают внимание на отсутствие единства в понимании борьбы с правонарушениями в российском законодательстве, а также на наличие принципиальной разницы в понимании борьбы с преступностью в документах ООН.

Key words: detection and investigation of crimes; fighting crime; crime prevention.

Abstract. The article deals with the problems of legal regulation of such areas of counteraction to offenses as the fight against crime. The authors point to the traditional nature of this activity, which is an integral part of disclosure and investigation of crimes. At the same time, attention is paid to the lack of unity in understanding of the fight against crimes in the Russian legislation, as well as the presence of a fundamental difference in understanding of the fight against crime in UN documents.

Эффективность деятельности по раскрытию и расследованию преступлений во многом зависит от ее научно-правовых основ.

Несмотря на стабильное снижение уровня преступности, наблюдаются определенная стагнация и даже снижение уровня раскрываемости преступлений. Так, в 2019 г. из 2 024 тыс. зарегистрированных преступлений было раскрыто только 1 052 тыс. преступлений (51,9 %), что в абсолютных величинах на 2,5 % ниже, чем в 2010 г. (когда уровень раскрываемости составлял 54,4 %). Примечательно, что за указанный десятилетний период количество зарегистрированных преступлений уменьшилось на 22,9 %[1], что соответственно повлекло и снижение нагрузки на оперативные и следственные аппараты. Однако, вопреки закономерным ожиданиям, повышения эффективности и качества раскрытия и расследования преступлений в России не произошло.

На эту проблематику обращается внимание на самом высоком уровне государственного управления. Еще в 2015 г. Президент России В. В. Путин на расширенном заседании Коллегии МВД России указал на необходимость качественного улучшения борьбы с преступностью[2]. В 2019 г. на аналогичном заседании он подчеркнул, что важно планомерно повышать уровень раскрываемости преступлений, и на это должны быть направлены все ресурсы, однако положение дел меняется здесь медленно[3]. Не вдаваясь в полемику по данному вопросу, отметим, что одной из причин указанной ситуации, на наш взгляд, являются понижение научных основ криминалистики и слабое правовое регулирование деятельности по борьбе с преступностью.

Так, в последнее время все чаще слышатся упреки (как правило, со стороны представителей науки материального права) в адрес криминалистики, что она не является наукой и не заслуживает самостоятельного места в системе правовых знаний. Причем в качестве аргументации подобных выводов приводится отсутствие некоего закона федерального уровня, устанавливающего организационно-правовые основы деятельности по

[1] Состояние преступности в России за январь–декабрь 2010 года. М. : ГИАЦ МВД России, 2011. С. 5 ; Состояние преступности в России за январь–декабрь 2019 года. М. : ГИАЦ МВД России, 2020. С. 7.

© Ашин А. А., Михайлов А. Е., 2020

[2] Президент Российской Федерации : [сайт]. URL : http://www.kremlin.ru/events/president/news/59913 (дата обращения: 12.04.2020).

[3] Там же.

раскрытию и расследованию преступлений[1]. Опуская всю спорность подобной точки зрения, отметим, что, очевидно, самостоятельность той или иной области знаний как частной науки связана с наличием предмета познания, не принадлежащего никакой другой области знаний. Уникальность и самостоятельность предмета криминалистики объективно и полно раскрыты в многочисленных исследованиях по этому вопросу [Белкин 1997, с. 73–116] и, на наш взгляд, не требует пояснений.

Однако вопрос о правовом регулировании криминалистики, хотя и не влияет на вывод о самостоятельности данной науки, по нашему мнению, актуален и подлежит исследованию в контексте совершенствования деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Как мы уже ранее отмечали, в России сформировался правовой институт противодействия правонарушениям, который в настоящий момент частично реализуется в рамках одноименной государственной политики по трем направлениям: профилактика правонарушений, борьба с ними и минимизация и ликвидация последствий правонарушений [Михайлов, Ашин, Ткачук 2018, с. 122–125]. При этом только направление, связанное с профилактикой правонарушений, отличается самостоятельным правовым регулированием на федеральном уровне.

Проблематика правового регулирования борьбы с правонарушениями и минимизации и ликвидации их последствий остается открытой. Однако оценка правовых основ института противодействия правонарушений позволяет нам сформировать представление о сущности данных направлений противодействия правонарушениям, статистически заметную массу среди которых занимают преступления.

Так, одно из первых легальных толкований термина «борьба с преступностью» содержится в ст. 10 Федерального закона от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности»[2]: борьба с преступностью представляет из себя деятельность по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений.

Дальнейшее развитие российского законодательства в части формулирования легального определения термина «борьба с преступностью» характеризуется недостаточной выработанностью генеральной идеи.

Так, в ст. 3 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»[3] (далее: Закон № 114-ФЗ), который, к слову, не оперирует термином «борьба с экстремизмом», данное направление деятельности, тем не менее, просматривается и определяется как выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности. Как мы видим, налицо сужение пределов борьбы с преступностью, из которых по необъяснимым причинам было исключено раскрытие экстремизма, являющегося очевидным продолжением действий по выявлению и пресечению экстремистской деятельности.

Однако уже в Федеральном законе от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»[4] (далее: Закон № 35-ФЗ) происходит значительное расширение представления о борьбе с преступностью, и данный термин вновь вводится в легальный оборот. Так, борьба с терроризмом в ст. 3 данного Федерального закона рассматривается как деятельность по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта. Аналогично борьбу с правонарушениями законодатель определил и в Федеральном законе от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»[5], где также используется термин «борьба с коррупцией», под которой понимается деятельность по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (ст. 1). В данном случае, полагаем, дополнение объема борьбы с преступностью действиями по их раскрытию и расследованию является вполне закономерным и логичным. Деятельность по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений без мер, направленных на привлечение виновных к уголовной ответственности, реализуемых в рамках раскрытия и расследования преступлений, в правовом государстве фактически не имеет смысла.

Казалось бы, легальное восприятие пределов борьбы с преступностью (правонарушениями) устоялось. Однако в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г., которая была утверждена Президентом Российской Федерации 28 ноября 2011 г. № Пр-2753[6] (далее: Стратегия) и которая была призвана конкретизировать соответствующий Закон № 114-ФЗ, термин «борьба с экстремизмом» вновь не используется, а данное направление деятельности рассматривается как предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование преступлений экстремистской направленности. Как мы видим, раскрытие и расслед-

[1] Интересно, что наличие Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» не убеждает наших оппонентов в том, что оперативно-розыскное право (оперативно-розыскная деятельность) является самостоятельной научной областью знаний.

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 15, ст. 1269.

[3] Там же. 2002. № 30, ст. 3031.

[4] Там же. 2006. № 11, ст. 1146.

[5] Там же. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6228.

[6] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дование преступлений, отсутствующие в Законе № 114-ФЗ, были включены в объем борьбы с преступностью. Однако из него было исключено выявление преступлений, хотя данные действия не просто предваряют раскрытие и расследование преступлений, но и часто обусловливают их. Следует отметить, что Стратегия является подзаконным нормативным правовым актом и не способна компенсировать явный пробел Закона № 114-ФЗ, что, на наш взгляд, требует расширения направления противодействия экстремизму, соответствующего борьбе с преступностью, раскрытием и расследованием преступлений экстремистской направленности.

В целом мы можем сделать два вывода по данному вопросу. Первый вывод связан с тем, что налицо формирование самостоятельного правового института борьбы с правонарушениями, включающего в свой объем деятельность по раскрытию и расследованию преступлений и соответствующего традиционному направлению правоохранительной деятельности, до этого времени комплексно в правовом аспекте не регулируемому. Второй вывод связан с тем, что даже у законодателя не устоялось представление о содержании и пределах данного направления деятельности, и сам термин «борьба с преступностью (правонарушениями)» в ряде нормативных правовых актах, регулирующих раскрытие и расследование преступлений, не используется.

Следует отметить, что термин «борьба с преступностью (правонарушениями)» известен и на международном правовом уровне. Причем воспринимается он там также далеко не однозначно. Мы можем выделить по меньшей мере два подхода к оценке данного термина в международных правовых актах: в узком смысле, в целом соответствующем позиции российского законодателя, и в широком смысле, в рамках которого границы борьбы с преступностью значительно расширяются до профилактики правонарушений.

Понимание «борьбы с преступностью (правонарушениями)» в узком смысле характерно для модельного законодательства стран – участников СНГ, которое определяет общие направления деятельности по противодействию правонарушениям и, соответственно, формирует организационно-правовые основы этого. Примечательно, что до 2008 г. существовавшее модельное законодательство СНГ о терроризме[1] и коррупции[2] оперировало термином «борьба с правонарушениям» в широком смысле. Однако с 2008 г. начался процесс заключения новых международных договоров, посвященных противодействию основным угрозам безопасности в рамках СНГ, в результате чего модельное законодательство обновилось, и был введен термин «противодействие правонарушениям». Так, были приняты модельные законы в 2008 г. «О противодействии коррупции»[3], а в 2009 г. – «О противодействии экстремизму»[4], «О противодействии терроризму»[5], в которых борьба с преступностью (правонарушениями) стала рассматриваться как составной элемент противодействия правонарушениям.

В модельном законе СНГ «О противодействии коррупции» термин «борьба с коррупцией» не используется, однако данное направление деятельности в нем предусмотрено и рассматривается как деятельность, направленная на предупреждение, пресечение, раскрытие, расследование коррупционных правонарушений и наказание виновных (ст. 3). Обращает на себя внимание не только отсутствие такого элемента борьбы с коррупционными правонарушениями, известного российскому законодательству, как «выявление правонарушения», но и наличие новой формы деятельности, включенной в сферу борьбы с правонарушениям, – «наказание виновных». Не оценивая значимость данного элемента в структуре борьбы с преступностью (правонарушениями), отметим, что наказание виновных является конечным этапом исследуемой деятельности и раскрытие и расследование преступлений в конченом итоге преследуют цель привлечения виновных к ответственности, т. е. к назначению в отношении них наказания.

В модельном законе СНГ «О противодействии экстремизму» термин «борьба с преступностью» не используется. Однако так же, как и в Законе № 114-ФЗ, данное направление противодействия экстремизму присутствует и определяется как предупреждение, выявление, пресечение экстремизма (ст. 1). В модельном законе СНГ «О противодействии терроризму» термин «борьба с преступностью» присутствует. Он характеризует одно из направлений противодействия терроризму. При

[1] О борьбе с терроризмом (новая редакция) : модельный закон от 17 апр. 2004 г. № 23-5 // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств. 2004. № 33.

[2] О борьбе с коррупцией : модельный закон от 3 апр. 1999 г. № 13-4 // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств. 1999. № 21. С. 70–84.

[3] О противодействии коррупции : модельный закон СНГ от 25 нояб. 2008 г. № 31-20 // Информационный бюллетень Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств. 2009. № 43. С. 429–446.

[4] О противодействии экстремизму : модельный закон СНГ от 14 мая 2009 г. № 32-9. URL: https://www.cisite.org/1289/135/154/250 (дата обращения: 02.04.2020).

[5] Модельный закон СНГ о противодействию терроризму : [принят постановлением Межпарламент. ассамблеи государств – участников СНГ от 3 дек. 2009 г. № 33-18]. URL: https://www.cisatc.org/1289/135/154/249 (дата обращения: 02.04.2020).

этом содержание борьбы с терроризмом оценивается идентично Закону № 35-ФЗ как деятельность по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию акта терроризма (ст. 3). Таким образом, на уровне модельного законодательства стран – участников СНГ содержание борьбы с правонарушениями также однозначно не определено, равно как и использование данного термина. Вместе с тем прослеживается общий с российским законодателем подход, в рамках которого борьба с преступностью (правонарушениями) оценивается как деятельность, осуществляемая в связи с совершаемыми или совершенными деяниями, направленная на их предотвращение и привлечение виновных к ответственности.

Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом, заключенная 15 июня 2001 г.[1] (далее: Конвенция), хотя и содержит в названии термин «борьба», непосредственно его содержание не раскрывает. Однако анализ ее положений позволяет сделать следующий вывод: в целом сущность борьбы с указанными правонарушениями рассматривается в узком смысле. Это может объясняться тем, что подавляющая часть разработчиков данной Конвенции (за исключением КНР) являются участниками СНГ. В ст. 6 и 7 Конвенции перечислены меры борьбы, которые фактически связаны с выявлением, пресечением, предотвращением, запрещением терроризма, экстремизма и сепаратизма.

Причем данные меры довольно разнообразны, нередко носят организационный характер и включают в том числе обмен информацией по вопросам выявления, пресечения, предотвращения, запрещения терроризма, экстремизма и сепаратизма, выполнение запросов на проведение оперативно-розыскных мероприятий, что можно рассматривать как составную часть и выявления, раскрытия, и расследования актов терроризма. Вместе с тем в Конвенции не упоминается деятельность по раскрытию и расследованию преступлений, что с учетом ее оперативно-розыскной направленности, на наш взгляд, представляется явным упущением.

Иначе обстоит дело с международными правовыми актами, принятыми в рамках ООН, где термин «борьба с правонарушениями» непосредственно не раскрывается. Вместе с тем наименование и направленность большинства международных договоров, связанных с противодействием преступности, позволяет сделать вывод о понимании сущности этого термина на международном правовом уровне. Данный термин в документах ООН рассматривается в широком смысле, соответствующем термину «противодействие правонарушениям» [Михайлов, Ашин, Стариков 2019], и включает, помимо непосредственно мер борьбы, также и меры профилактики правонарушений.

Так, в Декларации ООН о борьбе с коррупцией и взяточничеством в международных коммерческих операциях, принятой Резолюцией 51/191 Генеральной Ассамблеи ООН от 16 декабря 1996 г.[2] (далее: Декларация), меры по борьбе с указанными правонарушениями связывают с эффективным применением действующих законов, запрещающих взятки, содействием в принятии законов в этих целях и призывом субъектов частного сектора содействовать достижению целей данной Декларации. При этом Декларация нацелена на укрепление социальной ответственности частных и государственных корпораций и применение ими надлежащих этических норм, а предусмотренные меры, помимо установления уголовной ответственности, предполагают и самые разные действия профилактического характера, начиная от мер налогового и финансового контроля и заканчивая международным сотрудничеством. Аналогично понимается борьба с отмыванием денежных средств в Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности, принятой Резолюцией 55/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 15 ноября 2000 г.[3], и в Конвенции о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами, принятой Резолюцией 317 (IV) Генеральной Ассамблеи ООН от 2 декабря 1949 г.[4] Причем в ст. 1–4 последнего документа речь идет исключительно о наказаниях, что, казалось бы, сводится к узкому пониманию борьбы с преступностью (правонарушениями), но в последующем упоминаются самые различные меры социального, медицинского, экономического характера, носящие профилактический характер и характер минимизации и ликвидации последствий торговли людьми и эксплуатации проституции.

Подводя итог вышеизложенному, следует отметить, что существующие правовые акты и национального российского, и международного уровней оперируют термином «борьба с преступностью (правонарушениями)» в разных значениях. Даже российское законодательство не отличается единством в понимании объема борьбы с преступностью (правонарушениями). Данное обстоятельство, по нашему мнению, обусловливает необхо-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 41, ст. 3947.

[2] URL: https://www.un.org/ru/documents/rules/ (дата обращения: 03.04.2020).

[3] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/orgcrime.shtml (дата обращения: 03.04.2020).

[4] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/trafficking_suppression.shtml (дата обращения: 03.04.2020).

димость легального толкования термина «борьба с правонарушениями» на более высоком уровне обобщения, охватывающем деятельность по выявлению, пресечению, предупреждению, раскрытию и расследованию правонарушений как таковую, без привязки к различным сферам общественных отношений или деятельности отдельных органов. Однако для этого требуются разработка и введение либо федерального закона об основах системы противодействия правонарушениям в России, либо федерального закона об основах борьбы с правонарушениями. Данная проблематика требует дальнейшего исследования и будет раскрыта нами в последующих публикациях.

Список цитируемых источников

Белкин 1997 – *Белкин Р. С.* Курс криминалистики. В 3 т. Т. 1. Общая теория криминалистики. М. : Юрист, 1997. 408 с.

Михайлов, Ашин, Стариков 2019 – *Михайлов А. Е., Ашин А. А., Стариков А. П.* Общая характеристика понятия «противодействие правонарушениям» // Учёные записки. 2019. № 2(30). С. 61–66.

Михайлов, Ашин, Ткачук 2018 – *Михайлов А. Е., Ашин А. А., Ткачук Т. А.* Пробелы правового регулирования государственной политики противодействия преступности // Учёные записки. 2018. № 3. С. 122–125.

References

Belkin, R. S. (1997), *Kurs kriminalistiki, v 3 t., t. 1 "Obshchaya teoriya kriminalistiki* [Course of criminology, in 3 vol., vol. 1. "General theory of criminalistics"], Yurist, Moscow, Russia.

Mikhailov, A. E., Ashin, A. A. and Starikov, A. P. (2019), "General characteristics of the concept "counteraction to offenses", *Uchenye zapiski,* no. 2(30), p. 61–66.

Mikhailov, A. E., Ashin, A. A. and Tkachuk, T. A. (2018), "Gaps in the legal regulation of the state policy of countering crime", *Uchenye zapiski,* no. 3, pp. 122–125.

Информация об авторах

Ашин Андрей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; andrey09122004@mail.ru
Михайлов Алексей Евгеньевич,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; urgantfr@mail.ru

Information about the authors

Ashin Andrei A.,
PhD (law), associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; andrey09122004@mail.ru
Mikhailov Aleksei E.,
PhD (law), associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; urgantfr@mail.ru

Для цитирования
Ашин А. А., Михайлов А. Е. Раскрытие и расследование преступлений как элемент борьбы с преступностью: правовой аспект // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 33–37.

For citation
Ashin, A. A. and Mikhailov, A. E. (2020), "Detection and investigation of crimes as an element of fighting crime: legal aspect", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 33–37.

УДК 347.9

А. В. Баринов[1]
М. А. Некрасова[1]
[1] *Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация*

A. V. Barinov[1]
M. A. Nekrasova[1]
[1] *Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation*

Проблемы использования информационных технологий при рассмотрении гражданских дел в Российской Федерации

Problems of using information technologies in civil cases in the Russian Federation

Ключевые слова: информационные технологии; гражданское судопроизводство; использование; правосудие; проблемы; суды; Российская Федерация.

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых и организационных проблем, возникающих при использовании информационных технологий в гражданском судопроизводстве. Предлагаются возможные варианты решения имеющихся проблем, направленные на повышение качества, эффективности, доступности и гласности осуществления гражданского судопроизводства.

Key words: information technologies; civil proceedings; use; justice; problems; courts; the Russian Federation.

Abstract. The article considers the study of legal and organizational problems that arise when using information technologies in civil proceedings. Possible options and solutions to problems aimed at improving the quality, efficiency, accessibility and transparency of civil proceedings are proposed.

Правильные и своевременные рассмотрение и разрешение гражданских дел в судах – одна из главных задач гражданского судопроизводства. От ее решения непосредственно зависит работа системы правосудия, что влияет на эффективность защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций и иных лиц как основы укрепления правопорядка в современной России. В условиях развития информационного общества одним из направлений развития судебной системы Российской Федерации является широкое внедрение информационных технологий в гражданское судопроизводство.

Использование информационных технологий при рассмотрении и разрешении гражданских дел, в частности, позволит ускорить процесс извещения участников о начале судебных заседаний, даст возможность предоставить полную информацию о ходе рассмотрения дела, ознакомиться с процессуальными документами и, что особенно важно с учетом большой территории Российской Федерации, проводить судебные заседания с участниками процесса дистанционно.

В настоящее время использование отдельных информационных технологий при рассмотрении и разрешении гражданских дел уже получило законодательное закрепление в Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации (далее: ГПК РФ)[1], но их реализация, как показывает практика, еще имеет ряд проблем, связанных как с техническими, так и с юридическими вопросами.

Одно из направлений использования информационных технологий – применение технических средств для надлежащего и своевременного извещения участников гражданского судопроизводства о времени и месте судебного заседания, о совершении тех или иных процессуальных действий, что является обязательным условием правильного и своевременного рассмотрения и разрешения гражданских дел.

Согласно ч. 1 ст. 113 ГПК РФ «лица, участвующие в деле, а также свидетели, эксперты, специалисты и переводчики извещаются или вызываются в суд заказным письмом с уведомлением о вручении, судебной повесткой с уведомлением о вручении, телефонограммой или телеграммой, по факсимильной связи либо с использованием иных средств связи и доставки».

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 3 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации»[2] и приказу Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации от 25 декабря 2013 г. № 257 «Об утверждении Регламента организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений»[3] извещение участников судопроизводства осуществляется посредством СМС-сообщений, но только в случае

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46, ст. 4532.

© Баринов А. В., Некрасова М. А., 2020

[2] Российская газета. 2012. 17 февр.

[3] Бюллетень актов по судебной системе. 2014. № 2.

их согласия на уведомление таким способом и при фиксации факта отправки и доставки СМС-извещения адресата.

Еще одним современным способом является извещение путем отправки письма на адрес электронной почты, который имеет те же условия применения, что и СМС-извещение.

Извещение участников судопроизводства посредством СМС-сообщений и отправки письма на электронную почту имеет множество преимуществ, по сравнению с другими существующими способами извещения:

– во-первых, значительная экономия бюджетных средств. В настоящее время рассылка СМС-извещений обходится бюджету суда намного дешевле, нежели традиционные способы извещения (почтовые отправления, телеграммы и телефонограммы). Так, стоимость одного почтового извещения заказным письмом с уведомлением составляет 50 руб., стоимость одной телеграммы – около 30 руб., стоимость одной минуты телефонного разговора – примерно до 3–5 руб., а стоимость одного СМС-извещения находится в пределах до 1 руб., отправка письма электронной почтой осуществляется бесплатно;

– во-вторых, экономия времени как специалистов суда, так и участников судопроизводства. Как показывает практика, чтобы оформить и осуществить отправку почтового извещения требуется до 10 мин, телеграммы – до 6 мин, на отправление же СМС-извещения или электронного письма требуется около 2–3 мин. Экономия времени участков судопроизводства состоит в том, что СМС-сообщение приходит прямо на телефон, и гражданину не требуется идти на почту для его получения;

– в-третьих, быстрая доставка СМС-сообщений или электронных писем до участников гражданского судопроизводства. Так, СМС-сообщения и электронные письма отправляются и доставляются за несколько секунд, а доставка заказного письма по почте занимает около одной недели. Нередко складывается такая ситуация, когда письмо приходит всего за несколько дней до судебного заседания, в связи с чем гражданам не хватает времени на подготовку к заседанию, оформление необходимых документов, поиск представителя и прочее.

Кроме того, почтовые органы связи порой нарушают сроки доставления писем до адресата и возвращения почтовых отправлений в суд. Как следствие, судебные заседания постоянно откладываются в связи с ненадлежащим извещением участвующих в деле лиц. Все это увеличивает сроки рассмотрения дела и создают дополнительную нагрузку на судей.

Так, в 2018 г. во Владимирской области было возвращено в суды 632 заказных письма с нарушением правил отправки[1].

Использование же СМС-информирования участников судебного разбирательства «влияет на сроки рассмотрения дел и в конечном итоге позволяет реализовать принцип своевременности осуществления правосудия» [Афанасьев, Жирнова, Филимонова 2018, с. 4].

Наряду с преимуществами, данные современные способы извещения имеют и ряд проблемных моментов. Вместе с тем, если согласно данным Управления Судебного департамента Владимирской области все суды Владимирской области используют сервис «СМС-извещения»[2], то:

– во-первых, извещение посредством СМС-сообщения или письма на электронную почту должно в обязательном порядке подтверждаться распиской участников судопроизводства, что является дополнительным бременем для работников суда;

– во-вторых, суды не имеют доступа к номерам телефонов и адресам электронной почты всех лиц судопроизводства, что не дает возможности использовать такие способы. Проблема состоит и в том, что граждане довольно часто меняют свои номера телефонов и адреса электронной почты. Именно поэтому «механизм реализации данного способа не доработан» [Молева, Гуськова 2018, с. 16];

– в-третьих, в настоящее время не разработан специальный интерфейс отправки СМС-сообщений и требований к нему, на что указывает Е. В. Егоров. В результате этого, по его мнению, «мы имеем совершенную разрозненность в подходах к программной организации извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений». Для устранения этой проблемы Е. В. Егоров считает необходимым «создание единого интерфейса по работе с СМС-уведомлениями, а значит, и единую инструкцию, которую можно будет распространить по судам» [Егоров 2012, с. 18].

Таким образом, исходя из анализа преимуществ современных способов извещений, а также проблем, которые возникают в результате их использования, предлагаем предусмотреть извещение участников судопроизводства посредством СМС-сообщений или письма на электронную почту как обязательное, наряду с теми способами, которые перечислены в ст. 113 ГПК РФ, и без получения согласия на такое уведомление участников судопроизводства. Факт отправки и получения будет автоматически фиксироваться в специальной базе данных суда и храниться в деле.

---

[1] Управление Судебного департамента во Владимирской области : [сайт]. URL: http://usd.wld.sudrf.ru (дата обращения: 16.02.2020).

[2] Там же.

Для этого считаем необходимым создать единый электронный реестр граждан, который будет доступен для всех органов государственной власти, в том числе и судебных. В нем будут указаны данные гражданина, включая и действующий номер телефона, адрес электронной почты. Вести данный реестр целесообразно Управлению по вопросам миграции МВД России, так как именно данный орган ставит на регистрационный учет граждан Российской Федерации по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации. На граждан следует возложить обязанность, в случае изменения номера телефона или адреса электронной почты, немедленно сообщать об этом.

В настоящее время в целях облегчения доступа к правосудию предусмотрено участие в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи, при наличии в судах технической возможности ее осуществления, что является еще одним из направлений использования информационных технологий в гражданском судопроизводстве. Однако использование видеоконференц-связи также не лишено некоторых проблем.

Так, в 2018 г. в судах общей юрисдикции Российской Федерации при рассмотрении гражданских дел по первой инстанции было проведено 15 661 судебное заседание с использование видеоконференц-связи, что на 61 % больше, чем в 2017 г. Если анализировать показатели с момента законодательного закрепления возможности использования видеоконференц-связи, то они являются нестабильными (2013 г. – 2 392; 2014 г. – 6 797; 2015 г. – 11 046; 2016 г. – 5 594, 2017 г. – 9 734)[1].

Однако в настоящее время не все суды имеют техническую возможность осуществления видеоконференц-связи. Например, в г. Владимире в Ленинском и Октябрьском районных судах оборудован только один зал судебных заседаний, имеющий соответствующую техническую оснащенность, во Фрунзенском районном суде – три зала судебных заседаний.

На наш взгляд, такое количество является недостаточным, учитывая число обращающихся в суд граждан, что ведет к нарушению важнейшего конституционного принципа – принципа равного доступа к правосудию. По мнению Д. С. Дерхо, «именно в устранении этой проблемы и видится приоритетное направление развития рассматриваемой формы процессуальной коммуникации» [Дерхо 2020].

Следовательно, целесообразно все суды обеспечить возможностью осуществления видеоконференц-связи. Необходимо сделать обязательным требование, согласно которому каждое судебное заседание должно быть оснащено соответствующим техническим оборудованием, что позволит всем гражданам в перспективе удаленно участвовать в судебных заседаниях. Несомненно, для этого потребуются большие денежные расходы, но со временем это будет оправдано.

В процессе использовании видеоконференц-связи нередко возникает проблема, связанная с низким качеством связи. В настоящее время эту проблему разрешают сам суд и специалист, ответственный за техническое обеспечение видеоконференц-связи. Вопрос об оценке факта снижения качества связи является субъективным. Как отмечает А. А. Ярков, «при наличии одних и тех же технических неполадок один судья может воспринять это как допустимые проблемы, не затрудняющие продолжения сеанса видеоконференц-связи, а другой – как ухудшение качества связи» [Ярков 2018, с. 17].

Для решения данной проблемы предлагаем создать специальную техническую программу, которая на базе определенных характеристик будет автоматически следить за качеством видеоконференц-связи. Это позволит, с одной стороны, объективно установить факты ее ухудшения, а с другой – исключить субъективную оценку судьи и технического специалиста по поводу возможности рассмотрения дела. Для этого в ст. 151.1 ГПК РФ необходимо внести положение о том, что факт снижения качества связи устанавливается с использованием программного обеспечения, а в случае его отсутствия – судом и лицом, ответственным за техническое обеспечение видеоконференц-связи соответственно.

Далее, использование системы видеоконференц-связи затрудняет недостаточное правовое регулирование данного вопроса. Так, одним из пробелов является отсутствие возможности обжаловать определение об отказе использования систем видеоконференц-связи.

В настоящее время ГПК РФ не предусматривает основания для отказа в удовлетворении ходатайств на участие в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи. Именно поэтому на практике складывается такая ситуация, когда судьи могут злоупотреблять своими полномочиями и необоснованно отказывать в использовании системы видеоконференц-связи, что нарушает право граждан на доступ к правосудию.

Данную проблему выделяют и многие исследователи. Так, А. С. Ишонина и И. С. Лапаев отмечают, что «на практике суд вправе отказать в удовлетворении ходатайства и по иным причинам. В частности, в случае нецелесообразности проведения судебного заседания посредством видеоконференц-связи» [Ишонина, Лапаев 2016, с. 17].

[1] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 16.02.2020).

В связи с этим считаем необходимым ч. 1 ст. 155.1 ГПК РФ дополнить следующим абзацем: «При отказе суда об участии указанных лиц в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи, в определении должны быть указаны основания такого отказа. На определение суда об участии указанных лиц в судебном заседании путем использования систем видеоконференц-связи может быть подана частная жалоба».

Отдельным пунктом необходимо закрепить перечень оснований для удовлетворения ходатайств. Такими основаниями могут быть: 1) отсутствие технической возможности использования видеоконференц-связи; 2) необходимость проведения закрытого судебного заседания и иные.

Р. А. Шарифуллин, Р. С. Бурганов, Р. Г. Бикмиев предлагают «сделать требование лица об участии в заседании посредством видеоконференц-связи обязательным для суда» [Шарифуллин, Бурганов, Бикмиев 2018, с. 53].

На наш взгляд, совершенствование системы видеоконференц-связи позволит со временем создать систему полного онлайн-участия в судебных заседаниях, которая даст возможность одновременно суду и всем иным участникам гражданского судопроизводства участвовать в заседаниях дистанционно. Такая реализация участия в судебном заседании возможна через личный кабинет на базе государственной автоматизированной системы «Правосудие» (далее: ГАС «Правосудие»). Введение такой системы будет значительно экономить время суда и участников процесса, сократит большую часть финансовых расходов, а главное, повысит доступность правосудия.

На наш взгляд, предложенные нами направления совершенствования правового регулирования использования информационных технологий в гражданском судопроизводстве позволят:

1) обеспечить гораздо больший и универсальный доступ к правосудию для всех граждан;

2) сократить время рассмотрения дел в судах;

3) снизить нагрузку на сотрудников аппарата суда;

4) сократить расходование бюджетных средств;

5) обеспечить прозрачность деятельности судов, что даст возможность исключить коррупционность в данных отношениях.

Использование информационных технологий при рассмотрении и разрешении гражданских дел приведет к повышению качества осуществления правосудия, эффективности судебной защиты прав, свобод и законных интересов участников гражданского судопроизводства. Безусловно, это не сиюминутный процесс. Такое совершенствование потребует длительного времени и значительных бюджетных средств, но это будет оправдано.

Полагаем, что в перспективе, благодаря внедрению соответствующих предложений на базе ГАС «Правосудие», будет возможно создать полностью онлайн-суды, что позволит перейти на совершенно новый уровень процессуальных отношений с более эффективной системой судебной защиты граждан в нашей стране.

Список цитируемых источников

Афанасьев, Жирнова, Филимонова 2018 – *Афанасьев С. Ф., Жирнова Н. А., Филимонова М. В.* Информационно-правовая составляющая СМС-извещения участников гражданского судопроизводства // Администратор суда. 2018. № 3. С. 3–6.

Дерхо 2020 – *Дерхо Д. С.* Видеоконференц-связь в судебном заседании. Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2020.

Егоров 2012 – *Егоров Е. В.* Актуальные проблемы системы извещения участников судопроизводства посредством СМС-сообщений // Администратор суда. 2012. № 4. С. 16–18.

Ишонина, Лапаев 2016 – *Ишонина А. С., Лапаев И. С.* Проблемы законодательного регулирования порядка применения систем видеоконференц-связи в гражданском процессе // Вопросы современной юриспруденции. Новосибирск : СибАК, 2016. С. 14–18.

Молева, Гуськова 2018 – *Молева Г. В., Гуськова Д. А.* Проблемы извещения лиц, участвующих в гражданском судопроизводстве // Научные тенденции: юриспруденция. СПб. : МОАК, 2018. С. 14–17.

Шарифуллин, Бурганов, Бикмиев 2018 – *Шарифуллин Р. А., Бурганов Р. С., Бикмиев Р. Г.* Проблемы и перспективы внедрения информационных технологий в деятельность судебной системы России // Российский судья. 2018. № 8. С. 49–53.

Ярков 2018 – *Ярков А. А.* Ухудшение качества связи при использовании систем видеоконференц-связи // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. № 10. С. 16–18.

References

Afanas ’ev, S. F., Zhirnova, N. A. and Filimonova, M. V. (2018), “Information and legal component of SMS notification of participants in civil proceedings”, *Administrator suda,* no. 3, pp. 3–6.

Derkho, D. S. (2020), "Video conferencing in court session", *ConsultantPlus*.

Egorov, E. V. (2012), "Actual problems of notification system for participants of legal proceedings via SMS messages", *Administrator suda,* no. 4, pp. 16–18.

Ishonina, A. S. and Lapaev, I. S. (2016), "Problems of legislative regulation of the order of application of videoconferencing systems in civil proceedings", *Voprosy sovremennoi yurisprudentsii* [Questions of modern jurisprudence], SibAK, Novosibirsk, Russia, pp. 14–18.

Moleva, G. V. and Gus 'kova, D. A. (2018), "Problems of notification of persons participating in civil proceedings", *Nauchnye tendentsii: yurisprudentsiya* [Scientific Trends: Law], MOAK, St. Petersburg, Russia, pp. 14–17.

Sharifullin, R. A., Burganov, R. S. and Bikmiev, R. G. (2018), "Problems and prospects of introduction of information technologies in the activity of the judicial system of Russia", *Rossiiskii sud 'ya,* no. 8, pp. 49–53.

Yarkov, A. A. (2018), "Deterioration of communication quality when using video conferencing systems", *Arbitrazhnyi i grazhdanskii process,* no. 10, pp. 16–18.

Информация об авторах

Баринов Андрей Викторович,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; barinov-vlad@inbox.ru

Некрасова Мария Андреевна,
Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; marianekrasova1998@yandex.ru

Information about the authors

Barinov Andrei A.,
PhD (law), associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; barinov-vlad@inbox.ru

Nekrasova Mariya A.,
Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; marianekrasova1998@yandex.ru

Для цитирования

Баринов А. В., Некрасова М. А. Проблемы использования информационных технологий при рассмотрении гражданских дел в Российской Федерации // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 38–42.

For citation

Barinov, A. V. and Nekrasova, M. A. (2020), "Problems of using information technologies in civil cases in the Russian Federation", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 38–42.

УДК 343.3:343.85

Г. Р. Дондоков[1]
Д. С. Стёпин[2]
[1] Забайкальский государственный университет, Чита, Российская Федерация
[2] МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация

G. R. Dondokov[1]
D. S. Stepin[2]
[1] Transbaikal State University, Chita, Russian Federation
[2] MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation

Особенности правового регулирования противодействия пропаганде террористической и экстремистской деятельности в социальных сетях

Features of legal regulation of counteraction to terrorist and extremist propaganda activities in social networks

Ключевые слова: терроризм; экстремизм; Интернет; социальные сети; агитация, пропаганда.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования механизма деструктивной пропаганды с использованием социальной сети «Интернет» по вовлечению молодежи в террористическую или экстремистскую деятельность. Представляется, что данный механизм поможет понять и оценить общественную опасность этого деяния и, возможно, окажет помощь действующим сотрудникам правоохранительных органов.

Key words: terrorism; extremism; the Internet; social networks; agitation; propaganda.

Abstract. The article discusses the features of the mechanism of destructive propaganda using the social network «the Internet» to involve young people in terrorist or extremist activities. It seems that this mechanism will help to understand and assess the public danger of this act, and may help existing law enforcement officers.

В настоящее время наблюдается значительный рост количества пользователей ресурсов информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» (далее: Интернет). Особенно много пользователей тех или иных интернет-ресурсов, в первую очередь социальных сетей, среди молодежи. Социальные сети стали фактически альтернативным источником информации для молодежной аудитории, дополняя, а в отдельных случаях и подменяя собой классические ресурсы официальных средств массовой информации.

Социальная сеть, как и другие ресурсы Интернета, используются террористическими и экстремистскими структурами при осуществлении деструктивного воздействия на общество, а присущие ей особенности позволяют существенно усилить такое воздействие.

Молодежь, являясь наиболее восприимчивой средой для распространения всевозможных идей, часто используется преступными структурами для негативного информационно-пропагандистского воздействия.

У социальных сетей имеется ряд особенностей, отличающих их от других ресурсов Интернета. Главной особенностью социальной сети является наличие инструментов поиска нужных контактов и установления связей между людьми («дружба»[1], подписка). При помощи социальной сети каждый ее пользователь может сформировать свой виртуальный портрет (профиль[2]), в котором подробно рассказать о себе, своих увлечениях, интересах, целях, презентовать себя, вести свой собственный блог (стену[3] профиля). Социальная сеть позволяет использовать механизмы поиска единомышленников, коллег, устанавливать контакты с наиболее интересными конкретному пользователю людьми. Кроме того, она позволяет людям объединяться в зависимости от их интересов, вести групповые чаты, блоги. В социальной сети также существуют механизмы внутренней коммуникации (почта, комментарии, подписки)[4].

Социальная сеть позволяет легко манипулировать сознанием больших групп пользователей. Используя ресурсы социальной сети, можно отобрать целевую аудиторию по полу, возрасту, религиозным предпочтениям, кругу интересов, психическому состоянию и другим признакам. С использованием тематических пабликов[5] в отношении отобранных групп пользователей возможна

[1] Дружба (дружеская связь) – связь профиля пользователя социальной сети с другим профилем, позволяющая получать от него обновляемый контент. Профили, связанные дружбой, отображаются в списке друзей у обоих аккаунтов.

© Дондоков Г. Р., Стёпин Д. С., 2020

[2] Профиль – персональная страница пользователя социальной сети, на которой содержится информация о ее владельце.

[3] Стена – расположенные в хронологическом порядке записи, содержащие контент.

[4] Социальные сети. URL: www.tadviser.ru/index.php/ (дата обращения: 12.10.2019).

[5] Паблик (публичная страница, тематическое сообщество) – сообщество социальной сети, на стене которого размещается информация определенной тематической направленности. В них могут вступать зарегистрированные пользователи социальной сети.

реализация адресных методик воздействия, когда типы распространяемых материалов дифференцируются в зависимости от целевой аудитории. Такое воздействие с высокой вероятностью повлечет у части подписчиков[1] устойчивое изменение взглядов, установок, ценностей в сторону допустимости и оправданности террористической и экстремистской деятельности. С использованием тематических сообществ социальной сети реализуются адресные методики воздействия на целевые аудитории (например, сообщества «для сестер», «для братьев», «для ищущих знания» и т. д.), при этом тип распространяемых материалов дифференцируется в зависимости от целевой аудитории.

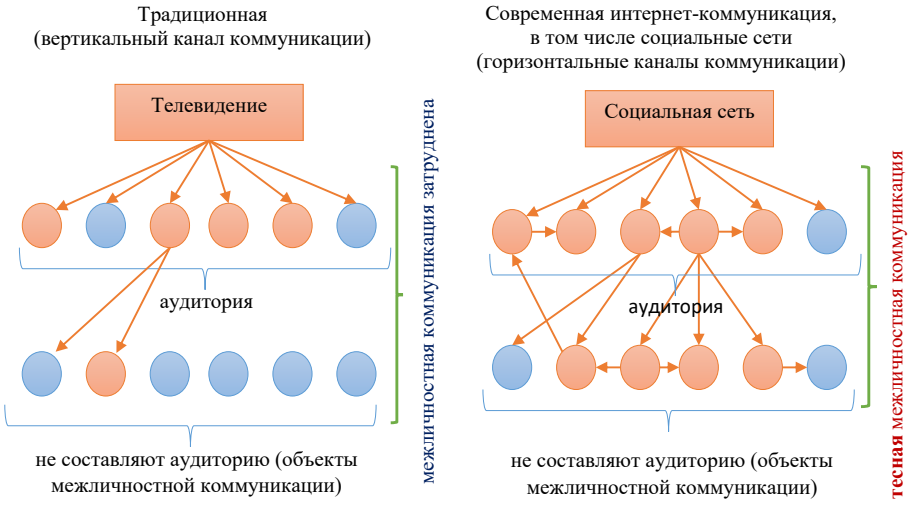
Для пользователей социальной сети характерно быстрое прохождение от этапа знакомства с какой-либо идеей до ее полного принятия. Не случайно социальную сеть сравнивают с «информационной линзой», которая многократно усиливает информационное воздействие. Указанная особенность обусловлена тем, что человек в социальной сети легко находит себе «друзей» со сходными интересами, разделяющих его взгляды. В этой среде он общается, получает и воспринимает информацию, которая соответствует его внутренним установкам, воспринимается как заслуживающая доверия. Кроме того, социальная сеть позволяет отгородиться от информации, не соответствующей установкам пользователя, не видеть альтернативных точек зрения (отписаться от паблика, удалить из списка «друзей»). Фактически в социальной сети происходит *замыкание пользователя в своей тематической нише*. Террористические и экстремистские структуры используют названные особенности для пропаганды соответствующих идей.

Для тематических пабликов в социальной сети характерно присутствие этапов жизни, таких как: появление, функционирование и рост количества подписчиков до определенной численности, блокировка. Это позволяет на разных этапах использовать различные формы экстремистской пропаганды: на начальных – осуществлять подготовительное воздействие на аудиторию, постепенно формировать нужные взгляды и установки; в дальнейшем – поддерживать и закреплять их; на поздних этапах – воздействовать наиболее деструктивным материалом, который на ранних этапах, вероятнее всего, отвергался бы пользователем.

Манипулятивные возможности социальных сетей обусловлены высоким уровнем доверия пользователей к горизонтальным коммуникациям, т. е. к той информации, которая исходит не из средств массовой информации, использующих традиционные каналы, а от самих пользователей социальной сети. Социальная сеть представляет широкие возможности для такой горизонтальной коммуникации, а также для пользовательских оценок распространяемого контента (см. рисунок). В то же время социальные сети представляют широкие возможности для манипуляции пользовательскими оценками конкретных фактов. По справедливому мнению С. Г. Кара-Мурзы, которое приводит в своей работе С. В. Володенков, «человек, который приготовился узнать факты, с трудом может защититься от внушаемого ему вместе с этими фактами мнения о них» [Володенков 2015, с. 50].

Террористическими и экстремистскими структурами с использованием социальных сетей распространяется достаточно разнородный контент, при этом распространение такой информации не всегда является уголовно наказуемым. Распространение части материалов можно квалифицировать по следующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации:

Схема различных видов коммуникации



[1] Подписчик – участник социальной сети, подписанный на тематический ресурс (профиль, паблик). Подписка – однонаправленный контакт для получения обновляемого контента с определенного ресурса социальной сети на регулярной основе.

ст. 205.2 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма»;

ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности»;

ст. 280.1 «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации»;

ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства».

Нужно отметить, что в наиболее популярных среди русскоязычной аудитории социальных сетях распространение основной массы материалов, хотя и осуществляется в интересах террористических или экстремистских структур, но не носит уголовно наказуемого характера – это материалы, которые часто сопутствуют террористической или экстремистской агитации и пропаганде.

В социальной сети функционирует так называемая воронка вовлечения[1]. На ее верхнем уровне практически отсутствует запрещенный контент, и постепенно пользователь, следуя за распространяемым контентом, получает все более радикальную информацию. Часть пользователей отсеиваются, а те, которые остаются, постепенно получают все больше экстремистских материалов, подписываются на закрытые паблики, вступают в специфические онлайн-сообщества, постепенно «опускаясь на дно воронки». Исходя из заинтересованности пользователя определенного рода информацией, он вовлекается в закрытые сообщества, его противоправные действия постепенно переходят из социальной сети в реальность – он совершает конкретные преступления террористической или экстремистской направленности.

Радикализация пользователя социальной сети происходит не только под воздействием террористической и экстремистской агитации и пропаганды, но и под влиянием иной информации, которая усиливает воздействие экстремистских материалов, но сама к таковым не относится, а ее транслирование не предполагает уголовной ответственности.

Распространяемые террористическими или экстремистскими структурами материалы можно разделить по функциональной нагрузке на следующие категории:

1. Формирующие искаженное (часто гипертрофированно-искаженное) представление о бедственном положении, нищете, притеснении отдельных народов, религий, национальностей, социальных групп, а также материалы, аргументирующие и обосновывающие данную информацию.

2. Формирующие «образ врага», на которого возлагается вина за создавшееся бедственно положение, также разъясняющие, почему к врагу нужно относить не только правоохранительные органы, но и «мирное население». Враг, с которым нужно бороться, а также жертвы террористических (экстремистских) преступлений лишаются положительных, человеческих качеств и наделяются отрицательными. Распространение таких материалов включает механизм обесчеловечивания врага и жертвы.

3. Обесценивающие собственную жизнь лиц, совершающих террористические (экстремистские) преступления, или человеческую жизнь вообще.

4. Призывающие либо абстрактно к борьбе, либо к борьбе с конкретным врагом, а также изменить существующее бедственное положение.

5. Смещающие вину за последствия конкретных преступлений террористической или экстремистской направленности на органы государственной власти, правоохранительные органы, конкретных должностных лиц.

6. Восхваляющие лиц, совершивших резонансные террористические (экстремистские) преступления. «Хороших» преступников показывают в контрасте с «плохими» сотрудниками правоохранительных органов, обезличенными жертвами.

7. Оправдывающие террористическую или экстремистскую деятельность как методы борьбы, а также оправдывающие жестокость при выборе методов и средств борьбы, аргументирующие, что в создавшейся ситуации такие методы являются необходимыми или единственными.

Суть террористической и экстремистской агитации и пропаганды в социальных сетях заключается не в постоянном воздействии конкретными призывами к совершению преступлений, а в формировании у потенциальной аудитории посредством «вспомогательной информации» искаженной картины действительности и соответствующих установок о недопустимости существующего положения, необходимости борьбы для его изменения. Такие установки, после их формирования, существенно упрощают задачу по вовлечению лиц в совершение преступлений террористической или экстремистской направленности.

Одно из эффективных средств агитации и пропаганды – использование мемов, т. е. устойчивых образов, объектов, которые в сознании аудитории непременно ассоциируется с конкретной системой взглядов, установок, конкретными мысленными образами. Мемы играют важную роль, выступая мощным средством как политического, так и идеологического влияния [Канашина 2018, с. 67–68]. В настоящее время террористическими и экстремистскими структурами с использованием социальных сетей распространяется ряд таких устойчивых образов, которые у целевой аудитории вызывают необходимые ассоциации, при этом однозначно нельзя интерпретировать такие материалы, как: оправдание, пропаганда терроризма,

[1] Социальные сети. URL: www.tadviser.ru/index.php/ (дата обращения: 12.10.2019).

призывы к осуществлению террористической или экстремистской деятельности.

При помощи ресурсов социальной сети в общественном сознании поддерживаются конкретные стереотипы, штампы мышления, которые существенно упрощают террористическую (экстремистскую) агитацию и пропаганду, в то же время затрудняют воздействие на нее уголовно-правовых средств.

В настоящее время тактика агитации террористических и экстремистских структур смещается в сторону призывов совершать резонансные преступления одиночками, не имеющими непосредственных связей с радикальными структурами, и использовать при этом подручные средства (предметы, используемые в качестве оружия, гражданское охотничье оружие, автомобили, самодельные взрывные устройства). В дальнейшем ответственность за такие преступления берет на себя конкретная террористическая или экстремистская организация. Указанная тактика реализуется именно за счет деструктивного воздействия террористической и экстремистской агитации и пропаганды на максимально широкую аудиторию, которую в первую очередь обеспечивают социальные сети Интернета.

В связи с тем, что в наиболее популярных социальных сетях активно блокируется деструктивный контент, террористическими и экстремистскими структурами при распространении материалов делается упор на следующие аспекты:

– противоправный контент распространяется лавинообразно, пропагандисты стараются разместить как можно больше экстремистских материалов до момента блокировки аккаунта или паблика;

– активно используются резервные подписки, что позволяют не потерять аудиторию после блокировки экстремистского паблика, а сразу переключить аудиторию на резервный;

– террористическая и экстремистская агитация и пропаганда осуществляются не только с использованием радикальных (откровенно террористических, экстремистских) материалов, но и вспомогательной информации, не позволяющей однозначно отнести ее к террористической и экстремистской, при этом обладающей существенным деструктивным воздействием.

В заключение отметим, что социальные сети в настоящее время активно используются в террористической и экстремистской деятельности, они имеют ряд особенностей, учет которых позволяет существенно повысить эффективность пропагандистского воздействия. Очевидно, что необходимы дальнейшее изучение проблем деструктивного влияния на молодежь с использованием социальных сетей Интернета и построение с учетом этих знаний адекватной системы противодействия.

Список цитируемых источников

Володенков 2015 – *Володенков С. В.* Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2015. 269 с.

Канашина 2018 – *Канашина С. В.* Роль интернет-мемов в процессе политических выборов // Политическая лингвистика. 2018. № 1(67). С. 67–73.

References

Kanashina, S. V. (2018), “The role of Internet memes in the process of political elections”, *Politicheskaya lingvistika,* no. 1(67), pp. 67–73.

Volodenkov, S. V. (2015), *Internet-kommunikatscii v global’nom prostranstve sovremennogo politicheskogo upravlenija* [Internet communications in the global space of modern political management], Izdatel’stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Дондоков Гармадоржи Рыгзынович,
Забайкальский государственный университет, Чита, Российская Федерация; g.dondokov@mail.ru
Стёпин Дмитрий Степанович,
кандидат юридических наук, доцент, МИРЭА – Российский технологический университет, Москва, Российская Федерация; s-t-e-p-i-n@mail.ru

Information about the authors

Dondokov Garmadorzhi R.,
Transbaikal State University, Chita, Russian Federation; g.dondokov@mail.ru
Stepin Dmitry S.,
PhD (law), associate professor, MIREA – Russian Technological University, Moscow, Russian Federation; s-t-e-p-i-n@mail.ru

Для цитирования

Дондоков Г. Р., Стёпин Д. С. Особенности правового регулирования противодействия пропаганде террористической и экстремистской деятельности в социальных сетях // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 43–46.

For citation

Dondokov, G. R. and Stepin, D. S. (2020), “Features of legal regulation terrorist and extremist activities in social networks”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 43–46.

УДК 347.963

П. И. Иванов[1]
[1] Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

P. I. Ivanov[1]
[1] Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Относительно самостоятельная отрасль прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: быть или не быть

Relatively independent branch of prosecutorial supervision for the enforcement of laws by bodies implementing operational-search activity: to be or not to be

Ключевые слова: прокурорский надзор; отрасль; оперативно-розыскная деятельность; органы, ее осуществляющие; исполнение законов.

Аннотация. В статье обосновывается идея о создании еще одной относительно самостоятельной отрасли прокурорского надзора путем выделения ее из ныне существующего прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие.

Key words: prosecutor 's supervision; branch; operational search activity; bodies that carry it out; enforcement of laws.

Abstract. This article substantiates the idea of creating another relatively independent branch of prosecutor's supervision by separating it from the existing prosecutor's supervision of the execution of laws by bodies that carry out operational investigative activities, inquiry and preliminary investigation.

Учитывая существенные особенности такого вида правоохранительной деятельности, как оперативно-розыскная, законодатель, исходя из необходимости прежде всего соблюдения прав и свобод человека и гражданина, счел нужным посвятить специальную главу в Федеральном законе от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[1] (далее: ФЗ «Об ОРД») вопросам контроля и надзора за оперативно-розыскной деятельностью (далее: ОРД). Следует заметить, что ни один надзор из числа отраслей прокурорского надзора, кроме надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие (в существующей редакции), на сегодня так и не урегулирован на законодательном уровне. На наш взгляд, данное обстоятельство еще раз подчеркивает озабоченность законодателя в плане соблюдения законности теми органами, на которых возложена обязанность осуществления рассматриваемого вида деятельности, при исполнении ими законов.

В научной юридической и специальной литературе пока нет единого мнения о количестве отраслей прокурорского надзора, хотя в Федеральном законе от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»[2] оно однозначно определено.

В настоящее время между специалистами в области теории ОРД и прокурорского надзора идет острая дискуссия о том, надо ли прокурорскому надзору за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД[3], отделяться от законодательно закрепленной отрасли надзора – прокурорский надзор за ОРД. Данный вид надзора в учебной литературе часто называют как надзор за ОРД и предварительным расследованием [Климов 2017, с. 311]. Мы не поддерживаем такой упрощенный подход вопреки существующему закрепленному законодательством понятию.

Приведем имеющиеся точки зрения[4] по поводу выделения прокурорского надзора за ОРД в отдельную отрасль надзора.

Одни авторы [Одношевин 2017, с. 195; Серебрянникова 2013] считают, что нет необходимости выделения прокурорского надзора за ОРД в отдельную отрасль, несмотря на то, что современная система надзора состоит из различных направлений деятельности. В частности, М. В. Серебрянникова отмечает, что «общественные отношения, объединенные в рамках прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие, имеют различную правовую основу». Далее она обращает внимание на то, что «несмотря на закрепление в Федеральном законе “О прокуратуре

[1] Российская газета. 1995. 18 авг.

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 47, ст. 4472.

© Иванов П. И., 2020

[3] В дальнейшем, наряду с использованием полного наименования названной разновидности прокурорского надзора, будем также использовать словосочетание «прокурорский надзор за ОРД».

[4] Выборочное изучение показало, что приверженцев самостоятельности среди специалистов в области теории и практики ОРД гораздо больше, нежели в сфере теории и практики прокурорского надзора.

Российской Федерации" прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие, в качестве самостоятельной отрасли, в правовую основу каждого ее направления в зависимости от вида деятельности, осуществляемой поднадзорными органами, входит отдельная группа федеральных законов» [Серебрянникова 2013, с. 137]. Как нам представляется, говоря об этом, данный автор недоговаривает в части возможности выделения из названной отрасли в отдельную самостоятельную отрасль хотя бы прокурорского надзора за ОРД. А ведь это напрашивается. Практическая реализация указанного нами предложения потребует внесение изменений в названный Федеральный закон. Инициирование этого вопроса в соответствующей инстанции требует прежде всего смелости и решительности, весомых аргументов. Пока мало, кто задумывается над этим.

Другие авторы [Королев 2019, Никитин, Дытченко 2016] высказывают противоположную точку зрения.

Такого же мнения придерживаемся и мы. При этом одновременно полагаем, что прокурорский надзор за ОРД, будучи неотъемлемой частью действующей системы надзора, на наш взгляд, в существующем виде представлен несколько ущербно (притесненно).

Суждения второй группы авторов в целом основаны на следующих положениях:

– прокурорский надзор за ОРД имеет сугубо свой объект, предмет, пределы [Иванов 2019b, с. 139], полномочия, средства и методы. Отработаны закономерности его осуществления, строго выстроена организационно-функциональная структура (на наш взгляд, это уже многое значит);

– осуществление такого надзора должно осуществляться только специально уполномоченным на то прокурором единолично, который обязан следить за точным и единообразным исполнением законов;

– прокурор свои полномочия должен реализовывать путем проверки исполнения законов в сфере ОРД (проведения их в жизнь);

– осуществление надзорной функции уполномоченного прокурора предусмотрено законодательством о прокуратуре и об ОРД.

Поддерживая сторонников идеи о самостоятельности прокурорского надзора за ОРД, полагаем необходимым высказать некоторые свои соображения.

Как нам представляется, прокурорский надзор за ОРД [Патрушев 2019, с. 169], сегодня претендует на относительную самостоятельность. Ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что это разновидность государственной (правоохранительной) деятельности. Нахождение ее в общей системе (в рамках прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД, дознание и предварительное следствие) для нас, в частности, труднообъяснимо, ибо в новых условиях коренным образом изменилось и законодательство, и сама ситуация – деятельность поднадзорных органов. Характеризующими ее обстоятельствами стали:

– режимный характер самой деятельности вследствие вторжения в область государственной тайны;

– выполнение ОРД обеспечительной функции уголовно-процессуальной деятельности, строго регламентируемой УПК РФ, тогда как правовую основу ОРД составляет оперативно-розыскное законодательство – совсем иная область права. Использование результатов ОРД при раскрытии преступлений и расследовании уголовных дел. Результаты ОРД должны содержать сведения, указывающие на источник информации;

– ужесточение соблюдения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях правового государства. Строгое их соблюдение немыслимо без использования при этом оперативно-розыскных возможностей, так как скрытно совершаемым противоправным деяниям можно противопоставить только тайно и внезапно осуществляемые оперативно-розыскные мероприятия, являющиеся составной частью мер;

– объективная необходимость регламентации порядка осуществления прокурорского надзора за ОРД отдельно принятым для этого нормативным правовым актом. В настоящее время это приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации от 15 февраля 2011 г. № 33 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при осуществлении оперативно-розыскной деятельности»[1];

– сегодня бороться с преступностью лишь уголовно-процессуальными методами и средствами малоэффективно, особенно если учесть то обстоятельство, что в начале XXI в. отчетливо проявились новые вызовы и угрозы (терроризм, экстремизм, международная налоговая преступность, организованная преступность, коррупция, незаконная миграция), которым невозможно противодействовать одними лишь криминологическими, уголовно-правовыми, криминалистическими, уголовно-процессуальными мерами, без применения негласных сил и средств ОРД.

Как нам представляется, при положительном решении вопроса (при выделении прокурорского надзора за ОРД в качестве относительно самостоятельной отрасли) прокурорский надзор за исполнением оперативно-розыскного законодательства (законов и подзаконных нормативных правовых актов) приобретет следующие достоинства:

– освободит уполномоченного прокурора, осуществляющего проверки исполнения законов в

[1] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

сфере ОРД оперативными подразделениями, от «не свойственных» ему функций;

– повысит качество оперативного реагирования на допускаемые нарушения законности посредством своевременного выявления и устранения любых нарушений закона и привлечения к ответственности виновных;

– обеспечит концентрацию усилий с использованием предоставленных полномочий на всестороннем изучении соблюдения законности по основным направлениям ОРД (заведение и прекращение дел оперативного учета, проведение оперативно-розыскных мероприятий с использованием оперативно-технических средств, ведение учетно-регистрационной документации);

– позволит избежать некоторой «путаницы», находясь в структуре действующей системы прокурорского надзора.

Как уже отмечали выше, при выделении в отдельную отрасль прокурорского надзора за ОРД, он, наряду с некоторыми преимуществами, может:

– ощутить на себе отсутствие так называемых выгодоприобретателей – органов дознания и предварительного следствия, преимущественно ради которых и существует ОРД как разновидность правоохранительной деятельности. Об этом свидетельствует следующее: результаты ОРД могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, могут быть использованы для подготовки и осуществления следственных и судебных действий (ч. 1 и 2 ст. 11 ФЗ «Об ОРД»). Между тем ошибки, допущенные при их использовании, могут выявляться и устраняться в ходе осуществления надзорной функции;

– в некотором смысле потерять годами апробированный на практике источник получения необходимой для уполномоченного прокурора информации, готовясь к очередной проверке оперативных подразделений.

Продолжая анализ отдельных суждений сторонников за относительно самостоятельную отрасль, со своей стороны считаем необходимым включиться в полемику по поводу высказывания И. А. Королева, утверждающего, что «специфика осуществления прокурорского надзора за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности, прежде всего, обусловливается особенностями самой оперативно-розыскной деятельности, предполагающей гласные и негласные методы получения информации, широкое использование конфиденциальных источников информации, скрытое вторжение в конституционные права, свободы и законные интересы физических и юридических лиц» [Королев 2019, с. 152].

Трудно согласиться с данным автором в части скрытого вторжения, причем тем самым нарушающего законные интересы физических и юридических лиц. Скорее всего, речь идет о прослушивании телефонных и иных переговоров. Как известно, проведение такого оперативно-розыскного мероприятия допускается в строго установленном порядке. Более того, проведение ряда оперативно-розыскных мероприятий (прослушивание телефонных и иных переговоров, проверочная закупка или контролируемая поставка, оперативный эксперимент) законодателем разрешается только при соблюдении определенных условий. Например, согласно ч. 2 ст. 8 ФЗ «Об ОРД» проведение оперативно-розыскных мероприятий, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии соответствующей информации. Или же проведение оперативного эксперимента допускается только в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления, а также в целях выявления и установления лиц, их подготавливающих, совершающих или совершивших (ч. 8 ст. 8 ФЗ «Об ОРД»).

О каком ущемлении законных прав и свобод граждан может идти речь, если процедура их проведения (основания и условия) прописана в самом законе?

Мы должны понимать, что пока не изолируем преступные элементы от общества, они продолжат нарушать конституционные права и свободы граждан. Мы же оперативно-розыскные мероприятия проводим лишь тогда, когда докажем, что лицо обоснованно подозревается в подготовке либо совершении преступления средней тяжести, тяжкого или особо тяжкого преступления.

ОРД в отношении законопослушных граждан без их согласия не осуществляется, она законодателем разрешена только в борьбе с преступностью (даже не с административными деликтами). Попутно, безусловно, могут быть выявлены и административные правонарушения. Это позволительно.

Возвращаясь к мнению И. А. Королева, сошлемся еще на одно его суждение о том, что «прокурорский надзор за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность и предварительное расследование, следует отграничивать друг от друга и рассматривать как отдельные отрасли надзорной деятельности, различаемые по таким критериям, как правовая основа деятельности, полномочия, поднадзорные объекты, предмет и средства прокурорского надзора. С нашей точки зрения, следует также внести изменения в ч. 2 ст. 1 и в главу 3 ФЗ “О проку-

ратуре РФ", выделив надзор за осуществлением оперативно-розыскной деятельности в отдельную отрасль прокурорского надзора» [Королев 2019, с. 151]. Мы разделяем мнение автора в части приведенных им отличительных признаков, которые в действительности подчеркивают специфические особенности той или иной деятельности.

Рассматривая существующие точки зрения по анализируемому вопросу, мы выделяем еще одну группу – третью, сторонники которой [Кураков 2017; Курышов 2005; Тюрин 2014], как нам кажется, смешивают понятия «направление прокурорской деятельности» и «отрасль прокурорского надзора», толкуя их как равнозначные (тождественные). Так, И. С. Курышов считает следующее: «…в связи с тем, что прокурорский надзор за ОРД имеет обособленный предмет, специфику выполняемых задач и полномочий прокуроров, данные обстоятельства обусловливают необходимость отнесения прокурорского надзора за исполнением законов оперативными подразделениями МВД к самостоятельному направлению деятельности прокуратуры» [Курышов 2005, с. 94–95]. Он, перечисляя отличительные признаки прокурорского надзора за ОРД, не говорит как об имеющихся предпосылках для выделения его в отдельную отрасль надзора, а ведет речь о самостоятельном направлении его деятельности.

Почти аналогичной позиции придерживается Н. С. Тюрин, полагая, что «прокурорский надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности в настоящий момент представляет собой отдельное направление прокурорского надзора в рамках отдельной отрасли – прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность и расследование преступлений. Вместе с тем, в отличие от иных направлений прокурорской деятельности в рамках данной отрасли, он обладает существенной спецификой, продиктованной особенностями оперативно-розыскной деятельности, предполагающей скрытое вторжение в сферу конституционных прав граждан. Кроме того, его осуществление предполагает фактическое использование процессуальных возможностей отечественного прокурора» [Тюрин 2014, с. 74]. Такое же мнение высказывает и Д. В. Кураков, рассматривая прокурорский надзор за исполнением законов в ОРД, задачи, решаемые при его осуществлении. Он утверждает, что «надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности является самостоятельным направлением надзорной деятельности прокуратуры, так как он осуществляется в определенной сфере государственной и общественной жизни, имеет свои специфические правоотношения, задачи и полномочия» [Кураков 2017, с. 54]. Как нам представляется, затронуто весьма важное концептуальное положение – специфические правоотношения, которые в первую очередь возникают между субъектами ОРД, с одной стороны, и прокурором, с другой. Считаем при этом важным подчеркнуть, для того чтобы эти отношения могли реально функционировать, в уже упомянутых нами федеральных законах определены: сами субъекты оперативно-розыскных отношений (включая уполномоченного прокурора); объем и пределы прав и обязанностей каждого из них; круг действий, которые они могут или обязаны осуществлять; разновидности принимаемых решений и порядок их обжалования; юридические факты, от которых зависит возникновение, изменение, развитие и прекращение правоотношений. Вышеуказанный автор при разграничении данного направления от иных почему-то не принимает во внимание формы, методы, средства прокурорского надзора, его предмет. Д. В. Кураков свою мысль заключает следующим образом: «Подводя общий итог, можно сделать вывод о том, что предмет и пределы прокурорского надзора являются важным критерием, определяющим прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности как самостоятельное направление (отрасль) прокурорского надзора». Как видим, такие понятия, как «самостоятельное направление деятельности» и «отрасль прокурорского надзора» рассматриваются им в качестве однопорядковых.

Мы же полагаем, что это разные по смыслу и содержанию понятия, но, безусловно, тесно связанные между собой, поскольку специфика самой ОРД во многом обусловливает необходимость ее отделения от уголовно-процессуальной деятельности и деятельности по производству дознания. Как известно, в настоящее время все виды деятельности законодателем объединены в одну отрасль прокурорского надзора [Иванов 2019а, с. 151]. На наш взгляд, это ошибочный, не вполне аргументированный подход, вызывающий множество вопросов, на которые специалисты пытаются по-своему ответить. Даже номенклатура научных специальностей сегодня отдельно предусматривает оперативно-розыскную деятельность и уголовный процесс. Думается, что не случайно это сделано: по существу, имеем дело с двумя самостоятельными отраслями науки. Почему бы не идти по этому же пути, когда обсуждаем прокурорский надзор и его систему.

Важно иметь в виду одно немаловажное обстоятельство: указанное направление деятельности сегодня представлено в рамках действующей системы надзора. Наличие множества специфических черт ОРД как объекта надзора позволяет, на наш взгляд, вести речь о выделении из общей системы относительно самостоятельной отрасли, именовав ее как прокурорский *надзор за исполнением законов органами, осуществляющими ОРД*.

Весьма интересное суждение высказано С. И. Захарцевым и Н. О. Кирюшкиной, изучавшими ос-

новы организации прокурорского надзора за ОРД. Авторы, в частности, предлагают: 1) создать согласительную комиссию из числа ведущих научных и практических работников органов, осуществляющих ОРД, и органов прокуратуры для углубленного изучения предмета и пределов прокурорского надзора за ОРД; 2) определять полномочия уполномоченных прокуроров в Федеральном законе «Об ОРД», а не приказами Генеральной прокуратуры Российской Федерации; 3) специально созданной межведомственной комиссии поручить подготовить для этого законопроект [Захарцев, Кирюшкина 2015, с. 145].

Безусловно, здесь речь идет не об отрасли прокурорского надзора, а о его дальнейшем совершенствовании в условиях существующего в стране правового государства. Высказанные предложения с точки зрения здравого смысла, на наш взгляд, заслуживают определенного внимания, поскольку между специалистами двух ведомств (субъектами ОРД и органов прокуратуры) пока что нет единого мнения по тому же вопросу, что касается предмета и пределов прокурорского надзора за ОРД. Думается, что в этом направлении двигаться вперед надо, не следует ждать подсказки сверху.

Мы отчасти соглашается с позицией тех сторонников, которые не только высказываются о наличии обсуждаемой нами проблемы, но и смело предлагают пути ее решения.

По нашему мнению, вторая группа авторов более убедительно отстаивает свою точку зрения, приводя вполне обоснованные и логически выдержанные аргументы и доводы, что, безусловно, импонирует специалистам, прежде всего, в области теории ОРД.

По мнению В. И. Зажицкого, если соотнести два понятия «оперативно-розыскная деятельность» и «уголовно-процессуальная деятельность» в контексте правоохранительной деятельности, то их следует рассматривать как форма и содержание [Зажицкий 2006]. Как видим, прослеживается их тесная взаимосвязь.

Прокурорский надзор за ОРД, будучи неотъемлемой частью действующей системы надзора, как уже мы отмечали выше, на сегодня представлен несколько свернуто (необычно). В этом мы видим проблему, которая непосредственно связана с прокурорским надзором за ОРД. Ее суть, на наш взгляд, заключается в необходимости разрешения противоречий между объективной потребностью в повышении эффективности надзора за соблюдением законности в сфере ОРД и неполнотой современных научно обоснованных представлений об этом виде надзора.

Иными словами, сейчас складывается следующее впечатление: де-факто прослеживается тенденция к относительно самостоятельной отрасли прокурорского надзора, но де-юре такое положение официально еще не закреплено.

Таким образом, результаты изучения и анализа научных публикаций, посвященных затронутой нами проблеме, а также правоприменительной практики свидетельствуют о том, что на настоящий момент созданы реальные предпосылки для того, чтобы вести разговор о прокурорском надзоре за ОРД как об отдельной отрасли прокурорского надзора.

Список цитируемых источников

Зажицкий 2006 – *Зажицкий В. И.* Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. М. : Юрид. центр Пресс, 2006.

Захарцев, Кирюшкина 2015 – *Захарцев С. И., Кирюшкина Н. О.* Основы организации прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 8. С. 137–148.

Иванов 2019a – *Иванов П. И.* Закономерности прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Закон и право. 2019. № 11. С. 150–152.

Иванов 2019b – *Иванов П. И.* О соотношении предмета и предела прокурорского надзора за оперативно-розыскной деятельностью оперативных подразделений полиции // Закон и право. 2019. № 12. С. 138–140.

Климов 2017 – Оперативно-розыскная деятельность / под общ. ред. И. А. Климова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2017. 383 с.

Королев 2019 – *Королев И. А.* Прокурорский надзор за оперативно-розыскной и процессуальной деятельностью – вопрос законодательного разграничения // Закон и право. 2019. № 6. С. 150–152.

Кураков 2017 – *Кураков Д. В.* Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности, задачи, решаемые при его осуществлении // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В. В. Лукьянова. 2017. № 3(72). С. 54–57.

Курышов 2005 – *Курышов И. С.* Прокурорский надзор за исполнением законов субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, дознание и предварительное следствие в органах внутренних дел : дис. … канд. юрид. наук. Рязань, 2005. 301 с.

Никитин, Дытченко 2016 – *Никитин Е. Л., Дытченко Г. В.* Прокурорский надзор за исполнением законов в оперативно-розыскной деятельности. СПб. : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2016. 144 с.

Одношевин 2017 – *Одношевин И. А.* Организация прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, и пределы его осуществления // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 4(77). С. 191–198.

Патрушев 2019 – *Патрушев Н. А.* О сущности прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Закон и право. 2019. № 4. С. 169–171.

Серебрянникова 2013 – *Серебрянникова М. В.* Прокурорский надзор за уголовно-процессуальной деятельностью органов, осуществляющих предварительное расследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 203 с.

Тюрин 2014 – *Тюрин Н. С.* Прокурорский надзор за законностью оперативно-розыскной деятельности: некоторые вопросы // Уголовная юстиция. 2014. № 2(4). С. 73–75.

References

Ivanov, P. I. (2019a), "Regularities of prosecutor ’s supervision over the execution of laws by bodies that carry out operational search activities", *Zakon i parvo*, no. 11, pp. 150–152.

Ivanov, P. I. (2019b), "On the relationship between the subject and the limits of prosecutor's supervision of operational search activities of operational police units", *Zakon i parvo*, no. 12, pp. 138–140.

Korolev, I. A. (2019), "Prosecutor ’s supervision of operational and investigative and procedural activities–a question of legislative differentiation", *Zakon i parvo*, no. 6, pp. 150–152.

Kurakov, D. V. (2017), "Prosecutor ’s supervision of the execution of laws in operational search activities, tasks to be solved in its implementation", *Nauchnyi vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V. V. Luk ’yanova*, no. 3(72), pp. 54–57.

Kuryshov, I. S. (2005), Prosecutor ’s supervision over the execution of laws by subjects performing operational search activities, inquiry and preliminary investigation in the Internal Affairs bodies, Ph. D. Thesis, juridical branch, prosecutor ’s supervision, organization of law enforcement, Academy of the FPS of Russia, Ryazan, Russia.

Odnoshevin, I. A. (2017), "Organization of prosecutor ’s supervision over the execution of laws by bodies that carry out operational search activities, and the limits of its implementation", *Aktual ’nye problemy rossiiskogo prava*, no. 4(77), pp. 191–198.

Klimov, A. I. (ed.), *Operativno-rozysknaya deyatel’nost’, 3-e izd., pererab. i dop.* [Operational-search activities, 3th ed., rev. and enl.], UNITI-DANA, Moscow, Russia.

Patrushev, N. A. (2019), "On the essence of prosecutorial supervision over the execution of laws by the bodies engaged in operational search activities", *Zakon i parvo*, no. 4, pp. 169–171.

Serebryannikova, M. V. (2013), Prosecutorial supervision over criminal-procedural activities of bodies conducting preliminary investigation, Ph. D. Thesis, juridical branch, prosecutor's supervision, organization of law enforcement, Moscow Humanitarian University, Moscow, Russia.

Tyurin, N. S. (2014), "Prosecutor ’s supervision over the legality of operational search activities: some questions", *Ugolovnaya yustitsiya*, no. 2(4), pp. 73–75.

Nikitin, E. L. and Dytchenko, G. V. (2016), *Prokurorskii nadzor za ispolneniem zakonov v operativno-rozysknoi deyatel ’nosti* [Prosecutorial supervision of the implementation of laws in the operational search activities], Sankt-Peterburgskii institut (filial) Akademii General ’noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii, St. Petersburg, Russia.

Zakhartsev, S. I. and Kiryushkina, N. O. (2015), "Fundamentals of the organization of prosecutorial supervision of operational search activities", *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost ’*, no. 8, pp. 137–148.

Zazhitsky, V. I. (2006), *Rezul ’taty operativno-rozysknoi deyatel ’nosti v ugolovnom sudoproizvodstve* [Results of operational search activities in criminal proceedings], Yuridicheskii tsentr Press, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Иванов Пётр Иванович,
доктор юридических наук, профессор заслуженный юрист Российской Федерации, Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; Bab13.92Ash@yandex.ru

Information about the author

Ivanov Petr I.,
doctor of law, professor associate honoured lawyer of the Russian Federation, Academy of Management of the Ministry of Interior Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Bab13.92Ash@yandex.ru

Для цитирования

Иванов П. И. Относительно самостоятельная отрасль прокурорского надзора за исполнением законов органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность: быть или не быть // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 47–52.

For citation

Ivanov, P. I. (2020), "Relatively independent branch of prosecutorial supervision for the enforcement of laws by bodies implementing operational-search activity: to be or not to be", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 47–52.

УДК 343.13

А. М. Киселёв[1]
[1] *Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний, Томск, Российская Федерация*

A. M. Kiselev[1]
[1] *Tomsk Institute for Continuing Education of the Federal Penitentiary Service, Tomsk, Russian Federation*

Вопросы правового обеспечения государственной защиты участников уголовного судопроизводства, содержащихся в следственных изоляторах

Issues of legal support of state protection of participants in criminal proceedings held in pre-trial detention centers

Ключевые слова: государственная защита свидетеля; следственный изолятор; оперативно-розыскная деятельность.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы обеспечения государственной защиты в соответствии с Федеральным законом от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» в отношении лиц, содержащихся в следственных изоляторах и находящихся под государственной защитой. Кратко рассмотрена ретроспектива становления института защиты участников уголовного судопроизводства в США, России и странах Евросоюза. Обозначены проблемы при реализации этого закона в следственных изоляторах.

Key words: state defense of the witness; pre-trial detention center; operational-search activity.

Abstract. The article discusses the issues of ensuring state protection in accordance with the Federal Law № 119-FZ dated August 20, 2004 «On State Protection of Victims, Witnesses and Other Participants in Criminal Proceedings» in relation to persons held in pre-trial detention centers and under appropriate state protection. The retrospective of the establishment of the institution of protection of participants in criminal proceedings in the United States, Russia and the EU is briefly run through. Problems in the implementation of this law in pre-trial detention centers have been identified.

Обеспечение государственной защиты участников уголовного судопроизводства является одним из важных направлений политики государства в сфере уголовного правосудия. В связи с этим Организация Объединенных Наций (далее: ООН) в течение трех десятилетий прилагала большие усилия по формированию стандартов и принципов борьбы с международным терроризмом и организованной преступностью. Результатом этой работы стало появление положений, определяющих защиту участников уголовного судопроизводства. Свидетель в обеих системах права (романо-германской, англосаксонской) является одним из ключевых элементов уголовного процесса. Именно поэтому мы остановимся на рассмотрении проблем обеспечения государственной зашиты свидетеля, так как его показания играют существенную роль в процессе правосудия.

Так, один из первых правовых актов «Меры по борьбе с международным терроризмом», помимо прочего, касающийся защиты свидетелей, был принят на проходящем 27 августа – 7 сентября 1990 г. в Гаване VIII Конгрессе ООН. В данном документе государствам было предложено разработать соответствующую политику в целях обеспечения защиты участников уголовного судопроизводства, в том числе и свидетелей, соответственно, принимать законодательство, а также выделять необходимые ресурсы (п. 23)[1]. Кроме того, на этом же Конгрессе ООН были приняты «Руководящие принципы предупреждения организованной преступности и борьбы с ней»[2], и также ставился вопрос о защите свидетелей [Алексеева, Сироткин 1993, с. 13; Бутрос Гали 1995].

На 46-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН (Вена, 21–30 апреля 1992 г.) были одобрены практические рекомендации по борьбе с организованной преступностью, которые были разработаны на международном семинаре, проходившем в Суздале 21–25 октября 1991 г. Данный документ также рассматривал проблемы обеспечения безопасности свидетелей [Зайцев 1997, с. 20–21].

Следующим шагом развития института обеспечения безопасности свидетелей была Всемирная конференция по организованной транснациональной преступности, которая проходила в Неаполе (21–23 ноября 1994 г.). В итоговом документе – Неапольской политической декларации и Гло-

[1] URL: http://terroristica.info/en/node/101 (дата обращения: 20.04.2020).

[2] URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1025927 (дата обращения: 20.04.2020).

© Киселёв А. М., 2020

бальном плане действий против организованной транснациональной преступности, наряду с другими рекомендациями, содержались предложения принять на национальном уровне программы по защите свидетелей [Зайцев 1997, с. 20–21]. Кроме того, на IX Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с нарушителями (29 апреля – 8 мая 1995 г., Каир) были озвучены и одобрены возможности представления свидетельских показаний в записи на видеопленке и предоставления отдельных комнат ожидания в судах[1].

Справедливости ради необходимо отметить, что еще за двадцать лет до принятия VIII Конгрессом ООН двух вышеназванных правовых актов США в 1970 г. был принят закон The Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act – «Закон о коррумпированных и находящихся под влиянием рэкетиров организациях». А в 1971 г. была принята и начала функционировать программа по защите свидетелей в США – Witness Relocation Program, что в свою очередь привело к улучшению криминогенной ситуации в стране[2].

В Европе первыми среди стран, принявшими аналогичное законодательство, были Италия (1984 г.) и Федеративная Республика Германия (1986 г.). В Европейском Союзе единая полицейская служба – Европол начала функционировать с 1 июля 1999 г. после ратификации в 1998 г. всеми странами Евросоюза Конвенции о Европоле, хотя создание единой полицейской службы Евросоюза было предусмотрено еще Маастрихтским соглашением в 1992 г. Данная служба предназначена для координации работы национальных правоохранительных органов с организованной преступностью и информационным обменом между ними, в том числе и по рассматриваемому нами вопросу [Киселёв, Киселёв 2019, с. 190–198].

31 июля 2004 г. в Государственную Думу Российской Федерации был внесен проект Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», который был принят Государственной Думой и одобрен Советом Федерации 8 августа 2004 г., подписан Президентом Российской Федерации 20 августа 2004 г., а с 1 января 2005 г. Федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»[3] (далее: Закон № 119-ФЗ) вступил в силу. Предметом правового регулирования Закона № 119-ФЗ являются:

– защита участников уголовного судопроизводства;

– система мер государственной защиты (меры безопасности и социальной поддержки);

– основания и порядок применения таких мер.

Соответственно в п. 5 ст. 7 «Основания для проведения оперативно-розыскных мероприятий» Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[4] (далее: Закон № 144-ФЗ) предусмотрены основания проведения оперативно-розыскных мероприятий при осуществлении мер безопасности в отношении защищаемого лица, а п. 6 ст. 14 этого же закона предписывает органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, содействовать обеспечению личной безопасности, сохранности имущества участников уголовного судопроизводства, членов их семей, близких от преступных и иных противоправных посягательств.

В ст. 3 Закона № 119-ФЗ определены органы, обеспечивающие государственную защиту, к которым относятся:

– Министерство внутренних дел Российской Федерации;

– Федеральная служба безопасности;

– таможенные органы Российской Федерации;

– Министерство обороны Российской Федерации (военная полиция, командование воинских частей);

– Федеральная служба исполнения наказаний.

Перечисленные в ст. 13 Закона № 144-ФЗ органы имеют право на осуществление оперативно-розыскной деятельности. При этом в ст. 3 Закона № 119-ФЗ четко определено, какое ведомство и в каких случаях осуществляет меры безопасности в отношении защищаемых лиц по уголовным делам. Так, п. 6 этой же статьи определяет, что в отношении лиц, содержащихся в следственных изоляторах (далее: СИЗО) или находящихся в местах отбывания наказания, эти функции осуществляют учреждения и органы уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации. Соответственно, в отношении лиц, находящихся под государственной защитой, содержащихся в СИЗО (помещениях, функционирующих в режиме следственного изолятора (далее: ПФРСИ), меры безопасности осуществляют сотрудники уголовно-исполнительной системы, а персональную ответственность несет руководитель учреждения, т. е. на него возлагаются все ор-

[1] Рекомендации в отношении четырех основных тем девятого Конгресса Организации Объединенных Наций по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями // Информационный бюллетень. М. : Изд. Нац. центр. бюро Интерпола в России, 1995. № 15. С. 11–24.

[2] *Цаугг Дж.* Защита свидетелей против «коза ностры». URL: https://www.swissinfo.ch/rus/politics/ (дата обращения: 20.04.2020).

[3] Российская газета. 2004. 25 авг.

[4] Там же. 1995. 18 авг.

ганизационные и координирующие функции по выполнению этой задачи.

Закон № 119-ФЗ определяет и задачи для уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации в ст. 14 «Обеспечение безопасности защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания»:

1. Безопасность защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы либо содержания в дисциплинарной воинской части, обеспечивается путем применения в отношении него мер безопасности, предусмотренных пп. 3, 5, 6, 8 и 9 ч. 1 ст. 6 Закона № 119-ФЗ, или иных мер, предусмотренных Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации (далее: УИК РФ), Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений»[1] (далее: Закон № 103-ФЗ).

2. В целях обеспечения безопасности лица, указанного в ч. 1 ст. 14, могут применяться также:

1) направление защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза насилия, при их задержании, заключении под стражу и назначении уголовных наказаний в разные места содержания под стражей и отбывания наказаний, в том числе находящиеся в других субъектах Российской Федерации;

2) перевод защищаемого лица или лица, от которого исходит угроза насилия, из одного места содержания под стражей и отбывания наказания в другое;

3) раздельное содержание защищаемого лица и лица, от которого исходит угроза насилия;

4) изменение защищаемому лицу меры пресечения или меры наказания в порядке, предусмотренном уголовно-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Для того чтобы четко представлять задачи уголовно-исполнительной системы, считаем необходимым перечислить пп. 3, 5, 6, 8 и 9 ч. 1 ст. 6 Закона № 119-ФЗ:

– обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице;

– замена документов;

– изменение внешности;

– временное помещение в безопасное место;

– применение дополнительных мер безопасности в отношении защищаемого лица, содержащегося под стражей или находящегося в месте отбывания наказания, в том числе перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое.

При этом к лицам, содержащимся под стражей и находящимся в местах отбывания наказания, соответственно, находящимся под государственной защитой, не применяются такие меры безопасности, которые определены пп. 1, 2, 4 и 7 ч. 1 ст. 6 Закона № 119-ФЗ, как:

– личная охрана, охрана жилища и имущества;

– выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности;

– переселение на другое место жительства;

– изменение места работы (служба) или учебы.

Вместе с тем Закон № 103-ФЗ предусматривает в ст. 19 право на личную безопасность, в соответствии с которой при возникновении угрозы жизни и здоровью подозреваемого или обвиняемого либо угрозы совершения преступления против личности со стороны других подозреваемых или обвиняемых сотрудники мест содержания под стражей обязаны незамедлительно принять меры по обеспечению личной безопасности подозреваемого или обвиняемого. В соответствии с абз. 8 ст. 33 Закона № 103-ФЗ предусматривается возможность отдельного содержания подозреваемых и обвиняемых, жизни и здоровью которых угрожает опасность от других подозреваемых и обвиняемых по решению администрации места содержания под стражей либо по письменному решению лица или органа, в производстве которых находится уголовное дело. В принципе, права подозреваемых и обвиняемых на личную безопасность в местах содержания под стражей закреплены в п. 2 ст. 17 Закона № 103-ФЗ, из этого вытекают обязанности администрации СИЗО (ПФРСИ) на принятие профилактических и иных мероприятий для обеспечения функций, предусмотренных Законом № 119-ФЗ, в отношении лиц, находящихся под государственной защитой. В этих целях администрация СИЗО принимает исчерпывающие меры для обеспечения безопасности вышеназванной категории подозреваемых и обвиняемых. В связи с этим 31 декабря 2017 г. был издан приказ ФСИН России № 1224 «Об утверждении Порядка заключения договора с защищаемым лицом, содержащимся в следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы или в местах отбывания наказания в виде лишения свободы»[2]. В данном документе была определена процедура заключения договора с защищаемым лицом. Подготовка проекта данного договора осуществляется оперативным подразделением и подписывается руководителем территориального органа после подписания защищаемым лицом.

Под возникновением угрозы необходимо понимать поступившую информацию от самого подозреваемого или обвиняемого (письменную либо

[1] Российская газета 1995. 20 июля.

[2] Там же. 2018. 26 янв.

устную), органа, в производстве которого находится уголовное дело (следственные действия или оперативно-розыскные мероприятия). Угроза также может быть выявлена администрацией СИЗО или территориальным органом уголовно-исполнительной системы (оперативно-розыскные мероприятия, выполнение надзорных функций, воспитательная работа, медицинское обеспечение и т. д.). При этом орган, в производстве которого находится уголовное дело, при выявлении данного факта обязан в кротчайшие сроки (незамедлительно) в установленном порядке уведомить администрацию СИЗО (ПФРСИ). Все это является основанием для осуществления мер по обеспечению личной безопасности лица, находящегося под государственной защитой. Вместе с тем следует обратить внимание на то, что угроза жизни и здоровью по определению является дисциплинарным проступком (п. 9 ч. 1 ст. 36 Закона № 103-ФЗ). В данном случае администрация СИЗО обязана к виновному применить меры взыскания вплоть до водворения в карцер на срок до 15 суток. В принципе, это тоже может являться мерой обеспечения безопасности, хотя она и не предусмотрена в ст. 6 Закона № 119-ФЗ. А если угроза содержит состав преступления, то администрация СИЗО направляет документы в следственный орган для принятия процессуального решения.

Для того чтобы качественно выполнить задачу по обеспечению государственной защиты в отношении лица, которое состоит под государственной защитой свидетелей и находится под стражей в СИЗО, необходимо четко определить источник возможной угрозы, к коему можно отнести: персонал СИЗО, осужденных, отбывающих уголовные наказания в виде лишения свободы в СИЗО, подозреваемых и обвиняемых и другие категории[1]. На наш взгляд, к другим категориям можно отнести людей, встречи с которыми предусмотрены Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее: УПК РФ), а также лиц, направляющих корреспонденцию, посылки и осуществляющих передачи.

Понимая суть получения информации, ее анализа и, соответственно, сопоставления фактов, а также форм и методов ведения оперативно-розыскной деятельности, выполнять в пределах СИЗО (ПФРСИ) функции, предусмотренные Законом № 119-ФЗ и соответствующие статье Закона № 103-ФЗ, в отношении лиц, состоящих под государственной защитой и содержащихся в СИЗО в качестве подозреваемых и обвиняемых, особой проблемы не составляет, так как условия содержания сами по себе уже ограничивают их возможности, которые есть за пределами СИЗО и иных мест лишения свободы. Следует обратить внимание на изложенные в ст. 14 Закона № 119-ФЗ дополнительные меры безопасности, которые, по сути, в пп. 1–3 ч. 2 этой статьи не привносят чего-то принципиально нового в деятельность СИЗО (ПФРСИ), а вот п. 4 ч. 2 ст. 14 Закона № 119-ФЗ администрация СИЗО применить не может, так как это не входит в ее компетенцию. Реализация данной меры (п. 4 ч. 2 ст. 14 Закона № 119-ФЗ) возможна лишь при соответствующем изменении законодательства, так как сколько-нибудь значимых изменений в обеспечение безопасности защищаемых лиц законодатель не внес[2].

Из вышеизложенного можно сделать выводы о том, что процесс реализации требований Закона № 119-ФЗ носит достаточно конфиденциальный характер и требует участия в данном процессе ограниченного количества лиц, так как утечка информации на любом этапе выполнения этой функции может привести к непоправимым последствиям. Это, в свою очередь, определяет необходимость продумывания всех возможных действий защищаемой стороны заранее, в том числе и в гипотетических ситуациях. Все это накладывает особую ответственность на должностных лиц, в обязанности которых входит выполнение этих задач, и от качества их выполнения зависит, будет ли достигнута основная цель Закона № 119-ФЗ – осуществление правосудия.

Для качественной реализации данной задачи, на наш взгляд, как мы уже отмечали ранее [Киселёв, Киселёв 2019], необходимо принять нормативный документ, которым будут руководствоваться должностные лица, в чьи обязанности входит обеспечение мер государственной защиты в отношении лиц, содержащихся под стражей или в исправительных учреждениях. Это позволит более четко координировать действия как внутри уголовно-исполнительной системы, так и с другими правоохранительными органами. Кроме того, в этом документе есть смысл определить вопрос получения посылок и передач лицами, находящимися под государственной защитой свидетелей, так как при определенных условиях оперативно осуществить химический, бактериологический и другие анализы в условиях уголовно-исполнительной системы проблематично. Очевидно, что в случае запрета на посылки и передачи мы нарушаем

[1] Комментарий к Федеральному закону от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (постатейный) / под науч. ред. А. С. Михлина, В. И. Селиверстова. Подготовлен для системы «КонсультантПлюс».

[2] *Шнитенков А. В., Великий Д. П.* Комментарий к Федеральному закону «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ (постатейный). М. : Юстицинформ, 2007. 112 с.

права лица, содержащегося под стражей или в исправительном учреждении, но в этом случае можно предусмотреть иной порядок передачи жизненно важных медицинских препаратов и приобретения продуктов в присутствии инициатора или доверенного им лица. Далее, в данном документе необходимо учесть вопросы взаимодействия с другими органами, осуществляющими государственную защиту с целью недопущения нарушения мер безопасности в отношении защищаемого лица (например: досудебный конвой, нахождение на излечении в гражданском лечебном учреждении и т. д.). Вместе с тем нужно обратить внимание на тот факт, что, в отличие от ст. 13 УИК РФ, ст. 19 Закона 103-ФЗ носит, по сути, декларативный характер, и это приводит к мысли о том, что для унифицирования законодательства в данном вопросе в ст. 19 Закона 103-ФЗ необходимо внести изменения, соответствующие содержанию ст. 13 УИК РФ (разумеется, изменив слова «осужденного» на слова «подозреваемого или обвиняемого»), и ч. 4 вышеназванной статьи УИК РФ принять отдельной статьей Закона 103-ФЗ.

Целесообразно внести изменения в УПК РФ в части влияния на сроки процессуальных действий при рассмотрении уголовных дел, где хотя бы один из участников уголовного судопроизводства находится под государственной защитой по данному уголовному делу, учитывая при этом, например, опыт Израиля.

Список цитируемых источников

Алексеева, Сироткин 1993 – *Алексеева Л. Б., Сироткин С. В.* Международные нормы и правоприменительная практика в области прав и свобод человека. М. : Изд-во РПА Минюста России, 1993. 176 с.

Бутрос Гали Б. 1995 – *Бутрос Гали Б.* Организация Объединенных Наций и права человека. М. : Права человека, 1995. 176 с.

Зайцев 1997 – *Зайцев О. А.* Теоретические и правовые основы государственной защиты участников уголовного процесса. М. : ВНИИ МВД России, 1997. 135 с.

Киселёв, Киселёв 2019 – *Киселёв А. М., Киселёв М. В.* Пятидесятилетний путь развития института государственной защиты свидетелей в мире и пути его реализации в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации // Человек: преступление и наказание. 2019. № 2. С. 190–198.

References

Alekseeva, L. B. and Sirotkin, S. V. (1993), *Mezhdunarodnye normy i pravoprimenitel'naya praktika v oblasti prav i svobod cheloveka* [International norms and law enforcement practice in the field of human rights and freedoms], RPA Minyusta Rossii, Moscow, Russia.

Butros Gali, B. (1995), *Organizatsiya Ob"edinennykh Natsii i prava cheloveka* [United Nations and human rights], Prava cheloveka, Moscow, Russia.

Kiselev, A. M. and Kiselev M. V. (2019), "The fifty-year development way of the institution of state witness protection in the world and the ways of its implementation in the penal system of the Russian Federation", *Chelovek: prestuplenie i nakazanie,* no. 2, pp. 190–198.

Zaitsev, O. A. (1997), *Teoreticheskie i pravovye osnovy gosudarstvennoi zashchity uchastnikov ugolovnogo protsessa* [Theoretical and legal foundations of state protection of participants in criminal proceedings], VNII MVD Rossii, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Киселёв Александр Михайлович,
Томский институт повышения квалификации работников Федеральной службы исполнения наказаний, Томск, Российская Федерация; aleksandr1224@icloud.com

Information about the author

Kiselev Aleksandr M.,
Tomsk Institute for Continuing Education of the Federal Penitentiary Service, Tomsk, the Russian Federation; aleksandr1224@icloud.com

Для цитирования

Киселёв А. М. Вопросы правового обеспечении государственной защиты участников уголовного судопроизводства, содержащихся в следственных изоляторах // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 53–57.

For citation

Kiselev, A. M. (2020), "Issues of legal support of state protection of participants in criminal proceedings held in pre-trial detention centers", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 53–57.

УДК 343.364

Ю. Н. Климова[1]
[1] *Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*

Yu. N. Klimova[1]
[1] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*

Фальсификация доказательств по уголовному делу: особенности объективных и субъективных признаков

Falsification of evidence in a criminal case: features of objective and subjective signs

Ключевые слова: фальсификация доказательств; уголовный процесс; способы фальсификации; цель фальсификации; ст. 303 УК РФ; объективные признаки фальсификации; субъективные признаки фальсификации; квалификация уголовно-правовых норм.

Аннотация. В статье проводится исследование возникающих на практике проблем квалификации объективных и субъективных признаков фальсификации доказательств по уголовным делам. На основе анализа научных источников и судебной практики выделены особенности и проблемы применения норм ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ. Основываясь на различных подходах к толкованию содержания дефиниции «фальсификация доказательств по уголовному делу», разработано авторское определение данного термина, нормативное закрепление которого призвано привести к единообразию в понимании объективной стороны преступления и применении рассматриваемых норм. Выводы, сделанные при рассмотрении конкретных примеров из судебной практики относительно наличия или отсутствия в деяниях лиц состава преступления, предусмотренного ч. 2 или 3 ст. 303 УК РФ, могут использоваться субъектами, осуществляющими квалификацию. В процессе исследования применялись операциональный, структурный, социологический и уголовно-статистический методы, а также метод правового моделирования.

Key words: falsification of evidence; criminal procedure; methods of falsification; purpose of falsification; article 303 of the Criminal Code; objective signs of falsification; subjective signs of falsification; qualification of criminal law norms.

Abstract. The article deals with the research of the problems arising at practice of qualifying objective and subjective signs of falsification of evidence in criminal cases. Based on the analysis of scientific sources and judicial practice the features and problems of the application of the norms of parts 2 and 3 of Art. 303 of the Criminal Code of the Russian Federation have been highlighted. From the perspective of different approaches to interpretation of the term "falsification of evidence in a criminal case", the author made up his own definition of this term, the normative consolidation of which should lead to uniformity in understanding the objective side of a crime and application of rules under examination. The conclusions, made during the examining of specific examples from judicial practice regarding the presence or absence in the acts of persons of falsification of evidence in criminal cases, specified in part 2 or 3 of the article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation can be used by subjects executing the qualification. The study used operational, structural, sociological and criminal statistical methods, as well as the method of legal modeling.

Фальсификация доказательств по уголовным делам является одним из наиболее опасных преступлений, наносящих вред системе правосудия. Каждое судебное решение должно быть обосновано совокупностью объективных доказательств, их фальсификация подрывает доверие граждан ко всей системе правосудия и к государству в целом. Негативные последствия, которые испытывают граждане в результате вынесения приговора, основанного на сфальсифицированных доказательствах, способствуют формированию правового менталитета, склонного к самоуправству, к самосуду [Шатловская 2012], что может привести в конечном счете к серьезной конфронтации.

Актуальность проблемы подтверждает также тот факт, что между официальной статистикой и реальным положением дел существует большая разница. Несмотря на то, что информация из открытых источников свидетельствует об увеличении числа приговоров по ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ, на практике фактов фальсификации гораздо больше. По мнению адвоката М. А. Фомина, «фальсификация доказательств по уголовным делам в современной России стала приобретать масштабы эпидемии, что отчетливо характеризует уголовно-процессуальную политику государства в этой области права» [Фомин 2019, с. 5].

Косвенно о реальной ситуации по рассматриваемой категории дел могут свидетельствовать результаты криминологических исследований (опросы, интервьюирования экспертов, а также граждан – участников уголовного процесса, контент-анализ публикаций в средствах массовой информации и

© Климова Ю. Н., 2020

материалов уголовных дел). Так, в ходе проводимого нами исследования было установлено, что около 80 % респондентов, имеющих непосредственное отношение к сфере предварительного расследования, назвали фальсификацию доказательств по уголовному делу наиболее часто совершаемым следователем должностным преступлением[1].

Субъекту уголовной политики необходимо всесторонне и глубоко исследовать причины и условия совершения преступлений против правосудия лицами, осуществляющими предварительное следствие, поскольку игнорирование проблем в этой сфере может привести к непредсказуемым последствиям не только для системы правосудия, но и для общества в целом. С одной стороны, осуждение невиновного лица влечет для него (и членов его семьи) колоссальный ущерб; одно только наличие судимости закрывает многие возможности, главная из которых – возможность трудоустройства. С другой стороны, уход от ответственности лица, способного оплатить услуги квалифицированного адвоката (как известно, имеющего разные возможности в сборе доказательств), не менее общественно опасно. Такая ситуация формирует у так называемых оправданных лиц чувство безнаказанности, возможности решения любых проблем за счет материальных ресурсов; толкает на совершение новых более общественно опасных преступлений.

Существующие проблемы, на наш взгляд, связаны, во-первых, с несовершенством норм ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ, во-вторых, с вытекающими отсюда ошибками квалификации, в-третьих, тем обстоятельством, что расследование по делам ведется субъектами, которые, наряду с обвиняемыми, относятся к одной и той же системе государственных учреждений, решающих задачи уголовного преследования. Ситуация усугубляется наличием уголовно-процессуального института особого производства, который на стадии предварительного расследования мало обращает внимания на «качество» собираемых по уголовному делу доказательств, а также существованием разных подходов правоприменительной практики к квалификации деяний в рассматриваемой сфере правоотношений (по ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ, ст. 292 УК РФ, ст. 285 УК РФ). В рамках настоящей статьи рассмотрим подробно проблемы применения норм ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ.

При решении вопроса о наличии или отсутствии в действиях лиц состава преступления, предусмотренного ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ, необходимо дать оценку: являются ли сфальсифицированные объекты материального мира предметом преступления. В судебной практике встречаются случаи, когда осужденного по ч. 3 ст. 303 УК РФ оправдывали в связи с неправильным выводом о наличии состава преступления (ввиду того, что предметом действий являлись не доказательства по уголовному делу, а иные объекты материального мира). Так, суд в приговоре указал, что адвокат К. (обвиняемый по ч. 3 ст. 303 УК РФ) заявил ходатайство о приобщении к уголовному делу заявления, т. е. сфальсифицировал доказательство *в форме иного документа*. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации сделала вывод, что ксерокопия заявления не может быть признана доказательством по делу. Из смысла ст. 84 и 86 УПК РФ следует, что «относимые к делу сведения, полученные защитником в результате опроса частных лиц, изложенные им или опрошенными лицами в письменном виде, нельзя рассматривать в качестве показаний свидетеля или потерпевшего. Они получены в условиях отсутствия предусмотренных уголовно-процессуальным законом гарантий их доброкачественности и поэтому могут рассматриваться в качестве оснований для вызова и допроса указанных лиц в качестве свидетелей, потерпевшего или для производства других следственных действий по собиранию доказательств, а не как доказательства по делу»[2].

При решении вопроса о наличии/отсутствии состава преступления в действиях лица, умышленно вносящего изменения в иные содержащиеся в материалах дела документы, не являющиеся доказательством, следует помнить, что могут иметь место признаки служебного подлога (ст. 292 УК РФ)[3]. В таком случае в целях разграничения специальной и общей нормы (ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ и ст. 292 УК РФ) субъект квалификации должен последовательно проанализировать: 1) являются ли предметом преступления доказательства; 2) относится ли

[1] Нами в декабре 2017 г. проводился опрос 50 сотрудников Следственного комитета Российской Федерации. В качестве респондентов выступили: профессорско-преподавательский состав, а также обучающиеся Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, в том числе слушатели факультета повышения квалификации из числа следователей следственных органов Республики Дагестан, Республики Крым, Москвы, крупных городов Центрального и Северо-Западного федеральных округов (в должности от помощника следователя до старшего следователя) (г. Москва), а также следователи следственных органов Владимирской области (г. Владимир). Среди опрошенных количество мужчин и женщин оказалось равным, стаж работы – от 1 года до 35 лет. Данные исследования мы продолжаем в настоящее время и готовы к сотрудничеству со всеми заинтересованными лицами.

[2] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 8 дек. 2004 г. № 3-О04-42. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_31053.htm (дата обращения: 03.06.2020).

[3] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 дек. 2004 г. № 3-О04-42. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_31053.htm (дата обращения: 03.06.2020).

преступник к специальному субъекту; 3) какие действия и с какой целью совершил преступник. Кроме того, возможна совокупность преступлений, предусмотренных ст. 292 и 303 УК РФ, при условии, что объективная сторона общего состава преступления не охватывает действий, составляющих объективную сторону состава преступления, предусмотренного специальной нормой. Характерно, что в сфере уголовно-правовой охраны рассматриваемых отношений ст. 292 УК РФ востребована, в том числе и в случае умышленного внесения изменений в иные содержащиеся в материалах дела документы, не являющиеся доказательством, но при наличии признаков служебного подлога[1].

Как видим, оценка предмета в совокупности с другими элементами состава преступления является важной составляющей процесса квалификации по рассматриваемой категории дел. Как показывает проведенный нами контент-анализ 20 приговоров, вынесенных за совершение преступлений, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ, предметом фальсификации доказательств по уголовному делу чаще всего являются протоколы следственных действий, в том числе протоколы допросов свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, протокол ознакомления с материалами уголовного дела, протокол осмотра, выемки (перечислены в порядке убывания встречаемости на практике). Реже встречаются фальсификации вещественных доказательств и заключений экспертов (как путем искажения, так и сокрытия).

При квалификации деяния по признакам объективной стороны рассматриваемого преступления следует учитывать, какое конкретно действие может быть признано фальсификацией. Это необходимо прежде всего в целях отграничения уголовно наказуемого деяния от дисциплинарного проступка, который может выражаться в получении доказательства с нарушением требований уголовно-процессуального закона, без искажения участником уголовного процесса содержащейся в доказательстве информации о фактах, имеющих значение для установления компетентными органами и лицами обстоятельств. При этом решающее значение в этом вопросе пока отводится отдельным определениям Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации. Приведем пример из практики, подтверждающий наличие данной проблемы. Областной суд оправдал Ж. (следователя по особо важным делам), который совершил фальсификацию доказательств по уголовному делу об особо тяжком преступлении (внес заведомо ложные сведения в протоколы следственных действий о том, что при следственных действиях якобы присутствовали понятые; изготовил протоколы следственных действий, фактически не проводившихся). В обоснование своего решения об оправдании Ж. областной суд указал, в частности, что «не нашли достоверного подтверждения в ходе судебного разбирательства доводы обвинения о внесении Ж. в протоколы опознания заведомо ложных сведений о присутствии понятых… *Несоблюдение порядка получения доказательств в соответствии со ст. 303 УК РФ не является фальсификацией доказательств* (курсив наш. – *Ю. К.*)». По мнению Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации, вывод областного суда о том, что «несоблюдение порядка получения доказательств не является их фальсификацией и не влечет предусмотренную ст. 303 УК РФ ответственность, противоречит требованиям ст. ст. 6, 74, 83, 166, 193, 170 УПК РФ, нарушение которых ведет к утрате доказательств»[2].

Помимо обозначенной проблемы, в научной литературе обращается внимание еще на одну аналогичную проблему. Суды приходят к выводу о том, что не образует состава преступления, предусмотренного ч. 2 или 3 ст. 303 УК РФ, деяние по делу, по которому сфальсифицированные доказательства были признаны судом недопустимыми, и их существование не повлекло общественно опасных последствий [Свиридов 2017, с. 196]. Давая оценку такому деянию, следует учитывать, что признание недопустимыми фальсифицированных доказательств не влияет на квалификацию деяния, которое, по своей сути, преступно само по себе. Следовательно, в такой ситуации состав преступления имеет место быть. В целях исключения разных подходов в толковании уголовно-правовых норм в подобных ситуациях необходимо обобщающее разъяснение Пленума Верховного Суда Российской Федерации по данному и иным вопросам.

Указанные проблемы, на наш взгляд, связаны в том числе с отсутствием нормативного закрепления уголовно-правовых признаков фальсификации доказательств. Некоторые разрозненные пояснения находим в практике Верховного Суда Российской Федерации, которые приведем в хронологическом порядке их принятия.

Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации даны следую-

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 8 дек. 2004 г. № 3-О04-42. URL: http://sudbiblioteka.ru/vs/text_big2/verhsud_big_31053.htm (дата обращения: 03.06.2020).

[2] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 авг. 2010 г. по делу № 66-О10-115. URL: https://dogovorurist.ru/судебная_практика/дело/66-о10-115/ (дата обращения: 03.06.2020).

щие важные пояснения относительно фальсификации доказательств: это «любое искажение сути, объема, внешнего вида, веса и других характеристик доказательств (или хотя бы одного доказательства), влияющее на полное объективное рассмотрение дела»[1]. В Обзоре кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации приведена позиция, согласно которой «…под фальсификацией доказательств понимается искусственное создание или уничтожение доказательств в пользу обвиняемого или потерпевшего. Такими обстоятельствами могут быть уничтожение или сокрытие улик, предъявление ложных вещественных доказательств…»[2].

В кассационном определении Верховного Суда Российской Федерации от 19 июля 2006 г. № 87-О06-18 дается следующее определение фальсификации доказательств: это «не только искажение фактических данных, но и внесение в процессуальные документы ложных сведений, не соответствующих действительности, а также их удостоверение лицом, производящим дознание, следователем, прокурором или защитником»[3].

Важное разъяснение рассматриваемого термина дано в другом определении Верховного Суда Российской Федерации: «в соответствии с ч. 2 ст. 303 УК РФ под фальсификацией доказательств понимается искусственное создание или уничтожение доказательств, независимо от того, являются ли они доказательствами обвинения или защиты, а также независимо от наступления каких-либо последствий, от того являлось ли целью фальсификации доказательств осуждение лица или, наоборот, его оправдание либо иная цель…»[4].

Итак, наличие разных вариантов пояснений рассматриваемого термина затрудняет единообразное применение уголовно-правовых норм ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ на практике. При этом подчеркнем, что имеющиеся пояснения сделаны не Пленумом Верховного Суда Российской Федерации, а Судебной коллегией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации.

В научной литературе также отсутствует единый подход к пониманию фальсификации доказательств. Приведем лишь две позиции, которые позволят, на наш взгляд, сформулировать обобщающее определение фальсификации доказательств применительно к уголовным делам. Так, М. В. Мытарев рассматривает фальсификацию как «*умышленное* (курсив наш. – *Ю. К.*) искажение информации о фактах, имеющих значение для установления компетентными органами и лицами обстоятельств, значимых для уголовного дела» [Мытарев 2009, с. 22]. В свою очередь, А. А. Кондратьев формулирует следующие способы фальсификации доказательств, рассматривая содержание термина: «искажение доказательств, т. е. подмена, подделка или внесение изменений в документы; искусственное создание доказательств (ложные вещественные доказательства, документы, следы); сокрытие и уничтожение доказательств» [Кондратьев 2008, с.147]. Обратим внимание, что в этом определении используется термин «сокрытие доказательств», которое может совершаться, на наш взгляд, как путем действия, так и бездействия. В то же время ученые задаются вопросом: может ли фальсификация осуществляться путем бездействия? [Мытарев 2009, с. 22]. Теоретически, если дознаватель или следователь умышленно не приобщают к материалам уголовного дела доказательства (например, результаты экспертизы, вещественное доказательство, протоколы допроса свидетелей) либо в интересах обвиняемого или потерпевшего лица, либо в других целях, то в этом случае результатом такого бездействия может быть неправосудное решение по делу. На наш взгляд, описанные деяния также должны включаться в объем содержания термина «фальсификация доказательств по уголовным делам». В связи с этим под фальсификацией доказательства по уголовным делам следует понимать не только изменяющее его первоначальное состояние искажение участником уголовного процесса содержащейся в доказательстве информации о фактах, имеющих значение для уголовного дела, но и бездействие в целях изменения объективности таковой информации.

Еще одним подтверждением необходимости уточнения термина «фальсификация доказательств» является вопрос о том, как квалифицировать действия лица, подделавшего документ, который содержит объективную информацию. Например, следователем или руководителем следственной группы был произведен опрос очевидцев на месте происшествия, однако в ходе опроса пошел дождь, в результате чего бланк протокола был испорчен. Должностное лицо, не желая еще раз проделывать данную работу, самостоятельно переписывает протокол опроса, подделывая подписи опрошенных лиц. С содержательной точки зрения документ фиксирует информацию о реальном факте, однако с формальной точки зрения он представляет собой сфабрикованное письменное

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 8. С. 13.

[2] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 19 июля 2006 г. № 87-О0618. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/1679797/ (дата обращения: 03.06.2020).

[3] Там же.

[4] Кассационное определение Верховного Суда Российской Федерации от 15 сент. 2010 г. № 46О10-80. URL: http://www.alppp.ru/court/vysshie-sudy/09-2010/opredelenie-verhovnogo-suda-rf-ot-15-09-2010--46-o10-80.pdf (дата обращения: 03.06.2020).

доказательство, которое недопустимо применять в процессе доказывания.

Следуя букве закона, изготовление документа о реальных событиях, но с нарушением процедуры следует признать фальсификацией. Однако противоположная позиция была выражена в определении Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2010 г. [1] С. предъявлено обвинение в том, что он, работая старшим следователем, сфальсифицировал доказательства по делу (ч. 3 ст. 303 УК РФ). С. пояснил, что, находясь в служебном кабинете, он разлил кофе и испортил протоколы допроса, которые затем перепечатал и попросил участкового инспектора подписать их у свидетелей. Суд пришел к выводу, что внесение сведений в протоколы допроса не является фальсификацией доказательств по уголовному делу, поскольку они не повлияли на результаты рассмотрения дела, не повлекли неправосудного приговора и не нарушили прав и свобод граждан. Однако признание такого поведения оправданным может повлечь за собой оправдание и других отступлений от порядка сбора доказательств, установленных уголовно-процессуальным законом, что ведет к формированию устойчивого навыка субъектов к искажению формы фиксации и отражения содержания в письменных доказательствах по уголовному делу.

Важным с точки зрения моделирования дефиниции «фальсификация доказательств» применительно к ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ нам представляется определение распространенных способов фальсификации, исходя из правоприменительной практики. По результатам изучения приговоров нами выделены такие наиболее распространенные способы:

– изготовление (создание) полностью сфальсифицированного доказательства и по содержанию, и по форме (в том числе изготовление документа при отсутствии соответствующего следственного действия; подмена или изготовление вещественного доказательства);

– изменение подлинного доказательства (включая внесение ложных сведений, исправлений, дополнений в документ, в том числе подделка подписи с нарушением установленного уголовно-процессуальным законом порядка; видоизменение вещественных доказательств);

– сокрытие доказательства (незаконное изъятие из материалов уголовного дела (полностью или в части) подлинного документа или вещественного доказательства; утаивание доказательств, в том числе невключение в документы сведений о предметах, лицах, событиях, явлениях, которые на самом деле имели место быть и имели значение для дела);

– уничтожение доказательств.

С учетом вышеизложенного под фальсификацией доказательств по уголовным делам мы понимаем искусственное изготовление, изменение, сокрытие доказательств (в том числе путем изготовления документа при отсутствии соответствующего следственного действия, а также их удостоверения полномочным лицом; подмены или изготовления вещественного доказательства; внесения ложных исправлений, дополнений; подделки подписи с нарушением установленного уголовно-процессуальным законом порядка; видоизменения вещественных доказательств; невключения в материалы уголовного дела, незаконного изъятия из материалов уголовного дела, уничтожения и т. п.) из корыстной или иной личной заинтересованности (карьеризм, сокращение объема своей работы, затрат времени и труда, стремление избежать неблагоприятных для себя последствий в служебной деятельности и т. п.).

Именно указание на выявленные цели (как особый признак субъективной стороны рассматриваемого преступления) должно найти отражение в легальном определении понятия «фальсификация доказательств» применительно к ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ. Помощь в формулировании целей в указанном определении может оказать обобщение информации, содержащейся в приговорах по ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ. Так, распространенными целями, которые преследует фальсификатор, являются:

1) сокращение объема своей работы, затрат времени и труда, связанных с необходимостью организации и проведения следственных действий и окончания расследования (40 % изученных приговоров содержат указания на такую цель);

2) карьеризм, в том числе продвижение по службе/работе; желание получить одобрение руководства; улучшение показателей собственной работы (40 % изученных приговоров);

3) стремление избежать неблагоприятных для себя последствий в служебной деятельности, обусловленных неполнотой расследования и нарушением процессуальных сроков следствия, вероятностью возвращения уголовного дела для дополнительного следствия в этой связи (10 %);

4) корыстная цель, обусловленная, в частности, присвоением вещественных доказательств или получением вознаграждения от потерпевшего, обвиняемого или их представителей (10 %).

Характерно, что практически все респонденты (97 %) в качестве основного мотива совершения должностных преступлений следователей, в том числе и фальсификации доказательств, назвали облегчение выполнения своих должностных обязан-

[1] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 дек. 2010 г. № 52-О10-16. URL: http://www.vsrf.ru/stor_pdf.php?id=417852 (дата обращения: 03.06.2020).

ностей. Такие результаты опроса свидетельствуют о еще одной крайне важной проблеме в рассматриваемой сфере – чрезвычайно высокой загруженности следственных работников, решить которую можно прежде всего не простым увеличением уголовно-правовой репрессии или числа следственных работников, а формированием компетентных, морально устойчивых кадров, имеющих заинтересованность и возможность работы в рамках закона. Кроме того, необходимой мерой является организация эффективного внутреннего контроля над законностью действий следственного работника в сочетании с оптимизацией и качеством прокурорского надзора. Данная проблема заслуживает отдельного подробного исследования.

Цель фальсификации доказательств на этапе предварительного следствия должна являться, на наш взгляд, обязательным признаком состава преступления наряду со способом фальсификации. Именно эти признаки позволяют отграничить уголовно наказуемое деяние от иного нарушения права. Принимая во внимание все вышесказанное, мы предлагаем определение фальсификации доказательств по уголовному делу, которое необходимо либо отразить в отдельном постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященном применению норм материального и процессуального права по вопросам фальсификации доказательств по всем категориям дел, либо изложить ч. 2 ст. 303 УК РФ в следующей редакции: «*2. Фальсификация доказательств по уголовному делу дознавателем, следователем или лицом, действующим по их процессуальному поручению, прокурором либо защитником, то есть подделка путем полного изготовления содержащих заведомо ложные сведения доказательств либо частичного искажения доказательств в виде незаконного внесения исправлений и дополнений, а также подмены имеющихся в уголовном деле доказательств и иным способом, а равно сокрытие имеющих значение для уголовного дела доказательств путем невключения в материалы уголовного дела либо незаконного изъятия из материалов уголовного дела, а также уничтожения доказательств, совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности, – наказывается…*». Конкретизация нормы вполне вписывается в общую тенденцию казуистичного описания уголовно-правовых диспозиций (см., например, ст. 170.1 УК РФ «Фальсификация единого государственного реестра юридических лиц, реестра владельцев ценных бумаг или системы депозитарного учета», ст. 172.1 УК РФ «Фальсификация финансовых документов учета и отчетности финансовой организации», ст. 142.1 УК РФ «Фальсификация итогов голосования»). Кроме того, предлагаемое определение содержит термины, используемые в нормах УК РФ и учитывающие, что сфальсифицированные доказательства могут быть как в виде документов, так и в виде предметов. Юридико-технический анализ норм ч. 2 ст. 142, ст. 181, 233, 326, 327, 327.2 УК РФ позволяет использовать оптимальный термин «подделка». Кроме того, в нормах ст. 159, 159.1, 159.2, 159.5, 159.6 УК РФ применяется конструкция «…то есть… путем… а равно/ или… путем…», в нормах ст. 145.1, 170, 181, 200.4, 285, 285.4, 292, ч. 3 299, 325 УК РФ – «…совершенные из корыстной или иной личной заинтересованности», – все эти приемы юридической техники применены нами при формулировании предлагаемых изменений в ч. 2 ст. 303 УК РФ.

При моделировании приведенной дефиниции нами проанализирован и такой субъективный признак состава фальсификации доказательств по уголовным делам, как субъект преступления. В предлагаемом определении фальсификации доказательств по уголовному делу добавлен еще один субъект – «лицо, действующее по их (дознавателя, следователя. – *Ю. К.* процессуальному поручению». Действия такого субъекта, направленные на фальсификацию доказательств, квалифицируются на практике по ст. 292 УК РФ, поскольку такие лица не названы специальным субъектом преступлений, предусмотренных ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ. Так, П. С. Метельский приводит интересный в рассматриваемом аспекте пример из судебной практики: «Областной суд переквалифицировал действия оперуполномоченного уголовного розыска Ш., обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 303 УК РФ, на ст. 292 УК РФ. По делу установлено, что Ш., получив для исполнения отдельное поручение следователя о производстве обыска, данное следственное действие не проводил, а составил фиктивный протокол обыска, отразив в нем, что предметы, имеющие значение для дела, не обнаружены, причем в качестве понятых были указаны лица, находившиеся на тот момент в местах лишения свободы, за которых он же и расписался» [Метельский 2009, с.7]. Кстати, данный пример еще иллюстрирует и ранее изложенный тезис о том, что фальсификация может совершаться путем бездействия (в данном примере это невключение в протокол сведений о предметах, которые на самом деле были обнаружены и имели значение для уголовного дела).

По ст. 292 УК РФ также могут квалифицироваться действия судьи по уголовному делу. Считаем, что судью следует ввести в круг субъектов преступления путем дополнения ст. 303 УК РФ частью 5 в следующей редакции: «*5. Фальсификация доказательств судьей наказывается лишением права занимать определенные должности или*

заниматься определенной деятельностью до пяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового либо лишением свободы на срок до пяти лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет». Такие изменения обусловлены наличием случаев фальсификации доказательств судьями, квалификация которой осуществляется по ст. 292 УК РФ, при этом не учитывается общественная опасность такого деяния и применяется более мягкое наказание. Общественная опасность данного преступления заключается в том, что наличие фальсифицированных доказательств может привести к принятию судом неправильного решения, необоснованно ущемляющего права и законные интересы граждан, юридических лиц.

Объектом посягательства по ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ являются общественные отношения, обеспечивающие достижение целей судопроизводства в сфере процессуального доказывания, т. е. нормальная деятельность суда. Результатом фальсификации доказательств является принятие процессуальных решений, основанных на ложной информации и, следовательно, не отвечающих требованиям законности и обоснованности. Дополнительный объект – интересы личности.

Несмотря на степень общественной опасности рассматриваемого деяния, на практике некоторым сотрудникам правоохранительных органов удается избежать уголовной ответственности даже на стадии судебного разбирательства. В научной литературе анализируются случаи применения уголовно-правового института малозначительности [Метельский 2009]. Более того, в последнее время в судебной практике встречаются случаи прекращения уголовного дела в соответствии со ст. 25.1 УК РФ и назначения подсудимым меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Так, постановлением Центрального районного суда г. Оренбурга от 27 июня 2017 г. по делу № 1-105/2017 старшему дознавателю отдела дознания отдела полиции М. назначена мера уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере пятнадцати тысяч рублей[1]. Согласно материалам дела «М., стремясь избежать ответственности за неполноту предварительного расследования и нарушения процессуальных сроков, желая уменьшить свой объем работы, с целью фальсификации доказательства по уголовному делу, находящегося в ее производстве, без проведения следственного действия – допроса свидетеля, изготовила посредством технических средств протокол допроса свидетеля, где указала сведения, не соответствующие действительности…» [2]. Применение судебного штрафа, отсутствие неблагоприятных последствий в виде судимости и неприменения установленной законом возможности лишить права занимать должности, связанные с расследованием уголовных дел, ведут к тому, что преступники не просто остаются безнаказанными, но продолжают работать в системе правоохраны. В связи с этим необходимо продумать вопрос о том, чтобы составить и законодательно закрепить перечень составов преступлений, при совершении которых запрещается применять судебный штраф. В этот перечень, на наш взгляд, должна входить ст. 303 УК РФ.

Следует также подчеркнуть, что даже в случае вынесения обвинительного приговора на субъектов преступления налагается дополнительное наказание в виде лишения права заниматься определенной деятельностью не навсегда, а на несколько лет (чаще всего на 2 года), а потом теоретически осужденный может продолжать дальше работать в правоохранительной системе. На наш взгляд, следует ввести в санкции ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ в качестве основного наказания лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Так, санкция ч. 2 ст. 303 УК РФ могла бы выглядеть следующим образом: «*…наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до пяти лет со штрафом в размере до восьмидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев либо без такового и с ограничением свободы на срок до полутора лет либо без такового либо* (далее – по тексту)».

В связи с вышеизложенным редакцию санкции ч. 3 ст. 303 УК РФ также предлагаем изменить: «*… наказывается лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью до пяти лет со штрафом в размере до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трех лет либо без такового и с ограничением свободы на срок до двух лет либо без такового либо* (далее – по тексту)».

Важно отметить, что в проводимом нами опросе перед экспертами ставился вопрос о достаточности вида и размера уголовного наказания за рассматриваемое должностное преступление лицу, осуществляющему предварительное расследование. Подавляющее большинство анкетируе-

[1] Постановление Центрального районного суда г. Оренбурга от 27 июня 2017 г. Дело № 1-105-2017. URL: http://sud-praktika.ru/precedent/422364.html/ (дата обращения: 03.06.2020).

[2] Там же.

мых ответили, что увеличение размера санкций не требуется (92 %). Тем не менее анализ санкций и практики их применения свидетельствует о несоответствии действительной общественной опасности деяния специального субъекта преступления видам и размеру наказаний.

Итак, завершая статью, мы пришли к следующим выводам.

Во-первых, в правоприменительной деятельности следует избегать ошибок при квалификации рассматриваемых деяний. Такими ошибками могут быть:

1) ошибочная квалификация деяния по ч. 2 или 3 ст. 303 УК РФ в случае:

а) когда предметом преступных действий выступают не доказательства по уголовному делу, а иные объекты материального мира, не являющиеся доказательствами;

б) когда в действиях лица имеют место признаки служебного подлога, злоупотребления должностным положением и т. п. или совокупность преступлений (например, предусмотренных ст. 292 и 303 УК РФ) либо лишь дисциплинарный проступок;

в) когда фальсификацию доказательств по уголовному делу осуществляет субъект, действующий по процессуальному поручению дознавателя или следователя;

2) ошибочный вывод об отсутствии состава преступления, предусмотренного ч. 2 или 3 ст. 303 УК РФ, в случае:

а) когда по делу сфальсифицированные доказательства были признаны судом недопустимыми, и их существование не повлекло общественно опасных последствий;

б) когда считается установленным факт получения доказательства с нарушением требований уголовно-процессуального закона без искажения участником уголовного процесса содержащейся в доказательстве информации о фактах, имеющих значение для установления компетентными органами и лицами обстоятельств, в то время как признаки фальсификации имели место быть.

В целях недопущения указанных ошибок субъекту квалификации следует учитывать следующие важные критерии:

1) предметом преступления являются только доказательства, признаваемые таковыми в силу уголовно-процессуального закона, который обеспечивает гарантии доброкачественности закрепления собранных сведений;

2) лицо, совершающее фальсификацию, относится к специальному субъекту: следователь, дознаватель, прокурор, защитник (фальсификация доказательств иными участниками уголовного судопроизводства квалифицируется по иным статьям УК РФ);

3) само преступное деяние (действие или бездействие) направлено на умышленное искажение участником уголовного процесса информации о фактах, значимых для уголовного дела в целях изменения объективности таковой информации, исходя из корыстной или иной личной заинтересованности.

Во-вторых, одним из условий возникновения в судебной практике разных подходов в квалификации деяний является отсутствие нормативной определенности термина «фальсификация доказательств» применительно к ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ. Результаты анализа пояснений Судебной коллегии Верховного Суда Российской Федерации разных лет в отношении содержания термина «фальсификация доказательств», контент-анализ текстов соответствующих приговоров (в том числе по критериям: «действие – бездействие», «способ фальсификации доказательств», «субъект преступления», «цель фальсификатора»), а также научных позиций, норм УК РФ с юридико-технических позиций позволили нам сформулировать определение термина «фальсификация доказательств по уголовным делам» и предложить ввести его в ч. 2 ст. 303 УК РФ.

Систематизация способов фальсификации доказательств позволяет все деяния фальсификатора отнести к одному из трех подвидов: подделка, сокрытие, уничтожение доказательств; а обобщение целей фальсификатора, излагаемых в приговорах (карьеризм, сокращение объема своей работы, затрат времени и труда, стремление избежать неблагоприятных для себя последствий в служебной деятельности и др.) дает возможность сформулировать следующий признак субъективной стороны – «из корыстной или иной личной заинтересованности».

В-третьих, субъектом преступления не являются лица, действующие по процессуальному поручению дознавателя или следователя, а также судьи (их действия по фальсификации доказательств квалифицируются по общей норме, например, ст. 292 УК РФ), что не отвечает характеру и степени общественной опасности таких деяний. В связи с этим необходимо ввести соответствующие изменения в ст. 303 УК РФ, а также исключить возможность применения в ряде случае судебного штрафа.

В-четвертых, анализ санкций ч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ и практики их применения свидетельствует о несоответствии действительной общественной опасности деяния специального субъекта преступления видам и размеру наказаний. Необходимо внести в качестве альтернативы наказания, связанные с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, в качестве основного вида наказания.

В-пятых, эффективность указанных выше уголовно-правовых мер во многом зависит от реше-

ния проблемы высокой загруженности следственных работников, решить которую можно не простым увеличением уголовно-правовой репрессии или числа следственных работников, а формированием компетентных, морально устойчивых кадров, заинтересованных в работе в рамках закона.

Список цитируемых источников

Кондратьев 2008 – *Кондратьев А. А.* Проблемные вопросы квалификации фальсификации по уголовному делу лицами, осуществляющими предварительное расследование // Наука и практика. 2008. № 2(35). С. 146–149.

Метельский 2009 – *Метельский П. С.* Привлечение к ответственности за фальсификацию доказательств по уголовному делу // Уголовный процесс. 2009. № 1. С. 11–15.

Мытарев 2009 – *Мытарев М. В.* Ответственность за преступления против правосудия, совершаемые сотрудниками ОВД : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. 29 с.

Свиридов 2017 – *Свиридов С. В.* Квалификационные ошибки, выражающиеся в неверном установлении отсутствия или наличия в деянии признаков состава преступления, предусмотренного чч. 2 и 3 ст. 303 УК РФ // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 196–201.

Фомин 2019 – *Фомин М. А.* Практика доказывания фальсификации доказательств по уголовным делам. М. : Юрлитинформ, 2019. 455 с.

Шатковская 2012 – *Шатковская Т. В.* Самосуд как проявление российского правового менталитета // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 6. С. 35–39.

References

Fomin, M. A. (2019), *Praktika dokazyvaniya fal'sifikatsii dokazatel'stv po ugolovnym delam* [The practice of proving falsification of evidence in criminal cases], Yurlitinform, Moscow, Russia.

Kondrat'ev, A. A. (2008), "Problematic issues of qualification of falsification in a criminal case by persons conducting a preliminary investigation", *Nauka i praktika,* no. 2(35), pp. 146–149.

Metel'sky, P. S. (2009), "Bringing to responsibility for falsification of evidence in a criminal case", *Ugolovnyi process,* no. 1, pp. 11–15.

Mytarev, M. V. (2009), Responsibility for crimes against justice committed by police officers, Abstract Ph. D. dissertation, criminal law, criminology, penal law, Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia, Nizhny Novgorod, Russia.

Shatkovskaya, T. V. (2012), "Frontier justice as a manifestation of the Russian legal mentality", *Problemy v rossiiskom zakonodatel'stve,* no. 6, pp. 35–39.

Sviridov, S. V. (2017), "Qualification errors expressed in the incorrect determination of the absence or presence in the act of evidence of a crime under parts 2 and 3 of article 303 of the Criminal Code of the Russian Federation", *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii,* no. 5, pp. 196–201.

Информация об авторе

Климова Юлия Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; klimova_julia@mail.ru

Information about the author

Klimova Yuliya N.,
PhD (law), associate professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; klimova_julia@mail.ru

Для цитирования

Климова Ю. Н. Фальсификация доказательств по уголовному делу: особенности объективных и субъективных признаков // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 58–66.

For citation

Klimova, Yu. N. (2020), "Falsification of evidence in a criminal case: features of objective and subjective signs", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 58–66.

УДК 347.77

С. Д. Ковалёв[1]
Е. В. Полуянова[1]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

S. D. Kovalev[1]
E. V. Poluyanova[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Нормативно-правовое регулирование отношений, связанных с обработкой персональных данных, в Российской Федерации

Legal and regulatory framework of relations related to the processing of personal data in the Russian Federation

Ключевые слова: информация; персональные данные; обработка персональных данных; субъекты персональных данных; оператор персональных данных; общедоступные персональные данные; специальные категории персональных данных; биометрические персональные данные; информационная система.

Аннотация. Рассмотрен актуальный вопрос о нормативном регулировании правоотношений, связанных с персональными данными физических лиц, в Российской Федерации. Основное внимание уделено анализу принципов регулирования действий, осуществляемых при обработке персональных данных, сформулировано предложение по совершенствованию законодательства о персональных данных.

Key words: information; personal data; personal data processing; personal data subjects; personal data operator; publicly available personal data; special categories of personal data; biometric personal data; information system.

Abstract. The current issue of legal and regulatory framework of relations related to personal data of individuals in the Russian Federation is considered. The main attention is paid to the analysis of the principles of regulation of actions carried out in the processing of personal data and a proposal to the legislation on personal data has been formulated.

Во всех странах мира у каждого человека есть информация, которую он считает персональной, и это может быть любая информация, которую конкретное физическое лицо не хотело бы раскрывать неопределенному кругу лиц. Каждое такое физическое лицо является субъектом персональных данных. В Основном законе Российской Федерации закреплено положение о том, что каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23), а также о том, что сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются (ч. 1 ст. 24)[1].

Основополагающим элементом защиты персональных данных является достаточное нормативно-правовое регулирование всей группы правоотношений, связанных с сущностью персональных данных, со способами и методами непосредственной технической или организационной защиты персональных данных, прав и обязанностей всех категорий субъектов, а также ответственности за нарушение установленных правил [Прохорова 2016, с. 318].

В связи с необходимостью обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина при обработке его персональных данных, в том числе защиты прав на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, в Российской Федерации был принят Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее: Закон № 152-ФЗ)[2].

Принятие данного закона в Российской Федерации было продиктовано необходимостью регулировать отношения, связанные с персональными данными с учетом международных норм и правил. Следует отметить, что нормативные акты, касающиеся персональной информации, были разработаны международным сообществом еще в 1948 г. Так, на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН была принята Всеобщая декларация прав человека, в которой закреплено: «Никто не может подвергаться произвольному вмешательству в его личную и семейную жизнь… или на его честь и репутацию, и каждый человек имеет право на защиту закона от такого вмешательства или таких посягательств» (ст. 12)[3]. Аналогичная норма отражена в ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31, ст. 4398.

© Ковалёв С. Д., Полуянова Е. В., 2020

[2] Российская газета. 2006. 29 июля.

[3] Там же. 1998. 10 дек.

правах[1], которая впоследствии была ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 сентября 1973 г. № 4812-VIII.

В 2005 г., еще до принятия Закона № 152-ФЗ, Россия ратифицировала Конвенцию Совета Европы[2], в ст. 2 которой было сформулировано понятие «персональные данные». Под ними понимают любую информацию об определенном или поддающемся определению физическом лице (субъекте данных)[3]. Близкое по формулировке понятие персональных данных было впоследствии предложено в Законе № 152-ФЗ: это любая информация, относящаяся прямо или косвенно к определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных) (п. 1 ст. 3). В соответствии с Законом № 152-ФЗ обработка персональных данных может осуществляться с использованием средств автоматизации, в том числе в информационно-телекоммуникационных сетях, или без использования таких средств и может включать в себя действия по сбору, записи, систематизации, накоплению, хранению, уточнению (обновлению, изменению), извлечению, использованию, передаче (распространению, предоставлению, доступу), обезличиванию, блокированию, удалению, уничтожению персональных данных. Безусловно, речь не идет об обработке персональных данных, которые физические лица используют исключительно для личных и семейных нужд, например, самостоятельно размещая фотографии частного характера или паспортные данные в социальной сети. Кроме того, речь не идет об отношениях, возникающих при обработке персональных данных, отнесенных к сведениям, составляющим государственную тайну. Это не может быть также использование документов Архивного фонда Российской Федерации, содержащих персональных данные. В соответствии с Федеральным законом от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации»[4] организация хранения, комплектования, учета и использования документов Архивного фонда Российской Федерации и других архивных документов осуществляется независимо от их форм собственности.

Следует отметить, что в Законе № 152-ФЗ видов персональных данных и их перечня не представлено, но из текста закона можно выделить четыре категории: общедоступные персональные данные (ст. 8), специальные категории персональных данных (ст. 10), биометрические персональные данные (ст. 11). Кроме того, персональные данные могут быть иной категории, если они не входят ни в одну из перечисленных. Постановлением Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2012 г. № 1119 утверждены требования к защите персональных данных и определены виды информационных систем с учетом указанных категорий:

– системы, обрабатывающие общедоступные персональные данные (обрабатываются персональные данные, полученные только из общедоступных источников персональных данных, например из справочников);

– системы, обрабатывающие специальные категории персональных данных (обрабатывают персональные данные, касающиеся расовой, национальной принадлежности, политических взглядов, религиозных или философских убеждений, состояния здоровья, интимной жизни субъектов персональных данных);

– системы, обрабатывающие биометрические персональные данные (обрабатывают сведения, характеризующие физиологические и биологические особенности человека, и не обрабатывают сведения, относящиеся к специальным категориям персональных данных);

– системы, обрабатывающие иные категории персональных данных[4].

В настоящее время возникает ряд сложностей, связанных с обработкой персональных данных, размещенных, как правило, в информационно-телекоммуникационных сетях. Самая главная проблема заключается в необходимости соблюдения принципа баланса публичных интересов (потребности органов власти в доступе к информации о персональных данных граждан) и праве личности на защиту от вмешательства в ее частную жизнь [Езикян 2016, с. 22]. Проблемы могут быть также связаны с преднамеренным размещением в сети «Интернет» информации о частной жизни лица, его личной или семейной тайне, позволяющей ознакомиться с ней неопределенному кругу лиц. Не всегда размещающие такую информацию граждане знают о том, что в соответствии с Уголовным кодексом Российской Федерации (далее: УК РФ) данные действия являются уголовно наказуемыми, а норма ч. 1 ст. 137 УК РФ закрепляет ответственность за незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица, составляющих личную или семейную тайну, без его согласия, либо распространение этих сведений в публичном выступ-

[1] Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 17, ст. 291.

[2] О ратификации Конвенции Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных : федер. закон от 19 дек. 2005 г. № 160-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 52, ч. I, ст. 5573.

[3] Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Страсбург, 28 янв. 1981 г.). URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.05.2020).

[4] Российская газета. 2004. 27 окт.

[4] Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных : постановление Правительства Рос. Федерации от 1 нояб. 2012 г. № 1119 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2012. № 45, ст. 6257.

лении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации[1].

Следует отметить, что распространение сведений о частной жизни лица заключается в сообщении (разглашении) их одному или нескольким лицам в устной, письменной или иной форме и любым способом (в частности, путем передачи материалов или размещения информации с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»)[2]. Оператор, т. е. тот орган или лицо, кто осуществляет обработку персональных данных, обязан принимать необходимые правовые, организационные и технические меры или обеспечивать их принятие для защиты персональных данных (ч. 1 ст. 19 Закона № 152-ФЗ). При это отметим, что оператором может быть не только государственный, муниципальный орган или юридическое лицо, но в том числе и физическое лицо (п. 2 ст. 3 Закона № 152-ФЗ). По закону, оператор не только организовывает и осуществляет обработку персональных данных, но и определяет состав информации, цель обработки и действия, совершаемые с персональными данными. В связи с обширным кругом задач и полномочий оператора полагаем, что следует внести изменения в п. 2 ст. 3 Закона № 152-ФЗ и исключить из представленного перечня органов и лиц, имеющих право на организацию, осуществление действий, совершаемых с персональными данными юридических и физических лиц, и ограничить его (перечень) только государственными и муниципальными органами.

При анализе судебной практики, размещенной в сети «Интернет», можно сделать вывод о большом объеме рассматривавшихся дел по нарушениям норм Закона № 152-ФЗ[3]. Кроме УК РФ, правоотношения в сфере персональных данных регулирует и Гражданский кодекс Российской Федерации (далее: ГК РФ). Речь идет о праве гражданина требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений (п. 1 ст. 152 ГК РФ). Помимо этого, гражданин вправе требовать возмещения убытков и компенсации морального вреда, причиненных распространением таких сведений (п. 9 ст. 152 ГК РФ)[4].

В то же время достаточно часто информация, касающаяся персональных данных, порочащая честь, достоинство и деловую репутацию гражданина, даже при положительном решении суда в пользу пострадавшей стороны, продолжает распространяться в сети «Интернет».

В качестве примера можно привести гражданское дело по апелляционной жалобе. Истец Г. обратился в суд с иском к ответчикам редакции сайта «К» в связи с тем, что в отношении него опубликован ряд статей с информацией, обрабатываемой с нарушением российского законодательства в области персональных данных. Указанная информация была доступна неограниченному кругу лиц без согласия истца, нарушала его права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну. Опубликованная информация об имени, должности, месте работы, социальном положении и политических взглядах истца в совокупности являлась информацией персонального характера, основными и специальными персональными данными. Ответчики как операторы осуществили обработку персональных данных истца без его согласия и опубликовали их.

Истец просил признать деятельность сайта нарушающей его права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну.

Судом было установлено и подтверждалось материалами дела, что в период с 8 февраля по 9 июля 2007 г. на сайтах средства массовой информации «К», зарегистрированного в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций под номером ЭЛ № 77-6736, в отношении истца был опубликован ряд статей. 20 мая 2008 г. по делу № 2-1284/08 вступило в силу решение Черемушкинского районного суда г. Москвы, согласно которому, расположенная на сайте «К» информация была признана судом не соответствующей действительности и на ответчика была возложена обязанность опубликовать опровержение данной информации.

Однако решение суда не было исполнено, а информация в отношении истца, признанная судом недействительной, продолжала быть доступной в сети «Интернет». 14 июня 2017 г. Пресненский районный суд г. Москвы вынес решение по делу № 2-3809/2017, в соответствии с которым исковые требования Г. также были удовлетворены. 21 июля 2017 г. вступило в законную силу решение Пресненского районного суда г. Москвы по делу № 2-3809/2017, по которому редакция сайта «К» обязана изъять из размещения указанные судом публикации[5].

Следует отметить, что в целях пресечения обработки персональных данных с нарушением законо-

---

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954.

[2] О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации) : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 25 дек. 2018 г. № 46 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2019. № 2.

[3] URL: https://sudact.ru/practice/personalnye-dannye/ (дата обращения: 18.05.2020).

[4] Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32, ст. 3301.

[5] Апелляционное определение Московского городского суда от 28 марта 2019 года по делу № 33-13627/2019. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дательства Российской Федерации в области персональных данных создана автоматизированная информационная система «Реестр нарушителей прав субъектов персональных данных»[1]. Основанием для включения в реестр нарушителей является указание на вступивший в законную силу судебный акт.

В настоящее время в ходе борьбы с пандемией коронавируса COVID-19 в различных городах Российской Федерации организована система по выдаче электронных пропусков отдельным гражданам и организациям. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации разработало приложение на портале «Госуслуги.Стопкоронавирус», с помощью которого можно получить цифровой пропуск в регионах России, там, где действует пропускная система. Разработанное приложение интегрировано с единой системой идентификации и аутентификации Единого портала госуслуг и позволяет использовать уже имеющуюся учетную запись пользователя в этой системе[2]. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации разработало Инструкцию по порядку получения пропуска, при оформлении которого на портале «Госуслуги.Стопкоронавирус» необходимо заполнить анкету для определения своего статуса. Бланк анкеты включает в себя различную информацию о гражданине, в первую очередь персональные данные: фамилия, имя, отчество, дата рождения, пол, гражданство, адрес регистрации и адрес фактического проживания, также данные документа, удостоверяющего личность (это может быть паспорт гражданина Российской Федерации, свидетельство о рождении, загранпаспорт или паспорт иностранного гражданина)[3]. Представленная на портале «Госуслуги» система была создана на основе инфраструктуры «электронного правительства»[4].

С учетом сложной эпидемиологической обстановки в стране и в мире, необходимость организации такого рода контроля за гражданами не вызывает сомнений. Считаем положительным тот факт, что оператором, получающим такой объем информации о конкретном физическом лице, будет государственный орган. Думаем, что содержание и объем обрабатываемых персональных данных, согласно норме Закона № 152-ФЗ, будет соответствовать заявленным целям (ч. 5 ст. 5). Открытым остается вопрос: в течение какого отрезка времени будет храниться представленная информация в информационной системе персональных данных оператора? Надеемся, что полученные оператором при оформлении цифровых пропусков персональные данные по достижении целей обработки, как закреплено в положениях Закона № 152-ФЗ, будут подлежать уничтожению либо обезличиванию (ч. 7 ст. 5).

На фоне борьбы с распространением коронавирусной инфекции по теме оформления цифровых пропусков активизировались мошенники. Так, 27 апреля 2020 г. средства массовой информации сообщили о том, что в Москве были задержаны двое мужчин, которые в информационно-телекоммуникационных сетях предлагали оформить такие пропуска значительно быстрее. Для получения поддельного пропуска интернет-аферисты просили прислать им паспортные данные и, если требовался пропуск на автомобиль, его государственный номер. Управление организации дознания ГУ МВД России по г. Москве возбудили уголовное дело по статье о мошенничестве (ч. 1 ст. 159 УК РФ)[5]. Безусловно, серьезность ситуации заключается не в потере финансовых средств, а в предоставлении мошенникам персональной информации, которой они могли бы воспользоваться в своих криминальных интересах.

Следует отметить, что в современном интерактивном мире персональные данные любого лица являются значительной ценностью, содержащей важную информацию о каждом из нас. Считаем, что мы не только сами обязаны хранить свои персональные данные от посторонних лиц, но и государство должно обеспечить защиту наших персональных данных от преступных посягательств. В Российской Федерации в настоящее время много делается в этом направлении. Для предупреждения, выявления и пресечения нарушений операторами персональных данных в 2019 г. постановлением Правительства Российской Федерации от 13 февраля № 146 утверждены Правила организации и осуществления государственного контроля и надзора за обработкой персональных данных. В соответствии с этими Правилами определены виды проверок операторов персональных данных, установлены сроки их проведения, порядок оформления результатов. В случае выявления нарушения требований, оператору вместе с актом проверки выдается предписание об устранении выявленных нарушений и определяется срок устранения, который не должен превышать шести месяцев со дня выдачи предписания[6]. Кроме того, для осуществления контроля и надзора за об-

[1] Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ. Ст. 15.5, ч. 1 // Российская газета. 2006. 29 июля.

[2] URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350154/ (дата обращения: 18.05.2020).

[3] URL: https://www.budgetnik.ru/art/103637-qqq-04-23-kak-poluchit-tsifrovoy-propusk-v-vladimirskoy-oblasti (дата обращения: 18.05.2020).

[4] URL: https://spbit.ru/news/n181346/ (дата обращения: 18.05.2020).

[5] URL: https://www.kommersant.ru/doc/4332903 (дата обращения: 18.05.2020).

[6] Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 7, ч. II, ст. 673.

работкой персональных данных граждан в 2019 г. в ст. 13.11 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее: КоАП РФ) введена ч. 8, в соответствии с которой государство обязало операторов хранить персональные данные только на территории Российской Федерации, а неисполнение данной нормы влечет наложение административного штрафа[1]. Мы выражаем согласие с такой нормой закона и считаем, что данное положение подтверждает наше предложение о необходимости предоставления функций оператора персональных данных только государственным и муниципальным органам. В то же время полагаем, что за повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного ч. 8 ст. 13.11 КоАП РФ, необходимо увеличить размер административного штрафа (ч. 9 ст. 13.11 КоАП РФ). В связи с этим предлагаем изложить ч. 9 ст. 13.11 КоАП РФ в следующей редакции: «9. Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 8 настоящей статьи, – влечет наложение административного штрафа на граждан в размере от ста тысяч до двухсот тысяч рублей; на должностных лиц – от миллиона до миллиона шестисот тысяч рублей; на юридических лиц – от двенадцати миллионов до тридцати шести миллионов рублей». Кроме того, предлагаем внести изменения в п. 2 ст. 3 Закона № 152-ФЗ, сформулировав его таким образом: «2) оператор – государственный или муниципальный орган, самостоятельно или совместно с другими государственными или муниципальными органами организующий и (или) осуществляющий обработку персональных данных, а также определяющий цели обработки персональных данных, состав персональных данных, подлежащих обработке, действия (операции), совершаемые с персональными данными». Считаем, что, в отличие от юридических и физических лиц, государственные структуры выполнят свои обязательства по обработке персональных данных в полном объеме.

Список цитируемых источников

Езикян 2016 – *Езикян В. И.* Проблемы правового регулирования персональных данных в сети «Интернет» // Актуальные проблемы правоприменительной и правоохранительной деятельности в современных условиях. Новочеркаск : Юж.-рус. гос. политехн. ун-т (НПИ) им. М. И. Платова, 2016. С. 20–30.

Прохорова 2016 – *Прохорова Т. Ю.* К вопросу о нормативно-правовом регулировании защиты персональных данных // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 1(33). С. 318–324.

References

Ezikyan, V. I. (2016), "Problems of legal regulation of personal data in the Internet", *Aktual 'nye problemy pravoprimenitel 'noi i pravookhranitel 'noi deyatel 'nosti v sovremennykh usloviyakh* [Actual problems of law enforcement and law protection activities in modern conditions], Yuzhno-Rossiiskii gosudarstvennyi politekhnicheskii universitet (NPI) imeni M. I. Platova, Novocherkask, Russia, pp. 20–30.

Prokhorova, T. Yu. (2016), "On the issue of legal regulation of the protection of personal data", *Yuridicheskaya nauka i praktika, vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii,* no. 1(33), pp. 318–324.

Информация об авторах

Ковалёв Сергей Дмитриевич,
кандидат юридических наук, доцент Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; Sdr-ecxe@rambler.ru
Полуянова Елена Владимировна,
кандидат юридических наук, доцент Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; elenapoluyanova66@yandex.ru

Information about the authors

Kovalev Sergei D.,
PhD (law), associate professor Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; Sdr-ecxe@rambler.ru
Poluyanova Elena V.,
PhD (law), associate professor Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; elenapoluyanova66@yandex.ru

Для цитирования

Ковалёв С. Д., Полуянова Е. В. Нормативно-правовое регулирование отношений, связанных с обработкой персональных данных, в Российской Федерации // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 67–71.

For citation

Kovalev, S. D. and Poluyanova, E. V. (2020), "Legal and regulattory framework of relations related to the processing of personal data in the Russian Federation", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 67–71.

[1] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 2 дек. 2019 г. № 405-ФЗ. URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 18.05.2019).

УДК 343.72:343.81

А. В. Кудрявцев[1, 2, 3]
И. В. Крюков[4, 5]
[1] Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация
[3] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация
[4] Оперативный отдел ФКУ СИЗО-2 ГУФСИН России по Нижегородской области, Кстовский район, пос. Дружный, Российская Федерация
[5] Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Российская Федерация

A. V. Kudryavtsev[1, 2, 3]
I. V. Kryukov[4, 5]
[1] Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation
[2] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation
[3] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation
[4] Operational department of the FKU SIZO-2 GUFSIN of Russia for the Nizhny Novgorod region, Kstovo district, Druzhny village, Russian Federation
[5] Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation

Отдельные аспекты взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и МВД России в рамках деятельности по борьбе с мошенничествами, совершаемыми в исправительных учреждениях с использованием средств мобильной связи и Интернета

Certain aspects of interaction between the operational units of the FPS of Russia and the MIA of Russia in the framework of the fight against fraud committed in prisons using mobile communications and the Internet

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; взаимодействие; мошенничества, совершаемые в исправительных учреждениях с использованием средств мобильной связи и Интернета.

Аннотация. В статье рассматриваются факторы, определяющие значимость взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и МВД России в рамках деятельности по борьбе с мошенничествами, совершаемыми в исправительных учреждениях с использованием средств мобильной связи и Интернета; анализируются формы и условия, влияющие на эффективность данного взаимодействия.

Key words: operational-search activity; interaction; fraud committed in prisons using mobile communications and the Internet.

Abstract. The article considers the factors that determine the significance of the interaction between the operational units of the FPS of Russia and the MIA of Russia in the framework of the fight against fraud committed in prisons using mobile communications and the Internet. It also analyzes the forms and conditions that affect the effectiveness of this interaction.

Мошенничества, совершаемые лицами, находящимися в исправительных учреждениях, с использованием средств мобильной связи и Интернета, являются преступлениями, выявление, предупреждение и раскрытие которых требуют консолидации действий оперативных подразделений ФСИН России и МВД России. В значительной степени это связано с тем, что субъектами совершения данных преступлений предстают осужденные или лица, заключенные под стражу, а потерпевшими – лица, находящиеся вне территории мест лишения свободы.

Указанная совместная деятельность именуется в науке и практике взаимодействием оперативных подразделений.

Теоретическим аспектам взаимодействия оперативных подразделений учеными уделено значительное внимание. Так, к вопросу определения понятия взаимодействия в оперативно-розыскной деятельности обращались В. М. Атмажитов, В. Г. Бобров, Д. В. Гребельский, В. В. Дедюхин, К. К. Горяинов, Ф. Г. Канцарин, А. Г. Лекарь, А. Ю. Шумилов и ряд других исследователей. Практически все эти авторы считают, что главным, основополагающим моментом любого взаимодействия выступает согласование действий

© Кудрявцев А. В., Крюков И. В., 2020

(или деятельности), т. е. установление контакта между действиями (или деятельностью), направленными на достижение общей цели. По мнению большинства ученых, взаимодействие предполагает деятельность двух или более подразделений, в том числе различных ведомств.

Существенное значение в рамках раскрытия мошенничеств, совершенных в исправительных учреждениях с использованием средств мобильной связи и Интернета, имеет взаимодействие оперативных подразделений ФСИН России и МВД России. Причем это взаимодействие формировалось длительное время и является следствием ряда причин. Во-первых, по нашему мнению, тесное взаимодействие оперативных подразделений уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) и органов внутренних дел (далее: ОВД) обусловлено относительной общностью задач, решаемых данными субъектами. Во-вторых, традиционность объединений усилий по борьбе с преступностью в деятельности указанных подразделений определяется длительным нахождением УИС в составе МВД России.

Это подтверждают и результаты проведенного нами в рамках исследования опроса оперативных работников УИС[1]. Так, отвечая на вопрос о том, возможно ли эффективное раскрытие мошенничеств, совершенных в исправительных учреждениях с помощью средств мобильной связи и Интернета, без взаимодействия с оперативными подразделениями ОВД, 79,8 % респондентов указали на невозможность осуществления данной деятельности; 13,6 % опрошенных не считают взаимодействие с оперативными подразделениями ОВД необходимым условием для качественного противодействия рассматриваемым преступлениям в исправительных учреждениях; 6,6 % респондентов затруднились ответить на данный вопрос.

Изучение различных аспектов взаимодействия в области оперативно-розыскного обеспечения противодействия преступлениям в целом, а также мошенничествам с использованием средств мобильной связи и Интернета, в частности, позволяет выявить некоторые закономерности данной деятельности:

– сущность и содержание взаимодействия исключают абстрактность, имея предметный характер совместной деятельности;

– данный характер взаимодействия внешне выражается в конкретных формах и методах совместной деятельности оперативных подразделений, в аспекте рассматриваемого вопроса – ФСИН России и МВД России;

– указанные формы и методы взаимодействия имеют четко выраженную направленность на решение задач противодействия преступности, в аспекте рассматриваемой темы – мошенничествам, совершаемым лицами, находящимися в исправительных учреждениях, с использованием средств мобильной связи и Интернета;

– формы и методы рассматриваемого взаимодействия в качестве взаимосвязанных элементов включаются в общий комплекс мер по борьбе с преступностью, в нашем случае – пенитенциарной.

В научной литературе предпринимались попытки классификации направлений взаимодействия.

В аспекте рассматриваемых вопросов интерес представляет такое направление, как взаимодействие по выявлению, предупреждению и раскрытию мошенничеств в исправительных учреждениях, совершенных с использованием средств мобильной связи и Интернета.

С точки зрения практики организации взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и МВД России следует заострить внимание на вопросе о формах взаимодействия, в пределах которых и осуществляются согласованные мероприятия взаимодействующих оперативных подразделений.

В теории оперативно-розыскной деятельности существует устоявшаяся позиция, согласно которой формы взаимодействия – это способы, с помощью которых взаимодействующие субъекты контактируют в своей работе с целью решения стоящих перед ними задач [Атмажитов 1981, с. 13].

Опираясь на формы взаимодействия, исследованные в науке и апробированные в практике организации работы оперативных подразделений УИС и ОВД, а также на результаты проведенных нами исследований, можно ранжировать следующие наиболее распространенные формы их взаимодействия в рамках выявления, предупреждения и раскрытия мошенничеств, совершаемых в исправительных учреждениях с использованием средств мобильной связи и Интернета:

– обмен оперативно-розыскной и иной информацией, представляющей взаимный интерес для раскрытия преступлений данного вида (на данную форму указали 36,8 % респондентов);

– взаимное выполнение заданий взаимодействующими оперативными подразделениями (28,8 %);

– взаимное использование имеющихся у взаимодействующих субъектов сил и средств (19,5 %);

– исполнение запросов о наведении справок по учетам различных видов (16,4 %);

– совместные планирование и осуществление оперативно-розыскных мероприятий (13,8 %);

[1] В рамках исследования были опрошены 158 сотрудников оперативных подразделений исправительных учреждений и следственных изоляторов Нижегородской, Владимирской, Рязанской областей.

– обобщение и использование передового опыта совместной деятельности оперативных подразделений (9,4 %);

– анализ и подведение итогов совместной деятельности по результатам взаимодействия (7,5 %);

– согласованная (в пределах их компетенции) деятельность по правовому регулированию отдельных направлений взаимодействия, а также тактики и методов борьбы с мошенничествами, совершаемыми осужденными с использованием средств мобильной связи и Интернета (2,6 %).

Для правильной организации и осуществления взаимодействия в борьбе с преступностью, кроме согласованной деятельности и правильного выбора направлений и форм взаимодействия, необходимы условия, обеспечивающие его эффективность.

Анализ практической деятельности оперативных подразделений и научных подходов к данному вопросу позволяет выделить общие условия, оказывающие влияние на эффективность взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и МВД России по противодействию мошенничествам рассматриваемого вида:

– соблюдение предписаний нормативных правовых актов, регламентирующих такое взаимодействие. Выполнение этого условия заключается в четкой правовой регламентации обязанностей оперативных подразделений УИС и ОВД по взаимодействию. Эти обязанности закреплены на законодательном (например, Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[1], Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации[2] и т. д.) и подзаконном уровнях (Положение о Федеральной службе исполнения наказаний[3] и т. д.);

– полное понимание субъектами взаимодействия специфики задач, стоящих перед ними при организации совместной деятельности. В вопросах противодействия мошенничествам с использованием средств мобильной связи и Интернета данное условие приобретает весьма существенное значение с учетом возможной территориальной удаленности взаимодействующих субъектов (преступник совершает мошенничества дистанционно на территории других регионов);

– организационная роль руководителей взаимодействующих сторон и направленность их действий на достижение целей совместной деятельности;

– единый подход к осуществлению планирования совместных мероприятий, гибкость планирования при поступлении отдельных заданий взаимодействующих сторон и изменении обстановки;

– кадровое обеспечение совместной деятельности, предполагающее надлежащий профессиональный уровень участников взаимодействия;

– оптимальное обеспечение рассматриваемого процесса специальными техническими средствами, их активное и широкое применение в процессе взаимодействия при проведении оперативно-розыскных мероприятий по выявлению мошенничеств, совершенных в исправительных учреждениях с использованием средств мобильной связи и Интернета[4];

– контроль за реализацией процесса взаимодействия. Выбор форм данного контроля зависит от места дислокации взаимодействующих оперативных подразделений (как было указано выше, применительно к противодействию мошенничествам рассматриваемого вида территориально оперативные подразделения могут находиться на значительном удалении друг от друга), а также других условий;

– взаимное информирование о ходе взаимодействия и результатах, полученных в процессе выполнения заданий по мошенничествам, совершенным с помощью средств мобильной связи и Интернета, а также иных данных, представляющих интерес для взаимодействующих сторон. При этом следует учитывать требования, предъявляемые к такой информации. В теории оперативно-розыскной деятельности выделены основные из них: оптимальность, полнота, точность, лаконичность сообщений, логичность изложения, ценность (полезность), комплексность, адекватность уровня поступления информации компетенции оперативников, принимающих решения [Горяинов, Овчинский, Синилов, Шумилов 2006, с. 625]. К перечисленным необходимо добавить еще одно важное требование – своевременность информации. В зависимости от своевременности поступившей информации взаимодействующие оперативные подразделения УИС и ОВД могут принять наиболее эффективные меры, направленные на борьбу с преступностью. С этой целью определяется периодичность обмена информацией в зависимости от интенсивности ее поступления, срочности реализации и иных обстоятельств, в соответствии с которыми избирается также и форма ее передачи взаимодействующему органу;

– четкое разграничение прав и обязанностей субъектов взаимодействия. Согласованная деятельность оперативных подразделений должна

[1] Российская газета. 1995. 18 авг.

[2] Там же. 1997. 16 янв.

[3] Там же. 2004. 19 окт.

[4] Речь идет о так называемых оперативно-технических мероприятиях, осуществляемых негласно оперативными подразделениями УИС и ОВД с использованием специальной и другой техники. Проведение данных мероприятий обоснованно и необходимо в тех случаях, когда добиться другими средствами выполнения задач взаимодействия не представляется возможным.

осуществляться в рамках компетенции каждого из подразделений, учитывать особенности сил и средств, которыми они располагают в борьбе с преступностью, не подменяя друг друга. Подмена одним подразделением функций другого, как правило, влечет за собой неквалифицированное выполнение мероприятий, а иногда и их расшифровку, что объясняется отсутствием специальных знаний у сотрудников МВД России по вопросам деятельности ФСИН России, а у сотрудников ФСИН России – по вопросам деятельности ОВД;

– координация работы между руководителями взаимодействующих сторон, а также с подчиненными аппаратами.

Таким образом, подводя итог, следует отметить исключительную важность совместной деятельности оперативных подразделений УИС и ОВД по противодействию мошенничествам, совершаемым лицами, находящимися в исправительных учреждениях, с использованием средств мобильной связи и Интернета. Эффективность данной деятельности зависит от целой системы условий, выполнение которых требует от взаимодействующих субъектов ответственности при организации совместной работы. Необходимо также отметить, что нуждаются в научной проработке и практическом внедрении различные аспекты реализации названных в статье форм взаимодействия, подробное рассмотрение которых невозможно в рамках открытых публикаций.

Список цитируемых источников

Атмажитов 1981 – *Атмажитов В. М.* Проблемы взаимодействия аппаратов уголовного розыска с другими службами горрайорганов внутренних дел при раскрытии преступлений. М. : Акад. МВД СССР, 1981.

Горяинов, Овчинский, Синилов, Шумилов 2006 – Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова, А. Ю. Шумилова. М. : ИНФРА-М, 2006. 832 с.

References

Atmazhitov, V. M. (1981), *Problemy vzaimodeistviya apparatov ugolovnogo rozyska s drugimi sluzhbami gorraiorganov vnutrennikh del pri raskrytii prestuplenii* [Problems of interaction of criminal investigation units with other services of the city's internal affairs agencies in solving crimes], Akademiya MVD Rossii, Moscow, USSR.

Goryainov, K. K., Ovchinsky, V. S., Sinilov, G. K. and Shumilov, A. Yu. (ed.) (2006), *Teoriya operativno-rozysknoi deyatel 'nosti* [The theory of operational investigative activity], INFRA-M, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Кудрявцев Алексей Вадимович,
доктор юридических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; kudriavcev.ru@mail.ru

Крюков Илья Владимирович,
Оперативный отдел ФКУ СИЗО-2 ГУФСИН России по Нижегородской области, Кстовский район, пос. Дружный, Российская Федерация, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, Рязань, Российская Федерация; kabelb@mail.ru

Information about the authors

Kudryavtsev Aleksei V.,
doctor of law, associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; kudriavcev.ru@mail.ru

Kryukov Il 'ya V.,
Operational department of the FKU SIZO-2 GUFSIN of Russia for the Nizhny Novgorod region, Kstovo district, Druzhny village, Russian Federation, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, Ryazan, Russian Federation; kabelb@mail.ru

Для цитирования

Кудрявцев А. В., Крюков И. В. Отдельные аспекты взаимодействия оперативных подразделений ФСИН России и МВД России в рамках деятельности по борьбе с мошенничествами, совершаемыми в исправительных учреждениях с использованием средств мобильной связи и Интернета // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 72–75.

For citation

Kudryavtsev, A. V. and Kryukov, I. V. (2020), "Certain aspects of interaction between the operational units of the FPS of Russia and the MIA of Russia in the framework of the fight against fraud committed in prisons using mobile communications and the Internet", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 72–75.

УДК 343.85

А. В. Кудрявцев[1, 2, 3]
Р. Н. Сучков[2]
[1] Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация
[3] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация

A. V. Kudryavtsev[1, 2, 3]
R. N. Suchkov[2]
[1] Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation
[2] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation
[3] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

Современные детерминанты совершения в учреждениях уголовно-исполнительной системы особо учитываемых преступлений и характеристики личности потерпевших и лиц, совершивших данные преступления

Modern determinants of committing crimes of special concern in institutions of the penal system and personality characteristics of victims and persons who committed these crimes

Ключевые слова: пенитенциарная преступность; особо учитываемые преступления; личность преступника; причины и условия преступлений; предупреждение преступлений.

Аннотация. В статье на основе данных проведенного исследования анализируются современные детерминанты совершения в учреждениях уголовно-исполнительной системы особо учитываемых преступлений и характеристики личности потерпевших и лиц, совершивших данные преступления. Делаются выводы о значении полученных научных данных для критической оценки имеющихся и выработки новых методик применения профилактических мер в отношении осужденных и заключенных под стражу.

Key words: penal crime; crimes of special concern; the identity of the offender; causes and conditions of crimes; crimes prevention.

Abstract. On the basis of the data of the study, the article analyzes the modern determinants of committing crimes of special concern in the penal system and the personality characteristics of the victims and those who committed these crimes. Conclusions are drawn on the importance of the obtained scientific data for a critical assessment of existing and the development of new methods for the application of preventive measures against convicted and detained persons.

На современном этапе развития общества среди основных задач, стоящих перед государством, называется противодействие преступности. Одними из факторов, влияющих на эффективность противодействия преступности, являются исполнение уголовных наказаний и оказание соответствующего воздействия на осужденных с целью их исправления.

При этом существенное значение имеет предупреждение преступлений со стороны осужденных в период отбывания ими наказания в виде лишения свободы. Существование такого феномена, как пенитенциарная преступность, под которой традиционно понимается совокупность преступлений, совершаемых в учреждениях уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) лицами, находящимися на их территории, за определенный период [Антонян, Гришко, Фильченко 2009, с. 55], ставит перед учреждениями УИС задачу по эффективному противодействию ей.

Структура пенитенциарной преступности представлена достаточно широким кругом преступных деяний, однако специфическое место в ней занимают так называемые особо учитываемые преступления. К таковым в соответствии со статистикой ФСИН России относятся дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ст. 321 УК РФ); побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ст. 313 УК РФ); незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконные приобретение, хранение, перевозка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические

© Кудрявцев А. В., Сучков Р. Н., 2020

средства или психотропные вещества (ст. 228 УК РФ); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ); убийство и покушение на убийство (ст. 105 УК РФ); уклонение от отбывания наказаний (ст. 314 УК РФ). Эта же группа преступлений выделяется и в научных исследованиях [Майорова 2018, с. 41].

Данные преступления, с учетом специфики функционирования учреждений УИС, представляют существенную угрозу для пенитенциарной безопасности. Именно поэтому они и отнесены к категории особо учитываемых.

Несмотря на снижение количества данных преступлений[1], вопросы их предупреждения и раскрытия являются приоритетными для сотрудников данных учреждений, в особенности оперативных подразделений УИС. Кроме того, данная задача также актуализируется в связи с негативным изменением качественного состава осужденных, отбывающих наказания в исправительных учреждениях и находящихся в следственных изоляторах.

В этой связи интерес как научного, так и прикладного характера представляют исследования сущности данных преступлений, детерминант преступности данного вида, а также криминальные характеристики потерпевших и лиц, совершивших данные преступления.

Согласно данным ведомственного статистического отчета по форме «2-УИС» за 10 месяцев 2019 г. в учреждениях УИС Российской Федерации зарегистрировано 924 преступления, из которых 42 преступления относятся к категории особо учитываемых.

В целях изучения структуры, специфики преступности и особенностей причин и условий преступлений, относящихся к категории особо учитываемых, нами был проведен анализ материалов 42 служебных проверок по фактам совершения указанных преступлений, а также имеющихся статистических данных, отражающих состояние преступности данного вида.

В процессе анализа установлено, что доля преступлений, относящихся к категории особо учитываемых, составляет 5 % от общего числа зарегистрированных в УИС преступлений. При этом доля преступлений против жизни и здоровья составляет 90 %. Наиболее часто совершаемыми преступлениями данной группы являются деяния, предусмотренные: ч. 2 ст. 111 УК РФ (11 преступлений, или 26 %), ч. 1 ст. 111 УК РФ (10 преступлений, или 24 %), ч. 4 ст. 111 УК РФ (9 преступлений, или 22 %), ч. 1 ст. 105 УК РФ (8 преступлений, или 19 %), ч. 1 ст. 313 УК РФ (2 преступления, или 5 %), ч. 2 ст. 313 УК РФ (1 преступление, или 2 %), ч. 2 ст. 212 УК РФ (1 преступление, или 2 %).

Существенный интерес с точки зрения организации профилактической деятельности в учреждениях УИС представляют данные о виде учреждения, в котором совершены преступления рассматриваемой группы. Наиболее часто преступления, относящиеся к категории особо учитываемых, совершаются в исправительных колониях (29 преступлений, или 57 %), в следственных изоляторах (19 преступлений, или 37 %). В лечебных исправительных учреждениях, колониях-поселениях, воспитательных колониях зарегистрировано по одному преступлению (всего 6 %).

Относительно конкретного места совершения особо учитываемых преступлений на территории учреждений УИС можно отметить, что согласно проведенному исследованию данными местами наиболее часто являются: помещения отряда (16 преступлений, или 38 %), камеры следственных изоляторов (9 преступлений, или 21 %), территория исправительной колонии (2 преступления, или 5 %), хозяйственный двор (2 преступления, или 5 %). Помимо этого, единичные преступления данной категории зарегистрированы: в раздевалке спортгородка, на заднем дворе столовой исправительной колонии, в токарном цеху, месте для курения, котельной производственной зоны, художественной мастерской, на участке производства мебели, в больничной палате, подсобном помещении пищеблока, ремонтном цехе производственной зоны, на футбольном поле спортгородка.

Наиболее распространенными способами совершения преступлений являются: нанесение ударов руками и ногами в жизненно важные органы (11 преступлений, или 26 %), нанесение ударов «заточками» (5 преступлений, или 12 %), нанесение ударов ножом (3 преступления, или 7 %). В единичных случаях отмечаются нанесения ударов ломом, гвоздем, резаком по дереву, щеткой для подметания, кувалдой, ледорубом, металлической трубой, а также удушение при помощи шнура от радиоприемника.

Для эффективной деятельности по предупреждению и раскрытию особо учитываемых преступлений существенное значение приобретают характеристики личности как потерпевших, так и совершивших данные деяния.

В процессе анализа установлено, что в 13 случаях потерпевшие состояли на профилактических учетах, ранее были судимы, характеризовались отрицательно (высокий уровень агрессивности, стремление к самоутверждению, импуль-

[1] На расширенном заседании коллегии ФСИН России подвели итоги деятельности уголовно-исполнительной системы в 2018 году. URL: http://fsin.su/news/index.php?ELEMENT_ID=448262 (дата обращения: 07.05.2020).

сивность, быстрое проявление эмоций, чувство собственного превосходства, повышенная конфликтность, аффективные реакции, применение в состоянии стресса типовой модели силового поведения, вспышки гнева, раздражительность, наличие органического расстройства личности или психических заболеваний). В 6 случаях потерпевшие характеризовались положительно либо нейтрально. Полученные результаты позволяют констатировать следующее: наиболее часто особо учитываемые преступления в условиях учреждений УИС совершаются в отношении лиц, характеризующихся отрицательно.

Не менее важное значение имеет изучение личностных характеристик тех, кто совершает данные преступления, так как это позволяет критически оценить имеющиеся и выработать новые методики применения профилактических мер в отношении осужденных и заключенных под стражу. Не случайно В. Н. Кудрявцев подчеркивал, что «личность правонарушителя с его сознанием и волей – то центральное звено, которое связывает причину и следствие. Здесь созревает решение совершить преступление, которое потом осуществляется» [Кудрявцев 1968, с. 10]. Изучение личности обвиняемых показало, что до совершения преступления 10 обвиняемых ранее были судимы, в 5 случаях состояли на профилактических учетах, в 13 случаях характеризовались отрицательно (высокий уровень агрессивности, стремление к самоутверждению, импульсивность, быстрое проявление эмоций, чувство собственного превосходства, повышенная конфликтность, аффективные реакции, применение в состоянии стресса типовой модели силового поведения, вспышки гнева, раздражительность, наличие органического расстройства личности или психических заболеваний). В одном лишь случае обвиняемый характеризовался положительно.

В процессе анализа были выявлены конкретные конфликтные ситуации, послужившие поводом для преступлений: конфликт из-за оскорблений, не уместных в местах лишения свободы; конфликт из-за плохой, по мнению обвиняемого, игры в футбол; конфликт из-за неадекватного поведения потерпевшего; конфликт из-за невыполнения религиозных требований; конфликт из-за резкой вспышки гнева по незначительному поводу; конфликт из-за выяснения «статуса» осужденного; конфликт из-за наличия давних обид; конфликт из-за неравномерного распределения нагрузки при выполнении работ; конфликт из-за сотрудничества с администрацией учреждения УИС; конфликт из-за использования чужих продуктов питания без спроса; конфликт из-за ненаведения порядка осужденным; конфликт из-за совершения осужденным убийства своего 10-месячного ребенка.

В результате анализа материалов служебных проверок было установлено, что наиболее часто причинами и условиями допущения преступлений, относящихся к категории особо учитываемых, является отсутствие упреждающей информации о противоправных намерениях (31 преступление), слабый контроль за деятельностью подразделений и должностных лиц со стороны руководства учреждения УИС (28 преступлений), невыявление и неустранение причин и условий, способствующих совершению преступлений (27 преступлений), необеспечение выполнения задач по надзору за поведением осужденных и соблюдения ими правил внутреннего распорядка (25 преступлений), недостаточное проведение работы среди осужденных по профилактике правонарушений в учреждении УИС (24 преступления), недостаточная организация проведения мероприятий по предупреждению преступлений (23 преступления), низкий уровень профилактической работы с осужденными (22 преступления), отсутствие постоянного наблюдения за поведением осужденных со стороны операторов постов видеонаблюдения (21 преступление), несвоевременное разрешение возникшей конфликтной ситуации между осужденными (20 преступлений), слабая индивидуально-воспитательная работа со стороны руководства воспитательной службы (18 преступлений), непринятие мер по обеспечению безопасности осужденных (17 преступлений), незнание положения дел в отряде начальником отряда (17 преступлений), слабая организация обысков на территории учреждения (12 преступлений), недостаточное изучение личностных качеств осужденных (12 преступлений), несвоевременные выявление и пресечение каналов проникновения к осужденным предметов, запрещенных к хранению и использованию ими (11 преступлений), индивидуальные особенности осужденных, связанные с повышенной агрессивностью, конфликтностью, психическими отклонениями (10 преступлений), неэффективное выполнение своих обязанностей кураторами учреждений УИС (9 преступлений).

Следует отметить, что исследование анализируемой категории преступлений имеет существенное значение для повышения эффективности деятельности структурных подразделений исправительных учреждений и следственных изоляторов, занимающихся противодействием пенитенциарной преступности. В первую очередь речь идет о сотрудниках оперативных подразделений, в задачи которых, помимо прочего, входят выявление, предупреждение и раскрытие рассматриваемой группы преступлений.

Таким образом, проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов.

1. Изучение современной структуры и характеристик особо учитываемых преступлений в исправительных учреждениях и следственных изоляторах имеет как научный, так и ярко выраженный прикладной характер.

2. Несмотря на снижение количества данных преступлений, вопросы их предупреждения и раскрытия являются приоритетными для сотрудников учреждений УИС, в особенности оперативных подразделений.

3. Выявленные в процессе исследования данные о месте совершения особо учитываемых преступлений в учреждениях УИС, а также конкретно на территории данных учреждений позволяют сконцентрировать внимание сотрудников УИС на данных объектах с целью усиления на них оперативно-профилактической работы.

4. Современные данные о детерминантах преступлений изученной группы и личностных характеристиках потерпевших и совершивших данные деяния позволяют критически оценить имеющиеся и выработать новые методики применения профилактических мер в отношении осужденных и заключенных под стражу.

Список цитируемых источников

Антонян, Гришко, Фильченко 2009 – Пенитенциарная криминология / под ред. Ю. М. Антоняна, А. Я. Гришко, А. П. Фильченко. Рязань : Акад. ФСИН России, 2009. 567 с.

Кудрявцев 1968 – *Кудрявцев В. Н.* Причинность в криминологии. О структуре индивидуального преступного поведения. М. : Юрид. лит., 1968. 176 с.

Майорова 2018 – *Майорова С. Е.* Запреты при исполнении наказаний в виде лишения свободы : дис. … канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2018. 188 с.

References

Antonyan, Yu. M., Grishko, A. Ya. and Fil 'chenko, A. P. (ed.) (2009), *Penitentsiarnaya kriminologiya* [Prison criminology], Akademiya FSIN Rossii, Ryazan, Russia.

Kudryavtsev, V. N. (1968), *Prichinnost ' v kriminologii. O strukture individual 'nogo prestupnogo povedeniya* [Causation in criminology. On the structure of individual criminal behavior], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Maiorova, S. E. (2018), Prohibitions in the execution of sentences of imprisonment, Ph. D. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Nizhny Novgorod Academy of the MIA of Russia, Nizhny Novgorod, Russia.

Информация об авторах

Кудрявцев Алексей Вадимович,
доктор юридических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; kudriavcev.ru@mail.ru

Сучков Роман Николаевич,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; romaha33@yandex.ru

Information about the authors

Kudryavtsev Aleksei V.,
doctor of law, associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; kudriavcev.ru@mail.ru

Suchkov Roman N.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; romaha33@yandex.ru

Для цитирования

Кудрявцев А. В., Сучков Р. Н. Современные детерминанты совершения в учреждениях уголовно-исполнительной системы особо учитываемых преступлений и характеристики личности потерпевших и лиц, совершивших данные преступления // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 76–79.

For citation

Kudryavtsev, A. V. and Suchkov, R. N. (2020), "Modern determinants of committing crimes of special concern in institutions of the penal system and personality characteristics of victims and persons who committed these crimes", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 2(55), pp. 76–79.

УДК 343.98

К. Н. Курысев[1, 2]
А. А. Гофман[2]
[1] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация

K. N. Kurysev[1, 2]
A. A. Gofman[2]
[1] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation
[2] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation

Некоторые правовые аспекты контроля дополнительных возможностей сотовых телефонов в ходе оперативно-розыскной деятельности

Some legal aspects of controlling of extra means of cell phones in the course of operational search activities

Ключевые слова: сотовый телефон; Bluetooth и Wi-Fi; оперативно-розыскные мероприятия, связанные с контролем информации; судебное решение на проведение оперативно-розыскного мероприятия; СОРМ.

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые правовые аспекты использования дополнительных возможностей сотовых телефонов, которые не попадают под контроль СОРМ, и проблемы учреждений УИС, связанные с этим.

Key words: cell phone; Bluetooth and Wi-Fi; operational search activities related to the control of information; a court decision to conduct an operational search event; SORM.

Abstract. The article discusses some legal aspects of the use of extra means of cell phones that do not fall under the control of SORM and the problems of UIS institutions associated with this.

Стремительное развитие технологий передачи информации значительно расширило круг технических средств, их возможности (дополнительные функции), а также увеличило количество видов передаваемой информации. Так, все больше в нашу жизнь входят устройства сотовой связи, дополнительные возможности которых появляются практически каждый год. Однако новые возможности техники могут быть использованы не только законопослушными гражданами, но и для достижения противоправных целей.

Информация, передаваемая (принимаемая) с помощью сотовой связи, может контролироваться правоохранительными органами по основаниям, определяемым Федеральным законом от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»[1] (далее: ФЗ об ОРД). Этим же Федеральным законом определен следующий перечень оперативно-розыскных мероприятий (далее: ОРМ), в рамках которых осуществляется контроль информации, циркулирующей посредством сотовых телефонов или относящейся к ним:

– наведение справок;

– прослушивание телефонных переговоров;

– снятие информации с технических каналов связи;

– получение компьютерной информации.

Для реализации данных ОРМ с 90-х гг. прошлого века в России внедряются системы оперативно-розыскных мероприятий на системах связи, которые более известны в качестве аббревиатуры «СОРМ»[2].

Данные системы в рамках ОРМ «прослушивание телефонных переговоров» и «снятие информации с технических каналов связи» (которые используются правоохранительными органами чаще всего) позволяют правоохранительным органам дистанционно контролировать информацию сотового телефона, которая передается или принимается через оборудование оператора связи: телефонные переговоры, СМС-сообщения, ММС-сообщения, Интернет и пр. [Вязовец 2010; Кабанов 2000; Кузьмин 2017].

ОРМ «наведение справок» не касается самого аппарата сотовой связи, а используется для получения у оператора связи информации о владель-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 3, ст. 3349.

© Курысев К. Н., Гофман А. А., 2020

[2] Как устроен СОРМ? URL: https://www.rspectr.com/articles/515/kak-ustroen-sorm (дата обращения: 30.05.2020).

це и самом аппарате сотовой связи. ОРМ «получение компьютерной информации» требует непосредственного подключения к сотовому телефону.

Таким образом, из вышеизложенного следует, что в ходе наиболее часто используемых ОРМ информация контролируется только в строго определенных точках канала сотовой связи.

Для рассмотрения особенностей данного вопроса в рамках сотовой электросвязи необходимо определить: где оканчивается предоставление услуг электросвязи, например, при использовании сотового телефона? Для этого рассмотрим схему сотового канала связи (рис. 1).

В соответствии с требованиями оборудование СОРМ размещается в блоке 3 и, следовательно, позволяет контролировать информацию, проходящую только через данный блок. Следует заметить, что подключение оборудования СОРМ для контроля конкретного абонента осуществляется только по судебному решению. Однако анализ рис. 1 показывает, что в блоках 1(5) и 2(4) возможности СОРМ недоступны. В большинстве случаев такой схемы контроля информации сотовой связи достаточно для решения задач оперативно-розыскной деятельности, однако есть некоторые исключения, когда возникает необходимость контроля информации вне границ канала связи, указанного на рис. 1.

пример, за счет использования внешней антенны могут быть увеличены до 200–300 м.

При этом СОРМ обеспечивают контроль информации, которая проходит через станционное оборудование оператора связи (провайдера) – блок 3, но не могут контролировать информацию, передающуюся через блоки 6, 7, 8. Следовательно, если организован обмен информацией от телефона только через Bluetooth или Wi-Fi, минуя станционное оборудование, то такую информацию СОРМ не проконтролируют.

Указанные возможности аппарата сотовой связи могут оказаться востребованными в условиях исправительных учреждений для организации незаконной передачи информации подозреваемыми и обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избрано заключение под стражу, а также осужденными, отбывающими уголовные наказания в виде лишения свободы.

Администрация учреждений уголовно-исполнительной системы (далее: УИС) прилагает все силы для предотвращения проникновения запрещенных предметов, которыми являются и сотовые телефоны, на территорию учреждений. Однако статистика поступления телефонов осужденным и подследственным не дает возможности однозначно утверждать, что у них нет аппаратов сотовой связи[1].

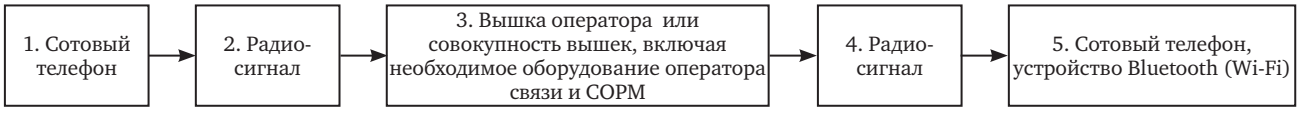


Рис. 1. Схема сотового канала связи

Такие исключения связаны с использованием дополнительных возможностей аппарата сотовой связи, в частности, с использованием устройств Bluetooth и Wi-Fi, встроенных в него. Схема обмена информацией в этом случае примет вид, представленный на рис. 2.

Основные проблемы, связанные с организацией такого канала связи без участия станционного оборудования, обусловлены следующими моментами:

– проблемы в обнаружении самого факта передачи информации из учреждения за его пре-

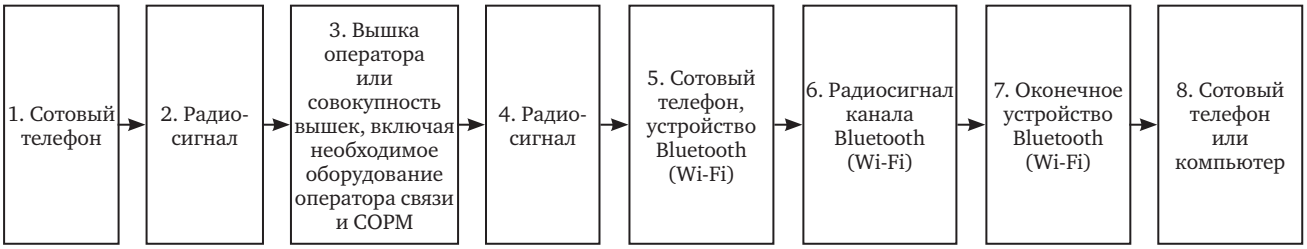


Рис. 2. Схема сотового канала связи с дополнительными возможностями

Конечно, расстояния, на которые передается информация через системы Bluetooth или Wi-Fi, относительно небольшие и не могут конкурировать с расстояниями, которые обеспечиваются обычной сотовой связью. Однако сегодня все более популярными становятся организации достаточно больших сетей Wi-Fi (в рамках объекта, поселка, нескольких домов города и пр.), а возможности Bluetooth, наделы, поскольку многие из них расположены в населенных пунктах в непосредственной близости от жилых домов, и сети Bluetooth или Wi-Fi

[1] Сотрудниками ИК-13 ГУФСИН России по Новосибирской области пресечена попытка доставки запрещенных предметов // ФСИН России : [сайт]. URL: http://фсин.рф/news/index.php?ELEMENT_ID=509352 (дата обращения: 29.05.2020).

могут создаваться простыми гражданами для своих нужд;

– проблемы снятия информации, поскольку оборудование, предназначенное для контроля радиосигналов Bluetooth или Wi-Fi, не используется в УИС и стоит достаточно дорого;

– возможности быстрого создания переносных сетей Wi-Fi с батарейным питанием за счет использования роутера с сим-картой. Такие системы могут быть быстро установлены на чердаках близлежащих домов, в гаражах, сараях или просто брошены в простейшем камуфляже (например, коробке, пакете и пр.) недалеко от внешнего ограждения учреждения УИС;

– имеются ограничения в виде передаваемой информации: необходимы специальные программы для обмена информацией через Bluetooth или Wi-Fi, а также обмен сообщениями в виде файлов, что требует повышенных требований к пользователю;

– отсутствие трафика сотовой связи может ввести в заблуждение администрацию учреждения УИС о том, что на ее территории нет незаконных устройств сотовой связи.

Если рассмотреть данную проблему глубже, можно прийти к выводу о том, что контроль данного вида сообщений и видов связи в ходе ОРМ не требует судебного решения на его проведение. Это связано с тем, что ч. 2 ст. 8 ФЗ об ОРД гласит: «Проведение оперативно-розыскных мероприятий (включая получение компьютерной информации), которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и при наличии информации…». Ключевой фразой здесь является следующая: «передаваемых по сетям электрической и почтовой связи». Для ее уточнения рассмотрим определения, приведенные в Федеральном законе от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»[1] (далее: ФЗ о связи).

ФЗ о связи определяет понятие электросвязи как любые излучение, передачу или прием знаков, сигналов, голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или сообщений любого рода по радиосистеме, проводной, оптической и другим электромагнитным системам (п. 35 ст. 2). Однако сферой деятельности ФЗ о связи являются отношения, связанные с созданием и эксплуатацией всех сетей связи и сооружений связи, использованием радиочастотного спектра, оказанием услуг электросвязи и почтовой связи на территории Российской Федерации и на находящихся под юрисдикцией Российской Федерации территориях (ч. 1 ст. 3).

При этом важное место в данном положении занимают отношения, связанные с оказанием услуг электросвязи и почтовой связи, т. е. отношения, регулируемые ФЗ о связи и Федеральным законом от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи»[2]. Следует отметить, что передача информации в рамках почтовой связи применительно к данным ОРМ является достаточно редким явлением, поэтому рассматриваться нами не будет.

Пункт 1 ст. 2 ФЗ о связи так определяет понятие «абонент»: пользователь услугами связи, с которым заключен договор об оказании таких услуг при выделении для этих целей абонентского номера или уникального кода идентификации.

Пункт 32 ст. 2 ФЗ о связи содержит дефиницию понятия «услуга связи» – это деятельность по приему, обработке, хранению, передаче, доставке сообщений электросвязи или почтовых отправлений.

Согласно п. 24 ст. 2 ФЗ о связи сеть связи представляют собой технологическую систему, включающую в себя средства и линии связи и предназначенную для электросвязи или почтовой связи.

При этом анализ рис. 1 и приведенных определений показывает, что услуга является деятельностью по передаче, хранению и доставке сообщений от одного абонента, с которым заключен договор на оказание таких услуг (имеющего сотового телефона), к другому абоненту (имеющему сотовый телефон) посредством сетей связи. То есть услуга связи оканчивается, когда информация поступила на сотовый телефон абонента и была принята им. Если владелец сотового телефона хочет дальше передать эту или иную информацию посредством возможностей своего телефона через Bluetooth или Wi-Fi, то такая передача информации уже не будет являться услугой связи, следовательно, не будет регламентироваться ФЗ о связи, поскольку оператор связи выполнил свои задачи и передал информацию абоненту, а как владелец сотового телефона будет ей распоряжаться – это уже не входит в договор о предоставлении услуг связи.

Данный вывод поддерживают авторы учебника по теории ОРД, отмечая, что «проведение ОРМ применительно к неофициальной переписке, телефонным переговорам, почтовым, телеграфным или иным сообщениям в случае их передачи не по сетям электрической и почтовой связи не требует судебного решения на их проведение.

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 28, ст. 2895.

[2] Там же. 1999. № 29, ст. 3697.

В частности, это может относиться к переписке посредством использования тайников, услуг частных лиц для передачи письменной информации, использования устройств для перемещения письменных текстов от одного лица к другому, общения посредством радиостанций или внутрипроизводственных, технологических или выделенных сетей связи, не имеющих выхода на сеть связи общего пользования либо организованных между отдельными лицами, и др.» [Теория ОРД, с. 761]. В данном случае обмен сообщениями исключительно посредством радиоволн через два устройства Bluetooth или Wi-Fi без передачи информации на станционное оборудование оператора связи может рассматриваться как использование специфических радиостанций.

С одной стороны, приведенные рассуждения могут облегчить правоохранительным органам контроль сообщений, передаваемых через устройства Bluetooth или Wi-Fi. Тем не менее сложившаяся практика деятельности оперативных подразделений в данном вопросе свидетельствует о том, что если результаты проведения ОРМ имеют перспективу использования в уголовном деле, то в любом спорном случае необходимо получить судебное решение.

Итак, завершая статью, можно сформулировать следующе выводы и предложения:

1. Существующие СОРМ имеют некоторые ограничения, связанные с неполным контролем информации, передаваемой и принимаемой сотовыми телефонами, в случае если она минует станционное оборудование, например, через Bluetooth или Wi-Fi.

2. Специализированным оперативным подразделениям целесообразно разработать методику и тактику проверки наличия функционирующих каналов связи из учреждения УИС за его пределы и предложить аппаратно-программные реализации устройств контроля таких каналов связи.

3. С целью пресечения противоправной деятельности необходимо обеспечить взаимодействие с оперативно-техническими подразделениями иных субъектов ОРД.

4. Подразделениям охраны нужно обращать внимание на возможность установки мобильных средств Bluetooth или Wi-Fi в непосредственной близости к внешнему ограждению учреждения УИС.

5. Для использования только в оперативно-розыскной деятельности контроль данной информации можно проводить без судебного решения.

Список цитируемых источников

Вязовец 2010 – *Вязовец Р. Н.* Использование информационных технологий в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : дис. … канд. юрид. наук. М., 2010. 205 с.

Кабанов 2000 – *Кабанов С. А.* СОРМ в мифах и в сетях связи // Документальная электросвязь. 2000. № 3. URL: fsb.ru/fsb/smi/interview/single.htm%21id%3D10342731%40fsbSmi.html (дата обращения: 30.05.2020).

Кузьмин 2017 – *Кузьмин И. А.* Отдельные вопросы информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности при выявлении и раскрытии преступлений, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2017. URL: cyberlenika.ru/aricle/n/otdelnye-voprosy-informatsionogo-obespecheniya-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-pri-vyyavlenii-i-raskrytii-prestupleniy (дата обращения: 30.05.2020).

Теория ОРД 2006 – Теория оперативно-розыскной деятельности / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М. : ИНФРА-М, 2006. 848 с.

References

Goryainov, K. K., Ovchinsky, V. S. and Sinilov, G. K. (ed.) (2006), *Teoriya operativno-rozysknoi deyatel'nosti* [Theory of operational investigative activity], Infra-M, Moscow, Russia.

Kabanov, S. A. (2000), "SORM in myths and in communication networks", *Documental'naya elektrosvyaz',* no. 3, available at: fsb.ru/fsb/smi/interview/single.htm%21id%3D10342731%40fsbSmi.html (Accessed 30 May 2020).

Kuz'min, I. A. (2017), "Certain issues of information support of operational investigative activities in identifying and solving crimes committed using computer telecommunication technologies", *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra,* available at: cyberlenika.ru/aricle/n/otdelnye-voprosy-informatsionogo-obespecheniya-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-pri-vyyavlenii-i-raskrytii-prestupleniy (Accessed 30 May 2020).

Vyazovets, R. N. (2010), Use of information technologies in the operational-search activity of law enforcement bodies, Ph. D. Thesis, criminal procedure, criminalistics, crime detection, All-Russian Research Institute of the MIA of Russia, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Курысев Константин Николаевич,
кандидат технических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; kkn124@bk.ru
Гофман Александр Анатольевич,
доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; gofman.a.a@rambler.ru

Information about the authors

Kurysev Konstantin N.,
PhD (technology), associate professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, the Russian Federation, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; kkn124@bk.ru
Gofman Aleksandr A.,
associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; gofman.a.a@rambler.ru

Для цитирования

Курысев К. Н., Гофман А. А. Некоторые правовые аспекты контроля дополнительных возможностей сотовых телефонов в ходе оперативно-розыскной деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 80–84.

For citation

Kurysev, K. N. and Gofman, A. A. (2020), "Some legal aspects of controlling of extra means of cell phones in the course of operational search activities", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 80–84.

УДК 343.1

Т. П. Макашова[1]
[1] *Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация*

T. P. Makashova[1]
[1] *Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation*

Адвокат – представитель по делам частного обвинения в уголовном судопроизводстве

Attorney – representative for private criminal proceedings

Ключевые слова: уголовный процесс; адвокат-представитель; частное обвинение; потерпевший; заявитель о преступлении.

Аннотация. Статья посвящена особенностям возбуждения уголовного дела в порядке частного обвинения. По указанной категории дел проблему составляет сам процесс возбуждения уголовного дела, так как обязанность доказывания возложена на заявителя: пострадавшему от совершения преступления необходимо собрать нужные материалы и сведения, в том числе о лице, совершившем преступление, – что самостоятельно сделать затруднительно. Институт представительства по делам частного обвинения играет специфическую роль, так как особенности имеет сам процесс подачи заявления о совершении преступления.

Key words: criminal process; representative attorney; private prosecution; a victim; an applicant for a crime.

Abstract. The article considers the peculiarities of instituting criminal proceedings in private prosecution. In this category of cases, the problem is the very process of initiating a criminal case, since the duty of proof rests with the applicant: the victim of the crime must collect the necessary materials and information, including the person who committed the crime, which is difficult to do on your own. The institution of the representative office for private prosecution plays a specific role, since the process of submitting an application for the commission of a crime has specific features.

В соответствии с положениями п. 1 ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее: УПК РФ) «назначением уголовного судопроизводства является защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, а также защита личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод». Законодательством предусмотрено право на защиту в порядке не только публичного обвинения, но и частного. К категории дел частного обвинения относят преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 115, ст. 116.1 и ч. 1 ст. 128.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ). Данная категория дел предполагает диспозитивный характер их производства: лицу, потерпевшему от преступления, предоставляется возможность самостоятельно решить, насколько серьезно затронуты его интересы, и необходимо ли привлекать лицо, обвиняемое в совершении деяния, к уголовной ответственности. Особенностью расследования указанных преступлений является самостоятельность доказывания гражданами предъявленного обвинения, исключение составляют основания, предусмотренные п. 4 ст. 20 УПК РФ: «Руководитель следственного органа, следователь, а также с согласия прокурора дознаватель возбуждают уголовное дело о любом преступлении, указанном в частях второй и третьей настоящей статьи, и при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы. К иным причинам относится также случай совершения преступления лицом, данные о котором не известны». Эти положения предполагают «существование законодательно закрепленной государственной гарантии, обязательной для всех без исключения видов уголовного преследования, обеспечивающей защиту прав и законных интересов потерпевшего, которая приобретает специфику в системном единстве с иными положениями уголовно-процессуального закона» [Виноградова 2019, с. 35].

Во всех остальных случаях лица самостоятельно несут бремя доказывания. Однако законодателем не решен вопрос о том, каким образом поступить пострадавшему от преступления лицу (п. 1 ст. 115, ст. 116.1 УК РФ), если оно не может или не желает самостоятельно осуществлять уголовное преследование, при этом не находится в зависимом состоя-

© Макашова Т. П., 2020

нии и является способным воспользоваться предоставленным правом самостоятельно. Основной акцент, конечно же, сделан именно на состоянии «не может самостоятельно осуществлять», и здесь речь идет не о физическом состоянии и не о нахождении лица в зависимом состоянии, но оно высказывает пожелание, чтобы виновный в совершении преступления был привлечен к уголовной ответственности.

Если пострадавший (потерпевшим становится только после принятия решения и вынесения соответствующего процессуального акта) избирает способ защиты путем обращения к мировому судье, на него возлагается обязанность составить заявление в соответствии с требованиями, установленными п. 5 ст. 318 УПК РФ. Лицу, пострадавшему от совершения преступления, необходимо собрать нужные материалы и сведения, в том числе о лице, совершившем преступление. Наша позиция, и практика это подтверждает, состоит в том, что значительный процент заявлений о возбуждении дела частного обвинения возвращается заявителю по причине неправильного составления заявления. Согласно отчету о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2018 г., представленному Управлением Судебного департамента в Челябинской области, мировым судьям по делам частного обвинения поступило 258 дел, порядка 25 % заявлений было возвращено заявителем для устранения недостатков. В качестве основной причины было названо неверно составленное заявление[1]. Наиболее распространенными ошибками, по нашим наблюдениям, являются: 1) оформление заявления на имя начальника правоохранительного органа, в который обращается потерпевшее лицо, вместо того, чтобы указать наименование суда, куда данное заявление будет впоследствии передано; 2) потерпевшее лицо не предоставляет данные о документах, удостоверяющих его личность; 3) нередко в заявлении содержится просьба о привлечении определенного лица к уголовной ответственности, но отсутствует адресованная суду просьба о принятии уголовного дела к производству; 4) заявителем не указаны свидетели, которых необходимо вызвать в суд.

Заявление должно содержать: наименование суда, в который оно подается; описание события преступления, места, времени, а также обстоятельств его совершения; просьбу, адресованную суду, о принятии уголовного дела к производству; данные о потерпевшем, а также о документах, удостоверяющих его личность; данные о лице, привлекаемом к уголовной ответственности; список свидетелей, которых необходимо вызвать в суд; подпись лица, его подавшего (п. 5 ст. 318 УПК РФ).

В части фактических обстоятельств содержание заявления определяет пределы судебного разбирательства, выдвинутого и поддерживаемого заявителем обвинения. Однако существуют мнения, что: во-первых, «возложение на потерпевшего обязанности указывать в жалобе мотивы и цели преступления и давать правильную квалификацию действиям обвиняемого могло бы стать серьезным препятствием к составлению жалобы» [Лазарев 2001, с. 21], а во-вторых, «речь идет о незнании положений уголовно-процессуального закона пострадавшими от преступных деяний, уголовное преследование по которым осуществляется в частном порядке, что является причиной их обращения в органы внутренних дел, тогда как заявление следует направить в мировой суд» [Крымов 2017, с. 98]. Полагаем, что эти рассуждения являются обоснованными. Так, в соответствии с положениями п. 1 ст. 319 УПК РФ «мировой судья выносит постановление о возвращении заявления лицу, его подавшему, в котором предлагает ему привести заявление в соответствие с указанными требованиями и устанавливает для этого срок. В случае неисполнения данного указания мировой судья отказывает в принятии заявления к своему производству и уведомляет об этом лицо, его подавшее». Одним из факторов, отрицательно влияющих на обеспечение потерпевшему от преступления права на доступ к правосудию, является непонимание уголовно-процессуального закона людьми, не имеющими юридического образования, поскольку отдельные нормы сложны для восприятия того смысла, который они в себе несут, и без специальной подготовки трудно в этом разобраться. Кроме того, отмечается и «отсутствие единообразия в применении норм УПК РФ, регламентирующих порядок производства по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения» [Анишина 2013, с. 56]. Мы убеждены, что данное утверждение справедливо, так как установленные законодателем требования к содержанию заявления очень часто ведут к тому, что лицо, сетуя на бюрократизм органов, больше не обращается за защитой нарушенных прав, а лицо, совершившее такое противоправное деяние, остается безнаказанным, либо лицо вынуждено обращаться за квалифицированной помощью, которая не всегда доступна. И возникает вопрос: где получить достоверную и достаточную информацию, необходимую для подачи заявления о совершении преступления по делам частного обвинения? Полномочия мирового судьи предусматривают его право оказать содействие в собирании таких доказательств, которые не могут быть получены сторонами самостоятельно (п. 2 ст. 319 УПК РФ). В отношении составления заявления подобных правил не установлено. По

[1] URL: http://usd.chel.sudrf.ru/ (дата обращения: 03.03.2020).

нашему мнению, мировой судья не должен оказывать помощь при составлении заявления, так как указанная деятельность может превратиться в предоставление юридической консультации.

Частный обвинитель не всегда может самостоятельно использовать предоставленный государством аппарат для реализации функции обвинения. По мнению О. И. Андреевой, «выходом из создавшегося положения является либо упрощение требований, предъявляемых к жалобе, но тогда суду необходимо будет собирать недостающие сведения, либо предоставленная законодателем возможность обращаться за помощью в получении необходимых данных для составления заявления в правоохранительные органы» [Андреева 2006, с. 11]. С нашей точки зрения, указанная позиция практически не реализуема, так как происходит смешение функций участников уголовного процесса – суд не должен заниматься сбором доказательств, так как является субъектом оценки. В отношении правоохранительных органов это может привести к затягиванию процесса расследования дела.

Совершенно очевидно, что без юридических знаний составление доказательственной базы по делам частного обвинения является весьма затруднительным. Составление заявления – это всего лишь один из этапов. Мы считаем, что в данном случае институт представительства играет огромное значение. Представителем заявителя может быть адвокат. Адвокат имеет образование и соответствующие навыки, позволяющие осуществлять защиту интересов лица. Как справедливо указывает Е. В. Виноградова, «очевидно, что, не обладая профессиональными навыками в юридических процедурах, потерпевший должен обеспечиваться квалифицированной юридической помощью, которую государство на основе конституционных гарантий на ее предоставление (ст. 48 Конституции РФ) должно ему предоставлять на всех стадиях уголовного судопроизводства» [Виноградова 2019, с. 34]. Именно суд как орган правосудия должен обеспечить соблюдение требований, необходимых для вынесения законного, обоснованного решения по делу, которое будет справедливым.

Прежде чем ввести в дело адвоката-представителя, лицо, пострадавшее от преступных действий, должно быть признано частным обвинителем. Лицо, подавшее заявление, является частным обвинителем с момента принятия судом заявления к своему производству и вынесения постановления, и наделяется правами и обязанностями в соответствии с положениями ст. 42 УПК РФ. Частный обвинитель наделяется широкими полномочиями: давать показания; отказываться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (своей супруги) и других близких родственников; представлять доказательства; заявлять ходатайства и отводы; давать показания на родном языке или языке, которым он владеет; пользоваться помощью переводчика бесплатно; участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях; знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с его участием, и подавать на них замечания; знакомиться с постановлением о назначении судебной экспертизы и заключением эксперта; знакомиться по окончании предварительного расследования, в том числе в случае прекращения уголовного дела, со всеми материалами уголовного дела, выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме, снимать копии с материалов уголовного дела, в том числе с помощью технических средств; участвовать в судебном разбирательстве уголовного дела в судах первой, второй, кассационной и надзорной инстанций, возражать против постановления приговора без проведения судебного разбирательства в общем порядке, а также участвовать в судебном заседании при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора; выступать в судебных прениях; поддерживать обвинение; знакомиться с протоколом и аудиозаписью судебного заседания и подавать замечания на них; приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, начальника подразделения дознания, начальника органа дознания, органа дознания, следователя, прокурора и суда; обжаловать приговор, определение, постановление суда и т. д. Указанная категория процессуальных прав равна правам государственного обвинителя. Аналогичные процессуальные права имеют и представители частного обвинителя – адвокаты, безотносительно к личному участию в уголовном деле представляемого ими лица. Полномочия адвоката при защите прав доверителя несколько шире, в частности, в соответствии с положениями п. 3 ст. 6 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре»[1], адвокат при осуществлении защиты доверителя вправе: «собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе запрашивать справки, характеристики и иные документы; опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к делу, по которому адвокат оказывает юридическую помощь; собирать и представлять предметы и документы, которые могут быть признаны вещественными и иными доказательствами; привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи», что позволит обеспечить скорейшее принятие к произ-

[1] Российская газета. 2002. 15 мая.

водству заявления о привлечении лица к уголовной ответственности в частном порядке.

По делам частного обвинения подсудимый также имеет право подать заявление в отношении частного обвинителя о совершении преступления, так как государство обеспечивает защиту прав пострадавших от преступлений по делам частного обвинения установлением такого правопорядка, который гарантирует всем потерпевшим право на доступ к правосудию (ст. 52 Конституции Российской Федерации). В такой ситуации суд соединяет эти два дела в одно производство. Так, доверитель З. обратилась к адвокату с просьбой об оказании юридической помощи и составлении заявления о привлечении к уголовной ответственности К. по частному обвинению (ч. 1 ст. 115 УК РФ). Заявление было принято к производству мировым судьей и вынесено определение о признании З. частным обвинителем. Гражданка К. также подала заявление в отношении З. о привлечении к уголовной ответственности (ч. 1 ст. 115 УК РФ). Заявления были соединены в одно производство, и доверитель З. одновременно была частым обвинителем и подсудимой. Адвокат в данном случае осуществлял и защиту интересов З., и был представителем частного обвинителя[1]. Очевидно, что в процессуальном смысле просматривается смешение функций адвоката. Однако самостоятельно, без квалифицированной помощи в данном случае разобраться в сложном смешении полномочий З. не удалось. Квалифицированная помощь адвоката оказалась необходимостью, которая обеспечила защиту прав доверителя в надлежащей форме и в нужное время.

Изучение этого вопроса позволило нам сделать вывод о том, что в силу противоречий обозначилась необходимость дополнительной регламентации правового статуса заявителя (частного лица), пострадавшего от преступления, до момента возбуждения уголовного дела и признания его потерпевшим и (или) частным обвинителем. В УПК РФ должно быть введено понятие «заявитель о преступлении» и закреплен перечень его полномочий. Заявителю необходимо предоставить право на получение квалифицированной юридической помощи бесплатно до момента подачи заявления о совершении преступления, так как особый порядок начала производства по уголовным делам частного обвинения представляет собой связь заявления потерпевшего и момент образования уголовно-правовых отношений.

Список цитируемых источников

Андреева 2006 – *Андреева О. И.* Защита прав и законных интересов лиц, пострадавших от совершения преступлений, отнесенных к категории частного обвинения: миф или реальность? // Вестник ОГУ. 2006. № 3. С. 9–12.

Анишина 2013 – *Анишина Ю. А.* Обеспечение прав и законных интересов потерпевшего по уголовным делам частного и частно-публичного обвинения в досудебном производстве : дис. … канд. юрид. наук. М., 2013. 202 с.

Виноградова 2019 – *Виноградова Е. В.* Конституционные гарантии процессуальных возможностей потерпевших в делах частного обвинения // Закон и право. 2019. № 1. С. 33–37.

Крымов 2017 – *Крымов В. А.* Институт частного обвинения как основа процессуального порядка начала производства по уголовному делу // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4. С. 97–106.

Лазарев 2001 – *Лазарев В. А.* Возбуждение уголовного дела как акт правового реагирования на преступные посягательства : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2001. С. 21–22.

References

Andreeva, O. I. (2006), “Protecting the rights and legitimate interests of individuals affected by offenses classified as private prosecution: myth or reality?”, *Vestnik OGU*, no. 3, pp. 9–12.

Anishina, Yu. A. (2013), “Ensuring the rights and legitimate interests of the victim in criminal cases of private and public-private charges in pre-trial proceedings”, Ph. D. Thesis, criminal procedure, Moscow University of the MIA of Russia, Moscow, Russia.

Krymov, V. A. (2017), “The institute of private prosecution as the basis of the procedural order of the beginning of criminal proceedings”, *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*, no. 4, pp. 97–106.

Lazarev, V. A. (2001), Initiation of a criminal case as an act of legal response to criminal offenses, Abstract of Ph. D. dissertation, criminal procedure, criminalistics, forensic science, theory of operational investigative activity, Saratov State Academy of Law, Saratov, Russia.

[1] Судебный участок № 1 г. Южноуральска Челябинской области. URL: http://yuzhchel1.chel.msudrf.ru/ (дата обращения: 03.03.2020).

Vinogradova, E. V. (2019), “Constitutional guarantees of the procedural capabilities of victims of private prosecution”, *Zakon i parvo,* no. 1, pp. 33–37.

Информация об авторе

Макашова Татьяна Павловна,
Челябинский государственный университет, Челябинск, Российская Федерация; t.p.ish@mail.ru

Information about the author

Makashova Tat ʾyana P.,
Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation; t.p.ish@mail.ru

Для цитирования

Макашова Т. П. Адвокат – представитель по делам частного обвинения в уголовном судопроизводстве // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 85–89.

For citation

Makashova, T. P. (2020), “Attorney – representative for private criminal proceedings”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp.85–89.

УДК 343.9

А. Е. Михайлов[1]
[1] Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация

A. E. Mikhailov[1]
[1] Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation

Общая характеристика борьбы с преступностью

General characteristics of the fight against crime

Ключевые слова: борьба с преступностью; противодействие преступности; профилактика преступности.

Аннотация. Формирующийся в России правовой институт противодействия преступности обнаруживает ряд проблем в области правового регулирования и научного обоснования. Это проявляется в правовых пробелах, а также в несовершенстве понятийно-категориального аппарата, который часто не совпадает с легальным толкованием понятий. Данная проблематика в полной мере касается и борьбы с преступностью. Автор всесторонне изучил проблематику научного толкования борьбы с преступностью, что позволило ему сформировать представление о сущности данного направления противодействия преступности.

Key words: fighting crime; countering crime; preventing crime.

Abstract. The legal institute for countering crime that is being formed in Russia reveals a number of problems in the field of legal regulation and scientific justification. This is manifested in legal gaps, as well as in imperfection of the conceptual and categorical apparatus. This issue is fully related to the fight against crime. The author has thoroughly studied the problems of scientific interpretation of the fight against crime, which allowed him to form an idea of the essence of this direction of combating crime.

Противодействие преступности является важнейшим направлением государственной политики в области обеспечения государственной и общественной безопасности. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации определила преступные посягательства против личности, собственности, государственной власти, общественной и экономической безопасности, равно как экстремизм, терроризм и коррупцию, основными угрозами государственной и общественной безопасности[1]. При этом деятельность по обеспечению безопасности от данных угроз включает самые разнообразные направления, в том числе правовое регулирование и организацию научной работы[2], что особенно актуально на фоне отсутствия в Российской Федерации комплексности в правовом регулировании противодействия преступности в целом и борьбы с ней, в частности [Михайлов, Ашин, Ткачук 2018].

Следует отметить, что единого понимания сущности и содержания борьбы с преступностью нет. Действующее законодательство, формирующее организационно-правовые основы противодействия экстремизму, терроризму и коррупции, позволяет сделать вывод, что борьба с преступностью представляет собой деятельность по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию преступлений[3]. При этом в науке подобную точку зрения разделяют не все исследователи.

Например, широкое распространение получила позиция, согласно которой борьба с преступностью воспринимается как деятельность, направленная на выявление и устранение причин преступности, пресечение и раскрытие преступлений, реализацию уголовного правосудия, возмещение последствий преступности[4]. Такое понимание борьбы с преступностью значительно раздвигает рамки, определенные в законодательстве, включая в объем исследуемого понятия профилактику преступности, а также минимизацию и ликвидацию последствий преступлений.

[1] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента Российской Федерации от 31 дек. 2015 г. № 683 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 1, ч. II, ст. 212.

[2] О безопасности : федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1, ст. 2.

© Михайлов А. Е., 2020

[3] О противодействии коррупции : федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52, ч. 1, ст. 6228 ; О противодействии терроризму : федер. закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ // Там же. 2006. № 11, ст. 1146 ; О противодействии экстремистской деятельности : федер. закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ // Там же. 2002, № 30, ст. 3031.

[4] См., напр.: Словарь основных криминологических терминов / сост. О. А. Алфимова. Новокузнецк : ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2014. С. 5.

С. А. Тимко указывает, что термин «борьба с преступностью» в таком значении был распространен в отечественной криминологии до начала XXI в., после чего был вытеснен термином «противодействие преступности» [Тимко 2018, с. 6]. Мы не можем согласиться с таким утверждением. Широкое восприятие борьбы с преступностью не утеряло своей актуальности и в наши дни и активно применятся отечественными криминологами и криминалистами. Более того, нередко легально определенный термин «противодействие преступности» (в контексте противодействия экстремистской деятельности, терроризму и коррупции) воспринимается научным сообществом как синоним термина «борьба с преступностью» [Малинин, Измалков 2015, с. 29].

Так, И. М. Мацкевич, анализируя научно-теоретические и философские проблемы преступности, применяет в одном значении как термин «противодействие преступности», так и термин «борьба с преступностью», отдавая последнему даже большее предпочтение, что отразилось и в названии исследования данного автора [Мацкевич 2017]. Аналогичной точки зрения придерживаются и другие видные деятели криминологической науки.

Например, В. В. Лунеев, оценивая положения Федерального закона «О противодействии коррупции», отметил, что все направления противодействия коррупции являются формами предупредительной деятельности, которые можно перенести на противодействие преступности в целом [Лунеев 2016, с. 280]. Соглашаясь с тем, что направления противодействия коррупции, равно как и направления противодействия терроризму и экстремистской деятельности, могут быть адаптированы ко всей преступности, мы не можем согласиться, что все они являются формами предупреждения преступности, так как имеют разный объект воздействия.

А. И. Долгова понимает под борьбой с преступностью активное столкновение общества и преступности, выраженное в наступательной деятельности на саму преступность, ее причины и условия [Долгова 2019, с. 432]. При этом А. И. Долгова также исходит из лексического толкования исследуемого термина, отмечая специфическое значение насилия как элемента борьбы. Мы согласимся с мнением уважаемого профессора о том, что в современном правовом государстве насилие не является единственным средством борьбы и дополняется самым разнообразным инструментарием воздействия на преступность. Однако, на наш взгляд, это не является обоснованием расширения пределов борьбы с преступностью до самых различных направлений деятельности, охватывающих в том числе предупреждение преступности, правотворчество и научно-исследовательскую деятельность.

Если мы обратимся к семантике слова «борьба», то обнаружим, что борьба – это крайняя степень противодействия. Так, С. И. Ожегов толкует слово «борьба» как сражение со стремлением победить; стремление что-либо уничтожить, искоренить[1]. Согласно словарю В. И. Даля борьба есть усилие одолеть противника, состязание двух сил, состязание на одоление чего-либо[2]. Как мы видим, термин «борьба с преступностью» в буквальном толковании предполагает деятельность, направленную на победу над преступностью.

Вместе с тем борьба требует, чтобы противник был в наличии, непосредственно представлен, иначе невозможно состязание двух сил. В нашем случае это состязание преступности и, как правило, правоохранительных органов. Вышесказанное позволяет определить, что объект борьбы с преступностью должен существовать в одних временных пределах как с субъектом борьбы, так и с применяемыми им мерами борьбы. В таком аспекте объект борьбы с преступностью может быть представлен только уже совершаемыми или совершенными преступлениями, т. е. преступность должна быть наличной, выраженной в первую очередь в показателях объема, структуры и латентности.

Это кардинально отличает борьбу с преступностью от профилактики преступности, объектом которой в первую очередь являются не совершенные преступления, а преступления, которые возможно будут совершены в будущем, а также их детерминанты. Следовательно, борьбу следует рассматривать в более узком смысле, соответствующем подходу законодателя, – как самостоятельное направление противодействия преступности, наряду с профилактикой. В таком аспекте борьба с преступность выражена в выявлении, пресечении, предотвращении, раскрытии и расследовании преступлений.

Интерес представляет позиция Д. Ю. Гончарова, который включает в объем борьбы с преступностью также ликвидацию и минимизацию ее последствий. Мы согласимся с тем, что объект минимизации и ликвидации последствий преступности ближе к совершенным преступлениям, нежели к их причинам [Гончаров 2020, с. 17–18], но полагаем, что он не полностью сливается с объектом борьбы. Позиция Д. Ю. Гончарова оправдана предметом его исследования – законодательством в сфере противодействия преступности, где пра-

[1] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / под общ. ред. проф. Л. И. Скворцовой. 24-е изд., испр. М. : Оникс, 2005. С. 69, 811.

[2] *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 1. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1955. С. 117.

вовое регулирование минимизации и ликвидации последствий преступности практически отсутствует и, соответственно, невозможно его самостоятельное выделение. Однако, как мы видим из названия данного направления деятельности, его объектом являются последствия преступлений, которые порой выходят далеко за рамки совершенного преступления и не всегда находятся с ним в прямых причинно-следственных связях, как, например, негативное общественное мнение, тормозящее развитие туристического бизнеса на территории республик Северного Кавказа, представляющее собой отдаленные последствия экстремизма и терроризма.

Как мы уже отмечали, формирование узкого подхода к понятию «борьба с преступностью» связано с развитием специального законодательства о противодействии коррупции, экстремизму и терроризму. При этом представители данного подхода, аргументируя свою позицию, опираются в том числе и на оценку объекта борьбы с преступностью [Майоров 2014, с. 131–132; Трунцевский 2015, с. 555–556].

Например, А. П. Алексеева и П. И. Бабошкин отмечают, что борьба с преступностью направлена только на противоправное поведение и выражена в выявлении, раскрытии и расследовании уже совершенных деяний [Алексеева, Бабошкин 2008, с. 33]. Соглашаясь в целом с позицией данных авторов о том, что объект воздействия у борьбы с преступностью и профилактики разный, отметим, что, по нашему мнению, борьба охватывает не только уже совершенные деяния, но и совершаемые (в рамках стадий приготовления и покушения), а также готовящиеся деяния, возможность совершения которых в ближайшей перспективе неизбежна.

В данном случае речь идет как о приготовлении к совершению преступлений небольшой или средней тяжести, так и о подготовительных действиях, не создающих условия совершения преступления (как того требует ст. 30 УК РФ). Например, планирование совершения преступления до начала действий, направленных на приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления. Причем эта деятельность должна сопровождаться обнаружением замысла в совершении преступления.

Не вступая в давнюю дискуссию об обоснованности выделения еще одной стадии совершения преступления, предшествующей приготовлению (стадии подготовки к преступлению или обнаружения замысла), мы согласимся с тем, что на данном этапе поведенческой деятельности не создаются объективные условия, способствующие совершению преступления, и данная деятельность не влечет уголовной ответственности [Кузнецова, 1958, с. 30]. Однако субъективные условия совершения преступления, равно как и общественная опасность личности, на данном этапе уже просматриваются [Рыбак 2012, с. 44–45]. В связи с этим полагаем необходимым согласиться с позицией А. П. Козлова, по мнению которого, этап обнаружения замысла находится в прямой причинно-следственной связи с этапами приготовления и покушения на преступления и может иметь важное значение как при последующей квалификации содеянного, так и при предотвращении преступления [Козлов 2002, с. 48–51]. Именно это обстоятельство позволяет нам рассматривать в качестве объекта борьбы с преступностью приготовление к преступлениям небольшой и средней тяжести, не влекущее уголовной ответственности, а также подготовительные действия, непосредственно не создающие условия совершения преступлений, но обнаруживающие преступный замысел и создающие высокую вероятность совершение преступления.

Соответственно, это, на наш взгляд, объясняет необходимость дополнения борьбы с преступностью такими элементами, как предотвращение и пресечение преступлений, поскольку в означенных случаях уголовная и административная ответственность часто не применимы и не могут быть средством преодоления противоправного поведения [Витрук 2008, с. 48], а меры профилактики, как правило, уже не эффективны. Компенсировать это можно только за счет предотвращения и пресечения преступлениях.

Характеристика и значение отдельных направлений борьбы с преступностью требуют самостоятельного детального рассмотрения, и мы, будучи ограниченными рамками данной статьи, не будем заострять на них внимания, а вернемся к этому вопросу в наших дальнейших публикаций.

Итак, победа над преступностью достигается за счет реагирования правоохранительных органов на совершаемые и совершенные преступления, индикаторами которого являются количество выявленных преступлений, уровень раскрываемости преступлений и показатели наказуемости деяний. Это позволяет разграничить борьбу с преступностью и профилактику преступлений. Борьба с преступностью представляет собой направление деятельности по выявлению, пресечению, предотвращению, раскрытию и расследованию преступлений. Объектом борьбы с преступностью являются как совершенные и совершаемые деяния, так и действия, направленные на подготовку к совершению преступления в стадии обнаружения замысла, не имеющие юридического значения при квалификации содеянного.

Список цитируемых источников

Алексеева, Бабошкин 2008 – *Алексеева А. П., Бабошкин П. И.* Понятие противодействия преступности // Юристъ-Правоведъ. 2008. № 3. С. 33–35.

Витрук 2008 – *Витрук Н. В.* Общая теория юридической ответственности. М. : Изд-во РАП, 2008. 304 с.

Гончаров 2020 – *Гончаров Д. Ю.* Законодательство о противодействии преступности: межотраслевые взаимосвязи / под науч. ред. И. Я. Козаченко. М. : Юрайт, 2020. 285 с.

Долгова 2019 – Криминология : учеб. для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М. : Норма, 2019. 1008 с.

Козлов 2002 – *Козлов А. П.* Учение о стадиях преступления. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2002. 353 с.

Кузнецова 1958 – *Кузнецова Н. Ф.* Ответственность за приготовление к преступлению и покушение на преступление по советскому уголовному праву / под ред. Г. А. Мендельсон. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1958. 204 с.

Лунеев 2016 – *Лунеев В. В.* Криминология. М. : Юрайт, 2016. 686 с.

Майоров 2014 – *Майоров А. В.* Противодействие преступности – приоритетное направление в уголовной политике государства // Вопросы современной юриспруденции. Новосибирск : СибАК, 2014. С. 128–132.

Малинин, Измалков 2015 – *Малинин В. Б., Измалков В. А.* Борьба с организованной преступностью – одна из основных задач государства // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 1. С. 29–33.

Мацкевич 2017 – *Мацкевич И. М.* Философия борьбы с преступностью // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2017. № 7. С. 10–18.

Михайлов, Ашин, Ткачук 2018 – *Михайлов А. Е., Ашин А. А., Ткачук Т. А.* Пробелы правового регулирования государственной политики противодействия преступности // Учёные записки. 2018. № 3. С. 122–125.

Рыбак 2012 – *Рыбак А. З.* Уголовная ответственность за приготовление к преступлению // Юристъ-Правоведъ. 2012. № 2. С. 44–47.

Тимко 2018 – *Тимко С. А.* О сущности понятия «противодействие преступности» // Юристъ-Правоведъ. 2018. № 1(84). С. 6–10.

Трунцевский 2015 – *Трунцевский Ю. В.* Понятие, содержание и виды мер уголовно-правового и административного воздействия //Административное и муниципальное право. 2015. № 6. С. 554–562.

References

Alekseeva, A. P. and Baboshkin, P. I. (2008), “The concept of countering crime, *Yurist” -Pravoved”*, no. 3. P. 33–35.

Dolgova, A. I. (ed.) (2019), Kriminologiya [Criminology], Norma, Moscow, Russia.

Goncharov, D. Yu. (2020), *Zakonodatel ’stvo o protivodeistvii prestupnosti: mezhotraslevye vzaimosvyazi* [Legislation on countering crime: intersectoral relationships], in I. Ya. Kozachenko (ed.), Yurait, Moscow, Russia.

Kozlov, A. P. (2020), *Uchenie o stadiyakh prestupleniya* [The doctrine of the stages of crime], Yuridicheskii tsentr Press, St. Petersburg, Russia.

Kuznetsova, N. F. (1958), *Otvetstvennost ’ za prigotovlenie k prestupleniyu i pokushenie na prestuplenie po sovetskomu ugolovnomu pravu* [Responsibility for preparing for a crime and attempted crime under the Soviet criminal law], in Mendel ’son, G. A. (ed.), Izdatel ’stvo Moskovskogo universiteta, Moscow, USSR.

Luneev, V. V. (2016), *Kriminologiya* [Criminology], Yurait, Moscow, Russia.

Maiorov, A. V. (2014), “Combating crime – a priority in the criminal policy of the state”, *Voprosy sovremennoi yurisprudentsii* [Questions of modern jurisprudence], SibAK, Novosibirsk, Russia, pp. 128–132.

Malinin, V. B. and Izmalkov, V. A. (2015), “The fight against organized crime is one of the main tasks of the state”, *Aktual ’nye voprosy bor ’by s prestupleniyami,* no. 1, pp. 29–33.

Matskevich, I. M. (2017), “Philosophy of the fight against crime”, *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA),* no. 7, pp. 10–18.

Mikhailov, A. E., Ashin, A. A. and Tkachuk, T. A. (2018), “Gaps in the legal regulation of the state policy of countering crime”, *Uchenye zapiski,* no. 3, pp. 122–125.

Rybak, A. Z. (2012), “Criminal liability for preparing for a crime”, *Yurist” -Pravoved”*, no. 2, pp. 44–47.

Timko, S. A. (2018), “On the essence of the concept of “countering crime”, *Yurist” -Pravoved”*, no. 1(84), pp. 6–10.

Truntsevsky, Yu. V. (2015), "The concept, content and types of measures of criminal law and administrative influence", *Administrativnoe i municipal 'noe parvo,* no. 6, pp. 554–562.

Vitruk, N. V. (2008), *Obshchaya teoriya yuridicheskoi otvetstvennosti* [General theory of legal responsibility], Izdatel 'stvo RAP, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Михайлов Алексей Евгеньевич,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; urgantfk@mail.ru

Information about the author

Mikhailov Aleksei E.,
PhD (law), associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; urgantfk@mail.ru

Для цитирования

Михайлов А. Е. Общая характеристика борьбы с преступностью // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 90–94.

For citation

Mikhailov, A. E. (2020), "General characteristics of the fight against crime", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 90–94.

УДК 343.13

М. И. Николаева[1]
В. В. Рябчиков[2]
[1] Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация

M. I. Nikolaeva[1]
V. V. Ryabchikov[2]
[1] Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation
[2] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation

Стадия возбуждения уголовного дела: тенденции реформирования

Stage of initiation of a criminal case: reform trends

Ключевые слова: уголовный процесс; стадия возбуждения уголовного дела; повод для возбуждения уголовного дела; следственные действия; защита прав и интересов участников уголовного судопроизводства.

Аннотация. Статья посвящена анализу норм, регламентирующих стадию возбуждения уголовного дела в уголовно-процессуальных кодексах, как действовавших в советское время, так и в современном УПК РФ. С позиций системного анализа норм уголовно-процессуального законодательства высказаны критические замечания относительно трансформации института возбуждения уголовного дела в период действия УПК РФ, рассмотрены тенденции дальнейшего реформирования стадии возбуждения уголовного дела.

Key words: criminal procedure; stage of initiation of a criminal case; reason for initiation of a criminal case; investigative actions; protection of the rights and interests of participants in criminal proceedings.

Abstract. The article deals with the rules analysis governing the stage of the initiation of criminal proceedings in the criminal procedure codes that were in force both during the Soviet era and in the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. From the point of view of a systematic analysis of the norms of criminal procedure legislation, critical comments were made regarding the transformation of the institution of criminal proceedings during the validity period of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and tendencies for further reforming the stage of initiation of a criminal case were examined.

К проблемам регламентации стадии возбуждения уголовного дела авторы обращались и ранее [Николаева 2007; Николаева, Рябчиков 2017; Рябчиков 2009]. Причиной, побудившей вновь вернуться к этой теме, стало внесение Федеральным законом от 2 декабря 2019 г. № 410-ФЗ изменений в ст. 307 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ), вступивших в силу с 13 декабря 2019 г.[1] Статья 307 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за дачу заведомо ложных показаний, заключения эксперта, специалиста или неправильный перевод. Несмотря на «невмешательство» (на первый взгляд) непосредственно в сферу уголовно-процессуального законодательства, тем не менее затронутыми оказались концептуальные основы стадии возбуждения уголовного дела.

Критический анализ современного состояния норм, регламентирующих институт возбуждения уголовного дела, и, главное, тенденций его дальнейшего реформирования, немыслим без обращения к историко-правовому анализу генезиса процедур, изначально призванных быть своеобразной границей между деяниями, не имеющими криминального характера, и расследованием преступлений. Для этого целесообразно проследить развитие стадии возбуждения уголовного дела на протяжении последнего столетия.

Необходимо заметить, что специальной нормы о порядке возбуждения уголовного дела в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. не было. Одно из ранних упоминаний о возбуждении уголовного дела встречается в Положении о военных следователях от 30 сентября 1919 г.[2]

Первые советские уголовно-процессуальные кодексы (далее: УПК) РСФСР 1922 и 1923 гг. имели много общего между собой и предусматривали процедуру возбуждения производства по уголовному делу, но не выделяли возбуждение уголовного дела в самостоятельную стадию досудебного производства. Так, в соответствии со ст. 94–96 УПК РСФСР

[1] О внесении изменений в статью 307 Уголовного кодекса Российской Федерации : федер. закон от 2 дек. 2019 г. № 410-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 49, ч. V, ст. 6969.

© Николаева М. И., Рябчиков В. В., 2020

[2] История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры : сб. док. / сост. Л. Н. Гусев ; под ред. С. А. Голунского. М. : Госюриздат, 1955.

1923 г. органы дознания, следователь, прокурор и судья обязаны были принимать все заявления по поводу совершенных кем-либо или готовящихся к совершению преступлений и без проведения каких бы то ни было проверочных действий принять решение о производстве дознания или предварительного следствия или об отказе в этом[1]. Иными словами, в послереволюционных УПК РСФСР возбуждение уголовного дела было просто формальной процедурой, отделяющей процесс поступления заявления, сообщения о преступлении от начала производства предварительного следствия или дознания.

Правовая норма об обязательном вынесении уполномоченными на то органами постановления о возбуждении уголовного дела была введена циркуляром Прокуратуры СССР от 5 июня 1937 г. № 41/26 [Непранов, Перякина, Короленко 2016, с. 23], однако в законе эта норма появилась лишь в УПК РСФСР 1960 г.[2]

В таком виде механизм возбуждения уголовного дела просуществовал почти 40 лет практически без радикальных изменений.

Уже в УПК РСФСР 1960 г. процедура возбуждения уголовного дела усложнилась, подверглась более детальной регламентации. Если согласно первым советским УПК РСФСР возбуждение уголовного дела было лишь формальной процедурой, то в период действия УПК РСФСР 1960 г. рассматриваемая деятельность приобрела характер проверочной стадии. В целом продолжилась реализация идеи о придании стадии возбуждения уголовного дела значения своеобразного «фильтра», препятствующего попаданию в сферу предварительного расследования непреступных деяний, чему способствовали возможности проведения проверочных действий (истребование материалов, получение объяснений), предусмотренных ст. 109 УПК РСФСР. В то же время эта статья содержала категорический запрет на производство следственных действий. Исключение из этого правила в виде возможности производства осмотра места происшествия было установлено указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 10 сентября 1963 г. «О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР»[3]: в случаях, не терпящих отлагательства, осмотр места происшествия мог быть произведен до возбуждения уголовного дела. Именно тогда, при наличии к тому оснований, уголовное дело возбуждалось немедленно после проведения осмотра места происшествия.

Все эти процедуры представляются вполне логичными, согласованными между собой и с иными нормами, отражающими концептуальные идеи уголовного процесса. Возбуждение уголовного дела связано с тем, что имеются юридические основания для начала расследования, которое может повлечь (и, как правило, влечет за собой вторжение в сферу личных интересов граждан), при отсутствии же достоверных данных, свидетельствующих о наличии в деянии признаков какого-либо преступления, проведение следственных действий, каждое из которых, в принципе, нарушает в той или иной мере права и интересы граждан, невозможно.

Снова авторы акцентируют внимание на такой интересной и немаловажной детали: институт возбуждения уголовного дела в период действия УПК РСФСР 1960 г. значительному реформированию не подвергался, менялись только составы преступлений, по которым возбуждались дела частного обвинения. Нужно задуматься: 40 лет действовали нормы, вполне понятные правоприменителям, не менялись установленные однажды процедуры, может быть, качество этих процедур подтверждено временем? И это отнюдь не взгляд исследователей-теоретиков. Конечно, первые советские УПК РСФСР – это далекая история, а вот применять УПК РСФСР 1960 г., в том числе возбуждать уголовные дела, одному из авторов приходилось. Разумеется, отдельные проблемы реализации норм гл. 8 УПК РСФСР 1960 г. существовали. Насущным на протяжении многих лет для правоприменителей оставался вопрос о необходимости назначения и производства экспертиз по ряду уголовных дел, по которым сами основания для возбуждения могли быть получены не иначе как посредством заключения эксперта. Однако, на взгляд авторов, проблема могла быть решена и без применения радикальных мер, например, посредством придания статуса источника доказательства – «иной документ» – справке специалиста (по делам о незаконном обороте наркотических средств) или акту судебно-медицинского освидетельствования (по делам, связанным с причинением вреда здоровью). Именно результаты этих экспертиз были в основном востребованы до возбуждения уголовного дела в целях установления наличия либо отсутствия признаков уголовно наказуемого деяния.

С принятием УПК РФ в 2001 г.[4] стадия возбуждения уголовного дела подверглась серьезной трансформации. Изменились с учетом веяний времени и перечень поводов для возбуждения уголов-

[1] Об Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР : постановление ВЦИК от 15 февр. 1923 г. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=43709#021921279103470526 (дата обращения: 11.05.2020).

[2] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 592.

[3] Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1963. № 36, ст. 661.

[4] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : [федер. закон от 18 дек. 2001 г. № 174-ФЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. I, ст. 4921.

ного дела, и, что самое главное, порядок проверки заявлений и сообщений о преступлении, и перечень процессуальных средств, при помощи которых эта проверка должна была проводиться.

Именно тогда, как представляется авторам, законодатель и начал движение в направлении стирания границ между стадиями возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, разрешив до возбуждения уголовного дела, наряду с традиционным осмотром места происшествия, производство освидетельствования и назначение экспертиз (ст. 146 УПК РФ в первоначальной редакции 2001 г.). Кстати, правоприменителям на всем протяжении действия ст. 146 УПК РФ в упомянутой редакции было неясно, что же дальше делать с постановлением о назначении экспертизы: если направлять в экспертные учреждения и подразделения для ее проведения, то ведь это законодательно не разрешено, если же никуда не направлять, то для чего тогда назначать? Норма эта, действовавшая достаточно долго (порядка шести лет), ничего положительного практикам не принесла, поскольку была «полумерой»: действительно, какой смысл назначать экспертизу и не проводить ее. К слову сказать, анализ деятельности экспертно-криминалистических подразделений того времени показал, что эксперты в период действия указанной нормы не принимали поступившие к ним постановления о назначении экспертиз, если в них не был указан номер возбужденного уголовного дела [Николаева 2007, с. 72].

Однако авторы УПК РФ пошли еще дальше: самая главная новелла, до этого не ведомая российскому уголовному судопроизводству, содержалась в обновленной ч. 1 ст. 146 УПК РФ – процедура возбуждения уголовного дела стала возможна только с согласия прокурора: *«…дознаватель или следователь с согласия прокурора, а также прокурор в пределах компетенции, установленной настоящим Кодексом, возбуждают уголовное дело, о чем выносится соответствующее постановление».* Безусловно, можно при желании найти обоснование подобного решения, вспомнить и об обязанности прокурора осуществлять надзор за предварительным следствием и дознанием, и о необходимости исключать незаконные и необоснованные решения о возбуждении уголовного дела, но аргументов «против» было существенно больше. Против такого компромисса законодателя и Генерального прокурора Российской Федерации, выразившегося в требованиях ст. 146 УПК РФ о необходимости получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела, возражало все юридическое сообщество. Для пересмотра данного положения потребовалось более пяти лет. На протяжении всего этого периода, как и прогнозировалось учеными и практиками, установленный ст. 146 УПК РФ порядок, при котором прокурор дает согласие на возбуждение уголовного дела, после чего следователь, дознаватель вправе начать производство следственных действий и принимать процессуальные решения, являлся серьезным препятствием к своевременному возбуждению уголовного дела, проведению неотложных следственных действий по раскрытию преступления, задержанию подозреваемого, закреплению следов преступления и сбору доказательств на первоначальном этапе расследования. Особенно остро этот вопрос стоял в регионах, где органы предварительного следствия и органы дознания территориально отдалены от мест дислокации органов прокуратуры на значительные расстояния [Гаврилов 2008, с. 140–141].

Федеральным законом от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ[1] в ст. 146 УПК РФ были внесены изменения, лишь ограничившие пятью сутками срок проведения проверки после возвращения материалов прокурором следователю, и, по сути, проблема осталась не разрешенной. Федеральным законом от 12 апреля 2007 г. № 47-ФЗ[2] подверглись реформированию и одновременно детализации порядок рассмотрения сообщения о преступлении и процедура возбуждения уголовных дел частного и частно-публичного обвинения (ст. 147 УПК РФ), но согласие на возбуждение уголовного дела публичного обвинения следователи продолжали испрашивать у прокурора и продолжали, назначая до возбуждения уголовного дела экспертизы, складывать эти постановления без дальнейшего движения.

Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ[3] процедура возбуждения уголовного дела была изменена в связи с реформированием процессуального статуса прокурора, отменена необходимость получения согласия прокурора на возбуждение уголовного дела.

Тем же нормативным правовым актом законодатель исключил упоминание о возможности назначать экспертизы до возбуждения уголовного дела. Казалось бы, законодатель, ранее предоставив возможность назначать судебные экспертизы до возбуждения уголовного дела, сделал полшага вперед. Далее, по логике и смыслу, должно было последовать еще одно движение – и, к радости практических работников, норма приобрела бы

[1] О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 29 мая 2002 г. № 58-ФЗ // Российская газета. 2002. 1 июня.

[2] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 12 апр. 2007 г. № 47-ФЗ // Российская газета. 2007. 17 апр.

[3] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» : федер. закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ // Российская газета. 2007. 8 июня.

долгожданный вид, если бы к возможности назначать судебную экспертизу до возбуждения уголовного дела была добавлена возможность ее проведения. Однако этого не произошло, законодатель не продолжил поступательное движение вперед, а вернулся назад, изложив ч. 4 ст. 146 УПК РФ совершенно в иной редакции, в другие же статьи упоминания о возможности назначения и проведения экспертизы до возбуждения уголовного дела не внес [Николаева 2007, с. 73].

Следует напомнить, процедура возбуждения уголовного дела, предусмотренная УПК РСФСР 1923 г., действовала почти 40 лет, порядок возбуждения уголовного дела в соответствии с УПК РСФСР 1960 г. – 40 лет, а вот нормы, регламентирующие стадию возбуждения уголовного дела в УПК РФ 2001 г., законодатель начал «перекраивать» практически сразу после введения в действие кодекса и не может остановиться до сих пор.

Федеральным законом от 2 декабря 2008 г. № 226-ФЗ[1] внесены очередные изменения в УПК РФ, в соответствии с которыми законодатель снова допустил возможность производства до возбуждения уголовного дела следственного действия – освидетельствования и разрешил проведение осмотра трупа. Ранее, начиная с 2002 г., УПК РФ уже предусматривал такую возможность: ч. 4 ст. 146 содержала положение о том, что к постановлению о возбуждении уголовного дела должны прилагаться материалы проверки, а в случае производства отдельных следственных действий по закреплению следов преступления и установлению лица, его совершившего, – соответствующие протоколы и постановления, в том числе протокол освидетельствования. Впоследствии Федеральным законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ указанная норма была изложена в новой редакции, где производство освидетельствования до возбуждения уголовного дела уже не допускалось.

Неопределенность позиции законодателя в вопросах возможности производства следственных и отдельных процессуальных действий до возбуждения уголовного дела свидетельствует о неоднозначности критериев оценки объема и содержания процессуальной деятельности в данной стадии. Основной задачей стадии возбуждения уголовного дела, как известно, является установление достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Для решения этой задачи применяются различные средства, приемы и методы: как процессуальные, так и непроцессуальные [Рябчиков 2009, с. 220].

Анализируя изменения, постоянно вносимые в УПК РФ, несложно заметить определенную тенденцию законодательного расширения комплекса средств, допустимых к использованию в стадии возбуждения уголовного дела, за счет включения в их число все большего числа следственных действий. С одной стороны, данная тенденция носит позитивный характер, поскольку расширяет возможности решения задач, устанавливаемых как в рамках рассматриваемой стадии, так и в дальнейшем процессе доказывания по уголовному делу. С другой стороны, по мнению авторов, высказанному еще в 2008 г., следует учитывать то обстоятельство, что на момент осуществления проверочной деятельности, предваряющей решение о возбуждении уголовного дела, вопрос о наличии в деянии признаков преступления окончательно не решен, из чего следует, что нет юридических оснований для осуществления процессуальных действий, носящих принудительный характер в отношении участвующих в уголовном процессе лиц [Рябчиков 2009, с. 220–221].

Таким принуждением, в силу публичного начала уголовного процесса, является, по мнению авторов, вся процессуальная деятельность лиц, производящих расследование, а не только меры процессуального принуждения, содержащиеся в разделе четвертом УПК РФ. До принятия решения о возбуждении уголовного дела вся процессуальная деятельность, связанная с вовлечением граждан в уголовный процесс, должна осуществляться исключительно на основе добровольности и не может носить принудительного характера, поскольку в таком случае она будет сопряжена с вторжением в сферу их прав и интересов без достаточных на то юридических оснований. Только наличие наиболее опасного вида правонарушения, а именно преступления, позволяет применять определенное принуждение в отношении участников уголовного судопроизводства. Мотивированное постановление о возбуждении уголовного дела является своего рода защитой от возможного необоснованного применения принуждения.

Очевидно, что часть следственных действий в той или иной степени носит характер принуждения. Возникает вопрос: возможно ли, а если возможно, то в каких пределах, применение процессуального принуждения, когда еще не решен основной вопрос о наличии достаточных данных, указывающих на признаки преступления, т. е. в стадии возбуждения уголовного дела?

Даже при производстве осмотра места происшествия – следственного действия, которое традиционно (и в соответствии с УПК РСФСР, и по УПК РФ) проводится до возбуждения уголовного дела, возникают не разрешенные законодателем вопросы. Например, как поступать при производстве до возбуждения уголовного дела осмотра места происшествия в жилище в случае, если лица,

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 2 дек. 2008 г. № 226-ФЗ // Российская газета. 2008. 5 дек.

в нем проживающие, против этого возражают. Действующее уголовно-процессуальное законодательство предписывает в таких ситуациях получить решение суда, но до возбуждения уголовного дела это осуществить невозможно, вследствие этого субъекты производства осмотра действуют методами, связанными с принуждением, что до возбуждения уголовного дела недопустимо по причинам, изложенным выше. Для устранения этого пробела в законодательстве следует прямо обозначить в УПК РФ, что в случаях, когда жилище является местом происшествия, его осмотр может проводиться без согласия проживающих в нем лиц.

Критические замечания вызывает и возможность производства до возбуждения уголовного дела освидетельствования. Возможность его производства до возбуждения уголовного дела и ранее, в пору действия ст. 146 УПК РФ в прежней редакции, и в настоящее время вызывала и вызывает много споров, касающихся как процессуального статуса лиц, в отношении которых оно проводится, так и самой процедуры его производства. В частности, согласно ст. 179 УПК РФ освидетельствование может быть проведено только в отношении подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, а также в определенных случаях и свидетеля. Однако очевидно, что названные участники уголовно-процессуальных отношений приобретают свой статус только после возбуждения уголовного дела, в связи с чем не совсем понятно, в отношении кого же будет проводиться освидетельствование. Процедура производства освидетельствования в ч. 1 ст. 164, ч. 2 ст. 179 УПК РФ предусматривает обязательное вынесение постановления о его проведении, которое носит обязательный характер для лица, подлежащего освидетельствованию, т. е. в данном случае имеет место прямое принуждение в отношении лиц, чей процессуальный статус еще до конца не определен и не ясен [Николаева, Рябчиков 2017, с. 100–101].

Продолжая расширять спектр процессуальных средств, разрешенных к применению в стадии возбуждения уголовного дела, законодатель федеральными законами от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ и от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ[1] дополнил этот перечень правом требовать исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в проверках, ревизиях, исследованиях специалистов, а также давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Наиболее масштабные нововведения привнесены в институт возбуждения уголовного дела с вступлением в силу Федерального закона от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ[2]. Новой редакцией ч. 1 ст. 144 УПК РФ «Порядок рассмотрения сообщения о преступлении» предусмотрена возможность при проверке сообщения о преступлении получать объяснения, образцы для сравнительного исследования, истребовать документы и предметы, изымать их в порядке, установленном УПК РФ, назначать судебную экспертизу, принимать участие в ее производстве и получать заключение эксперта в разумный срок, производить осмотр места происшествия, документов, предметов, трупов, освидетельствование, требовать производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов, привлекать к участию в этих действиях специалистов, давать органу дознания обязательное для исполнения письменное поручение о проведении оперативно-розыскных мероприятий.

При всей относительной логичности новой редакции нормы, четко определившей наконец, что до возбуждения уголовного дела можно назначать экспертизу и проводить ее, ряд вопросов так и остался неразрешенным, да и новые появились. Проблемы проведения до возбуждения уголовного дела освидетельствования авторами уже рассматривались выше, те же аргументы можно привести и относительно получения до возбуждения уголовного дела образцов для сравнительного исследования. Еще один неясный аспект касается права следователя, дознавателя, органа дознания изымать до возбуждения уголовного дела предметы и документы в порядке, установленном УПК РФ, но в УПК РФ нет ни одной процедуры (за исключением разве что хрестоматийного осмотра места происшествия), в ходе которой можно было бы законным образом изъять предметы и документы.

Тем же Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ ст. 144 УПК РФ пополнилась новой частью 1.1, предписывающей разъяснение прав и обязанностей, предусмотренных УПК РФ, лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, и обеспечение возможности осуществления этих прав в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы. Нелишне в этой связи заметить, что все основные процессуальные

[1] О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ // Российская газета. 2010. 12 марта ; О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием деятельности органов предварительного следствия : федер. закон от 28 дек. 2010 г. № 404-ФЗ // Там же. 30 дек.

[2] О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ // Российская газета. 2013. 6 марта.

статусы участников уголовного судопроизводства: потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, свидетель, – приобретаются уже после возбуждения уголовного дела, иные же статусы уголовно-процессуальный закон не определил. Четкого перечня субъектов, к которым могла бы быть применена эта законодательная новелла, в нормах УПК РФ не содержится. Так, неясны процессуальные статусы заявителя; лица, в отношении которого проводится освидетельствование; лица, у которого отбираются образцы для сравнительного исследования, и т. д.

Можно представить себе следователя, например, Следственного комитета Российской Федерации, который в рамках проверки заявления или сообщения о преступлении должен не только определить статус лица, участвующего в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, но и понять при отсутствии прямых указаний в нормах УПК РФ, какие интересы этого лица могут быть затронуты и какие именно права ему в связи с этим требуется разъяснять.

Даже в рамках настоящей статьи все эти рассогласования, противоречия и неурегулированные вопросы выглядят удручающе, а что говорить о конкретных правоприменителях – следователях, дознавателях, руководителях следственного органа. Однако самым печальным является то, что сформулированные подобным образом нормы закона позволяют безнаказанно нарушать права и законные интересы простых граждан.

При этом авторы статьи еще не касались перечня поводов для возбуждения уголовного дела!

В первоначальной редакции УПК РФ в ст. 140 поводами для возбуждения уголовного дела названы: 1) заявление о преступлении; 2) явка с повинной; 3) сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, полученное из иных источников.

С 2010 г. законодатель начал «жонглировать» поводами для возбуждения уголовного дела, ибо другого слова для характеристики этой деятельности подобрать затруднительно. Так, Федеральным законом от 28 декабря 2010 г. № 404-ФЗ к поводам для возбуждения уголовного дела отнесено постановление прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Уже через год был введен еще один повод, который распространялся только на налоговые преступления (ст. 198–199.2 УК РФ), а в 2014 г. – еще один, который мог быть применен вообще только по одному составу – ст. 172.1 УК РФ, в октябре того же года повод, касающийся налоговых преступлений, был исключен из УПК РФ, а с 8 января 2019 г. не применяется и особый порядок возбуждения уголовного дела по ст. 172.1 УК РФ. Законотворческий хаос, противоречивая и нестабильная законодательная основа, отсутствие своевременных и адекватных нуждам правоприменителей разъяснений высшей судебной инстанции по спорным вопросам привели к различному толкованию и применению одних и тех же норм УПК РФ в каждом конкретном регионе!

Много вопросов возникает и при реализации норм, регламентирующих возбуждение уголовного дела, в связи с реализацией права на защиту субъектами уголовного судопроизводства. Законное и своевременное возбуждение уголовного дела гарантирует защиту интересов общества и государства, прав и законных интересов потерпевших от преступления и обеспечивает права личности, ограждая ее от необоснованного привлечения к уголовной ответственности. Допустимость участия адвоката в стадии возбуждения уголовного дела подтверждена постановлением Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы»[1]. В нем отмечалось, что Конституция Российской Федерации путем закрепления права каждого на получение квалифицированной юридической помощи не связывает предоставление помощи адвоката с формальным признанием лица подозреваемым или обвиняемым. Соответственно, данное конституционное право появляется у конкретного лица с того момента, когда начинается ограничение его прав.

Спустя почти десять лет данная правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации была закреплена законодательно: Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ ч. 3 ст. 49 УПК РФ дополнена положением, предусматривающим возможность участия защитника в уголовном процессе с момента осуществления процессуальных действий, затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого производится проверка сообщения о преступлении в предусмотренном ст. 144 УПК РФ порядке.

Внесенные изменения породили очередную правовую неопределенность и рассогласованность в структуре и содержании ст. 49 УПК РФ, поскольку содержание п. 6 ч. 3 этой статьи вступило в противоречие с положениями ч. 1 и 2 той же статьи УПК РФ. Так, согласно ч. 1 и 2 ст. 49 УПК РФ защитником является лицо, которое осуществляет защиту прав и интересов только тех участников уголовного судопроизводства, которые имеют процессуальный статус подозреваемого либо обвиняемого. Однако, основываясь на п. 6 ч. 3 данной статьи, защитник каким-то непостижимым образом должен появить-

[1] Российская газета. 2004. 7 июля.

ся на стадии возбуждения уголовного дела, т. е. на той стадии уголовного процесса, на которой ни подозреваемого, ни обвиняемого быть еще не может.

Кроме того, п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ противоречит формулировке той же самой ч. 3 ст. 49 УПК РФ, согласно которой «защитник участвует в уголовном деле», а из буквального толкования текста п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ следует, что защитник должен принимать участие в процессуальной деятельности, которая предусмотрена ст. 144 УПК РФ, т. е. раньше решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Далее, ч. 3 ст. 49 УПК РФ регламентирует участие защитника, при этом в п. 6 ч. 3 этой статьи дается отсылка к ст. 144 УПК РФ, согласно которой в стадии возбуждения уголовного дела участвует не защитник, а адвокат, что также заставляет задуматься как о процессуальном статусе адвоката в стадии возбуждения уголовного дела, так и формах его участия в рамках проверочной деятельности.

Последние изменения, затронувшие стадию, связаны с распространением положений ст. 307 УК РФ на досудебное производство. Изначально внесение изменений преследовало цель устранить коллизию в праве между уже упомянутой ст. 307 УК РФ и ч. 5 ст. 57 УПК РФ, согласно которой за дачу заведомо ложного заключения эксперт несет ответственность в соответствии со ст. 307 УК РФ, предусматривающей уголовную ответственность за заведомо ложные показание, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод. В предыдущей редакции такая уголовная ответственность предусматривалась только в случае заведомо ложных показания, заключения эксперта, специалиста или неправильный перевод, данных только в ходе предварительного расследования, но, как уже отмечено выше, назначение и производство экспертизы разрешены и до возбуждения уголовного дела, и эксперт также предупреждался об уголовной ответственности, что противоречило диспозиции ст. 307 УК РФ. Требовалось устранить лишь частное противоречие, касающееся только заведомо ложного заключения эксперта, данного в ходе досудебного производства, но согласно новой редакции ст. 307 УК РФ возможность привлечения к уголовной ответственности распространена и на случаи заведомо ложных показаний свидетеля, потерпевшего, эксперта, данные до возбуждения уголовного дела, и на неправильный перевод. Следуя буквальному толкованию ст. 307 УК РФ, и свидетель, и потерпевший могут предупреждаться об уголовной ответственности за заведомо ложные показания, данные ими до возбуждения уголовного дела, но, учитывая, что до возбуждения уголовного дела лица такими процессуальными статусами не обладают, допрос указанных лиц законом запрещен, следовательно, такое предупреждение может иметь место при получении объяснений, и это формально не будет противоречить действующему законодательству. Следует напомнить, что правовая природа объяснений в УПК РФ отражения не нашла.

Таким образом, изменения последних лет, затрагивающие в той или иной мере стадию возбуждения уголовного дела, иллюстрируют устойчивую тенденцию к превалированию интересов формирования доказательственной базы уже в стадии возбуждения уголовного дела над соблюдением прав лиц, вовлеченных в деятельность по проверке заявлений и сообщений о преступлении, хотя криминальный характер того или иного события еще юридически не подтвержден.

Сейчас, после всех законодательных экспериментов, до неузнаваемости изменивших облик стадии возбуждения уголовного дела, актуализируется проблема дальнейшего ее реформирования. Далеко не полный ввиду ограниченности рамками статьи анализ изменений норм, регламентирующих порядок возбуждения уголовного дела, позволяет утверждать: в существующем виде стадия возбуждения уголовного дела постепенно превращается в стадию предварительного расследования и уже не выполняет всех тех задач, которые ставились перед ней изначально.

Актуализирует поставленные вопросы не столько теоретическая составляющая имеющихся проблем, сколько опасность реального нарушения прав и законных интересов лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство.

Если стадия возбуждения уголовного дела в ее хрестоматийном варианте должна являться «фильтром» для непреступных проявлений, алгоритм дальнейшего реформирования стадии предполагает отказ от проведения любых следственных действий на этапе проверки сообщения (заявления) о преступлении, за исключением, возможно, осмотра места происшествия. Если акцент ставится на необходимости формирования доказательственной базы, то процедура возбуждения уголовного дела должна стать просто формальным процессуальным действием, выраженным в вынесении соответствующего постановления.

По сути, все изложенное укладывается либо в порядок действий, предусмотренный УПК РСФСР 1923 г., либо соответствует процедурам, предусмотренным УПК РСФСР 1960 г. (в редакции 1963 г.).

Таким образом, уголовно-процессуальный закон нуждается в глубокой переработке норм, регулирующих стадию возбуждения уголовного дела. Это должны быть не просто изменения, а нормативное изложение единой концепции. Конкретные направления совершенствования зависят от того, какие задачи будут являться приоритетными.

Список цитируемых источников

Гаврилов 2008 – *Гаврилов Б. Я.* Современная уголовная политика России: цифры и факты. М. : ТК Велби : Проспект, 2008. 208 с.

Непранов, Перякина, Короленко 2016 – *Непранов Р. Г., Перякина М. П., Короленко И. И.* К вопросу об истории становления института возбуждения уголовного дела в России // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 6(79). С. 23–28.

Николаева 2007 – *Николаева М. И.* О некоторых проблемных вопросах практики применения УПК РФ // Проблемы управления органами расследования преступлений в связи с изменением уголовно-процессуального законодательства : в 2 ч. М. : Акад. упр. МВД России, 2007. Ч. 1. С. 70–75.

Николаева, Рябчиков 2017 – *Николаева М. И., Рябчиков В. В.* Специфика процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2017. № 2(12). С. 99–103.

Рябчиков 2009 – *Рябчиков В. В.* Специфика процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела // Актуальные вопросы применения уголовно-процессуального и уголовного законодательства в процессе расследования преступлений : в 2 ч. М. : Акад. упр. МВД России, 2009. Ч. 1. С. 220–224.

References

Gavrilov, B. Ya. (2008), *Sovremennaya ugolovnaya politika Rossii: tsifry i fakty* [Modern criminal policy of Russia: figures and facts], TK Velbi, Prospekt, Moscow, Russia.

Nepranov, R. G., Peryakina, M. P. and Korolenko, I. I. (2016), "To the question of the history of establishment of the institution of initiation of criminal cases in Russia", *Yurist"-Pravoved"*, no. 6(79), pp. 23–28.

Nikolaeva, M. I. (2007), "On some problematic issues of practice of applying the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation", *Problemy upravleniya organami rassledovaniya prestuplenii v svyazi s izmeneniem ugolovno-protsessual'nogo zakonodatel'stva, v 2 ch., ch. 1* [Problems of management of crime investigation bodies in connection with changes in the criminal procedure legislation, in 2 pt., pt. 1], Akademiya upravleniya MVD Rossii, Moscow, Russia, pp. 70–75.

Nikolaeva, M. I. and Ryabchikov, V. V. (2017), "The specifics of procedural activity at the stage of initiation a criminal case", *Penitentsiarnoe parvo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimenitel'naya praktika,* no. 2(12), pp. 99–103.

Ryabchikov, V. V. (2009), "The specifics of procedural activity at the stage of initiation of a criminal case", *Aktual'nye voprosy primeneniya ugolovno-protsessual'nogo i ugolovnogo zakonodatel'stva v protsesse rassledovaniya prestuplenii, v 2 ch., ch. 1* [Actual issues of the application of criminal procedure and criminal legislation in the process of investigating crimes, in 2 pt., pt. 1], Academiya upravleniya MVD Rossii, Moscow, Russia, pp. 220–224.

Информация об авторах

Николаева Марина Игоревна,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; mar_niko@mail.ru

Рябчиков Вадим Вячеславович,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; 9040315660@mail.ru

Information about the authors

Nikolaeva Marina I.,
PhD (law), associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; mar_niko@mail.ru

Ryabchikov Vadim V.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; 9040315660@mail.ru

Для цитирования

Николаева М. И., Рябчиков В. В. Стадия возбуждения уголовного дела: тенденции реформирования // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 95–102.

For citation

Nikolaeva, M. I. and Ryabchikov, V. V. (2020), "Stage of initiation of a criminal case: reform trends", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 95–102.

УДК 343.63

К. Н. Радченко[1]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

K. N. Radchenko[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation*

Проблемы правоприменительной практики привлечения к уголовной ответственности за клевету

Problems of law enforcement practice of criminal liability for libel

Ключевые слова: преступление; клевета; честь и достоинство; порочащие сведения; уголовная ответственность.

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы привлечения лиц к уголовной ответственности за клевету, а также ответственность за распространение ложной порочащей информации.

Key words: crime; libel; honor and dignity; impeaching information; criminal liability.

Abstract. The article deals with the problems of bringing individuals to criminal responsibility for libel, as well as responsibility for spreading false impeaching information.

В ряду норм, предусматривающих защиту граждан от посягательства на их честь и достоинство, исследуемая в настоящей статье норма занимает особое место. Уголовно-правовой мере защиты граждан от распространения клеветнической информации совершенно справедливо придается важное значение. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики, существуют проблемы при рассмотрении дел о клевете, приводящие к вынесению ошибочных судебных решений, когда, по нашему мнению, имеет место неправильная квалификация деяния. Проблемы, возникающие в процессе рассмотрения дел о клевете и связанные во многом с неспособностью частного обвинителя (и не только) разграничить состав данного преступления со смежными составами (преступлениями, административными правонарушениями и гражданско-правовыми деликтами), требуют своего разрешения.

Можно отметить некоторые особенности при проведении сравнительной характеристики клеветы, предусмотренной ст. 128.1 УК РФ, и смежных составов деяний (преступлений, административных правонарушений, гражданско-правовых деликтов). Так, согласно ст. 298.1 УК РФ существует ответственность за специальный вид клеветы (в отношении судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия, прокурора, следователя, дознавателя, судебного пристава, судебного пристава-исполнителя).

При сходстве в таких признаках, как способ распространения сведений, формальный состав, субъективная сторона (прямой умысел) и другие, мы выделили существенные отличия этих норм: наличие в качестве потерпевшего специального субъекта, статус повышенной опасности в связи с тем, что данное преступление направлено на нанесение урона не только непосредственно потерпевшим, но и органам, осуществляющим правосудие (двухобъектность), нахождение деяния в непосредственной мотивационной связи с рассмотрением конкретного дела или материала в суде, или с производством предварительного расследования либо исполнением приговора, решения суда или иного судебного акта.

Сравнительный анализ ст. 128.1 и 298.1 УК РФ также свидетельствует о необходимости совершенствования уголовного законодательства. На наш взгляд, целесообразно устранить дублирующий состав преступления ст. 298.1 УК РФ и добавить в ст. 128.1 часть 6, изложив ее в следующей редакции: «6. Клевета в отношении судьи, присяжного заседателя, прокурора, следователя, дознавателя, судебного пристава, судебного пристава-исполнителя в связи с исполнением ими служебных обязанностей, – наказывается…».

Следует различать клевету в квалифицированных составах (где клевета может быть соединена с дополнительными признаками – обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления либо обвинением лица в совершении преступления сексуального характера) и преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 306 УК РФ «Заведомо ложный донос». Данные нормы отличаются: непосредственным объектом преступления (при заведомо ложном доносе основной непосредственный объект преступления – интересы правосудия, а право на доброе имя входит в дополнительный объект); объективной стороной (для заведомо ложного доноса не важно, к какой категории относятся преступления, в отношении которых совершен заведомо ложный донос, зато в рамках ст. 128.1 УК РФ содержится указание на категориальную принадлежность преступлений – тяжкое или особо тяжкое либо преступление сексу-

© Радченко К. Н., 2020

ального характера); степенью индивидуализации лица-потерпевшего; кругом лиц-адресатов, целью и мотивами (для клеветы цель – опорочить потерпевшего в глазах третьих лиц, для ложного доноса – привлечение потерпевшего к уголовной ответственности, введение органов следствия в заблуждение или направление по ложному пути).

Требует отдельного рассмотрения вопрос о квалификации порочащих сведений, излагаемых в различных ситуациях, связанных с осуществлением правосудия, поскольку попытки трактовать как клевету свидетельские показания, сведения, изложенные в процессуальных документах, имеют место и порой приобретают курьезный характер. В качестве такого примера можно привести попытку привлечь к уголовной ответственности по ст. 128.1 УК РФ начальника отдела по обеспечению прокуроров в кассационной и надзорной инстанциях уголовного судопроизводства уголовно-судебного управления старшего советника юстиции за его показания в суде. По факту же доводы заявителя сводились к несогласию с оценкой судом доказательств обвинения[1].

Одной из проблем, связанных с рассмотрением дел о клевете, является проблема разграничения вербальных деяний, образующих состав преступления по ст. 128.1 УК РФ «Клевета» и состав правонарушения по ст. 5.61 КоАП РФ «Оскорбление». На протяжении долгого времени оскорбление и клевета, закрепленные в уголовном законодательстве, существовали параллельно. В прошлом, в эпоху обычного права, оскорбление и клевету не различали. Мнения о фактической идентичности оскорбления и клеветы высказываются и в наше время: «…сама клевета зачастую может являться оскорбительной для человека, который считает себя униженным» [Алинкина 2017, с. 169].

Декриминализация данных деяний также шла параллельно, и на этом этапе декриминализация обеих составов подвергалась обоснованной критике, исследователи подчеркивали нелогичность их перенесения в соответствующую главу КоАП РФ [Пелипенко 2012, с. 164; Чижевский 2011, с. 78]. Повторная криминализация коснулась только клеветы, а оскорбление осталось в статусе административного правонарушения.

Таким образом, клевета как преступное посягательство представляла собой большую степень общественной опасности, чем оскорбление, что отметили многие исследователи [Епихин 2012, с. 180]. В определенной мере, как нам представляется, такое отношение к степени опасности деяний оправдано, так как в глазах общественности оскорбитель своими действиями наносит вред не только оскорбленному, но и самому себе, получая порицание со стороны общества: нарушение этических норм поведения, принятых в обществе, при оскорблении самоочевидно. При клевете же ее порочащий характер становится очевидным только при установлении факта лжи со стороны клеветника.

Сложившаяся к настоящему времени ситуация с анализируемыми составами привела к тому, что в процессе рассмотрения дел о клевете «у заявителя, равно как и у судьи, может возникнуть проблема квалификации действий привлекаемого по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ. Речь идет о декриминализации оскорбления и клеветы, повторной криминализации клеветы. Исходя из того, что оскорбление перешло в состав административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.61 КоАП РФ, а клевета осталась уголовно наказуемым деянием, предусмотренным ч. 1 ст. 128.1 УК РФ, возникла проблема квалификации смежных составов уголовно наказуемого деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 128.1 УК РФ и административного правонарушения, предусмотренного ст. 5.61 КоАП РФ» [Корякин 2014, с. 211].

Многие исследователи сопоставляют указанные деяния, отмечая некоторую параллель между ними. Такую параллель видят, например, в противопоставлении и сопоставлении объектов состава преступления в том, что оскорбление и клевета представляют собой вербальные деяния, и даже в том, что в отношении этих двух статей «наблюдается определенная политическая игра, приводящая то к криминализации, то к декриминализации данных юридических норм» [Абызов, Землюков, Рылова 2014, с. 89].

Сразу отметим, что оскорбление, в отличие от клеветы, не обязательно носит вербальный характер, оно может быть также в виде жестов, физических действий. В ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ понятие «оскорбление» определяется как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме». Объектом данного правонарушения являются честь и достоинство человека, объективная сторона заключается в действиях, унижающих честь и достоинство лица в неприличной (противоречащей правилам приличия, принятым в обществе) форме. Данное правонарушение сопоставимо по составу с клеветой, где объектом преступления выступают общественные отношения, складывающиеся в связи с реализацией человеком права на достоинство, честь и репутацию. Однако объективная сторона клеветы хотя и сопоставима с оскорблением (клевета порочит честь и достоинство лица или подрывает его репутацию), но отличается от оскорбления характером действий, заключающихся в распространении заведомо ложных сведений.

Различие в характере действий, ответственность за которые предусмотрена указанными нормами,

[1] Решение Верх-Исетского районного суда г. Екатеринбурга № 2А-4089/2017 от 1 июня 2017 г. по делу № 2А-4089/2017. URL: http://sudact.ru/regular/doc/dR04xCCWTeg1/ (дата обращения: 22.02.2019).

является основополагающим, при этом на практике такое разграничение бывает затруднено. На это указывают многие исследователи. Например, А. М. Абызов, С. В. Землюков, Е. В. Рылова считают, что «при квалификации вербальных преступлений, в частности преступлений против чести и достоинства личности, при квалификации клеветы достаточно сложно отграничить не соответствующие действительности сведения от оценочных суждений, мнений, убеждений, которые являются выражением субъективного мнения и взглядов лица о потерпевшем. Это бывает сложно установить и проверить на предмет их соответствия действительности» [Абызов, Землюков, Рылова 2014, с. 90].

Такое отграничение, по мнению А. В. Алинкиной, тесным образом связано с необходимостью включения конкретных обстоятельств в понятие клеветы. Она же приводит слова К. Маркса: «Если я говорю, что Вы – вор, обладаете воровскими наклонностями, то я оскорбляю Вас, а если я говорю, что Вы украли серебряную ложку, то я возвожу на Вас клевету в уголовно-правовом смысле» [Алинкина 2017, с. 169].

Ложность распространяемых сведений – обязательный признак клеветы, тогда как при оскорблении этот признак вообще не существен. В связи этим при оскорблении становится не важным признак возможной верификации: «Всякие ругательства и прочие поношения, скорее, могут образовывать состав административного правонарушения в виде оскорбления – 5.61 КоАП, но не клевету, поскольку это невозможно проверить на соответствие действительности. Например, утверждение, что Иванов – вор, можно назвать клеветой, если говорящий знает, что Иванов не вор. А утверждение, что Иванов – дурак, невозможно проверить на соответствие действительности: это оценочное суждение» [Козкина 2016].

Честь в объективном смысле является непосредственным объектом посягательства при клевете. Оскорбление направлено на унижение чувства собственного достоинства. В связи с указанным обстоятельством следует отметить и различия в субъективной стороне деяния. Для клеветы признак распространения сведений с тем, чтобы они стали известны третьим лицам, является обязательным: цель клеветника – очернение лица в глазах иных лиц; цель для оскорбителя – причинить моральный вред оскорбляемому лицу путем нанесения оскорбления.

Личное оскорбление (нанесенное, например, путем направления потерпевшему SMS-сообщений, личных писем или произнесенное устно без свидетелей), не ставшее известным третьим лицам, в отличие от клеветы, образует состав правонарушения, а публичность оскорбления учитывается только при квалифицированном составе оскорбления по ч. 2 ст. 5.61 КоАП РФ – «оскорбление, содержащееся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации».

Отметим, что в ч. 3 ст. 5.61 КоАП РФ состав декриминализованного оскорбления был дополнен следующим деянием: «непринятие мер к недопущению оскорбления в публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации», – что повлекло возможность привлечения по данной статье не только физических (по этой части – должностных) лиц, но и возложение ответственности на юридическое лицо, что в соответствии со ст. 128.1 УК РФ невозможно. Однако самое существенное различие сравниваемых норм в части объективной стороны заключается в характере высказываний. Как уже отмечалось, при клевете существенное значение имеет содержание распространяемой информации, которой придается порочащий характер именно в связи с содержанием, оскорбление же наносит вред оскорбляемому лицу не столько посредством содержательного плана высказывания, сколько неприличной формой выражения мнения.

В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц»[1] соотношение оскорбления и клеветы представлено в следующей форме: «Если субъективное мнение было высказано в оскорбительной форме, унижающей честь, достоинство или деловую репутацию истца, на ответчика может быть возложена обязанность компенсации морального вреда, причиненного истцу оскорблением». Из этого следует, что оскорбление представляет собой разновидность мнения, но, в отличие от клеветы, подлежащее правовой оценке при наличии признака неприличной формы выражения мнения.

Понятие «неприличная форма» для оскорбления при этом никак не поясняется законодателем, но уже из самого определения «неприличная» (форма) видно, что указанный фактор имеет крайне субъективный характер. Данный вопрос может стать предметом отдельного исследования, а в настоящей работе мы ограничимся тем, что сошлемся на практику лингвистической экспертизы, согласно которой «оскорбление как уголовно наказуемое деяние должно быть выражено в неприличной, то есть циничной форме, глубоко противоречащей правилам поведения, принятым в обществе. Оскорбление имеет целью подчеркнуть неполноценность, ущербность лица-адресата и/или его несоответствие функциям, положению и др.», при этом к лексике, употребляемой при оскорблении адресата речи (инвективной лексике), относят «слова и выражения, употребление которых в об-

[1] Российская газета. 2005. 15 марта.

щении нарушает нормы общественной морали. Это могут быть как слова жаргонные, диалектные, просторечные, так и слова, относящиеся к собственно литературному языку (употребление литературных слов типа "подлец", "мерзавец" в конкретной ситуации общения противоречит нормам общественной морали в неменьшей степени)» [Бельчиков, Горбаневский, Жарков 2010, с. 141, 143].

Отдельно отметим, что, являясь формами унижения личности, оба действия (клевета и оскорбление) при наличии признака систематического проявления могут быть признаны в качестве способа совершения преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, – доведение до самоубийства или до покушения на самоубийство путем систематического унижения человеческого достоинства. Статья 128.1 УК РФ в наибольшей степени имеет сходство по составу со ст. 152 ГК РФ «Защита чести, достоинства и деловой репутации», согласно которой «гражданин вправе требовать по суду опровержения порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности».

Составы указанных статей совпадают по объекту посягательства (общественные отношения, складывающиеся в связи с реализацией права на честь, достоинство и репутацию). Объективная сторона составов в обоих случаях заключается в распространении не соответствующей действительности, порочащей информации в отношении определенного лица. Однако по ст. 128.1 УК РФ это может быть только физическое лицо, тогда как ст.152 ГК РФ, наряду с физическими лицами, защищает и деловую репутацию юридических лиц. В обоих случаях распространяемые сведения должны носить именно порочащий характер, однако ст. 152 ГК РФ предусматривает защиту от распространения любых, не только негативных, ложных сведений о лице (ч. 10), но тогда исключается право требования возмещения морального вреда, и у деяния появляется срок давности (1 год).

Отметим, что сроки давности в рамках сравниваемых норм также разнятся. Так, по клевете в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 78 УК РФ предусмотренный срок давности составляет два года как за преступление небольшой тяжести, а срок исковой давности согласно ст. 208 ГК РФ на дела о защите личных неимущественных прав и других нематериальных благ не распространяется, т. е. неограничен (за исключением случая, указанного выше).

Таким образом, если по статье о клевете дело может быть прекращено именно по основаниям истечения срока давности[1], то по ст. 152 ГК РФ то же самое деяние будет рассмотрено в любой срок. Обязательный признак обоих сравниваемых деяний – факт распространения ложных порочащих сведений. Различие заключается в субъективной стороне деяний: по ст. 128.1 УК РФ такие сведения должны быть заведомо ложными, и добросовестное заблуждение лица относительно правдивости излагаемых им сведений не приводит к наступлению ответственности. Для ст. 152 ГК РФ добросовестность заблуждения не является освобождающим от ответственности фактором, вина распространителя может характеризоваться не только умыслом, но и неосторожностью.

В связи с вышеизложенным различен круг субъектов по анализируемым нормам. По ст. 128.1 УК РФ причинителем вреда признается только физическое лицо, которое распространяло заведомо ложные сведения, и любая ссылка на то, что сведения стали известны от третьих лиц, снимает ответственность в рамках уголовного закона. В рамках же ст. 152 ГК РФ причинителем вреда может быть признано как физическое, так и юридическое лицо (например, редакция газеты), ответственное именно за распространение порочащих сведений, независимо от того, знало ли данное лицо о ложности сведений или добросовестно заблуждалось относительно их правдивости. При этом при наличии нескольких лиц, ответственных за распространение (например, автор материала в средствах массовой информации – журналист и редактор), право выбора ответчика (привлечения соответчиков) в большинстве случаев остается за истцом.

Следует отметить, что средства массовой информации (редакция, главный редактор, журналист) согласно российскому законодательству освобождаются от обвинений в распространении порочащей информации в случаях, предусмотренных ст. 57 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации» (далее: Закон № 2124-1)[2].

Перечень случаев, при которых ответственность за распространение ложной порочащей информации исключается для работников средств массовой информации, является исчерпывающим:

– если эти сведения присутствуют в обязательных сообщениях;

– если они получены от информационных агентств;

– если они содержатся в ответе на запрос информации либо в материалах пресс-служб государственных органов, организаций, учреждений, предприятий, органов общественных объединений;

– если они являются дословным воспроизведением фрагментов выступлений народных депутатов на съездах и сессиях Советов народных депутатов,

[1] Апелляционное постановление Невинномысского городского суда № 10-16/2017 от 1 июня 2017 г. по делу № 10-16/2017. URL: http://sudact.ru/regular/doc/flPflApPxVh/ (дата обращения: 17.03.2019).

[2] Российская газета. 1992. 8 февр.

делегатов съездов, конференций, пленумов общественных объединений, а также официальных выступлений должностных лиц государственных органов, организаций и общественных объединений;

– если они содержатся в авторских произведениях, идущих в эфир без предварительной записи, либо в текстах, не подлежащих редактированию в соответствии с Законом № 2124-1;

– если они являются дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных другим средством массовой информации, которое может быть установлено и привлечено к ответственности за данное нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации.

В рамках сравниваемых норм различаются обязанности по доказыванию: по ст. 128.1 УК РФ бремя доказывания в полном объеме возлагается на сторону обвинения, по ст. 152 ГК РФ истец должен доказать только факт распространения и порочащий характер сведений, обязанность по подтверждению либо опровержению сведений лежит на ответчике. Таким образом, данные нормы по многим параметрам совпадают, а существующие различия в большей степени способствуют соблюдению прав пострадавшего от распространения порочащих сведений лица, что отражается на практике правоприменения: во многих случаях, когда по тем или иным причинам в рамках уголовного законодательства оказывается невозможным наказать причинителя вреда, в рамках гражданского законодательства привлечение к ответственности такого лица вполне возможно.

Проиллюстрируем это положение конкретными примерами. Одним из таких факторов, исключающих ответственность по статье о клевете, могут стать показания обвиняемого, не опровергнутые в суде. Заявления обвиняемого о том, что он не знал о несоответствии сведений действительности, если они не опровергнуты, в суде, в силу презумпции невиновности, трактуются в пользу обвиняемого.

Например, в ситуации распространения листовок с порочащей информацией, когда лицо-распространитель заявляет о том, что не являлось автором текста и поверило в правдивость сообщаемых в листовке сведений, в качестве обоснования невиновности обвиняемого выдвигается наличие добросовестного заблуждения со стороны распространителя: «Обстоятельства отсутствия умысла и заведомой ложной осведомленности подтверждают свидетели ФИО4 и ФИО5, в части высказываний им лично со стороны Чайки при передаче листов бумаги с неопределенным текстом и сведениями, обращения “прочитайте, интересно”, “прочитай, что там про нашего Андрюшу пишут”, суд правильно обратил в приговоре внимание на то, что никто из допрошенных свидетелей не подтвердил тот факт, что Чайка высказывал какие-либо пояснения по содержанию передаваемой им листовки, о том, что эта листовка изготовлена им, и он передает ее с целью сообщить информацию о незаконных действиях ФИО10. Доказательств обратного частным обвинителем не представлено.

Таким образом, вопреки доводам апелляционной жалобы, является верным вывод суда о том, что если лицо уверено, что сведения, которые оно распространяет, содержат правдивые данные, хотя на самом деле они ложные, то есть добросовестно заблуждается относительно соответствия их действительности, то такое лицо не может нести ответственность по ч. 1 ст. 128.1 УК РФ»[1].

В данном случае имеет место распространение неполных сведений о лице: в рамках уголовного судопроизводства подобная ситуация может привести только к оправданию подсудимого, тогда как в ч. 10 ст. 152 ГК РФ предусматривается возможность защиты интересов истца (за исключением компенсации морального вреда) при распространении любых недостоверных сведений, к которым, по нашему мнению, относятся и неполные сведения.

Серьезные проблемы в плане правоприменения по статье о клевете обусловлены процессуальной спецификой в связи с тем, что дела рассматриваемой категории относятся к частному обвинению (за исключением случаев, предусмотренных ч. 4 ст. 128.1 УК РФ). К ним относятся возврат заявления частному обвинителю по основаниям несоблюдения условий, указанных в ст. 318 УПК РФ, проблемы, связанные с обязанностью частного обвинителя доказывания.

Статистика оправдательных приговоров по статье о клевете свидетельствует не об оправдательном уклоне при рассмотрении дел данной категории, а о процессуальных недостатках, обусловленных низким уровнем правовой культуры частных обвинителей. При этом негативные последствия такого положения для потерпевших выражаются не только в большом количестве оправдательных приговоров, но и в возможности возмещения судебных издержек оправданного именно с частного обвинителя, что в целом делает ст. 128.1 УК РФ малоэффективной формой защиты прав потерпевшего.

Реализация права на защиту своих интересов в форме подачи иска о защите чести и достоинства или деловой репутации в случае отказа в возбуждении уголовного дела по ст. 128.1 УК РФ либо вовсе без попытки возбуждения уголовного дела представляется нам не только дополнительной мерой защиты, но и более эффективной, особенно в процессуальном плане. В отношении других смежных

[1] Апелляционное постановление Октябрьского районного суда г. Уфы № 10-23/2017 от 6 июля 2017 г. по делу № 10-23/2017. URL: http://sudact.ru/regular/doc/qetc0c8WzfUC/ (дата обращения: 07.11.2018).

с клеветой деяний (преступлений и административных правонарушений) нами установлен ряд различий, таких как: объект преступления, степень опасности, специальный субъект, мотивы и цель (ст. 298.1 УК РФ), непосредственный объект преступления, объективная сторона преступления, степень индивидуализации потерпевшего, а также адресата, цель и мотивы, степень конкретизации информации (ст. 306 УК РФ), в объективной стороне – характер действий (форма представления высказываний), цель, круг потерпевших (ст. 5.61 КоАП РФ).

Список цитируемых источников

Абызов, Землюков, Рылова 2014 – *Абызов Р. М., Землюков С. В., Рылова Е. В.* К вопросу о толковании понятий «оскорбление» и «клевета» в вербальных преступлениях // Известия АлтГУ. 2014. № 2(82). С. 87–90.

Алинкина 2017 – *Алинкина А. В.* Проблемы уголовно-правовой охраны чести и достоинства судей Российской Федерации при оскорблении и клевете // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 1. С. 167–176.

Бельчиков, Горбаневский, Жарков 2010 – *Бельчиков Ю. А., Горбаневский М. В., Жарков И. В.* Методические рекомендации по вопросам лингвистической экспертизы спорных текстов СМИ. М. : Информкнига, 2010. 208 с.

Епихин 2012 – *Епихин А. Ю.* Судопроизводство по делам частного обвинения: последствия декриминализации клеветы и оскорбления // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 2. С. 179–182.

Козкина 2016 – *Козкина А.* 128.1. Почему статью о клевете исключили из УК, и как она вернулась обратно. URL: https://zona.media/article/2016/09/12/codex-128.1 (дата опубликования: 09.12.2016).

Корякин 2014 – *Корякин А. Л.* Проблемы судебного следствия по делам частного обвинения // Вестник ОмГУ. Серия «Право». 2014. № 3(40). С. 205–216.

Пелипенко 2012 – *Пелипенко Р. С.* О декриминализации клеветы и оскорбления // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2012. № 4. С. 163–171.

Чижевский 2011 – *Чижевский В. С.* Комментарий к Кодексу Российской Федерации об административных правонарушениях. М. : Книжный мир, 2011. 1056 с.

References

Abyzov, R. M., Zemlyukov, S. V. and Rylova, E. V. (2014), "To a question on interpretation of the terms "Insult" and "Slander" in verbal crimes", *Izvestiya AltGU*, no. 2(82), pp. 87–90.

Alinkina, A. V. (2017), "Problems of criminal law protection of honor and dignity of judges of the Russian Federation in case of insult and slander", *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik,* no. 1, pp. 167–176.

Bel 'chikov, Yu. A., Gorbanevsky, M. V. and Zharkov, I. V. (2010), *Metodicheskie rekomendatsii po voprosam lingvisticheskoi ekspertizy spornyh tekstov SMI* [Methodological recommendations for the linguistic examination of the disputed texts of the media], Informkniga, Moscow, Russia.

Chizhevsky, V. S. (2011), *Kommentarii k Kodeksu Rossiiskoi Federatsii ob administrativnyh pravonarusheniah* [Commentary to the Code of administrative offences of the Russian Federation], Knizhnyi mir, Moscow, Russia.

Epikhin, A. Yu. (2012), "Proceedings in cases of private prosecution: consequences of decriminalization of slander and insults", *Probely v rossiiskom zakonodatel 'stve,* no. 2, pp. 179–182.

Koryakin, A. L. (2014), "Problems of the judicial investigation in cases of private prosecution", *Vestnik OmGU, Seriya "Pravo",* no. 3(40), pp. 205–216.

Kozkina, A. (2016), "128.1. Why the article about libel was excluded from the criminal code, and how it came back", available at: https://zona.media/article/2016/09/12/codex-128.1 (Accessed 9 December 2016).

Pelipenko, R. S. (2012), "On decriminalization of slander and insults", *Trudy Instituta gosudarstva i prava Rossiiskoi akademii nauk,* no. 4, pp. 163–171.

Информация об авторе

Радченко Ксения Николаевна,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; kseniya.radchenko@inbox.ru

Information about the author

Radchenko Kseniya N.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; kseniya.radchenko@inbox.ru

Для цитирования

Радченко К. Н. Проблемы правоприменительной практики привлечения к уголовной ответственности за клевету // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 103–108.

For citation

Radchenko, K. N. (2020), "Problems of law enforcement practice of criminal liability for libel", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 103–108.

УДК 347.453

Л. В. Ращупкина[1]
Е. В. Шоргина[1]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

L. V. Rashchupkina[1]
E. V. Shorgina[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Договор аренды земельного участка для нужд уголовно-исполнительной системы: проблемы и перспективы развития

Lease contract of land property for the needs of the penal system: problems and prospects for development

Ключевые слова: земельный участок; аренда имущества; казенное учреждение; государственный контракт; торги; постоянное бессрочное пользование.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности нормативно-правового регулирования и порядка заключения договора аренды земельных участков для нужд казенных учреждений и предприятий Федеральной службы исполнения наказаний. Авторы отмечают, что, участвуя в арендных правоотношениях в качестве и арендодателя, и арендатора, предприятия и учреждения уголовно-исполнительной системы сталкиваются с определенными трудностями. По закону сдавать земельные участки, выделенные на праве постоянного (бессрочного) пользования и изъятые из оборота, учреждения уголовно-исполнительной системы не могут, а производство на указанных участках организовывать надо. Выступая же на стороне арендатора, учреждения сталкиваются со сложной процедурой закупок. По мнению авторов, проанализированные правоотношения требуют правового урегулирования вплоть до внесения изменений в федеральное законодательство.

Key words: land property; rental property; government agency; state contract; biddings; continuous unlimited use.

Abstract. The article discusses the features of legal regulation and the procedure for concluding a lease of land for the needs of public institutions and enterprises of the Federal Penitentiary Service. The authors note that, participating in the lease legal relationships both as a landlord and a lessee, enterprises and institutions of the penal system face certain difficulties. By virtue of the law, land plots allocated on the basis of the right of permanent (unlimited) use, and even institutions of the penal system withdrawn from circulation, cannot be transferred, and production at these sites must be organized. Standing on the side of the tenant, the institutions face with a complex procurement procedure. According to the authors, the analyzed legal relations require a legal settlement up to the introduction of amendments to the federal legislation.

Первоочередными задачами, возложенными на Федеральную службу исполнения наказаний (далее: ФСИН России) в 2020 г., являются повышение уровня эффективности управления уголовно-исполнительной системой (далее: УИС), ее устойчивое функционирование, в том числе посредством развития производственного сектора, и совершенствование внутрисистемного обеспечения деятельности учреждений и органов УИС[1].

Согласно федеральной целевой программе «Развитие уголовно-исполнительной системы (2018–2026 годы)», утвержденной постановлением Правительства Российской Федерации от 6 апреля 2018 г. № 420[2], одним из приоритетных направлений выступает развитие сельскохозяйственного производственного сектора, в том числе закупка сельскохозяйственной техники. Востребованность сельскохозяйственного направления подтверждается и информацией, размещенной в Единой информационной системе[3]. Федеральные государственные унитарные предприятия (далее: ФГУП) и исправительные учреждения ФСИН России достаточно часто являются заказчиками арендной закупки не только сельхозтехники, цехов, оборудования для переработки и хранения продукции, но и земельных участков.

[1] План работы коллегии Федеральной службы исполнения наказаний на 2020 год. URL: http://фсин.рф/structure/inspector/ОК/План%20работы%20коллегии_2020.pdf (дата обращения: 18.03.2020).

© Ращупкина Л. В., Шоргина Е. В., 2020

[2] Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 16, ч. II, ст. 2374.

[3] Единая информационная система в сфере закупок : [сайт]. URL: https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html (дата обращения: 30.01.2020).

По мнению С. Н. Лосевой и С. В. Гарник, в местах лишения свободы сосредоточены огромные человеческие ресурсы, трудовой потенциал, который может и должен быть применен с пользой как для человека, отбывающего наказание за совершенное преступление, так и для общества, которое ожидает от УИС эффективного решения возложенных на нее задач [Лосева, Гарник 2016, с. 16].

Полноценно реализовать производственные возможности, в том числе и сельскохозяйственное направление, в УИС возможно лишь посредством тесного контакта ФСИН России, органов государственной власти и бизнеса, а законодатель должен с правовых позиций обосновать указанное взаимодействие.

Сегодня механизм привлечения осужденных к труду не предусматривает прямого финансирования из федерального бюджета и требует полной самоокупаемости в производственной деятельности. Государственных, муниципальных или коммерческих заказов не достаточно, производственные мощности загружены только наполовину, в том числе «простаивают» земельные участки, находящиеся у учреждений УИС на праве постоянного (бессрочного) пользования. Именно поэтому указанное выше взаимодействие необходимо как для увеличения количества размещаемых заказов на производство продукции для нужд органов государственной власти, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований на производственных мощностях УИС, так и для привлечения предпринимателей к взаимному сотрудничеству. Вместе с тем существующие требования в этой области не позволяют учреждениям УИС полноценно распоряжаться предоставленным государственным имуществом и передавать его в пользование коммерческим организациям для совместного производства. Для решения данной проблемы необходимо проанализировать правовые нормы, регулирующие данные правоотношения с учетом их особенностей.

В целях развития сельскохозяйственного направления производственного сектора в УИС следует урегулировать вопрос, связанный с порядком предоставления земельных участков для нужд УИС, поскольку земельные участки могут находиться как в государственной, муниципальной, так и в частной собственности.

Земельные участки, вступая в гражданский оборот, имеют свою специфику, так как они предоставляются на праве постоянного (бессрочного) пользования, на праве безвозмездного пользования и на праве аренды учреждениям и органам УИС и регулируются нормами гражданского и земельного законодательства, где приоритетными нормами будут являться нормы Земельного кодекса Российской Федерации (далее: ЗК РФ), в частности, п. 3 ст. 3 ЗК РФ.

Какой порядок будет использован казенным учреждением ФСИН России, зависит от категории земельного участка и формы собственности на него. Здесь следует отметить, что выступать в роли арендодателя и сдавать государственные земельные участки в аренду казенные учреждения и предприятия ФСИН России не могут. Согласно ст. 269 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее: ГК РФ) лица, которым земельные участки предоставлены в постоянное (бессрочное) пользование, не вправе распоряжаться такими земельными участками. Кроме того, согласно ст. 27 ЗК РФ земельные участки, занятые объектами учреждений и органов ФСИН России, изъяты из оборота и не могут быть объектами гражданско-правовых сделок.

При организации совместного производства учреждения и предприятия УИС достаточно часто предлагают хозяйствующим субъектам свои земельные участки для обработки. Здесь возможны различные варианты возникновения договорных правоотношений с представителями бизнеса: это и договор поставки, и договор подряда, и договор оказания услуг, и даже договор о предоставлении рабочей силы из числа осужденных.

Конструкция и правовая регламентация последнего договора вызывает вопросы. Очевидно, что составляется он на стыке гражданско-правовых норм и норм трудового права и преследует благие цели. Согласно распоряжению ФСИН России от 31 октября 2009 г. № 313-р «О подготовке договоров об оказании услуг по предоставлению рабочей силы»[1] указанный договор – это договор возмездного оказания услуг. Сторонами такого договора будут исправительное учреждение (исполнитель) и сторонняя организация, скорее всего юридическое лицо или индивидуальный предприниматель (заказчик). Сами осужденные и их труд будут выступать, очевидно, предметом договора, что выглядит по меньшей мере странно, но даже это никак не закрепляет правовой статус земельного участка, на котором будет осуществляться производственная деятельность силами и трудом осужденных. Этот земельный участок остается за учреждением, так как он уже закреплен за ним на праве постоянного (бессрочного) пользования и согласно ст. 269 ГК РФ не может быть объектом распоряжения. Однако на каком же основании на нем будет вести деятельность другое юридическое лицо, если между сторонами заключен договор оказания услуг о передаче рабочей силы? Какая будет, например, ответственность за нецелевое использование данного земельного участка?

[1] Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2010. № 8.

Все указанные договора не раскрывают фактической сути правоотношений: если земельный участок предоставляется контрагенту для сельскохозяйственной обработки, то больше всего сюда подходит конструкция договора аренды. Между тем, как указывалось выше, данную правовую категорию учреждения и предприятия применить не могут в силу ограничений закона.

Таким образом, земельные участки, находящиеся в государственной собственности и предоставленные казенным учреждениям и предприятиям ФСИН России на праве постоянного (бессрочного) пользования, не могут передаваться таким бизнес-субъектам ни по договору аренды, так как они ограничены в обороте, ни в безвозмездное пользование, по-прежнему сохраняя статус закрепленных за конкретным учреждением. По сути, на них организовывается производство без передачи какого-либо права на данный земельный участок.

Наравне с нормами ГК РФ и ЗК РФ, регулирование земельных отношений осуществляется специальными федеральными законами. Аренда земельных участков регламентируется общими положениями об аренде с учетом содержащихся в них специальных правил об аренде недвижимости и специальными нормами земельного законодательства и иного законодательства, устанавливающего особые правила об отдельных видах земельных участков.

Итак, земельные участки, за исключением указанных в п. 4 ст. 27 ЗК РФ, могут быть предоставлены их собственниками в аренду в соответствии с нормами земельного и гражданского законодательства. Как было отмечено выше, учреждения УИС не могут выступать в качестве арендатора, если предметом договора является земельный участок. Следует отметить, что здания, строения, сооружения, находящиеся на земельных участках учреждений ФСИН России, не будут относиться к объектам, изъятым из оборота. Причем в п. 4 ст. 27 ЗК РФ норма сформулирована таким образом, что при буквальном ее толковании видно, что ограничены в обороте должны быть только те земельные участки, на которых расположены объекты учреждений и органов ФСИН России. Виды предприятий, учреждений и организаций, входящих в УИС, перечислены в постановлении Правительства Российской Федерации от 1 февраля 2000 г. № 89 «Об утверждении перечня видов предприятий, учреждений и организаций, входящих в уголовно-исполнительную систему»[1]. Все указанные предприятия, учреждения, организации УИС располагаются в зданиях, строениях, сооружениях, которые в свою очередь причисляются ГК РФ к объектам недвижимости. Заметим, что сами объекты недвижимости УИС или их часть не изымаются из оборота и могут сдаваться в аренду и передаваться в безвозмездное пользование, соблюдая определенную процедуру согласования таких договоров [Шоргина 2019, с. 180]. Однако на землях сельскохозяйственного назначения, закрепленных за учреждениями и органами ФСИН России, как правило, объектов, относящихся непосредственно к УИС, режимных, административных, ведомственных, нет. Согласно ст. 77 ЗК РФ земли сельскохозяйственного назначения могут быть заняты только зданиями, сооружениями, используемыми для производства, хранения и первичной переработки сельскохозяйственной продукции, которые являются неотъемлемой частью обработки данных площадей. «Свободные» земли сельскохозяйственного назначения, закрепленные за ФСИН России на праве постоянного (бессрочного) пользования, учреждения могли бы сдавать в аренду и извлекать из этого прибыль, получая доход в виде арендной платы, тем самым пополняя бюджет. Для реализации этого предложения целесообразно внести следующие изменения в ГК РФ и ЗК РФ:

– п. 3 ст. 269 ГК РФ изложить в следующей редакции: «3. Лица, которым земельные участки предоставлены в постоянное (бессрочное) пользование, не вправе распоряжаться такими земельными участками, за исключением случаев, установленных Земельным кодексом Российской Федерации»;

– ст. 39.9 ЗК РФ дополнить п. 5 следующего содержания: «5. Лица, за которыми земельный участок закреплен на праве постоянного (бессрочного) пользования, владеют, пользуются этим имуществом в пределах, установленных законом в соответствии с целевым назначением и разрешенным использованием, и распоряжаются этим имуществом с согласия собственника этого имущества»;

– подп. 8 п. 4 ст. 27 ЗК РФ изложить в следующей редакции: «8) объектами учреждений и органов Федеральной службы исполнения наказаний, кроме земельных участков, относящихся к землям сельхозназначения».

Кроме того, в целях развития производственного сектора, самообеспеченности продуктами питания и трудоустройства осужденных учреждения и предприятия УИС могут вступать в арендные правоотношения на стороне арендатора, являясь заказчиками аренды земельных участков. О наличии таких закупок свидетельствует Единая информационная система в сфере закупок[2]. Так как учреждения и предприятия УИС, заключая договор аренды для своих нужд, будут вносить арендную плату, яв-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 6, ст. 769.

[2] Единая информационная система в сфере закупок : [сайт]. URL: https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html (дата обращения: 30.01.2020).

ляющуюся ценой контракта, которая соответственно будет оплачиваться за счет средств федерального бюджета, доведенного в установленном порядке до государственного заказчика – учреждения и предприятия УИС. Закупка аренды будет производиться посредством проведения торгов. Возникает вопрос: каким способом будут проведены торги аренды земельного участка для государственных нужд УИС? Регулируются данные правоотношения нормами Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[1] (далее: Закон № 44-ФЗ), ЗК РФ и ГК РФ. В данном случае казенные учреждения УИС являются государственным заказчиком, действующим от имени Российской Федерации, уполномоченным принимать бюджетные обязательства и осуществляющим закупки. Если государственным заказчиком будет ФГУП, входящее в состав УИС, то закупка аренды будет проводиться по Федеральному закону от 18 июля 2011 г. № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»[2].

Объектом закупки чаще всего являются земельные участки сельскохозяйственного назначения, с разрешенным использованием (назначением) участка – под ведение сельскохозяйственного производства. Заключаются такие договора в целях исполнения государственных контрактов на поставку различной сельскохозяйственной продукции. Как правило, договора имеют сезонное значение и заключаются соответственно на срок от посевных работ до сборки урожая.

Указанные закупки аренды сельскохозяйственных земель проводятся конкурентными способами в форме аукциона или запроса предложений. В техническом задании закупочной документации, описывая объект закупки, предприятие или учреждение УИС нередко имеет в виду уже конкретный земельный участок, расположенный в конкретных границах. Кроме того, помимо целевой категории земель – земли сельскохозяйственного назначения и разрешенного использования, в закупочной документации предъявляются дополнительные требования к арендуемому земельному участку, вплоть до типа почвы, да еще и с необходимым количеством зданий, строений, расположенных на данном участке (как правило, это склад либо производственные цеха), указываются требования о наличии оросительной системы, весовой площадки и других объектов, необходимых для оптимального функционирования сельскохозяйственного производства. В техническом задании также указывается расстояние земельного участка от учреждения, как правило, оно составляет не более 50 км[3]. Проанализировав такие требования, можно сделать вывод, что под указанные характеристики в закупочной документации подойдет один конкретный участок, и скорее всего он и имеется в виду, но учреждение УИС вынуждено соблюсти предписанную законом конкурентную процедуру и выйти на аукцион, изначально зная, что заявится один участник, который единственный в этом районе подходит под указанные требования. Далее, в соответствии с Законом № 44-ФЗ аукцион будет признан не состоявшимся, и в случае признания поданной заявки соответствующей требованиям, такой контракт будет заключен с единственным поставщиком согласно ч. 1 ст. 71 Закона № 44-ФЗ. Конечно, это выход для учреждений-арендаторов: они соблюдают нормы закупочного законодательства, в частности Закона № 44-ФЗ, и реализуют производственные задачи, поставленные ФСИН России.

Очевидно, что закупка у единственного поставщика является своего рода льготой для участников закупки. Это неконкурентный способ определения поставщика (подрядчика, исполнителя), при котором контракт заключается без проведения формальной процедуры выбора поставщика. Он является популярным способом у заказчиков, работающих в рамках Закона № 44-ФЗ. Закупка у единственного поставщика аренды земельных участков предстает наиболее востребованным и удобным, в отличие от конкурентных процедур, способом, потому что часто нужен конкретный земельный участок, который будет использоваться для реализации целей деятельности учреждений и предприятий УИС. Существенным условием договора аренды является его предмет. В свою очередь предметом может быть только индивидуально определенная вещь. Целесообразнее уже на стадии разработки закупочной документации, проекта договора этот предмет описать, включая площадь, кадастровый номер и другие индивидуализирующие данный земельный участок сведения.

Заключение контракта с единственным поставщиком позволило бы сократить время, затрачиваемое на процедуру проведения торгов, и непосредственно приступить к работам на земле.

Таким образом, при осуществлении арендных правоотношений, объектом которых будет земельный участок, у учреждений УИС возникает ряд проблемных вопросов, которые сегодня требуют нормативного закрепления, что позволит данным субъектам быть полноправными участниками гражданского оборота и беспрепятственно осуществлять свою хозяйственную деятельность.

[1] Российская газета. 2013. 12 апр.

[2] Там же. 2011. 22 июля.

[3] Единая информационная система в сфере закупок : [сайт]. URL: https://zakupki.gov.ru/epz/main/public/home.html (дата обращения: 30.01.2020).

Список цитируемых источников

Лосева, Гарник 2016 – *Лосева С. Н., Гарник С. В.* Организация труда осужденных в условиях реформирования УИС // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2016. № 3. С. 16–19.

Шоргина 2019 – *Шоргина Е. В.* Порядок заключения договора аренды имущества для государственных нужд уголовно-исполнительной системы // Вестник Кузбасского института. 2019. № 1(38). С. 174–180.

References

Loseva, S. N. and Garnik, S. V. (2016), "The organization of labor of convicts in the context of reforming the penal system", *Ugolovno-ispolnitel 'naya sistema: parvo, ekonomika, upravlenie,* no. 3, pp. 16–19.

Shorgina, E. V. (2019), "The procedure for concluding a lease of property for state needs of the penal system", *Vestnik Kuzbasskogo instituta,* no. 1(38), pp. 174–180.

Информация об авторах

Ращупкина Людмила Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; rashhupkina73@mail.ru

Шоргина Елена Васильевна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; eshorgina@mail.ru

Information about the authors

Rashchupkina Lyudmila V.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; rashhupkina73@mail.ru

Shorgina Elena V.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; eshorgina@mail.ru

Для цитирования

Ращупкина Л. В., Шоргина Е. В. Договор аренды земельного участка для нужд уголовно-исполнительной системы: проблемы и перспективы развития // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 109–113.

For citation

Rashchupkina, L. V. and Shorgina, E. V. (2020), "Lease contract of land property for the needs of the penal system: problems and prospects for development", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 109–113.

УДК 341.231.14-055.2 / 341.16

К. В. Родионов[1]
С. Н. Ушаков[2]
[1] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация

K. V. Rodionov[1]
S. N. Ushakov[2]
[1] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation
[2] Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation

Международная защита женщин от насилия: проблема эффективности

International protection of women from violence: problem of effectiveness

Ключевые слова: насилие над женщинами; дискриминация; система защиты прав человека; домашнее насилие.

Аннотация. Авторы анализируют существующие универсальную и региональные международные системы защиты прав женщин от насилия и определяют с точки зрения защиты и восстановления нарушенных прав наиболее эффективную из них, а также причины существования проблемы в рамках мирового сообщества.

Key words: violence against women; discrimination; the human rights protection system; domestic violence.

Abstract. The authors examine the existing universal and regional international systems for protection of women's rights from violence and determine the most effective of them in terms of protection and restoration of violated rights, as well as the reasons for the existence of the problem within the world community.

Насилие в отношении женщин приводит к серьезному нарушению их здоровья и нередко становится причиной летального исхода. Кроме того, женщинам наносятся не только физические, но и психологические травмы.

За последние 25 лет насилие в отношении женщин стало признаваться нарушением прав человека и одной из форм дискриминации по признаку пола[1]. Борьба женского правозащитного движения за то, чтобы убедить международное сообщество рассматривать дискриминацию женщин и гендерное насилие в отношении женщин как нарушения прав человека, развивалась постепенно и подкреплялась эволюцией международно-правовой базы по правам женщин и насилию в отношении женщин, в том числе в связи с бытовым насилием, а также растущей ролью механизмов независимых экспертов, созданных для наблюдения за ее осуществлением, включая мандат Специального докладчика по вопросу о насилии в отношении женщин, а также других соответствующих механизмов Организации Объединенных Наций (далее: ООН) и региональных механизмов, способствующих таким изменениям. В настоящее время на международном нормативном уровне право женщин на свободу от насилия признано в качестве международного стандарта в области прав человека.

Международная система защиты прав женщин от насилия, как и других категорий граждан, состоит из нескольких элементов:

1) выработка концепции, которая впоследствии получает отражение в такой правовой форме международного сотрудничества государств, как декларации;

2) отражение концепции в международных договорах и принимаемых рекомендациях международных межправительственных организаций;

3) создание международных субъектов контроля за исполнением государствами принятых на себя международных обязательств;

4) по результатам мониторинга принятие рекомендаций по устранению выявленных нарушений прав женщин от насилия; вынесение судебных или других решений международного субъекта контроля;

5) мониторинг контрольных органов и должностных лиц исполнения государствами принятых в отношении них решений;

6) привлечение государства к международно-правовой ответственности в случае неисполнения принятых на себя международных обязательств [Семёнова 2017, с. 229–230].

[1] Preventing and combating domestic violence against women, 2016. URL: https://rm.coe.int/16806ee727 (дата обращения: 13.03.2020).

© Родионов К. В., Ушаков С. Н., 2020

Исходя из вышеизложенного, рассмотрим международную систему защиты прав лиц женского пола от насилия.

Существующая международно-правовая база универсальной международной межправительственной организации ООН в рассматриваемой сфере состоит из нескольких международных документов.

Хотя Декларация об искоренении насилия в отношении женщин, принятая резолюцией 48/104 Генеральной Ассамблеи ООН 20 декабря 1993 г.[1] (далее: Декларация), не имеет обязательной юридической силы, она стала первой глобальной рамочной основой для анализа, а также для практических шагов в борьбе с насилием в отношении женщин на национальном и международном уровнях. Значение этого документа состоит в следующем:

– во-первых, он признал, что насилие в отношении женщин выступает «проявлением исторически сложившегося неравного соотношения сил между мужчинами и женщинами»;

– во-вторых, на правовом уровне закрепил дефиницию исследуемого понятия: «любой акт насилия, совершенный на основании полового признака, который причиняет или может причинить физический, половой или психологический ущерб или страдания женщинам, а также угрозы совершения таких актов, принуждение или произвольное лишение свободы, будь то в общественной или личной жизни»;

– в-третьих, призвал государства – члены ООН отражать информацию о принимаемых мерах по предупреждению насилия над женщинами в стране при представлении очередных докладов, являющихся одним из способов международного контроля за исполнением государствами международных обязательств со стороны межгосударственных органов по защите прав и свобод человека по исполнению международных договоров [Семёнова, Ушаков 2018, с. 196], в частности, в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, заключенной 18 декабря 1979 г.[2] (далее: КоЛД), – первом документе ООН по правам человека, признающем права женщин в качестве прав человека.

Год спустя, в 1994 г., был учрежден мандат Специального докладчика Комиссии по правам человека по вопросу о насилии в отношении женщин (далее: Специальный докладчик).

В 1995 г. четвертая Всемирная конференция по положению женщин, проводимая в Пекине, определила искоренение насилия в отношении женщин в качестве одной из 12 приоритетных областей деятельности. В п. 124, подп. «r» и «s» Пекинской декларации государствам было настоятельно предложено сотрудничать со Специальным докладчиком Комиссии по правам человека по вопросу о насилии в отношении женщин и оказывать ей помощь в выполнении ее мандата и представлять всю запрашиваемую информацию, а также возобновить мандат Специального докладчика по вопросу о насилии в отношении женщин по истечении ее мандата в 1997 г. и, если это имеет под собой основания, обновить и укрепить его[3].

На момент проведения в 1995 г. конференции Комитет по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин (далее: Комитет) как международный субъект контроля за соблюдением государствами КоЛД уже принял свои общие рекомендации № 12 (1989 г.) и № 19 (1992 г.) о насилии в отношении женщин, в которых признал насилие в отношении женщин в качестве одной из форм дискриминации в соответствии со ст. 1 КоЛД [Давтян 2018, с. 52]. В то время работа Комитета не была столь заметной, как сегодня. Когда Комитет начинал свою работу в 1982 г. в Вене, он проводил только одну сессию в год. По мере увеличения числа государств – участников КоЛД, Комитет стал проводить по две сессии в год, а с 2007 г. – по три сессии в год.

Таким образом, Комитет становится все более эффективным и влиятельным механизмом мониторинга, обеспечивающим важную и широкую юрисдикцию и разрабатывающим общие рекомендации по борьбе с насилием в отношении женщин.

В ходе проведенных Комитетом расследований были рассмотрены вопросы насилия в отношении женщин и вынесены важные рекомендации, которые применимы не только к соответствующим государствам-участникам, но и ко всем случаям аналогичного характера и масштаба.

Мандат Специального докладчика позволил добиться значительного прогресса в нормотворческой работе по вопросу о насилии в отношении женщин, в том числе посредством представления тематических докладов и докладов о посещениях стран и толкования обязательств государств в рамках Всеобщей декларации прав человека 1948 г.[4] и всех других международных документов по правам человека, включая КоЛД и Декларацию, в которых действует этот мандат.

Вопросы защиты женщин от насилия также получили свое законодательное закрепление в доку-

[1] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Ведомости Верховного Совета СССР. 1982. № 25, ст. 464.

[3] Доклад четвертой Всемирной конференции по положению женщин (Пекин, 4–15 сентября 1995 года). Нью-Йорк : ООН, 1995. С. 55. URL: https://undocs.org/ru/A/CONF.177/20/Rev.1 (дата обращения: 13.01.2020).

[4] Российская газета. 1998. 10 дек.

ментах таких международных региональных межправительственных организаций, как Совет Европы, Организация американских государств (далее: ОАГ), Африканский союз.

Так, в 1994 г. ОАГ приняла Конвенцию о предупреждении и искоренении насилия в отношении женщин и наказании за него, подписанную в Белем-ду-Пара (Бразилия)[1]. Это был первый международный документ по вопросу о насилии в отношении женщин, и к 2019 г., когда отмечалась двадцать пятая годовщина международного договора, ее ратифицировали 32 государства. Был создан Комитет экспертов Механизма по наблюдению за осуществлением Конвенции, подписанной в Белем-ду-Пара.

Помимо того, в этом же году Межамериканская комиссия по правам человека – международный контрольный орган за исполнением Американской конвенции о правах человека (была принята в 1969 г. и вступила в силу в 1978 г.) – учредила должность Докладчика по правам женщин[2], перед которым первоначально была поставлена задача проанализировать, в какой степени законодательство и правоприменительная практика государств – членов региональной межправительственной организации, касающиеся прав женщин, соответствуют общим обязательствам, изложенным в международных региональных документах по правам человека и документах ООН.

В деятельности такой международной региональной организации, как Африканский союз основным документом в области прав человека является Африканская хартия о правах человека и народов (далее: Хартия), которая была принята 26 июня 1981 г. в Найроби (Кения) и вступила в силу в 1986 г.[3] Данный международный договор содержит широкий спектр как социально-экономических, так и гражданских прав, а также ряд обязанностей человека. Международным субъектом контроля за исполнением Хартии является Африканская комиссия по правам человека и народов.

Протокол к Хартии, регламентирующий правовое положение женщин в Африке, был принят 11 июля 2003 г. в Мапуту (Мозамбик) и вступил в силу в 2005 г. (далее: Мапутский протокол). По состоянию на 2019 г. его подписали 49 и ратифицировали 37 государств.

Помимо Африканской комиссии по правам человека и народов надзор за исполнением государствами – членами Африканского союза Мапутского протокола осуществляет Специальный докладчик по вопросу о правах женщин в Африке, мандат которого был учрежден в 1998 г. Он также играет ключевую роль в надзоре за его исполнением, в том числе путем подготовки докладов о положении в области прав женщин в Африке[4].

Насилие в отношении женщин, включая бытовое насилие во всех его формах, существует во всех государствах – членах Совета Европы и на всех уровнях общества. Опрос, проведенный в 2014 г. Агентством Европейского союза по основным правам[5], в рамках которого было опрошено более 40 тыс. женщин в 28 странах, выявил, что каждая третья женщина подвергалась той или иной форме физического и/или сексуального насилия с 15-летнего возраста. Двое из пяти испытали ту или иную форму психологического насилия; 75 % из них – работающие женщины, которые в той или иной форме сталкивались с притеснениями в своей жизни.

11 мая 2011 г. в Стамбуле (Турция) Советом Европы была принята Конвенция о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием[6] (далее: Стамбульская конвенция). Она вступила в силу в 2014 г. и была ратифицирована 34 государствами – членами европейской межправительственной организации. Российская Федерация не является участником этого международного договора.

Следует отметить, что дефиниция понятия насилия, закрепленная в Стамбульской конвенции, совпадает по своему содержанию с дефиницией, разработанной ООН и отраженной в Декларации. Преимуществом первой является то, что она приобрела обязательный, не допускающий искажений и других толкований смысл для всех членов – стран Совета Европы, которые подписали и ратифицировали Стамбульскую конвенцию. Контроль за исполнением этими государствами международных обязательств по международному договору осуществляют группы экспертов по борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье.

Обратим внимание, что основной международный договор Совета Европы – Конвенция о защите

---

[1] Inter-American Convention on the prevention, punishment and eradication of violence against women (Convention of Belem do Para). URL: https://www.oas.org/en/mesecvi/docs/BelemdoPara-ENGLISH.pdf (дата обращения: 12.03.2020).

[2] OAS : [сайт]. URL: www.oas.org/en/iachr/women/mandate/mandate.asp (дата обращения: 12.03.2020).

[3] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[4] Protocol to the African Charter on human and peoples ' rights on the rights of woman in Africa. URL: https://web.archive.org/web/20070606222417/http://www.africa-union.org/root/au/Documents/Triaties/Text/Protocol%20on%20the%20Rights%20Women.pdf (дата обращения: 12.03.2020).

[5] European Union Agency for Fundamental Rights (2014). Violence against Women – An EU wide survey. Results at a glance. Luxembourg: Publications Office of the European Union. URL: http://fra.europa.eu/sites/default/files/fra-2014-vaw-survey-main-results-apr14_en.pdf (дата обращения: 12.03.2020).

[6] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

прав человека и основных свобод 1950 г.[1] – содержит нормы, запрещающие нарушение принципа гендерного равенства, права на жизнь, уважения частной жизни, что означает, что жители стран-членов, которые подписали и ратифицировали этот документ, вправе направлять жалобы в Европейский суд по правам человека, если они стали жертвами насилия по гендерному признаку, а государство не приняло мер по их защите и восстановлению нарушенных прав.

Так, 9 июля 2019 г. европейский судебный орган вынес первое решение по жалобе гражданки из России. Суд пришел к выводу, что действия российских властей в отношении заявительницы «не были просто задержкой решения проблемы насилия против нее, а вытекали из нежелания государства признать серьезность и масштабы проблемы домашнего насилия и ее дискриминационное воздействие на женщин»[2]. В качестве компенсации морального вреда Европейский суд присудил заявительнице 20 тыс. евро.

В Азиатско-Тихоокеанском регионе система защиты прав человека не создана. Вместе с тем, по заключению В. В. Богатырёва и О. И. Асадуллаева, в настоящее время процесс формирования системы защиты прав человека в организационном плане идет: в Северной и Центральной Азии на базе Содружества Независимых Государств; на Ближнем Востоке на базе Организации Исламского сотрудничества; на Дальнем Востоке на базе Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (далее: АСЕАН) [Богатырёв, Асадуллаев 2019, с. 210].

В Азии не существует имеющей обязательной юридической силы конвенции о правах женщин и насилии в отношении них. В 2010 г. в рамках деятельности АСЕАН была учреждена Комиссия АСЕАН по поощрению и защите прав женщин и детей. Двумя наиболее важными документами АСЕАН по вопросу о насилии в отношении женщин являются Декларация об искоренении насилия в отношении женщин в регионе АСЕАН (2004 г.)[3] и Декларация об искоренении насилия в отношении женщин и детей в государствах – членах АСЕАН (2013 г.)[4]. В 2016 г. АСЕАН приняла региональный план действий по искоренению насилия в отношении женщин, в котором изложены обязательства государств – членов АСЕАН по достижению цели искоренения насилия в отношении женщин в регионе и содержатся практические рекомендации по осуществлению Декларации.

В деятельности иных стран Азии продолжает встречаться практики насилия над женщинами. Специалисты отмечают, что это может быть обусловлено религиозными нормами. Так, избиение жены в мусульманском мире базируется на исламских религиозных текстах – Коране и хадисах. Насилие в семье является инструментом поддержания контроля и господства над мусульманскими женщинами и сохранения патриархального общества, в котором мужчины управляют женщинами, а женщины должны быть покорными [Шадинова 2016, с. 12]. В Афганистане, как отметил в одном из решений Европейский суд по правам человека, шиитский закон о личном статусе (апрель 2009 г.) обязал женщин подчиняться сексуальным требованиям мужа и не покидать дома без разрешения. Согласно докладам, около 80 % женщин, проживающих в этой стране, становятся жертвами насилия в семье. При этом государство считает такое обращение приемлемым. Одинокие женщины или женщины без мужского «покровителя» сталкиваются с постоянными серьезными ограничениями как в личной, так и в профессиональной жизни и обречены на социальную изоляцию[5].

Помимо этого, по данным исследования ЮНОДК (2018 г.), посвященного проблеме гендерно мотивированных убийств женщин и девочек, представительницы женского пола составляют подавляющее большинство жертв, убитых интимным партнером. Так, из 87 тыс. женщин, убитых в 2017 г., 50 тыс. (58 %) были убиты их интимными партнерами или членами семей[6]. Согласно сведениям структуры «ООН – женщины», одна из трех женщин и девочек испытывает физическое или сексуальное насилие хотя бы раз в жизни. Лишь 52 % женщин, состоящих в браке или внебрачном союзе, сами принимают решения относительно вступления в сексуальные отношения по обоюдному согласию, использования контрацептивов и получения медицинских услуг. Около 200 млн женщин и девочек подверглись калечащим операциям на женских половых органах. При этом наиболее уязвимыми являются следующие категории представительниц женского пола: девушки и по-

[1] Бюллетень международных договоров. 2001. № 3.

[2] ЕСПЧ впервые присудил россиянке компенсацию за домашнее насилие. URL: https://www.bbc.com/russian/news-48921885 (дата обращения: 13.03.2020).

[3] Association of Southeast Asian Nations : [сайт]. URL: http://asean.org/communities/asean-political-security-community/item/declaration-on-the-elimination-of-violence-against-women-in-the-asean-region-2 (дата обращения: 12.03.2020).

[4] Association of Southeast Asian Nations : [сайт]. URL: http://asean.org/asean-political-security-community/ (дата обращения: 12.03.2020).

[5] Постановление Европейского суда по правам человека от 20 июля 2010 г. Дело «N. против Швеции» (жалоба № 23505/09) // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2011. № 2.

[6] Global study on homicide. Gender-related killing of women and girls. Vienna : UNODC, 2018. P. 10. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/GSH2018/GSH18_Gender-related_killing_of_women_and_girls.pdf (дата обращения: 08.03.2020).

жилые женщины, лесбиянки, бисексуалы, транссексуалы или интерсекс-люди, мигранты и беженцы, женщины, представляющие коренные народы и этнические меньшинства, женщины и девочки, живущие с ВИЧ-инфекцией или инвалидностью, а также лица в условиях гуманитарных кризисов[1].

Таким образом, несмотря на создание универсального и региональных международных механизмов защиты представительниц женского пола от насилия, на практике гендерное насилие в отношении женщин и девочек остается либо терпимым явлением, либо нормой во многих обществах.

На наш взгляд, одна из причин такого положения заключается в том, что сложившийся подход к решению проблемы насилия в отношении женщин является фрагментарным, поскольку различные учреждения порой работают изолированно и сотрудничают со структурами ООН в ограниченных масштабах. Существуют также пробелы и дублирование в стратегиях и программах многих учреждений. Иными словами, в настоящее время не существует общесистемного подхода к обеспечению, во-первых, максимально рационального и эффективного использования существующих структур, во-вторых, слаженности и координации их усилий.

Следует отметить, что ООН признает существование этой проблемы[2]. В связи с этим Специальный докладчик ООН в настоящее время возглавляет инициативу, направленную на развитие институциональных связей и тематического сотрудничества глобальных и региональных независимых механизмов мониторинга, занимающихся вопросами насилия в отношении женщин, в целях создания институциональных возможностей и площадок для диалога в интересах ускорения осуществления действующих международных и региональных норм и стандартов на глобальном, региональном и национальном уровнях. Результатом такого сотрудничества стала бы разработка всеобъемлющих, общесистемных мер по борьбе с насилием в отношении женщин, которые в конечном итоге привели бы к более эффективным, заслуживающим доверия и скоординированным усилиям по его искоренению.

Несмотря на имеющиеся проблемы, все же не нужно недооценивать значение международных субъектов контроля, поскольку они играют жизненно важную роль в мониторинге и являются неотъемлемой составной частью всей международной системы защиты прав женщин и борьбы с насилием в отношении женщин. Общие рекомендации Комитета ООН относят к мягкому праву, их исполнение является настолько же обязательным, насколько обязательно исполнение норм международного договора [Давтян 2018, с. 64]. На наш взгляд, наиболее эффективно действующим с точки зрения защиты и восстановления прав женщин от насилия является Европейский суд по правам человека, поскольку, помимо политической ответственности, государство-нарушитель несет еще материальную ответственность. В связи с этим европейский подход к обеспечению прав женщин быть свободными от насилия нужно заимствовать и другим региональным международным межправительственным организациям.

Список цитируемых источников

Богатырёв, Асадуллаев 2019 – *Богатырёв В. В., Асадуллаев О. И.* Азиатский механизм защиты прав человека // Вестник Владимирского юридического института. 2019. № 1(50). С. 209–215.

Давтян 2018 – *Давтян М. Д.* Борьба с домашним насилием: развитие содержания обязательств государства в рекомендациях Комитета по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин // Право и современные государства. 2018. № 4. С. 43–66.

Семёнова 2017 – *Семёнова О. Н.* Международный механизм защиты от пыток и другого жестокого обращения в местах принудительного содержания уголовно-исполнительной системы // III Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление». В 8 т. Т. 2. Рязань : Акад. ФСИН России, 2017. С. 229–234.

Семёнова, Ушаков 2018 – *Семёнова О. Н., Ушаков С. Н.* Условия реализации конституционного права каждого обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 1(46). С. 195–200.

Шадинова 2016 – *Шадинова Г. А.* Ислам и проблемы насилия в семье // Вестник гуманитарного научного образования. 2016. № 1(52). С. 11–14.

[1] Международный день борьбы за ликвидацию насилия в отношении женщин, 25 ноября. URL: https://www.un.org/ru/events/endviolenceday/ (дата обращения: 10.03.2020).

[2] Violence against women, its causes and consequences : report of the Special rapporteur on violence against women, its causes and consequences, 20.06.2019 – https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G19/178/33/pdf/G1917833.pdf?OpenElement (дата обращения: 08.03.2020).

References

Bogatyrev, V. V. and Asadullaev, O. I. (2019), "Asian Human Rights Mechanism", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(50), pp. 209–215.

Davtyan, M. D. (2018), "Fighting domestic violence: development of the content of state obligations in the recommendations of the Committee on elimination of all forms of discrimination against women", *Pravo i sovremennye gosudarstva,* no. 4, pp. 43–66.

Semenova, O. N. (2017), "International mechanism for protection against torture and other ill-treatment in places of forced detention of the penal system", *III Mezhdunarodnyi penitentsiarnyi forum "Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie"*, v 8 t., t. 2 [III International Penitentiary Forum "Crime, Punishment, Correction", in 8 vol., vol. 2], Akademiya FSIN Rossii, Ryazan, Russia, pp. 229–234.

Semenova, O. N. and Ushakov, S. N. (2018), "Conditions for implementation of the constitutional right of everyone to apply to interstate bodies for protection of human rights and freedoms", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 1(46), pp. 195–200.

Shadinova, G. A. (2016), "Islam and problems of domestic violence", *Vestnik gumanitarnogo nauchnogo obrazovaniya,* no. 1(52), pp. 11–14.

Информация об авторах

Родионов Константин Владимирович,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; Rodionov-konstantinv@yandex.ru

Ушаков Сергей Николаевич,
кандидат юридических наук, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; ushakov13.03.2011@mail.ru

Information about the authors

Rodionov Konstantin V.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; Rodionov-konstantinv@yandex.ru

Ushakov Sergei N.,
PhD (law), Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; ushakov13.03.2011@mail.ru

Для цитирования

Родионов К. В., Ушаков С. Н. Международная защита женщин от насилия: проблема эффективности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 114–119.

For citation

Rodionov, K. V. and Ushakov, S. N. (2020), "International protection of women from violence: problem of effectiveness", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 114–119.

УДК 343.268

А. А. Савин[1, 2]
[1] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация

A. A. Savin[1, 2]
[1] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation
[2] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

Применение принудительных мер медицинского характера к невменяемым лицам вследствие освобождения их от уголовной ответственности

The use of compulsory medical measures to insane persons as a result of their release from criminal liability

Ключевые слова: уголовно-правовая мера; принудительная мера медицинского характера; преступление; правовое регулирование; исполнение; освобождение от наказания.

Аннотация. Автором актуализируется вопрос наличия законодательного противоречия между нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства в части освобождения от уголовной ответственности и наказания невменяемого лица, совершившего противоправное деяние. Оценивается необходимость проведения всего спектра следственных мероприятий, фактического установления причастности невменяемого к совершенному деянию, наличия общественной опасности с последующим освобождением от наказания. Одновременно рассматривается спорный в научных кругах вопрос об отнесении законодателем принудительных медицинских мер к иным мерам уголовно-правового характера, в рамках которых присутствует ответственность за совершенное противоправное деяние. Рассматриваются критерии исполнения принудительных мер медицинского характера в зависимости от наличия или отсутствия опасности со стороны невменяемого, а также тяжести совершенного им противоправного деяния.

Key words: criminal-legal measure; compulsory medical measure; crime; legal regulation; execution; release from punishment.

Abstract. The author actualizes the question of availability of a legal contradiction between the norms of criminal and criminal procedure legislation in terms of release from criminal liability and punishment of an insane person who committed an illegal act. The necessity of conducting the entire range of investigative measures, actually establishing the involvement of the insane person in the committed act, the presence of public danger and subsequent release from punishment is assessed. At the same time, the issue of attributing compulsory medical measures by the legislator to other measures of a criminal legal nature is considered controversial in scientific circles, within the framework of which there is responsibility for the committed illegal act. The criteria for the execution of compulsory medical measures are considered, depending on the presence or absence of danger from the insane person, as well as the severity of the illegal act committed by him.

Преступление, или, как его еще принято называть, общественно опасное деяние, совершенное лицом в состоянии заболевания психики, характеризуется отсутствием вины, что буквально закреплено в положении ч. 1 ст. 21 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее: УК РФ). Невменяемое лицо, совершившее преступление, не может являться субъектом уголовной ответственности и поэтому не может нести наказание за содеянное, что следует из смысла ст. 19 УК РФ. Как правило, в случае совершения психически больным общественно опасного деяния, он все еще является опасным для себя или окружающих, и к нему применяются принудительные медицинские меры, которые регулируются ст. 99 УК РФ.

В свою очередь Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее: УПК РФ) предписывает освободить от уголовной ответственности лицо, совершившее общественно опасное деяние в психически болезненном состоянии с применением к нему принудительных мер медицинского характера (ч. 1 ст. 443 УПК РФ). Однако вызывает сомнение соответствие указанной нормы УПК РФ общим требованиям уголовно-процессуального законодательства, и в связи с этим ее применение, по нашему мнению, в данном ключе неприменимо.

© Савин А. А., 2020

Порядок и основания освобождения виновного от уголовной ответственности и наказания полностью находятся в ведении уголовного законодательства, поэтому все остальные законы, затрагивающие данную сферу, в частности уголовно-процессуальное законодательство, должны быть приведены в соответствие с нормами УК РФ. К тому же ч. 1 ст. 5 УК РФ обязывает освобождать от уголовной ответственности не иначе, как при установлении непосредственной причастности и «условной» виновности в совершении конкретного уголовно наказуемого деяния. Ведь очевидно, что освобождено от ответственности за противоправное деяние может быть только лицо, которое признано виновным в его совершении, а в нашем случае, если лицо невменяемое, необходимо установить его причастность к произошедшим противозаконным событиям, т. е. установить «условную» виновность, содержащую фактически все признаки состава преступления, что закреплено ст. 8 УК РФ. В ином случае не может возникнуть и основание освобождения от уголовной ответственности [Филимонов, Филимонов 2007]. Учитывая, что лицо, совершившее преступление в состоянии, когда не могло отдавать отчет своим действиям, уже изначально не является субъектом преступления, т. е. не подлежит уголовной ответственности, то и проведение в отношении него следственных мероприятий по установлению виновности не может быть законным. В вышеуказанных нормах УК РФ (ст. 5, 8, 19 и 21) отсутствуют основания привлечения к ответственности лиц с нарушениями психики, как и не указаны основания освобождения таких лиц от уголовной ответственности.

Верховный Суд Российской Федерации также указывает на возможность освобождения от ответственности именно субъектов преступлений. Так, «освобождение от уголовной ответственности является отказом государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (в частности, от осуждения и наказания такого лица)»[1]. Указанные законодательные противоречия норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства создают общую правовую неопределенность и не дают возможности сформировать единообразие применения норм права при вырабатывании судебной практики. А. Н. Батанов, с которым наши точки зрения по спорному вопросу частично расходятся, предлагает освобождать лиц с заболеваниями психики, влекущими невменяемость, не от уголовной ответственности, а от уголовного наказания [Батанов 2004]. Полагаем, что данный порядок правоприменения в рассматриваемом вопросе лишь породит еще большую юридическую несогласованность уголовного и уголовно-процессуального законодательства в части обязательного требования ч. 1 ст. 43 УК РФ, закрепляющего невозможность признания невменяемых лиц виновными в совершении преступления и назначение им уголовного наказания для последующего освобождения от него.

Практическое применение законодательства в рассматриваемой области идет по пути освобождения невменяемых лиц от уголовной ответственности со ссылкой на ч. 1 ст. 443 УПК РФ, что, на наш взгляд, не может быть абсолютно верным по причине имеющего меньшую силу перед УК РФ. Конституционным Судом Российской Федерации уже давалось разъяснение о приоритете норм уголовного законодательства при рассмотрении вопроса применения принудительных мер медицинского характера к лицам, совершившим преступления в состоянии невменяемости[2]. Вывод о большей юридической значимости норм уголовного права перед уголовно-процессуальным законом исходит из ч. 1 ст. 3 УК РФ: «…преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законодательством». Соответственно только УК РФ может регулироваться вопрос неприменения негативных последствий к лицу, совершившему общественно опасное деяние в виде освобождения его от уголовной ответственности при условии наличия у него заболевания психики. В данном вопросе уголовно-процессуальные нормы не могут противоречить основным принципам уголовного права и вводить иные материальные институты, противоречащие уголовному законодательству, равно недопустимо применять и закон по аналогии в силу прямого запрета на это (ч. 2 ст. 3 УК РФ).

Выявленное противоречие, по нашему мнению, должно быть разрешено исключительно в пользу УК РФ, единственного закона федерального уровня, как определяющего порядок установления ответственности за совершение уголовного преступления, так и освобождающего от нее. Полагаем, законодателю необходимо рассмотреть вопрос приведения в соответствие действующего законодательства путем исключения из ч. 1 ст.

[1] О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности : постановление Пленума Верхов. Суда Рос. Федерации от 27 июня 2013 г. № 19 // Российская газета. 2013. 5 июля.

[2] По делу о проверке конституционности частей второй и четвертой статьи 443 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С. А. Первова и запросом мирового судьи судебного участка № 43 города Кургана : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации от 21 мая 2013 г. № 10-П // Российская газета. 2013. 29 мая.

443 УПК РФ возможности освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступное деяние в психически болезненном состоянии (невменяемости), и применять правовую норму, предусмотренную п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ, при условии совершения преступного деяния невменяемым лицом по основаниям отсутствия в деянии у совершившего лица состава преступления, что не будет противоречить ч. 1 ст. 5, ст. 8 и ч. 1 ст. 21 УК РФ.

В соответствии с ч. 2 ст. 2 УК РФ за совершение преступлений могут применяться иные меры уголовно-правового характера, к которым относятся и принудительные меры медицинского характера. Однако принудительные медицинские меры не должны рассматриваться как «иные меры уголовно-правового характера, устанавливаемые за совершение преступлений», по причине несоответствия фундаментальным основам уголовного права, а именно ст. 5 и ч. 1 ст. 14 УК РФ в их взаимосвязи со ст. 21, 24–26 УК РФ. Подобной точки зрения придерживаются ряд ученых, ссылаясь на то, что общественно опасное деяние, совершенное психически больным лицом, не содержит все необходимые признаки состава преступления. Кроме того, например, А. И. Бойко, Ю. В. Голик, С. А. Елисеев отмечают, что «психически больной человек не может быть признан преступником и отвечать за свои действия. Принудительные меры медицинского характера по неразумности законодателя признаны иными мерами уголовно-правового характера, которые могут назначаться только за совершение преступления» [Бойко, Голик, Елисеев 2010]. Одновременно указанные авторы рассматривают возможность применения к невменяемым лицам принудительных медицинских мер не только за совершение преступлений, но и за общественно опасный деликт, не являющийся преступлением, учитывая, что совершил его психически нездоровый человек. Данная возможность мотивируется ими тем, что необходимость применения к невменяемым лицам принудительных мер медицинского характера происходит из самого факта совершения ими опасного деяния по причине того, что они не субъекты преступления и не подлежат уголовной ответственности за содеянное.

Исследующая данную проблему Н. Ю. Скрипченко разделяет взгляды вышеуказанных ученых и делает вывод о наличии законодательного противоречия, рассматривая принудительные меры медицинского характера частью иных мер уголовно-правового характера, предлагая для его устранения перефразировать ч. 2 ст. 2 УК РФ следующим образом: «…иные меры уголовно-правового характера за совершение преступлений и общественно опасных деяний в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом» [Скрипченко 2013].

Каждая из рассмотренных в настоящей статье точек зрения, безусловно, имеет право на существование и заслуживает внимания, однако удачность предложенных учеными изменений в законодательство с целью устранения коллизии остается спорной, поскольку это не только не решит проблему практического применения принудительных медицинских мер к невменяемым лицам, совершившим преступления или иные общественно опасные деяния, но и может негативно повлиять на фундаментальные основы начала теории уголовного права. Ведь принудительные меры медицинского характера не могут исходить из самого факта совершения больным лицом преступления или общественно опасного деяния, а в основу применения указанных мер возможно положить исключительно установление опасности для себя и (или) окружающих с его стороны в силу психического состояния. При отсутствии же опасности со стороны психически больного лица применение принудительных медицинских мер к нему бессмысленно, так как показаний к его лечению попросту не будет.

Таким образом, деяние, совершенное лицом в состоянии невменяемости и имеющее все признаки состава преступления, хоть и называется «общественно опасным деянием» в соответствии с ч. 1 ст. 21 УК РФ, но должно рассматриваться в более узком смысле, т. е. в качестве объективной стороны состава преступления, поскольку в силу отсутствия осознанности и желания наступления опасных последствий как обязательного признака состава преступления, в действиях невменяемого не присутствует. Деяние, совершенное невменяемым лицом, может рассматриваться противозаконным только объективно, в связи с чем не имеет под собой уголовно-правового характера и значения.

На основании вышеизложенного полагаем, что мнение В. А. Уткина совершенно справедливо в сложившемся противоречии норм права: принудительные меры медицинского характера по своей правовой природе относятся не к «иным мерам медицинского характера», а к «иным мерам, предусмотренным уголовным законом» [Уткин 2013]. Считаем необходимым исключить принудительные меры медицинского характера по отношению к невменяемым лицам из числа иных мер уголовно-правового характера, что, несомненно, приведет к устранению юридической коллизии в уголовном законодательстве в отношении рассматриваемого вопроса.

Список цитируемых источников

Батанов 2004 – *Батанов А. Н.* Принудительные меры медицинского характера (история, теория, законодательное регулирование и практика применения) : дис. … канд. юрид. наук. Ульяновск, 2004. 179 с.

Бойко, Голик, Елисеев 2010 – *Бойко А. И., Голик Ю. В., Елисеев С. А.* Ошибки в Уголовном кодексе // Российская газета. 2010. 10 июня.

Скрипченко 2013 – *Скрипченко Н. Ю.* Теория и практика применения иных мер уголовно-правового характера к несовершеннолетним : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2013. 46 с.

Уткин 2013 – *Уткин В. А.* Проблемы Концепции развития уголовно-исполнительной системы в контексте уголовной политики // Уголовно-исполнительная система в условиях модернизации: современное состояние и перспективы развития : в 4 т. Рязань : Акад. ФСИН России, 2013. Т. 1. С. 8–13.

Филимонов, Филимонов 2007 – *Филимонов В. Д., Филимонов О. В.* Правоотношения. Уголовные правоотношения. Уголовно-исполнительные правоотношения. М. : ЮрИнфоР-Пресс, 2007. 335 с.

References

Batanov, A. N. (2004), Compulsory medical measures (history, theory, legislative regulation and practice of application), Ph. D. Thesis, criminal law, criminology, penal law, Ul ’yanovsk State University, Ul ’yanovsk, Russia.

Boiko, A. I., Golik, Yu. V. and Eliseev, S. A. (2010), “Errors in the Criminal code”, *Rossiiskaya gazeta,* June 10.

Filimonov, V. D. and Filimonov, O. V. (2007), *Pravootnosheniya. Ugolovnye pravootnosheniya. Ugolovno-ispolnitel ’nye pravootnosheniya* [Legal relations. Criminal legal relations. Penal legal relations], YurInfoR-Press, Moscow, Russia.

Skripchenko, N. Yu. (2013), Theory and practice of applying other measures of a criminal-legal nature to minors, Abstract of Ph. D. dissertation, criminal law, criminology, penal law, Kutafin Moscow State University, Moscow, Russia.

Utkin, V. A. (2013), “Problems of the concept of development of the penal system in the context of criminal policy”, *Ugolovno-ispolnitel ’naya sistema v usloviyakh modernizatsii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya, v 4 t., t. 1* [The penal system in the conditions of modernization: current state and prospects of development, in 4 vol., vol. 1], Akademiya FSIN Rossii, Ryazan, Russia, pp. 8–13.

Информация об авторе

Савин Андрей Александрович,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; Aasavin33@mail.ru

Information about the author

Savin Andrei A.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; Aasavin33@mail.ru

Для цитирования

Савин А. А. Применение принудительных мер медицинского характера к невменяемым лицам вследствие освобождения их от уголовной ответственности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 120–123.

For citation

Savin, A. A. (2020), “The use of compulsory medical measures to insane persons as a result of their release from criminal liability”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 120–123.

УДК 340.5

А. С. Сизова[1]
Н. С. Кучин[1]
[1] *Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация*

A. S. Sizova[1]
N. S. Kuchin[1]
[1] *Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation*

Участие населения в осуществлении местного самоуправления в России и КНР как эффективная реализация демократических принципов осуществления власти

The participation of population in local self-government in Russia and China, as an effective implementation of democratic principles of government

Ключевые слова: население; местное самоуправление; демократическая природа власти; сравнительно-правовой анализ; феномен «самоустранения»; властные полномочия; механизм государственного принуждения.

Аннотация. Статья посвящена проблеме участия населения России и КНР в осуществлении своих властных полномочий в сфере местного самоуправления. Для раскрытия данной проблематики авторами был использован метод сравнительно-правового анализа. Объектами сравнения выступают страны, чьи экономические, политические отношения, а также отношения в сфере организации государственного управления в настоящее время только укрепляются. Опыт России и КНР в данной сфере позволяет сформировать интегративное ее понимание, выявить и устранить правовые казусы в осуществлении участия населения в решении задач местного самоуправления, а также эффективно бороться с феноменом «самоустранения» граждан от реализации своих властных полномочий.

Key words: population; local government; democratic nature of power; comparative legal analysis; self-removal phenomenon; powers of authority; the mechanism of public enforcement.

Abstract. The article considers the problem of participation of the population of Russia and China in the exercise of their powers of authority in the field of local self-government. To disclose this issue, the authors used the method of comparative legal analysis. The objects of comparison are the countries whose economic, political relations, as well as relations in the field of public administration are currently only strengthening. The experience of Russia and China in this area allows us to form its integrative understanding, identify and eliminate legal incidents in participation of the population in solving the problems of local self-government, and also effectively deal with the phenomenon of "self-removal" of citizens from the exercise of their powers of authority.

Местное самоуправление – это одна из форм реализации населением муниципального образования своей власти. В Российской Федерации данный институт работает следующим образом: согласно Конституции Российской Федерации народ, являясь единственным источником власти, может принимать участие в решении вопросов местного значения либо непосредственно, либо путем делегирования своих полномочий выборным органам и должностным лицам, доверяя им часть своих властных полномочий.

Конституция Российской Федерации в п. 2 ст. 3 закрепляет положение, согласно которому население осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления[1]. Анализируя данную правовую норму, мы делаем вывод, что народ, являясь единственным источником власти, какую-то часть полномочий доверяет выборным им же органам, профессионалам в сфере управления, но при этом все данные полномочия у народа остаются неотъемлемыми.

Должности органов государственной власти и местного самоуправления являются назначаемыми. Выбранные граждане на эти должности обязаны добросовестно, опираясь на закон, исполнять свои должностные обязанности для сохранения в государстве тенденции к повышению уровня жизни и благосостояния как отдельного гражданина, так и всей страны в целом.

Делегирование полномочий народом происходит с той целью, чтобы каждый гражданин мог реализовывать свой творческий и интеллектуальный потенциал, зная, что власть находится в руках выбранных им профессионалов, а он в свою очередь может проверить профессионализм людей, избранных им в качестве управленцев, путем изучения отчетов данных органов о своей работе. В то же время народ не должен отделять себя от исполнения своих обязанностей, в частности, осуществления своих властных полномочий. Мы счи-

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 130, ст. 4398.

© Сизова А. С., Кучин Н. С., 2020

таем, что это не просто право, а обязанность, так как если мы не принимаем решения и не понимаем той общей направленности государственной политики на государственном и местном уровнях, не вносим свои критические предложения по ее улучшению, то тем самым самоустраняемся от реализации власти, которая по своей природе является демократической. Феномен «самоустранения» заключается в низком уровне правосознания и отсутствии у населения качеств, направленных на повышение правовой культуры.

В настоящей статье мы предпримем попытку сравнить формы непосредственного осуществления населением власти на местном уровне в России и Китайской Народной Республике (далее: КНР), стране, как схожей по своему государственному устройству с Российской Федерацией, так и имеющей немало отличий. Данный выбор обусловлен прежде всего тем, что судьбы российской и китайской цивилизаций стали все больше совпадать после начавшегося возврата к приоритетам национальных интересов в политике Российской Федерации и КНР.

Полагаем, что сравнительно-правовой анализ выбранных стран нужно начинать с рассмотрения форм осуществления населением муниципальных образований своей власти, так как это является базовым отправным пунктом анализа для выявления отличительных и объединяющих признаков.

Первой основной формой непосредственного осуществления народом своих властных полномочий на местном уровне являются муниципальные выборы. Все население активно участвует в выборах органов местного самоуправления, избирая депутатов муниципальных образований, которым делегирует часть своих полномочий, предоставляя возможность от имени граждан решать вопросы местного значения. В Российской Федерации, как и в КНР, муниципальные выборы проводятся открыто, гласно, путем тайного голосования. В результате население дарует некий вотум доверия людям, которым делегирует властные полномочия. Одним из основных прав каждого гражданина Российской Федерации есть право быть избранным (пассивное избирательное право) и право проголосовать (активное избирательное право).

Анализируя российское законодательство, мы можем выделить пять базовых форм организации управления в муниципалитетах. В частности, в каждом муниципальном образовании формируется собственная, специфическая система муниципальных органов, состоящая из контрольных, исполнительных органов, главы муниципального образования, а также иных органов, наличие или отсутствие которых зависит от специфики устава конкретного муниципалитета. При этом не надо забывать, что ядром института местного самоуправления является демократическая природа управления, выражающаяся в непосредственном осуществлении народом своей власти путем закрепления таких форм народовластия, как: муниципальные выборы, местный референдум, сходки и сборы граждан по различным вопросам, касающимся жизни муниципального образования, собрания, конференции, а также публичные слушания. К обсуждаемым вопросам могут, например, относиться: изменение или трансформация границ муниципального образования, выборы главы муниципального образования, сотрудничество с другими муниципалитетами по различным вопросам экономики, политики, культуры.

Муниципальные образования, находясь в социальной системе и правовой материи, не могут быть автономны, напротив, достаточно четко прослеживается их взаимосвязь как с другими муниципалитетами, так и с федеральными органами государственной власти. Примеры данного взаимодействия вытекают из положений Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее: ФЗ № 131)[1], где законодателем определена степень вмешательства государства в управленческие и иные процессы, происходящие внутри муниципального образования. Анализируя ФЗ № 131, можно выделить, например, полномочия государства по созданию временной финансовой администрации внутри муниципалитета, необходимость существования которой следует из нецелевого расходования федеральных и региональных бюджетных средств местными властями. При определенных обстоятельствах государственные органы вправе принять меры по изменению или трансформации границ муниципалитета в целях сохранения или улучшения экономического баланса, преобразования муниципалитета. Организация социальной системы, частью которой является право как регулятор общественных отношений, постоянно претерпевает различные трансформации, естественно, что они затрагивают и муниципалитеты. В частности, шесть лет назад произошли наиболее радикальные из них: территориальным единицам России было предоставлено право перераспределения полномочий между ними и органами местного самоуправления, а также право непосредственно принимать участие в процессе назначения главы поселения и главы администрации в муниципалитетах[2].

---

[1] Российская газета. 2003. 8 окт.

[2] О внесении изменений в статью 26.3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» : федер. закон от 27 мая 2014 г. № 136-ФЗ // Российская газета. 2014. 30 мая.

Обобщая вышесказанное, мы приходим к выводу, что на территории нашей страны нормативные правовые акты, касающееся организации власти в муниципальных образованиях, достаточно детализированы и охватывают основные направления: избирательный процесс, осуществление и функционирование власти на местном уровне, ее иерархическое построение, решение населением и выборными органами вопросов местного значения, при этом сохраняя баланс – децентрализированную модель отношений центра и муниципальных образований. В России органам местного самоуправления законодательно представлена автономия от государственной власти, но на практике государство имеет множество точек входа в данную сферу. В частности, если происходит банкротство муниципалитета, государством создается временная финансово-муниципальная администрация, также если выявляется факт нецелевого расходования федеральных бюджетных средств, органы государственной власти могут инициировать изменение границ и определенные преобразования муниципалитетов.

В КНР методы организации управления в муниципалитетах остаются неизменными с момента образования республики, а именно с 1949 г. Данный консервативный, на наш взгляд, подход говорит прежде всего о фундаментальности управленческой организации. Можно с уверенностью судить об эффективности подхода, ибо он демонстрирует минимальный разрыв между нормативной базой, регулирующей общественные отношения, и реальной динамикой преобразования этих отношений. Исследуя структуру данной правовой системы, среди базовых ее элементов можно выделить сходки представителей провинций, на которых и происходит выбор новых должностных лиц того или иного муниципалитета. Учитывая иерархический процесс в построении власти в КНР, обусловленный прежде всего исторической спецификой применения права в качестве регулятора, заметна парадоксальная вещь: органы местного самоуправления провинций буквально синтезируются в вертикаль власти, причем в долевой степени не уступают центральным органам, осуществляющим управление.

Организации сельского населения и городские собрания, являющиеся органами, осуществляющими управление в муниципалитетах, в Основном законе КНР[1] были конституированы и стали определяться как базовые единицы, через которые принято определять организацию управления в муниципалитетах первичного уровня. Кто бы и что бы ни говорил о демократической природе власти в КНР, на деле очевидно то, что самоуправление в провинциях и де-юро, и де-факто осуществляется только на первичном, базовом, уровне. При этом парадоксально другое: низовая форма управления в КНР позволяет проявлять гражданскую инициативу в намного более динамичной степени, чем демократическая система в российских образцах. Очевидно и то, что в КНР «первичная демократия» сталкивается с рядом противоречий. Во-первых, это конфликт интересов и сфер влияния между представителями партии в провинциях и выборными в этих же провинциях должностными лицами, призванными осуществлять управление. Во-вторых, в результате данных процессов усиливается механизм, приводящий в движение коррупционные схемы влияния на результаты выборов, голосование, осуществление власти согласно нормативной базе и уставу данного муниципалитета.

На наш взгляд, в Китае, в отличие от России, предпринимаются серьезные попытки повышения степени материальной обеспеченности муниципалитетов и их ответственности за реализуемые инновации. В данном контексте система местного самоуправления в КНР гораздо более децентрализована, нежели российская. На локальном уровне территориальным общинам, комитетам городского и сельского населения КНР предоставлено гораздо больше возможностей для реализации своих полномочий, чем российским органам территориального общественного самоуправления [Сивинцева, Титова 2016, с. 92]. Однако все же, рассматривая процесс участия населения в осуществлении решений по вопросам, возникающим внутри муниципалитетов, Российская Федерация имеет преимущество в детальности и конкретности законодательства в данной сфере, разработанности муниципального права, его практичности применения в правовой материи социума.

Теоретические предпосылки, определяющие роль местного самоуправления в системе власти, переносятся на практические институты местного самоуправления в Российской Федерации с уклоном к включению в вертикаль власти. Формы низовой демократии не отвечают требованиям, позволяющим населению принимать активное участие в управлении, по причине диспозитивного характера принимаемых населением решений. Общественное участие в решение вопросов местного значения чаще всего возникает по инициативе органов местного самоуправления, тем самым утверждаясь не как деятельность граждан, жителей муниципалитета, а скорее как форма публичной власти [Сивинцева, Титова 2016, с. 90].

В российском законодательстве нормы, касающиеся организации местного самоуправления, получили детальное раскрытие в ФЗ № 131, где в п. 1 ст. 3 указано, что «граждане Российской Федерации осуществляют местное самоуправление посредством участия в местных референдумах, муници-

[1] Конституция Китайской Народной Республики. URL: https://asia-business.ru/law/law1/pravo/constitution (дата обращения: 18.02.2020).

пальных выборах, посредством иных форм прямого волеизъявления, а также через выборные и иные органы местного самоуправления». Анализ данной правовой нормы свидетельствует прежде всего о ее конституционном характере, детально раскрывая роль и специфику участия населения в осуществлении своих полномочий и прав в сфере принятия решений на местном уровне, и демонстрирует способы практической реализации демократических принципов народовластия в реальной жизни.

В КНР законодательство, касающееся местного самоуправления, конкретизирует содержание большинства норм, закрепленных в Основном законе страны.

Так, в Конституции КНР нормы, регулирующие отношения в сфере управления в муниципалитетах, содержатся в разделах пятом и шестом. В частности, ст. 116 декларирует: «Собрания народных представителей районов национальных автономий имеют полномочия разрабатывать положения по осуществлению автономии и другие отдельные положения с учетом политических, экономических и культурных особенностей народности или народностей, населяющих соответствующие районы. Положения по осуществлению автономии и другие отдельные положения по национальным районам до того, как вступить в силу, подаются на утверждение в Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей. Положения автономных префектур и уездов, прежде чем вступить в силу, подаются на утверждение в постоянные комитеты собраний народных представителей провинций или автономных районов и затем на регистрацию в Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей». В ст. 101 детально проработан именно демократический аспект осуществления народом своих прав на участие в работе органов, представляющих власть на местном уровне, создание собрания народных представителей, которое обладает широким кругом властных полномочий: «Местные собрания народных представителей различных ступеней избирают и имеют полномочия освобождать от должности губернаторов и вице-губернаторов провинций, мэров городов и их заместителей, глав и заместителей глав уездов, районов, поселков и небольших городов, волостных старшин и их заместителей, поселковых старост и их заместителей. Местные собрания народных представителей уровня уезда и выше избирают и имеют полномочия отзыва руководителей органов контроля, председателей народных судов, главных прокуроров народных прокуратур соответствующего уровня. Решение об избрании или отзыве главного прокурора народной прокуратуры доводится до сведения главного прокурора народной прокуратуры вышестоящего на одну ступень уровня, который вносит его на утверждение постоянному комитету собрания народных представителей соответствующего уровня».

Таким образом, в отличие от Российской Федерации, в КНР предпринимаются серьезные попытки повышения степени материальной значимости муниципалитетов и их ответственности за реализуемые решения и предложения. В данном контексте система местного самоуправления в КНР гораздо более децентрализована относительно государства, нежели российская.

Следующим шагом в сравнительно-правовом анализе участия населения в осуществлении местного самоуправления в Российской Федерации и КНР будет рассмотрение работы и роли механизма государственного принуждения, использование его органами прокурорского надзора России и народной прокуратуры КНР. На наш взгляд, именно грамотное применение данного инструмента органами, основной функцией которых является контроль за соблюдением законности и правопорядка, способно объективно раскрыть роль населения в осуществлении своих прав в организации и решении задач внутри муниципалитетов, сформировать устойчивое понимание конституционной обоснованности демократического характера власти. Механизм государственного принуждения является одним из основных методов воздействия различных государственных структур на правовую жизнь в целом и на деятельность государственных и муниципальных служащих, в частности, помогая стабилизировать взаимоотношения различных территориальных единиц государства. Он помогает на практике регулировать соблюдение законности как гражданами, так и выборными ими органами, должностными лицами.

На наш взгляд, именно органы прокурорского надзора в России и народной прокуратуры в КНР более масштабно и полномерно реализуют потенциал применения механизма государственного принуждения как на уровне всей страны, так и непосредственно в муниципальных образованиях (в большей степени это касается КНР), регулируя посредством его применения стадии избирательных процессов, осуществления власти, ее делегирования от народа к выборному органу или должностному лицу, поддерживая законность и предупреждая преступления, совершаемые муниципальными служащими.

Конституционное закрепление деятельности народной прокуратуры КНР получила в седьмом разделе Основного закона «Народные суды и народная прокуратура», в частности, в ст. 135, закрепляющей следующее: «В Китайской Народной Республике учреждаются Верховная народная прокуратура, местные народные прокуратуры, военные прокуратуры и иные специальные народные проку-

ратуры. Срок полномочий Генерального прокурора Верховной народной прокуратуры соответствует сроку полномочий Всекитайского собрания народных представителей. Генеральный прокурор может занимать свой пост не более двух сроков подряд». То есть народная прокуратура КНР является государственным органом надзора за соблюдением законности (ст. 134 Конституции КНР).

В Российской Федерации сложилась диаметрально противоположная ситуация, так как прокуратура не является органом федеральной государственной власти [Корешникова 2019, с. 205]. В седьмой главе Основного закона «Судебная власть и прокуратура», а именно в ст. 129, указано, что органы прокуратуры получают конституционное, а значит, полностью законное закрепление, но в отличие от китайской народной прокуратуры, формируются не путем выбора в муниципалитетах, а в результате назначения. Анализ данной нормы позволяет заключить, что, в отличие от КНР, в России назначает на должность и освобождает от нее Генерального прокурора Совет Федерации по представлению Президента Российской Федерации, а прокуроры назначаются и освобождаются от должности Президентом Российской Федерации по представлению Генерального прокурора (согласованно с муниципалитетами Российской Федерации), что говорит о более гибкой, демократически наиболее правильной, на наш взгляд, законодательной инициативе закрепления деятельности органов прокуратуры в Основном законе страны. Наиболее важным отличием китайского законодательства, по нашему представлению, выступает обязательное одобрение кандидатом Конституции КНР и соответствие определенным политическим качествам. Это главное отличие, которое пронизывает все китайское законодательство, носит политический характер и ставит в прямую зависимость должность прокурора от законодательных механизмов. Законодательство Российской Федерации также требует от прокурора обязательного соблюдения норм закона, однако при этом он непосредственно не зависит от законодательных органов государственной власти [Кучин, Полетаева 2019, с. 113].

Таким образом, как в Российской Федерации, так и в КНР органы прокуратуры, несмотря на различия в назначении и территориальной локальности деятельности, являются необходимым звеном во властной структуре децентрализованной модели управления, непосредственно влияя на работу как государственных, так и муниципальных служащих в обеих странах.

Механизм государственного принуждения, используемый органами прокуратуры и прокурорского надзора и России, и КНР, способен привести в баланс все элементы, составляющие суть публичности муниципальных правовых отношений, позволяя гражданам реализовать свои права в области решения вопросов организации местного самоуправления непосредственно или путем делегирования своих полномочий выбранным ими кандидатам.

Завершая статью, мы пришли к выводу, что сравнительно-правовой анализ участия населения в осуществлении местного самоуправления в Российской Федерации и КНР позволил выявить следующие точки соприкосновения этих стран:

– построение децентрализованной модели управления, в той или иной степени зависящей как от исторической, так и от политической специфики организации власти в государстве;

– формирование муниципальных органов в обеих странах путем референдума, сходки граждан, делегирования народом своих полномочий выборным органам и должностным лицам;

– детализированная разработанность законодательства, регулирующего политические, финансово-экономические, культурные и эстетические сферы в муниципалитетах;

– признание путем закрепления в конституциях сравниваемых стран правовых норм, декларирующих неотчуждаемые права населения на осуществление власти и закрепляющих формы и основные принципы организации местного самоуправления.

Помимо сходства, нами также были выявлены и различия, связанные прежде всего с особенностями формирования государственных органов в сравниваемых странах, историческими формами организации управления в муниципальных образованиях, присущих политическому режиму государств.

Различны способы и степень вмешательства государственных органов сравниваемых стран в решении вопросов, возникающих на местном уровне. Хотя в КНР народная прокуратура и милиция избираются населением муниципалитета, но полномочия и сфера деятельности в немалой степени зависят от республиканских органов, в частности Всекитайского собрания народных представителей. В Российской Федерации назначение судей, прокуроров, и иных должностных лиц осуществляется федеральными органами, но, в отличие от схожих структур в КНР, они подотчетны не только вышестоящим центральным органам, но также, что немаловажно, и органам муниципалитетов, населению.

В КНР проявляется тенденция к невозможности разделения во многих случаях собственно местных и общегосударственных дел, что делает органы муниципальных образований зависимыми от государственного вмешательства. В Российской же Федерации основными векторами функциональной работы органов управления в муниципалитетах являются управление правоохранитель-

ными органами, органами чрезвычайного реагирования, службами, предоставляющими социальные услуги населению, патронажем и попечительством людей с ограниченными возможностями и недееспособного населения.

Россия и КНР, существенно различаясь в организации государственной власти в масштабах страны, имеют парадоксально схожие принципы, заложенные в организацию управления на местном уровне. Одинаковую природу имеют проблемы, возникающие при осуществлении населением своего права управления на местах, вопросы местного значения, хотя пути решения этих вопросов весьма различны в силу политической и исторической специфики развития стран. На наш взгляд, именно сравнительно-правовой анализ участия населения в осуществлении местного самоуправления в России и КНР позволяет определить способы решения тех или иных проблем местного значения, оценить и проанализировать опыт стран для выработки оптимальных методов взаимодействия как государственных, так и муниципальных органов внутри стран, выявить новые точки соприкосновения между этими странами, а главное – увидеть, что именно участие населения в решении вопросов местного значения, организации местного самоуправления в любой политической системе, где демократия является высшей формой власти, есть эффективный способ реализации основ конституционного строя.

Список цитируемых источников

Корешникова 2019 – *Корешникова Н. Р.* Правовые статусы прокуратур Российской Федерации и Китайской Народной Республики (сравнительно-правовой анализ) // Сибирское юридическое обозрение. 2019. Т. 16, № 2. С. 203–208.

Кучин, Полетаева 2019 – *Кучин Н. С., Полетаева О. А.* Сравнительно-правовой анализ деятельности органов прокуратуры России и КНР по выявлению эффективных методов предупреждения преступлений, совершаемых должностными лицами // Современная юриспруденция: актуальные вопросы, достижения и инновации. Пенза : Наука и Просвещение, 2019. С. 110–114.

Сивинцева, Титова 2016 – *Сивинцева О. В., Титова С. Р.* Местное самоуправление как институт публичного участия: траектории развития в России и Китае // ВЛАСТЬ. 2016. № 24(12). С. 87–92.

References

Koreshnikova, N. R. (2019), “Legal statuses of the prosecutor ’s offices of the Russian Federation and the People ’s Republic of China (comparative legal analysis)”, *Sibirskoe yuridicheskoe obozrenie*, vol. 16, no. 2, pp. 203–208.

Kuchin, N. S. and Poletaeva, O. A. (2019), “Comparative legal analysis of the activities of the prosecution authorities of Russia and China to identify effective methods of preventing crimes committed by officials”, *Sovremennaya yurisprudentsiya: aktual ’nye voprosy, dostizheniya i innovatsii* [Modern jurisprudence: current issues, achievements and innovations], Nauka i Prosveshchenie, Penza, Russia, pp. 110–114.

Sivintseva, O. V. and Titova, S. R. (2016), “Local government as an institution of public participation: development paths in Russia and China”, *Vlast ’*, no. 24(12), pp. 87–92.

Информация об авторах

Сизова Алла Сергеевна,
кандидат юридических наук, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; kurganovaalla58@gmail.com
Кучин Никита Сергеевич,
Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; nik.antipov.2000@mail.ru

Information about the authors

Sizova Alla S.,
PhD (law), Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; kurganovaalla58@gmail.com
Kuchin Nikita S.,
Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; nik.antipov.2000@mail.ru

Для цитирования
Сизова А. С., Кучин Н. С. Участие населения в осуществлении местного самоуправления в России и КНР как эффективная реализация демократических принципов осуществления власти // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 124–129.

For citation
Sizova, A. S. and Kuchin, N. S. (2020). “The participation of population in local self-government in Russia and China, as an effective implementation of democratic principles of government”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 124–129.

УДК 342+325

А. С. Сизова[1]
С. С. Макаренков[1]
[1] *Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация*

A. S. Sizova[1]
S. S. Makarenkov[1]
[1] *Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation*

Проблемы правового регулирования миграционных процессов и их практической реализации

Problems of legal regulation of migration processes and their practical implementation

Ключевые слова: временная трудовая миграция; миграционное законодательство; механизм государственного принуждения; рынок труда; современная и систематизированная миграционная биржа труда; миграционно-трудовые правоотношения.

Аннотация. Статья посвящена проблемам реализации механизмов миграционного регулирования в России в условиях динамичной международной политической обстановки, которая влияет на международные миграционные процессы, вплоть до их остановки. В результате проведенного исследования авторы пришли к выводу о необходимости создания современной и систематизированной биржи труда для мигрантов. Это повысит эффективность миграционного регулирования, упростит коммуникацию в сфере миграционных правоотношений, а главное, поможет решить проблему стихийности миграционных процессов. Кроме того, электронная база данных сделает прозрачной систему учета временных трудовых мигрантов, что позволит исключить возможные коррупционные схемы в миграционно-трудовых правоотношениях.

Key words: temporary labor migration; migration legislation; state coercion mechanism; labor market; modern and systematic migration labor exchange; migration and labor relations.

Abstract. The article considers the problems of implementing mechanisms of migration regulation in Russia in a dynamic international political environment that affects international migration processes, up to their stop. As a result of the study, the authors concluded that it is necessary to create a modern and systematic labor exchange for migrants. This will increase the efficiency of migration regulation, simplify communication in the field of migration legal relations, and most importantly, help to solve the problem of spontaneous migration processes. In addition, the electronic database will make transparent the accounting system of temporary labor migrants, which will eliminate possible corruption schemes in migration and labor relations.

Актуальность темы исследования миграционных процессов обусловлена вызовами современности (пандемия коронавирусной инфекции, нефтяной кризис, снижение уровня рождаемости, обеднение национального рынка труда), с которыми сталкивается мировое сообщество, в том числе и Россия, входя в новое десятилетие. Тенденции санитарно-эпидемиологической обстановки и экономический кризис, влияющие на демографический уровень в регионах России, определяют задачи и средства реализации политики государства в миграционной сфере.

Теоретическое обоснование вопросов правового регулирования миграционных процессов с учетом последних тенденций в данной сфере нашло свое отражение в трудах: Е. Б. Деминцевой, В. Ю. Зорина, Н. В. Мкртчяна, Ю. Ф. Флоринской и др. [Деминцева, Мкртчян, Флоринская 2018; Зорин 2019; Зорин, Кравцев 2017; Мкртчян, Чудиновских, Тюрюканова 2008; Флоринская, Каденин, Мкртчян 2020].

Миграционное право – комплексная отрасль, ее регулируют нормативные акты разных уровней. Направляющим является указ Президента Российской Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы»[1]. В числе главных задач он определил следующие:

– стабилизация и увеличение численности постоянного населения Российской Федерации;

– содействие обеспечению потребности экономики Российской Федерации в рабочей силе, модернизации, инновационном развитии и повышении конкурентоспособности ее отраслей и др.

На региональном уровне общие положения миграционного регулирования содержатся в нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации. Так, во Владимирской области – это

© Сизова А. С., Макаренков С. С., 2020

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 45, ст. 6917.

постановление администрации области от 5 сентября 2014 г. № 935 «Об утверждении Плана реализации Концепции миграционной политики во Владимирской области до 2025 года»[1].

Принято выделять два типа миграционных процессов. Первый тип – беженцы и иные вынужденные переселенцы в силу жизненных обстоятельств переселяются на неопределенный срок и нередко остаются на новом месте навсегда. В таком случае они могут рассматриваться как фактор влияния на демографическую обстановку. Второй тип – временная, чаще всего трудовая миграция, когда иностранный рабочий трудоустраивается на сезонную или иную временную работу и таким вахтовым методом зарабатывает деньги, которые, как правило, отправляет на родину семье.

Разные виды миграции решают разные задачи и требуют собственного правового оформления.

По мнению Председателя Совета Федерации В. Матвиенко, «главный вызов, с которым сталкивается сейчас страна, – падение рождаемости, угроза ощутимого сокращения численности населения России. Если не остановим этот процесс, под вопросом окажется динамика развития страны, ее безопасность»[2].

В недавнем Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию говорилось о «демографическом капкане», в котором оказалась Россия, в связи с чем историческая обязанность государства состоит не только в том, чтобы «выбраться из демографической ловушки, но и к середине наступающего десятилетия обеспечить устойчивый естественный рост численности населения страны»[3]. Специфика демографической ситуации в России обусловлена тем, что при экономических индикаторах, относящих страну к категории развивающихся, по демографическим показателям она близка к постиндустриальным странам Запада. Подобная диспропорция объясняется цивилизационной спецификой России и циклической модернизацией социальной и политической систем.

Стабильное снижение численности населения происходит на фоне повышения интенсивности миграционных потоков в стране и во Владимирской области, в частности. Так, согласно данным администрации Владимирской области за 2019 г. «по сравнению с январем–декабрем 2018 года число родившихся уменьшилось на 11,4 %, умерших – на 3,4 %. Превышение числа умерших над числом родившихся составляет 1,9 раза. Коэффициент рождаемости уменьшился на 9,7 %, смертности – на 2,5 %. За январь–декабрь 2019 года по сравнению с АППГ миграционная убыль сменилась миграционным приростом и составила 2 503 человека, или 20,1 на 10 тыс. человек населения области»[4].

В сложившейся санитарно-эпидемиологической обстановке распоряжение Правительства Российской Федерации от 16 марта 2020 г. № 635-р «О временном ограничении въезда в Российскую Федерацию иностранных граждан и лиц без гражданства и временном приостановлении оформления и выдачи виз и приглашений»[5] предписывает приостановить прием документов, оформление и выдачу приглашений на въезд в страну в целях обучения и осуществления трудовой деятельности. Есть основания полагать, что режим карантина распространяется на все категории въезжающих в Россию иностранных граждан, в том числе проходящих по программам переселения соотечественников и носителей русского языка[6] и беженцев из восточных областей Украины[7].

Оснований для снижения интенсивности общего миграционного потока в Россию нет, поэтому приостановление оформления въездных документов по окончании режима карантина, с большой долей вероятности, приведет к стихийному наплыву мигрантов. В то же время сегодня все стороны миграционных правоотношений имеют техническую возможность осуществлять документооборот дистанционно. Например, заполнить бланк заявления на получение вида на жительство, оплатить госпошлину, передать фотографии и копии документов, удостоверяющих личность, можно дистанционно, отправив их в свой территориальный орган, отвечающий за миграционные процессы, который в свою очередь направит данные в российский территориальный орган.

Помимо беженцев, в России распространено явление временной трудовой миграции. В качестве примера рассмотрим ситуацию во Владимирском регионе. Для Владимирской области традиционным является текстильное производство. Еще во второй половине XIX в. в Собинке братьями Лукой и Матвеем Лосевыми была открыта прядильная фабрика.

---

[1] Владимирские ведомости. 2014. 13 сент.

[2] Приоритет государства – дети // Российская газета. 2019. 28 нояб.

[3] Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию // Российская газета. 2020. 15 янв.

[4] Администрация Владимирской области : [сайт]. URL: https://avo.ru/demografia (дата обращения: 02.04.2020).

[5] Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 12, ст. 1825.

[6] Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке : указ Президента Рос. Федерации от 24 апр. 2019 г. № 183 // Российская газета. 2019. 26 апр.

[7] О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом : федер. закон от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ // Российская газета. 1999. 1 июня.

И по сей день данная отрасль широко представлена во Владимирской области. Например, на территории Владимирской области зарегистрировано около десяти вьетнамских юридических лиц, которые задействованы в сфере текстильной промышленности. В протоколе заседания Межведомственной комиссии по вопросам привлечения и использования иностранных работников во Владимирской области от 16 августа 2019 г. говорится, что «наибольшее количество иностранных работников заявлено из следующих стран: Вьетнам – 3 029 чел. (87,9 %), Китай – 394 чел. (11,5 %) и незначительное количество планируется к привлечению из Турции, США и Польши»[1]. Такая ситуация объяснима, поскольку местный трудовой ресурс не позволяет полностью обеспечить потребности предпринимателей, в связи с чем в соответствии с приказом Минтруда России от 16 декабря 2019 г. № 791н «О распределении по субъектам Российской Федерации утвержденных Правительством Российской Федерации на 2020 год квот на выдачу иностранным гражданам, прибывающим в Российскую Федерацию на основании визы, разрешений на работу и приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности» для одобрения заявки на привлечение иностранной рабочей силы заинтересованная сторона должна доказать невозможность обеспечения своей деятельности за счет местного трудового ресурса[2].

Помимо дальнего зарубежья, во Владимирскую область приезжают трудовые мигранты из стран СНГ. В последнее время, с 2018 г., интенсивность миграционного потока из Украины снизилась, и лидерами миграционного прироста вновь стали граждане Узбекистана и Таджикистана. Для них традиционно привлекательными направлениями являются регионы Центрального федерального округа, в том числе и Владимирская область. Миграционные потоки во Владимирском регионе по-прежнему носят стихийный характер, что порождает ряд трудностей, учитывая тот факт, что, в отличие от беженцев из Украины или мигрантов из Белоруссии, трудовых мигрантов из Узбекистана и Таджикистана и работодателей разделяют культурный и языковой барьеры. Неизбежны и противоправные действия участников миграционных правоотношений.

Так, в конце декабря 2019 г. завершился судебный процесс по громкому уголовному делу, фигурантами которого стали заместитель начальника отдела по вопросам миграции УМВД России по Северо-Восточному округу Москвы подполковник Ю. Васильев, сотрудник управления «М» ФСБ России капитан В. Безруков, сотрудник Центра информационной безопасности ФСБ России Н. Комаров, предприниматели А. Караев и А. Сеидов. Ими осуществлялась незаконная регистрация по месту пребывания приезжих рабочих в так называемых резиновых квартирах, где фактически они не проживали, у них отбирались паспорта, таким образом лишая их возможности легализовать свое положение, а работать приходилось в рабских условиях[3]. Подобные случаи не единичны, так как стихийность миграционного потока порождает трудности для самого иностранного рабочего, чем иногда пользуются недобросовестные предприниматели и представители государственной власти.

Скорейшее трудоустройство и начало рабочего процесса трудового мигранта являются выгодными для всех участников миграционных правоотношений. Однако по приезде на иностранного рабочего, не попадающего в «привилегированную» категорию, т. е. не являющегося гражданином стран – членов ЕАЭС, нередко ложится бюрократическое бремя регистраций и экзаменов (и почти все это платно). Один экзамен на знание русского языка, основ российской истории и права для получения патента на осуществление трудовой деятельности стоит четыре тысячи рублей. При этом иностранному рабочему надо быть внимательным еще при въезде в Россию и правильно заполнить миграционную карту, где надо указать цель въезда – «Работа/Employment», в противном случае за это налагается согласно ч. 2 ст. 18.8 КоАП РФ штраф в размере от двух тысяч до пяти тысяч рублей с административным выдворением за пределы Российской Федерации или без такового. Государство – единственная сторона миграционных правоотношений, обладающая возможностью объективного анализа ситуации и регулятивным ресурсом противодействия злоупотреблениям других участников данных правоотношений. Обладая такими возможности, для эффективного осуществления необходимого государственного принуждения требуется высокий уровень персонализации мер правоприменения [Курганова 2007].

В среде специалистов в области миграционного права бытует мнение о необходимости создания специальной биржи для мигрантов, где потенциальным работодателям и работникам будет проще взаимодействовать, организовывать при-

[1] Протокол заседания Межведомственной комиссии по вопросам привлечения и использования иностранных работников во Владимирской области от 16.08.2019. URL: https://vladzan.ru/cms_data/usercontent/regionaleditor/тексты/работодателям/иностранная %20рабочая %20сила/2018/08/протокол %20заседания %20межведомственной %20комиссии %20от %2016.08.2019.pdf (дата обращения: 02.04.2020).

[2] URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 02.04.2020).

[3] *Егоров И.* Погорели на паспортах // Российская газета. 2020. 13 янв.

ем и увольнение (в рамках временных трудовых правоотношений).

По мнению ведущего научного сотрудника ИНП РАН Д. Полетаева, «в России нет упорядоченного рынка труда и этим важно заниматься, нужно организовать биржу труда для мигрантов и набирать работников организованно»[1].

Мы в полном объеме разделяем данное мнение, поскольку проблема становится все более очевидной. Создание указанной биржи труда для мигрантов на базе региональных департаментов труда и занятости населения оказало бы заметное позитивное влияние на коммуникацию в сфере миграционных правоотношений.

Имеет смысл обратиться к зарубежному опыту. Миграционная ситуация в России развивается по сценарию, схожему с европейским. В 60-е гг. XX в. Европу захлестнули потоки постколониальной миграции, в России аналогичный процесс идет с начала 1990-х гг. Интересна европейская система дифференцированного отбора мигрантов. Специалисты НИУ ВШЭ и ведущий научный сотрудник ИНСАП РАНХиГС Ю. Ф. Флоринская предлагают следующий способ реализации: разработать балльную систему, позволяющую на основе ряда критериев оценивать качество потенциального работника. Важно отметить, что делается это дистанционно, на этапе подачи документов на визу. Дистанционно подаются документы и запрос на поиск подходящего по критериям, установленным самим работодателем, потенциального места работы [Деминцева, Мкртчян, Флоринская 2018, с. 38].

Мы считаем, что подобные методы наиболее эффективно осуществлялись бы на региональном уровне при наличии соответствующих полномочий у руководителей субъектов Федерации. В настоящий момент готовится законопроект о поправках в Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»[2]. Согласно законопроекту регионам планируется предоставить право устанавливать лимиты на выдачу патентов на своей территории в зависимости от региональной социально-экономической ситуации, в том числе для защиты национального рынка труда. Предполагается, что это позволит более эффективно регулировать число мигрантов. Кроме того, документ предлагает отказаться от ежегодного установления правительством допустимой доли иностранцев по сегментам рынка труда[3]. Профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации А. Сафонов охарактеризовал данную поправку как позитивную, заметив, что «сейчас губернаторы отвечают за эффективность социально-экономического развития и за занятость населения, но у них почти нет рычагов влияния на миграционную ситуацию. Законопроект даст им эту возможность»[4].

Таким образом, система миграционного контроля станет более живой и адаптивной, а регулирование – более эффективным, ориентированным на индивидуальные интересы всех участников миграционных правоотношений. Мы считаем логичным следующий шаг – создание систематизированной и постоянно обновляемой базы данных для иностранных рабочих и предпринимателей. Это упростит взаимодействие сторон и сделает его максимально прозрачным.

Таким образом, вышеизложенное свидетельствует об усилении роста интереса к явлению миграции и о понимании его как важного фактора социально-экономической ситуации во всем мире. Для ряда регионов России, в частности для Владимирской области, необходимо выстроить единую стабильную и последовательную линию по данному вопросу. События последних дней, связанные с ограничением въезда на территорию Российской Федерации в результате пандемии коронавирусной инфекции, диктуют необходимость оптимизации механизма регулирования и учета миграционных потоков на уровне регионов. Имеются основания полагать, что принятие таких мер, как анализ регионального рынка труда и определение его потребностей позволят формировать четкий запрос на привлечение специализированной иностранной рабочей силы в короткие сроки. Поскольку в условиях ограничения передвижения иностранная рабочая сила будет аккумулироваться у себя на родине, региональные подразделения МВД России по управлению вопросами миграции могут подать запрос в соответствующие органы стран-«доноров» на привлечение иностранной рабочей силы по нужным для региона сферам труда. Учитывая особенности региона Владимирской области (нестабильная демографическая ситуация, специфика рынка труда, где большая часть населения работает в непроизводственном секторе, а географическое расположение задает транзитный в отношении соседних регионов характер), закономерно будет расти заинтересованность во временных трудовых мигрантах.

[1] Адаптация мигрантов в России: все ли учли в новой Концепции. URL: https://tj.sputniknews.ru/migration/20190228/1028399249/russia-migratsiya-koncepciya-adaptaciya-2019-2021.html (дата обращения: 02.04.2020).

[2] Российская газета. 2002. 31 июля.

[3] *Гусенко М.* Работа для своих // Российская газета. 2020. 3 февр.

[4] Там же.

Список цитируемых источников

Деминцева, Мкртчян, Флоринская 2018 – *Деминцева Е. Б., Мкртчян Н. В., Флоринская Ю. Ф.* Миграционная политика: диагностика, вызовы, предложения. М. : Центр стратегических разработок, 2018. 55 с.

Зорин 2019 – *Зорин В. Ю.* Российская этнополитика на современном этапе: традиции и инновации // Вестник российской нации. 2019. № 2. С. 9–34.

Зорин, Кравцев 2017 – *Зорин В. Ю., Кравцев Е. В.* Механизм регулирования мировой ресурсной политики // Русская политология. 2017. № 3. С. 32–35.

Курганова 2017 – *Курганова А. С.* Уголовно-исполнительная система в механизме государственного принуждения (общеправовой анализ) : дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2007. 209 с.

Мкртчян, Чудиновских, Тюрюканова 2008 – *Мкртчян Н. В., Чудиновских О. С., Тюрюканова Е. В.* Миграция и миграционная политика России // Демографическая политика России: от размышлений к действию. М. : ООН, 2008. С. 49–59.

Флоринская, Казенин, Мкртчян 2020 – *Флоринская Ю. Ф., Казенин К. Н., Мкртчян Н. В.* Внутренняя миграция как ресурс развития России: социально-экономические эффекты, издержки и ограничения. М. : Дело, 2020. 76 с.

References

Demintseva, E. B., Mkrtchyan, N. V. and Florinskaya, Yu. F. (2018), *Migratsionnaya politika: diagnostika, vyzovy, predlozheniya* [Migration policy: diagnosis, challenges, proposals], Tsentr strategicheskikh razrabotok, Moscow, Russia.

Florinskaya, Yu. F., Kazenin, K. N. and Mkrtchyan, N. V. (2020), *Vnutrennyaya migratsiya kak resurs razvitiya Rossii: sotsial 'no-ekonomicheskie effekty, izderzhki i ogranicheniya* [Internal migration as a resource for Russia 's development: socio-economic effects, costs and limitations], Delo, Moscow, Russia.

Kurganova, A. S. (2007), The penal system in the mechanism of state coercion (general legal analysis), Ph. D. Thesis, theory and history of state and law, history of the doctrines of law and state, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russia.

Mkrtchyan, N. V., Chudinovskikh, O. S. and Tyuryukanova, E. V. (2008), "Migration and migration policy of Russia", *Demograficheskaya politika Rossii: ot razmyshlenii k deistviyu* [Demographic policy of Russia: from reflection to action], OON, Moscow, Russia, pp. 49–59.

Zorin, V. Yu. (2019), "Russian ethnopolitics at the present stage: traditions and innovations", *Vestnik rossiiskoi natsii,* no. 2, pp. 9–34.

Zorin, V. Yu. and Kravtsev, E. V. (2017), "The mechanism of regulation of the global resource policy", *Russkaya politologiya*, no. 3, pp. 32–35.

Информация об авторах

Сизова Алла Сергеевна,
кандидат юридических наук, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; kurganovaalla58@gmail.com

Макаренков Семён Сергеевич,
Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; lafl5688@gmail.com

Information about the authors

Sizova Alla S.,
PhD (law), Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; kurganovaalla58@gmail.com

Makarenkov Semen S.,
Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; lafl5688@gmail.com

Для цитирования

Сизова А. С., Макаренков С. С. Проблемы правового регулирования миграционных процессов и их практической реализации // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 130–134.

For citation

Sizova, A. S. and Makarenkov, S. S. (2020), "Problems of legal regulation of migration processes and their practical implementation", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 130–134.

УДК 343.228

И. А. Тараканов[1]
А. С. Янова[1]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

I. A. Tarakanov[1]
A. S. Yanova[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Необходимая оборона: особенности учета характера насилия, применяемого посягающим лицом, при оценке правомерности оборонительных действий

Necessary defense: consideration features of the nature of violence used by the offending person when assessing the legality of defensive actions

Ключевые слова: необходимая оборона; пределы необходимой обороны; оборонительные действия; общественно опасное посягательство; правомерность причинения вреда; здоровье.

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей учета характера насилия, применяемого посягающим лицом, при оценке правомерности оборонительных действий. Авторами анализируются положения ст. 37 УК РФ, постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19, точки зрения ученых-правоведов относительно оценки правомерности оборонительных действий при отражении посягательства, сопряженного с применением насилия, опасного для жизни и здоровья обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия. В заключение авторы делают выводы о необходимости изложения ч. 1 ст. 37 УК РФ в новой редакции, предоставляющей право на причинение любого вреда посягающему при совершении им общественно опасного посягательства, создающего опасность не только для жизни, но и для здоровья обороняющегося либо других лиц.

Key words: necessary defense; limits of necessary defense; defensive actions; socially dangerous assault; legality of harm; health.

Abstract. The article considers the features of the nature of violence used by the offending person when assessing the legality of defensive actions. The authors analyze the provisions of Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation, Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of September 27, 2012 No. 19, the point of view of academic lawyers regarding the assessment of legitimacy of defensive actions when reflecting infringement involving the use of violence, dangerous to the life and health of the defender or another person, or with an immediate threat of the use of such violence. As a result of the study, conclusions were made about the need to state part 1 of Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation in a new edition, representing the right to cause any harm to the offender when he commits a socially dangerous encroachment, which creates a danger not only to life, but also to the health of the defender or other persons.

Как гласит ст. 2 Основного закона государства, человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – это обязанность государства. В Российской Федерации конституционно гарантируется государственная защита прав и свобод человека и гражданина (ч. 1 ст. 45). Однако, по мнению В. В. Меркурьева, «в условиях, когда государство не может обеспечить эффективную защиту жизни, здоровья и в целом безопасное существование законопослушного гражданина, оно должно предоставить возможность осуществлять такую защиту самим гражданам. В России эта возможность гарантируется государством в Основном законе (ч. 2 ст. 45)» [Меркурьев 2019а, с. 9]. Одним из таких способов выступает необходимая оборона, предусмотренная ст. 37 УК РФ.

Роль института необходимой обороны сложно переоценить. Необходимая оборона выступает в качестве формы реализации права граждан на самозащиту, способа защиты интересов личности, общества и государства, средства предупреждения преступлений. В то же время применение положений института необходимой обороны сопряжено с рядом трудностей. По этому поводу В. В. Меркурьев справедливо отмечает: «Сложности применения норм о необходимой обороне и превышении ее пределов связаны с сугубо оценочным характером признака “превышение пределов необходимой обороны”, отсутствием четких гра-

© Тараканов И. А., Янова А. С., 2020

ниц между правомерной обороной и преступными деяниями» [Меркурьев 2019b, с. 5].

Сходного мнения придерживается В. И. Акимочкин: «На правоприменительном уровне вопрос наличия или отсутствия правомерной необходимой обороны, установления критериев, при которых она становится действием уголовно наказуемым, подчас представляет значительную сложность» [Акимочкин 2017, с. 14].

Согласно ч. 1 ст. 37 УК РФ не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, т. е. при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия.

Однако, как справедливо отмечает А. А. Клюев, «сам уголовный закон не раскрывает, в чем заключается насилие, опасное для жизни или здоровья, или угроза применения данного насилия» [Клюев 2015, с. 28]. Судебное толкование такого насилия приведено в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление»[1]. Согласно указанному пункту под общественно опасным посягательством, сопряженным с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, понимается деяние, которое в момент его совершения создавало реальную опасность для жизни обороняющегося или другого лица.

Анализируя указанную формулировку, К. А. Волков отмечает, что «термин “насилие, опасное для жизни” говорит о ситуациях, когда деяние реально способно причинить смерть человеку (например, покушение на убийство)» [Волков 2013, с. 14].

Кроме того, в этом же пункте уточняется, что признаками такого посягательства могут выступать причинение вреда здоровью, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (например, ранения жизненно важных органов) либо применение способа посягательства, создающего реальную угрозу для жизни обороняющегося или другого лица (применение оружия или предметов, используемых в качестве оружия, удушение, поджог и т. п.).

По этому поводу Т. Орешкина замечает, что «в постановлении осуществлен традиционный подход, при котором Пленум сначала приводит подлежащие комментированию положения уголовного закона, а затем раскрывает их содержание посредством общих дефиниций и соответствующих им иллюстраций. Подобная “расшифровка” способствует доходчивости изложения материала, хотя содержит некоторую опасность, что конкретизирующие примеры не совсем точно раскроют связанное с ними разъяснение» [Орешкина 2013, с. 23].

Далее, в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 разъясняется, что непосредственная угроза применения насилия, опасного для жизни обороняющегося или другого лица, может выражаться, в частности, в высказываниях о намерении немедленно причинить обороняющемуся или другому лицу смерть или вред здоровью, опасный для жизни, демонстрации нападающим оружия или предметов, используемых в качестве оружия, взрывных устройств, если с учетом конкретной обстановки имелись основания опасаться осуществления этой угрозы.

В то же время, по мнению А. А. Клюева, «при угрозе насилия непосредственно обороняющемуся может и причиняться вред, но он не будет опасным для жизни как таковой, ведь в соответствии с рассмотренными выше случаями нет соответствующих серьезных повреждений как таковых либо непосредственного насилия, создающего условия для лишения жизни обороняющегося. В таких случаях суды должны делать акцент не на самом насилии со стороны посягающего, а на тех возможных неблагоприятных последствиях, которые должны наступить в ближайшее время» [Клюев 2015, с. 30].

Согласно п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 при защите от посягательства, предусмотренного ч. 1 ст. 37 УК РФ, обороняющееся лицо вправе причинить любой по характеру и объему вред посягающему лицу. Обращая на это внимание, А. А. Клюев подчеркивает: «В связи с этим на практике очень важно устанавливать факт наличия именно такой формы посягательства, как насилие, опасное для жизни, или угрозы применения такого насилия» [Клюев 2015, с. 28].

Однако при описании конструктивных, квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков в статьях УК РФ используется иная формулировка – «с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия».

В тексте действующего УК РФ указанное словосочетание встречается более десяти раз.

Так, применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия выступают обязательным признаком состава разбоя (ст. 162 УК РФ).

В качестве квалифицирующего указанный признак присутствует в составах похищения человека

[1] Российская газета. 2012. 3 окт.

(п. «в» ч. 2 ст. 126 УК РФ), незаконного лишения свободы (п. «в» ч. 2 ст. 127 УК РФ), захвата заложника (п. «в» ч. 2 ст. 206 УК РФ), угона судна воздушного или водного транспорта либо железнодорожного подвижного состава (п. «в» ч. 2 ст. 211 УК РФ), применения насилия в отношении представителя власти (ч. 2 ст. 318 УК РФ), дезорганизации деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества (ч. 3 ст. 321 УК РФ).

Помимо этого, указанная формулировка применяется при конструировании особо квалифицированных составов хищения либо вымогательства ядерных материалов или радиоактивных веществ (п. «б» ч. 3 ст. 221 УК РФ), хищения либо вымогательства оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств (п. «б» ч. 4 ст. 226 УК РФ), хищения либо вымогательства наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (п. «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ), угрозы или насильственных действий в связи с осуществлением правосудия или производством предварительного расследования (ч. 4 ст. 296 УК РФ), подкупа или принуждения к даче показаний или уклонению от дачи показаний либо к неправильному переводу (ч. 4 ст. 309 УК РФ), побега из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи (ч. 3 ст. 313 УК РФ).

При оценке правомерности оборонительных действий от посягательств, предусмотренных данными статьями, перед правоприменителем возникает проблема определения наличия или отсутствия пределов причинения вреда посягающему лицу. Если насилие, применяемое в ходе посягательства, создавало опасность для жизни, то пределы обороны отсутствовали, и обороняющееся лицо было вправе причинить посягающему любой вред. Если же характер применяемого насилия создавал опасность только для здоровья, то следует установить, что оборонительные действия не являлись явно чрезмерными по отношению к посягательству. Однако оценочный характер категории превышения пределов необходимой обороны создает риск ошибки правоприменения, в результате чего правомерно обороняющееся лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за причинение вреда при превышении обозначенных пределов. Указывая на это, П. Т. Савин отмечает следующее: «Проведенный анализ уголовных дел, связанных с реализацией права на необходимую оборону, показывает, что правоприменитель не всегда может в полной мере оценить степень общественной опасности, угрожавшей оборонявшемуся» [Савин 2017, с. 33].

Так, приговором Ижморского районного суда Кемеровской области Л. был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ. Судом было установлено, что Л. пришел в дом П., где между ними произошла ссора. П. нанес Л. удар гвоздодером в область правого плечевого сустава. После того как Л. упал навзничь, П. топором нанес ему два удара, сопровождая указанные действия угрозой убийством: по спине и в левый бок. Затем П. бросил гвоздодер и топор и стал удерживать лежащего на полу лицом вниз Л. руками и телом. Л. удалось вытащить нож из голенища своего сапога и нанести два удара находившемуся сверху него П., в результате чего потерпевший скончался на месте происшествия. По мнению суда, Л., не имея достаточных оснований для опасения за свою жизнь и здоровье, допустил превышение пределов необходимой обороны[1].

Другой пример. Приговором Селемджинского районного суда Амурской области Т. была признана судом виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 114 УК РФ. Судом было установлено, что Т., находясь по месту своего жительства, распивала спиртные напитки вместе со своей знакомой А. Затем к ним пришел Б. Они втроем продолжили употреблять спиртные напитки. Б. потребовал от А. пойти с ним домой, но А. отказалась. Б. нанес удар А., от которого она упала на пол, и вытащил ее в коридор. Т. стала заступаться за А., отталкивая Б. от женщины. Б. схватил Т. и ударил ее о стенку прихожей, из-за чего она упала на пол. Б. начал душить Т., сжимая горло руками. А. оттолкнула Б. от Т., которая стала спиной отступать к себе на кухню. Б. преследовал Т., нанося ей удары в голову. Т. нащупала на столе нож и нанесла удар в грудную клетку Б., причинив ему тяжкий вред здоровью. А. и Т. совместно вытолкнули Б. за дверь и заперлись. Б. стучался несколько минут в дверь, но, видя, что женщины не открывают, отправился к соседям, которые вызвали ему скорую помощь. По мнению суда, у подсудимой имелось право на необходимую оборону, однако не было оснований реально опасаться за свою жизнь[2].

Еще один показательный пример. Приговором Далматовского районного суда Курганской области Д. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. Однако Судебная коллегия по уголовным делам Курганского областного суда оправдала Д. на

[1] Решение Ижморского районного суда Кемеровской области от 29 дек. 2016 г. по делу 1-83/2016. URL: https://actysudov.com/act?name=13131406-reshenie-po-delu-183-2016 (дата обращения: 02.04.2020).

[2] Приговор Селемджинского районного суда Амурской области от 15 дек. 2016 г. по делу № 1-65/2016. URL: https://sudact.ru/regular/doc/ucWtMgjkv8lV/ (дата обращения: 02.04.2020).

основании п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в ее действиях состава преступления, указав при этом следующее. Ш. в состоянии сильного алкогольного опьянения устроил ссору, избил Д., угрожал ей убийством и душил ее. Тем самым Ш. совершил общественно опасное посягательство, сопряженное с насилием, опасным для жизни Д. Подобранным на месте происшествия ножом Д., обороняясь от общественно опасного посягательства со стороны Ш., несколько раз ударила его ножом в спину, но он, угрожая ей убийством, вновь начал наносить Д. удары кулаком по лицу. Д. нанесла ему удар ножом в грудь, причинив Ш. ранение, расценивающееся как тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни и повлекшее его смерть на месте происшествия. Судебной коллегией было отмечено, что после того, как Ш. перестал душить Д., общественно опасное посягательство с его стороны не прекратилось. Несмотря на то, что Д. уже нанесла ему три удара ножом в спину, тот, угрожая ей убийством, продолжил наносить ей удары кулаком по лицу, своими действиями создавал реальную угрозу, опасную для ее жизни и здоровья. Для Д. наличие общественно опасного посягательства со стороны Ш. было реальным и сопряженным с насилием, опасным для ее жизни, в очень коротком временном интервале и давало ей право на оборону, которым Д. своевременно воспользовалась, нанеся еще один удар ножом[1].

В результате возникает ситуация, когда при наличии двух общественно опасных посягательств, квалифицируемых абсолютно одинаково, по одним и тем же пунктам и частям статьи УК РФ, в одном случае обороняющееся лицо имеет право на причинение любого вреда посягающему, а в другом должно придерживаться пределов необходимой обороны. То есть если даже правоприменитель испытывает затруднения при определении таких пределов для конкретного посягательства, то требовать такого определения от простого гражданина, не обладающего необходимыми юридическими знаниями, да еще и находящегося в стрессовой ситуации, вызванной посягательством, представляется недопустимым.

На существующую проблему обращают внимание С. В. Пархоменко, С. Ф. Милюков и А. В. Никуленко: «Довольно часто обычные граждане и даже полицейские в стремлении осуществить социально полезное поведение по нейтрализации лиц, совершающих преступления, пресечению общественно опасных посягательств, защите охраняемых законом интересов или достижению общественно полезных целей далеко не до конца уверены в правомерности своих поступков» [Пархоменко, Милюков, Никуленко 2019, с. 998].

Следует обратить внимание на тот факт, что использование посягающим лицом оружия или предметов, используемых в качестве оружия, получило в законодательстве и следственно-судебной практике довольно противоречивую оценку. На это, в частности, указывает Э. Л. Сидоренко: «Противоречия в оценке вооруженного насилия очевидны. С одной стороны, наука и практика идут по пути признания применения оружия насилием, опасным для жизни (квалификация вооруженного разбоя и оценка общественно опасного посягательства в ситуации необходимой обороны). С другой – законодатель признает его признаком средней тяжести и легкого вреда здоровью и тем самым низводит вооруженные действия до уровня насилия, не опасного для жизни… Это существенно затрудняет квалификацию необходимой обороны и разбоя. В частности, не ясно, как следует квалифицировать причинение тяжкого вреда здоровью нападающему в случае вооруженного причинения легкого вреда здоровью. Пока судебная практика не дает ответ на этот вопрос. Но, учитывая ее обвинительный уклон, нетрудно предположить, что государственное обвинение будет охотно ссылаться на поправки в ст. 112 и 115 УК РФ для того, чтобы доказать отсутствие посягательства, сопряженного с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия» [Сидоренко 2015, с. 24].

Аналогичную позицию по этому вопросу занимает А. А. Клюев, отмечая, что «на практике наблюдается разноплановость в определении насилия исходя из предмета, который используется посягающим. Если предмет признается орудием преступления в виде ножа, топора, пистолета, то судебная практика практически всегда признает насилие опасным для жизни. В случаях же применения посягающим иных предметов, которые могут использоваться в качестве оружия, суды не всегда признают это насилием, опасным для жизни» [Клюев 2015, с. 29].

Таким образом, обороняющемуся лицу довольно сложно (если вообще возможно) определить, каким является насилие, применяемое посягающим лицом, и избрать для его отражения соразмерные меры защиты. Более того, при успешном отражении посягательства обороняющийся рискует быть привлеченным к уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны, если судебно-следственные органы примут решение о том, что посягательство не было сопряжено с насилием, опасным для жизни, либо угрозой применения такого насилия. Обращая на это вни-

[1] Приговор Судебной коллегии по уголовным делам Курганского областного суда от 15 нояб. 2016 г. по делу № 22-2154/2016. URL: https://base.garant.ru/144610896/ (дата обращения: 02.04.2020).

мание, С. Ф. Милюков и А. В. Никуленко отмечают, что «для противодействия общественно опасным посягательствам желательно привлечение широких слоев населения. Однако правоохранительные органы с большим недоверием относятся к самоуправству граждан, нередко привлекая их к уголовной ответственности, причем за тяжкие и особо тяжкие преступления против личности… Законопослушные граждане выступают в роли жертвенных агнцев, которые должны терпеливо дожидаться своей очереди на заклание» [Милюков, Никуленко 2019, с. 9].

Вместе с тем следует помнить, что обороняющееся лицо принимает решение о причинении вреда в условиях дефицита времени и стрессовой ситуации, вызванной посягательством, тогда как последующая оценка его действий правоприменителем осуществляется в спокойной обстановке, при неторопливом исследовании всех доказательств по делу.

На условность границы между насилием, причиняющим вред жизни, и насилием, причиняющим вред здоровью, обращает внимание С. В. Проценко: «Надо отметить, что в соответствии с перечнем видов вреда, содержащимся в самой диспозиции ч. 1 ст. 111 УК РФ, все виды тяжкого вреда здоровью в теории уголовного права принято классифицировать на две группы: 1) тяжкий вред здоровью по признаку опасности для жизни; 2) тяжкий вред, не опасный для жизни (по наступившим последствиям). Зададимся простым вопросом: тяжкий вред здоровью (повреждения) по признаку опасности для жизни представляет опасность для жизни или для здоровья человека? Какое благо (общественные отношения) является в первую очередь объектом уголовно-правовой охраны? Ответ очевиден. В первой группе находятся деяния (посягательства), непосредственно представляющие опасность для жизни человека. То есть в приведенной диспозиции имеется прямое указание на объект уголовно-правовой охраны – жизнь человека (вред, опасный для жизни)» [Проценко 2013, с. 30].

Проблему определения характера насилия, применяемого при общественно опасном посягательстве, изучают Н. А. Егорова, С. А. Гордейчик: «Можно ли оценить посягательство как опасное для жизни, если, не используя оружия или предметов, используемых в качестве оружия, посягающий наносит удар (допустим, кулаком), от которого потерпевший теряет сознание, либо нападающий ломает потерпевшему руку или ногу?.. Как, например, оценить попытку затащить в салон автомобиля потерпевшего с целью его похищения или захвата в качестве заложника, а также удержание лица в качестве похищенного или заложника; нападение на женщину или ребенка с целью совершения изнасилования, насильственных действий сексуального характера и т. п. при условии, что вред здоровью потерпевших в обозначенный момент (или период) не причинялся, да и сам по себе способ посягательства не создавал реальной угрозы для жизни указанных лиц?» [Егорова, Гордейчик 2013, с. 17].

Очевидно, что все приведенные вышеуказанными авторами ситуации требуют от обороняющегося лица решительных действий, направленных на пресечение посягательства, вплоть до причинения смерти посягающему, поскольку последним хоть и не применяется насилие, опасное для жизни, но создаются предпосылки для совершения в дальнейшем более опасного преступления.

По поводу подобных ситуаций С. В. Проценко справедливо замечает, что «посягательство на жизнь человека (покушение на убийство) может состоять из целой системы порой самых разнообразных действий, причем в некоторых случаях только совершение совокупности таких действий в дальнейшем приведет к смерти потерпевшего» [Проценко 2013, с. 32].

Представляется недопустимым обязывать обороняющегося дожидаться момента, когда посягательство приобретет характер опасного для жизни, и лишь после этого реализовывать свое право на необходимую оборону без каких-либо пределов. Считаем, что нужно согласиться со следующим мнением, высказанным П. Т. Савиным: «Требование от обороняющегося выделять опасные и не опасные для его жизни периоды в рамках одного посягательства противоречит как законодательству, так и рекомендациям, содержащимся в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19» [Савин 2017, с. 33].

Кроме того, посягательства, способные причинить тяжкий вред здоровью, по внешним проявлениям мало чем отличаются от посягательств на жизнь. И в этом плане мы поддерживаем точку зрения С. В. Проценко: «Прибавление к умыслу на лишение жизни также альтернативного умысла на причинение тяжкого вреда здоровью человека отнюдь не снижает уголовной ответственности, а также не свидетельствует о снижении общественной опасности совершенного деяния» [Проценко 2013, с. 32].

В случаях же, когда умысел посягающего неконкретизирован, и тот допускает причинение любого вреда потерпевшему (от физической боли до причинения смерти), следует признавать за обороняющимся лицом право на причинение любого вреда при отражении такого посягательства.

Заслуживает внимания мнение И. Звечаровского, который предлагает решить рассматриваемую проблему казуальным путем – закреплением перечн-

ня посягательств, допускающих возможность необходимой обороны без каких-либо пределов: «Для правоприменителя любой вред, в том числе и причиненный в результате правомерной необходимой обороны, всегда представляет собой вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. Иначе как через призму норм-запретов Особенной части УК РФ он изначально оцениваться не может. Принимая во внимание это обстоятельство, именно законодателю, а не правоприменителю даже в форме Постановления Пленума необходимо назвать конкретные способы, ситуации, при которых может быть реализовано право обороны в рамках ч. 1 ст. 37 УК РФ, имея в виду при этом, что они уже запрещены в Особенной части того же самого закона» [Звечаровский 2013, с. 30].

Мы разделяем эту позицию И. Звечаровского и считаем, что в число таких ситуаций обязательно должны войти все указанные выше случаи совершения преступлений, к признакам которых относится применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия.

На положительный опыт зарубежного казуистичного законодательства обращает внимание А. В. Никуленко: «Так, например, каждый гражданин США знает о неприкосновенности своего жилища и что для его защиты он может причинять любой (!) вред посягающему на эту неприкосновенность безо всяких специальных оговорок. На наш взгляд, “излишняя” (кавычки наши. – *А. Н.*) казуистичность в случаях причинения вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, будет способствовать гражданской инициативе, так как будет обеспечена доступность для понимания сущности этих норм обычными гражданами, добросовестному исполнению должностных обязанностей правоохранителями, прежде всего, полицейскими, а также значительно облегчит вопросы правовой оценки содеянного со стороны следователя и суда» [Никуленко 2019a, с. 196]. В целях совершенствования нормы УК РФ о необходимой обороне и практике ее применения А. В. Никуленко предлагает переход к перечневой системе защищаемых благ, при которых возможна «беспредельная» оборона: «В этот “перечень” должны входить: здоровье, личная свобода, половая свобода и половая неприкосновенность, защита от противоправного насильственного вторжения в жилище или помещение, а также случаи группового и вооруженного нападения и т. п.» [Никуленко 2019b, с. 178].

Представляется, что гражданин, в отношении которого осуществляется нападение, опасное для жизни или здоровья, должен быть уверен в возможности причинения любого вреда посягающему лицу в целях защиты, не опасаясь в дальнейшем стать фигурантом уголовного дела о превышении пределов необходимой обороны.

С учетом вышеизложенного представляется целесообразным ч. 1 ст. 37 УК РФ изложить в следующей редакции: «1. Не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни или здоровья обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия».

Предлагаемая редакция статьи позволит избежать споров о наличии или отсутствии превышения пределов необходимой обороны от посягательств, сопряженных с применением указанного насилия. Таким образом, квалификация посягательства как преступления, в составе которого имеется такой конструктивный, квалифицирующий или особо квалифицирующий признак, как применение насилия, опасного для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия, позволит признать правомерным причинение любого вреда посягающему, обеспечив тем самым возможность эффективной реализации права на необходимую оборону лицу, подвергающемуся этому посягательству.

Список цитируемых источников

Акимочкин 2017 – *Акимочкин В. И.* К вопросу о правомерности необходимой обороны // Российский следователь. 2017. № 8. С. 14–16.

Волков 2013 – *Волков К. А.* Необходимая оборона в деятельности полиции: вопросы теории и судебной практики // Российский судья. 2013. № 4. С. 11–15.

Егорова, Гордейчик 2013 – *Егорова Н. А., Гордейчик С. А.* Новое Постановление Пленума Верховного Суда РФ о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление // Законность. 2013. № 2. С. 15–20.

Звечаровский 2013 – *Звечаровский И.* Кому необходима необходимая оборона? // Уголовное право. 2013. № 1. С. 28–30.

Клюев 2015 – *Клюев А. А.* Насилие, опасное для жизни, или угроза применения такого насилия как

разновидность общественно опасного посягательства при необходимой обороне // Российский судья. 2015. № 7. С. 28–31.

Меркурьев 2019a – *Меркурьев В. В.* Уголовное право: гражданская самозащита : учеб. пособие для бакалавриата, специалитета и магистратуры. 2-е изд. М. : Юрайт, 2019. 521 с.

Меркурьев 2019b – *Меркурьев В. В.* Уголовное право: необходимая оборона : учеб. пособие для вузов. 2-е изд. М. : Юрайт, 2019. 238 с.

Милюков, Никуленко 2019 – *Милюков С. Ф., Никуленко А. В.* Провокация обороны: от безоговорочного отрицания к взвешенной оценке // Научный вестник Омской академии МВД России. 2018. № 1(68). С. 8–14.

Никуленко 2019a – *Никуленко А. В.* Вопросы юридической природы и возможностей практической реализации норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования / отв. ред. В. П. Кувалдин. М. : Юриспруденция, 2019. С. 194–200.

Никуленко 2019b – *Никуленко А. В.* Уголовно-правовая политика в сфере применения нормы о необходимой обороне // Уголовная политика и правоприменительная практика. СПб. : Астерион, 2019. С. 171–180.

Орешкина 2013 – *Орешкина Т.* Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» // Уголовное право. 2013. № 2. С. 23–28.

Пархоменко, Милюков, Никуленко 2019 – *Пархоменко С. В., Милюков С. Ф., Никуленко А. В.* Векторы уголовной политики в сфере правовой регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 6. С. 992–1001.

Проценко 2013 – *Проценко С. В.* Об общественно опасном деянии, непосредственно направленном на лишение жизни человека // Российский следователь. 2013. № 15. С. 28–33.

Савин 2017 – *Савин П. Т.* Наличность посягательства, опасного для жизни обороняющегося, в судебной практике // Российский следователь. 2017. № 11. С. 31–33.

Сидоренко 2015 – *Сидоренко Э. Л.* Причинение вреда здоровью с применением оружия в свете изменений российского уголовного законодательства // Российский следователь. 2015. № 5. С. 22–27.

References

Akimochkin, V. I. (2017), “To the question of legality of the necessary defense”, *Rossiiskii sledovatel ’*, no. 8, pp. 14–16.

Egorova, N. A. and Gordeichik, S. A. (2013), “New Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on the necessary defense and harm during the detention of the person who committed the crime”, *Zakonnost ’*, no. 2, pp. 15–20.

Klyuev, A. A. (2015), “Violence, life-threatening, or the threat of using such violence as a form of socially dangerous assault with the necessary defense”, *Rossiiskii sud ’ya*, no. 7, pp. 28–31.

Merkuriev, V. V. (2019a), *Ugolovnoe pravo: grazhdanskaya samozashchita* [Criminal law: civil self-defense], Yurait, Moscow, Russia.

Merkuriev, V. V. (2019b), *Ugolovnoe pravo: neobkhodimaya oborona* [Criminal law: necessary defense], Yurait, Moscow, Russia.

Milyukov, S. F. and Nikulenko, A. V. (2018), “Defense provocation: from unconditional denial to a balanced assessment”, *Nauchnyi vestnik Omskoi akademii MVD Rossii*, no. 1(68), pp. 8–14.

Nikulenko, A. V. (2019a), “Issues of a legal nature and possibilities for the practical implementation of norms on circumstances precluding criminal acts”, *Ugolovnoe i operativno-razysknoe zakonodatel ’stvo: problemy mezhotraslevykh svyazei i perspektivy sovershenstvovaniya* [Criminal and investigative law: problems of intersectoral relations and prospects for improvement], in Kuvaldin, V. P. (ed.), Yurisprudentsiya, Moscow, Russia, pp. 194–200.

Nikulenko, A. V. (2019b), “Criminal law policy in the field of application of the norm on necessary defense”, *Ugolovnaya politika i pravoprimenitel ’naya praktika* [Criminal policy and law enforcement], Asterion, St. Petersburg, Russia, pp. 171–180.

Oreshkina, T. (2013), “Decree of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 27.09.2012 no. 19 “On the application by the courts of the legislation on necessary defense and harm during the detention of the person who committed the crime”, *Ugolovnoe pravo*, no. 2, pp. 23–28.

Parkhomenko, S. V., Milyukov, S. F. and Nikulenko, A. V. (2019), “Vectors of criminal policy in the field of legal regulation of circumstances that exclude criminal acts”, *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal*, vol. 13, no. 6, pp. 992–1001.

Protsenko, S. V. (2013), “About a socially dangerous act directly aimed at depriving a person of life”, *Rossiiskii sledovatel ’*, no. 15, pp. 28–33.

Savin, P. T. (2017), “The presence of an encroachment dangerous to the life of a defender in judicial practice”, *Rossiiskii sledovatel ’*, no. 11, pp. 31–33.

Sidorenko, E. L. (2015), “Causing health damage with the use of weapons in the light of changes in the Russian criminal law”, *Rossiiskii sledovatel ’*, no. 5, pp. 22–27.

Volkov, K. A. (2013), “Necessary defense in the activities of the police: theory and judicial practice”, *Rossiiskii sud ’ya*, no. 4, pp. 11–15.

Zvecharovsky, I. (2013), “Who needs the necessary defense?”, *Ugolovnoe pravo*, no. 1, pp. 28–30.

Информация об авторах

Тараканов Илья Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; il8@list.ru

Янова Анастасия Сергеевна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; anastas_1109@mail.ru

Information about the authors

Tarakanov Il’ya A.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; il8@list.ru

Yanova Anastasiya S.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; anastas_1109@mail.ru

Для цитирования

Тараканов И. А., Янова А. С. Необходимая оборона: особенности учета характера насилия, применяемого посягающим лицом, при оценке правомерности оборонительных действий // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 135–142.

For citation

Tarakanov, I. A. and Yanova, A. S. (2020), “Necessary defense: consideration features of the nature of violence used by the offending person when assessing the legality of defensive actions”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 135–142.

УДК 347.91+347.6

К. А. Шумова[1]
Д. В. Долотова[2]
[1] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация

K. A. Shumova[1]
D. V. Dolotova[2]
[1] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation
[2] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation

Приоритетность судебной медиации как формы преодоления семейно-правового конфликта

Priority of judicial mediation as a form of overcoming a family-legal conflict

Ключевые слова: медиация; брак; примирение; семейное законодательство.

Аннотация. В ходе проведенного исследования авторы пришли к выводу, что законодательные акты, регламентирующие порядок защиты частного права в сфере брачно-семейных отношений, нуждаются в скорейшей доработке. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ в области семейных споров как наиболее обширной, востребованной области применения медиативного процесса также требует тщательного пересмотра и коррекции с учетом сложившейся практики в целях устранения противоречий с действующим семейным законодательством.

Key words: mediation; marriage; reconciliation; family law.

Abstract. In the course of the study, the authors came to conclusion that the legislative acts regulating the procedure for protecting private law in the field of marriage and family relations need to be further developed. Federal Law of July 27, 2010 no. 193-FL in the field of family disputes as the most extensive, demanded area of application of the mediation process also requires careful revision and correction, taking into account the established practice, in order to eliminate contradictions with the current family law.

Принятие общественным сознанием такого правового явления, как медиация в современной России происходит постепенно. В свете масштабной судебной реформы 2019 г. статус медиативной процедуры в гражданском процессе становится все более прозрачным и приемлемым для участников судебного разбирательства, предметом которого выступает бракоразводный процесс с определением дальнейшей судьбы не только членов семьи, но и их имущества.

Медиативная форма примирения сторон наилучшим образом должна применяться именно при урегулировании семейно-правовых споров, имеющих наиболее мощную эмоциональную окраску, затмевающую порой реальную суть спора, препятствующую успешному его разрешению.

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за 2018–2019 гг., в рамках гражданского судопроизводства было расторгнуто более 70 % всех браков от числа заключенных, 80 % из которых имели общих несовершеннолетних детей. При этом лишь 4 % от всех разведенных лиц смогли разделить имущество в судебном порядке, ссылаясь на невозможность продолжения диалога с бывшим супругом как в стенах суда, так и вне их[1].

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики за 2018–2019 гг., при разделе имущества в судебном порядке цена иска в каждом третьем деле превышала 2 млн руб., в каждом пятом – 1 млн руб., в каждом седьмом – в интервале от 500 тыс. до 1 млн руб.[2]

В связи с увеличением количества бракоразводных процессов, предметом которых являются не только формальное расторжение брака в силу невозможности совместного проживания супругов, но и раздел совместно нажитого имущества, определение места жительства ребенка, определение порядка осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, порядка общения родителей с ребенком, алиментные обязательства, применение примирительной процедуры – медиации – приобретает особую ак-

© Шумова К. А., Долотова Д. В., 2020

[1] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации : [сайт]. URL: http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891 (дата обращения: 10.04.2020).

[2] Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://www.gks.ru/ (дата обращения: 10.04.2020).

туальность и нуждается в дополнительной правовой регламентации.

В ходе применения процедуры медиации как альтернативного механизма урегулирования семейно-правовых споров статистическими данными судов, объединений медиаторов зафиксировано преобладание положительных моментов от применения медиативных методов[1].

Подтверждением данного факта является нормативное включение в процессуальное законодательство норм, приветствующих проведение примирительной судебной медиации как способа защиты интересов противоборствующих субъектов, с одной стороны, и реализация задач гражданского судопроизводства, с другой.

Так, гл. 14.1 «Примирительные процедуры. Мировое соглашение» Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее: ГПК РФ) с 26 июля 2019 г. официально закрепила возможность на основе принципов добровольности, сотрудничества, равноправия и конфиденциальности использовать примирительные процедуры, в том числе и медиацию при спорах гражданско-правового характера.

При этом закономерно возникает вопрос о том, а достаточно ли лишь предложения судьи в рамках вынесения определения о принятии искового заявления к производству или в ходе дальнейшего движения дела прибегнуть к примирительной процедуре, если дело касается бракоразводного процесса?

Полагаем, что введение института обязательной медиации, реализуемой в рамках гражданского процесса, позволит в большинстве случаев не просто сохранить брак, а предотвратить эмоциональное выгорание супругов из-за проблем имущественного и неимущественного характера.

В первую очередь следует отметить гибкость процедуры медиации, позволяющей выяснить не только юридическую сторону спора, но и затронуть личную, касающуюся внутрисемейных отношений линию. В семейно-правовых спорах, как правило, преобладает личностный фактор, поскольку именно взаимные обиды и сильные эмоции супругов препятствуют поиску взаимоприемлемого решения. Медиатор как посредник между сторонами спора, следуя принципам нейтралитета, беспристрастности в отношении к сторонам медиации, независимости в суждениях, формирует отстраненный взгляд на ситуацию, постепенно выводя участников конфликта в пространство для комфортных, доверительных, конфиденциальных переговоров. Пытаясь донести до сознания конфликтующих сторон саму суть спора, реальное понимание их интересов и потребностей, медиатор тем самым помогает партнерам так сказать услышать друг друга и постепенно выстроить конструктивный диалог. Именно поэтому медиатор при работе с такими партнерами должен иметь и профессиональную подготовку в области психологии, психотерапии.

Несомненно, не все семейно-судебные споры способны разрешиться благодаря работе медиатора, поскольку здесь имеют значение и специфика спора, требований конфликтующих сторон, и психические особенности последних. Немедиабельными оказываются конфликты, сопровождающиеся домашним насилием, когда у одного из супругов налицо отклонение от нормального поведения, вызывающее сомнение в его дееспособности, и т. п.

В тех субъектах Российской Федерации, где медиация внедрена в практику судебных органов и предпинимаются попытки к ее применению, отмечается большое количество разрешенных мирных путем споров [Калинина 2018].

Однако мы понимаем, что условие обязательности медиации в рамках семейно-правовых споров поставит под сомнение всю выстроенную на настоящий момент конструкцию медиативного процесса, правовой статус медиаторов и предъявляемые к ним квалификационные требования, ведь предмет медиации имеет гораздо больший охват вопросов, нежели предмет судебного разбирательства.

До середины 2019 г. некоторыми представителями юридического сообщества высказывались различные мнения о бесперспективности медиативного соглашения ввиду отсутствия его юридической значимости (при условии отсутствия фиксации результатов медиации в решении (или мировом соглашении) суда) [Баринов, Кирьянова 2016].

Сегодня полемика по данному вопросу не уместна в силу того, что новая редакция отечественного гражданского процессуального законодательства от 26 июля 2019 г. закрепила перечень результатов примирительных процедур и полностью регламентировала порядок заключения, утверждения и исполнения мирового соглашения, достигнутого между сторонами, третьими лицами, заявляющими и не заявляющими самостоятельные требования относительно предмета спора (ст. 153.8 ГПК РФ).

Следует отметить, что, как правило, в семейно-судебных спорах затрагиваются интересы детей. Так, Гаагская конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей от 25 октября 1980 г. признает за детьми, права и

[1] Обзор статистических данных о рассмотрении в Верховном Суде Российской Федерации в 2019 году административных, гражданских дел, дел по разрешению экономических споров, дел об административных правонарушениях и уголовных дел. URL: http://www.supcourt.ru/documents/statistics/28771/ (дата обращения: 10.04.2020).

интересы которых затрагиваются в споре, статус третьих лиц в процедуре медиации. Следовательно, споры, непосредственно касающиеся взаимоотношений с детьми, должны исключаться из поля зрения медиаторов, что соответствует ч. 5 ст. 1 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»[1]. К таковым причислены споры: «об определении места жительства ребенка и порядка осуществления родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка, об изменении порядка общения с ребенком, о взыскании алиментов в твердой денежной сумме на содержание несовершеннолетнего ребенка, о лишении родительских прав, о разделе имущества, нажитого в период брака».

Вместе с тем статус ребенка как третьего лица вызывает у нас сомнения, поскольку ребенок в определенной степени связан с каждым родителем, он не заявляет самостоятельных требований относительно предмета спора, так как его заинтересованность не обусловлена тем, что к нему могут быть предъявлены регрессные требования (в гражданско-процессуальном понимании), а предмет спора касается его лично. Огромная масса семейно-правовых споров с участием детей при этом может быть необоснованно лишена процедуры прохождения медиации.

В целях исключения двусмысленности положений Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ требуется более детальное регламентирование процедуры медиации именно в области семейно-правовых споров, затрагивающих права и законные интересы детей, в том числе с участием детей, а также установления в Семейном кодексе Российской Федерации (далее: СК РФ) необходимости применения медиации к данной категории споров.

Отмечая особую природу семейно-правовых споров, предполагающую более компетентный подход в осуществлении медиации, гарантирующий ее качество, следует высказать предположение о необходимости усложнения квалификационных требований к медиаторам. В частности, нужно исключить непрофессиональную основу в деятельности посредника в области семейных споров либо предусмотреть обязательное привлечение представителя органа опеки и попечительства или детского психолога.

Резюмируя вышеизложенное и учитывая, что главнейшей целью медиативной процедуры являются обеспечение прав и интересов несовершеннолетних детей, содействие их благополучию, следует предположить, что Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ требует значительного усовершенствования в части положений, затрагивающих область семейных правоотношений.

Представляется целесообразным дополнить Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ отдельным разделом, в который, наравне с другими областями, следовало бы включить положения, регламентирующие медиацию семейных споров. Необходимо также установить формы взаимодействия медиатора и органа опеки и попечительства в случае возникновения в процессе судебной медиации обстоятельств, наносящих ущерб законным интересам ребенка, а также подвергающих опасности психическое состояние и нормальное развитие ребенка. Данное положение призвано устранить возникшее противоречие со ст. 78 СК РФ, предусматривающей обязательное участие представителя органа опеки и попечительства в судах при рассмотрении дел, связанных с воспитанием детей.

СК РФ в данном случае также подлежит оптимизации. Целесообразно дополнить раздел второй, главу четвертую СК РФ нормой, устанавливающей обязанность предоставления сторонами суду при расторжении брака медиативного соглашения, достигнутое сторонами в результате процедуры медиации, до обращения в суд, содержащего в том числе положения, затрагивающие права и законные интересы несовершеннолетних детей (алиментные обязательства, определение места проживания ребенка, порядок раздела имущества) в случае его нотариального удостоверения.

На основании вышеизложенного мы пришли к заключению, что Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ в области семейных споров как наиболее обширной, востребованной области применения медиативного процесса требует тщательного пересмотра и коррекции с учетом сложившейся практики в целях устранения противоречий с действующим семейным законодательством.

Список цитируемых источников

Баринов, Кирьянова 2016 – *Баринов А. В., Кирьянова Е. С.* Применение примирительного процесса (медиации) при разрешении семейных споров // Юридический мир. 2016. № 1. С. 50–54.

Калинина 2018 – *Калинина Э. П.* Адвокатская практика и медиация // Актуальные вопросы применения медиации в различных сферах. Ростов н/Д : ИП Беспамятнов С. В., 2018. С. 9–12.

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 31, ст. 4162.

References

Barinov, A. V. and Kir ’yanova, E. S. (2016), “Application of the reconciliation process (mediation) in resolving family disputes”, *Yuridicheskii mir*, no. 1, pp. 50–54.

Kalinina, E. P. (2018), “Law practice and mediation”, *Aktual ’nye voprosy primeneniya mediatsii v razlichnykh sferakh* [Actual issues of the use of mediation in various fields], IP Bespamyatnov S. V., Rostov-on-Don, Russia, pp. 9–12.

Информация об авторах

Шумова Кристина Александровна,
кандидат юридических наук, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; kristinashumov@yandex.ru

Долотова Дарья Валерьевна,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; d.v.dolotova@mail.com

Information about the authors

Shumova Kristina A.,
PhD (law), Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; kristinashumov@yandex.ru

Dolotova Dar ’ya V.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; d.v.dolotova@mail.com

Для цитирования

Шумова К. А., Долотова Д. В. Приоритетность судебной медиации как формы преодоления семейно-правового конфликта // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 143–146.

For citation

Shumova, K. A. and Dolotova, D. V. (2020), “Priority of judicial mediation as forms of overcoming a family-legal conflict”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 2(55), pp. 143–146.

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW

УДК 342.72/.73

Д. В. Абражеева[1]
А. В. Балакин[1]
А. Л. Сердюк[2]
[1] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация
[2] Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, Санкт-Петербург, Российская Федерация

D. V. Abrazheeva[1]
A. V. Balakin[1]
A. L. Serdyuk[2]
[1] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation
[2] St.-Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, St. Petersburg, Russian Federation

Конституционно-правовой статус личности в России в условиях цифровизации

Constitutional status of the personality in Russia in conditions of digitalization

Ключевые слова: личность; цифровизация; Конституция; права и свободы; Интернет.

Аннотация. В статье рассмотрены особенности правового статуса личности в условиях цифровизации. Авторы анализируют возможные последствия и влияние цифровизации на социальную и правовую сферы деятельности государства и личности.

Key words: personality; digitalization; Constitution; rights and freedoms; the Internet.

Abstract. The article discusses the features of a legal status of the individual in conditions of digitalization. The authors analyze the possible consequences and impact of digitalization on the social and legal spheres of state and individual activity.

Информационные технологии давно и прочно вошли в нашу жизнь. Однако новый тренд современного мира, который пришел на смену информатизации, – цифровизация – носит глобальный характер. Непрерывное развитие информационных технологий за два последних десятилетия положило начало формированию новой, так называемой цифровой реальности. Все больше отношений переходят в плоскость сетевого сотрудничества, демократия во многих странах успешно функционирует как электронная модель взаимодействия человека и государства. Вне сомнений, что и Российская Федерация не может оставаться в стороне от подобных процессов. Профессор С. А. Авакьян обоснованно акцентирует внимание на усилении взаимодействия цифрового мира и конституционного права [Авакьян 2019].

Образовывающаяся цифровая сфера становится новым объектом права, в частности конституционного права, и в то же время – новым вызовом. Мы согласны с мнением В. Д. Зорькина о том, что «сегодня зарождается новое право – “право второго модерна”, регулирующее экономические, политические и социальные отношения в контексте мира цифр, больших данных, роботов, искусственного интеллекта»[1].

Так как мы упомянули два термина (информатизация и цифровизация), то считаем необходимым внести ясность. Легального определения цифровизации нет, однако Гражданский кодекс Российской Федерации в ст. 141.1 говорит о цифровых правах, основным признаком которых называет определение через правила информационной системы. Если обобщать подходы к цифровизации, то мы приходим к выводу, что этот процесс представляет собой внедрение цифровых технологий. В соответствии с Федеральным законом от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[2] информационная система – совокупность содержащейся в базах данных информации и обеспечивающих ее обработку информационных технологий и технических средств. Цифровизация – более системный и целостный процесс по сравнению с информатизацией, так как позволяет создавать интерактивные системы, которые адаптированы под разных пользователей.

Информационная сфера выступает как неотъемлемый элемент цифровой системы, информатизация является первой стадией процесса цифровизации, а информационное общество в процессе своего поступательного развития постепенно трансформируется в цифровое общество [Масловская 2019].

[1] *Зорькин В. Д.* Право в цифровом мире // Российская газета. 2018. 29 мая.

© Абражеева Д. В., Балакин А. В., Сердюк А. Л., 2020

[2] Российская газета. 2006. 29 июля.

Активным пользователем интерактивных систем является человек. Мы привыкли к взаимодействию с «цифровыми личностями» в рамках виртуального общения в чатах, на форумах, в социальных сетях и т. п., а Интернет давно стал самостоятельным юридически значимым пространством. Уже никого не удивляет, что консультируют на разных площадках программы-боты, что искусственный интеллект облегчает нам поиск информации, нет необходимости стоять в очереди в государственный орган, а ответы на вопросы можно получить в режиме реального времени. Шире стали возможности и для выражения собственного мнения, а программы для коммуникации позволяют проводить собрания удаленным способом в режиме конференц-связи или посредством обмена обычными сообщениями. Работник и работодатель могут даже не видеть лица друг друга, но при этом их взаимодействие будет успешным, а поставленные задачи будут выполняться эффективно, более того, создавая возможности для вариативного и коммуникативного взаимодействия (например, фрилансинг). Однако неизменно то, что человек остается субъектом права, потому мы сталкиваемся с влиянием цифровизации и на правовой статус личности. Прежде всего это касается форм реализации своих прав и обязанностей, цифровизация позволяет осуществлять их без непосредственного личного участия, а когда необходимо подтвердить личность, то такое подтверждение может быть заменено электронной подписью или иными средствами. В то же время становится неважным местонахождения лица. Так, гражданин может быть за пределами государства, но это не лишает его возможности, например, связаться с налоговым органом или подать заявление для получения места в детском саду.

Достаточно часто процессы цифровизации вызывают опасения. Людям кажется, что цифровизация – это прежде всего контроль, нарушение личных границ, нивелирование тайны частной жизни. С одной стороны, есть основания для подобных опасений, но с другой, цифровизация – это всего лишь инструмент, а как он будет использован, зависит в том числе и от нас. Именно поэтому вопрос реализации конституционных прав, особенности их ограничений и в целом особенности правового статуса личности становятся актуальными. В настоящей статье мы затронем лишь отдельные аспекты, которые, конечно же, нуждаются в более глубоком изучении и критическом анализе. Конституционно-правовой статус зиждется на триаде: права, обязанности и свободы.

Конституция Российской Федерации закрепляет право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Цифровизация привела к тому, что было создано электронное правительство, у каждого государственного органа есть свой официальный сайт, который позволяет реализовывать интерактивное взаимодействие государства и человека. Надо отметить, что электронное правительство – это прежде всего способ получения информации. Таким образом, внедрение подобной формы коммуникации позволяет в полной мере облегчить осуществление права на работу с информацией. В условиях мощных информационных потоков государство тоже становится информационным [Цалиев 2019].

Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» разделяет информацию на общедоступную и информацию, доступ к которой может быть ограничен федеральными законами. В постановлении от 18 февраля 2000 г. № 3-П[1] Конституционным Судом Российской Федерации сформулированы очень важные позиции, которые касаются получения информации, непосредственно затрагивающей права и интересы заявителя, например, недопустимость умаления самого конституционного права. Установленные пределы ограничения должны быть пропорциональны и могут быть обусловлены исключительно по содержанию информации.

Отечественное законодательство достаточно детально регламентирует порядок получения информации о деятельности органов государственной власти, так и сам порядок размещения информации на официальных сайтах (какая информация, как размещена и т. д.). Мы можем констатировать, что для большинства людей этот процесс облегчает взаимодействие с государством, ведь теперь достаточно зайти на сайт, и вся необходимая информация уже известна: данные о руководителях, структуре, контактах, приеме и т. д.

Цифровизация непосредственным образом влияет на конституционно-правовой статус. Так, если брать во внимание изменения в области политических прав и свобод, то следует указать на новации в сфере избирательного права. В сентябре 2019 г. было продемонстрировано, как избирательное право может быть реализовано по-новому – через электронное голосование посредством специального программного обеспечения регионального портала государственных и муниципальных услуг г. Москвы. Электронное голосование позволяет повысить явку избирателей, сокращает расходы на выборы. В то же время электронное голосование требует затраты немалых сил на создание надлежащих избирательных процедур и выверенных технологий, которые могли бы гарантировать достоверность результатов голосования.

[1] Российская газета. 2000. 1 марта.

Организация видеонаблюдения – еще одно направление цифровизации при проведении выборов.

Однако вопрос идентификации и подтверждения тождества является одним из самых сложных. Мы должны быть уверены, что права реализует соответствующий гражданин в том намерении, которым он обладает.

В России внедрена Единая биометрическая система, позволяющая гражданам удаленно идентифицировать себя по биометрическим образцам при получении ряда финансовых услуг.

Права человека тесно связаны с частным правом. В условиях цифровизации возникают «цифровые права», в России они реализуются посредством имущественных отношений в Интернете. Обилие интернет-магазинов позволяет без труда совершать покупки, а реклама физических лиц в социальных сетях допускает последующее заключение разного рода гражданско-правовых договоров.

Необходимо подчеркнуть, что Основной закон Российской Федерации, уделяя значительное внимание регламентации правового положения человека и гражданина в России, в соответствующих статьях закрепляет право на неприкосновенность частной жизни, право на личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени. Подобное закрепление указывает на то, что обеспечение защиты указанных прав выступает одной из приоритетных задач современного Российского государства, становится актуальной.

Нельзя не признать тот факт, что социальные сети, приложения для коммуникации часто содержат немало информации о жизни человека (фотографии, переписка, данные о родственниках и друзьях). Мы знаем много примеров, когда злонамеренно личные страницы взламывались, а информация, составляющая тайну, была раскрыта в Интернете, к ней был открыт доступ широкой общественности. Кроме того, остается неоднозначной ситуация контроля работодателя за использованием работниками Интернета, в которой часто тяжело удержать в равновесии право работника на уважение частной жизни и интересы работодателя.

Различные государственные порталы, связанные с медицинским обеспечением, содержат сведения, составляющие медицинскую тайну (диагнозы). Закономерно возникает вопрос: достаточно ли защищены данные граждан? Конституционному принципу запрета на сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия в условиях цифровизации необходимы дополнительные эффективные гарантии. Возможно ведение медицинских карт и иных документов в электронном формате. В 2017 г. появилась возможность оформлять электронный листок нетрудоспособности. Именно это позволило сделать систему социального страхования прозрачной, исключить вероятность предоставления поддельных документов.

Одним из примеров несанкционированного вмешательства в частную жизнь граждан является дело Р. Захарова против Российской Федерации, которое было представлено к рассмотрению в Европейский суд по правам человека. Суть жалобы истца заключалась в претензии к оператору сотовой связи, который предоставил возможность российским правоохранительным органам осуществлять оперативные мероприятия по прослушиванию телефонных переговоров, соответственно, была поставлена под сомнение эффективность действующего российского законодательства по защите граждан от мер скрытого наблюдения[1]. Оценив российское законодательство, Европейский суд по правам человека пришел к выводу, что закрепленные в нем процедуры «не способны обеспечить того, чтобы меры скрытого наблюдения не назначались случайно, беспорядочно и без соответствующего рассмотрения» [Антопольский 2019]. Недопустимо незаконное вмешательство в частную жизнь.

Конституция Российской Федерации называет народ носителем суверенитета и единственным источником власти. Анализируя вышесказанное, мы можем утверждать, что цифровизация в общем, а электронное правительство, в частности, позволяет повысить степень участия граждан в процессах управления и ускорить процесс взаимодействия.

Отправление правосудия также стало доступным благодаря электронному правосудию. Теперь подача обращения в суд, отслеживание его движения не требует постоянного личного присутствия. Посредством ГАС «Правосудие» можно получить необходимую информацию по делу, участником которого лицо является.

Информационные технологии в значительной мере позволили упростить реализацию в первую очередь социальных прав граждан. Это проявляется в упрощении предоставления различного рода услуг, которое осуществляется специальными многофункциональными центрами, основываясь на принципе «одного ока» [Новикова 2013].

Реализация права на образование также стала более доступной благодаря возможности дистанционного обучения. Приоритетный проект в области образования – «Современная цифровая образовательная среда». В качестве основной цели данного проекта выступает предоставление возможности российским гражданам получить доступ к

[1] ECtHR. Roman Zakharov v. Russia. Application no. 47143/06. Judgment of 4 December 2015 // European Court of Human Rights. HUDOC. URL: http://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-159324 (дата обращения: 20.04.2020).

недорогому онлайн-обучению. Как показывает практика, в последнее десятилетие значительное число граждан сумело воспользоваться представленной возможностью и получить образование именно дистанционно. Это практично, удобно и экономит массу времени.

Кроме того, сайт «Госуслуги» представляет широкий спектр услуг: почти каждый государственный орган позволяет получать услуги через личные кабинеты на своих сайтах, реализовать свои права (право на медицинское обслуживание, право на получение налогового вычета, право на обращение), выполнить обязанности (заплатить налоги).

Затронула цифровизация и право на труд. Дистанционная работа давно уже стала социальной и правовой реальностью, документооборот возможен практически из любой точки мира, финансовые затраты на обеспечение работников минимальны. Однако достаточно часто такая трудовая деятельность носит неофициальный характер, без оформления трудовых или гражданско-правовых отношений. Если же отношения и оформляются, то чаще всего заключаются договоры подряда или оказания услуг. Основной недостаток труда по таким договорам – отсутствие социальных гарантий в виде права на отпуск, оплату листка нетрудоспособности.

Цифровая демократия в России предполагает общественное обсуждение различных правовых проектов государственного и муниципального уровней. При этом только вопросы социально-экономического порядка открыты для публичного обсуждения, политическая составляющая не подлежит общественной оценке.

В 2013 г. в России была введена в действие универсальная электронная карта, которая аккумулировала как носитель основные необходимые документы граждан, но в 2017 г. выпуск данных карт был прекращен. Жители Санкт-Петербурга, например, имеют возможность оформить единую карту петербуржца, которая может выступать в качестве носителя персональной квалифицированной электронной подписи держателя карты, а также открывает простой доступ к государственным, муниципальным и коммерческим услугам.

Говоря о последствиях цифровизации в Российской Федерации, можно отметить, например, что на осуществлении такой конституционной ценности, как местное самоуправление информатизация сказалась положительно: обеспечено свободное взаимодействие каждого с необходимыми ему органами власти, повышен уровень исполнительской дисциплины служащих, механизмы контроля становятся проще.

Наряду с уникальными возможностями и огромным потенциалом внедрения цифровых инноваций, необходимо учитывать определенные риски, связанные с этими технологиями, – это и сложности, обусловленные защитой информации, обеспечением безопасности критической информационной инфраструктуры, а также те затраты, которые могут оказаться несоразмерными.

Статья 9 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» для защиты основ конституционного строя также предполагает ограничение доступа к информации. В то же время охраняются нравственность, здоровье, права и законные интересы других лиц, обеспечение обороны страны и безопасности государства. Однако данный факт не умаляет того, что перед Российской Федерацией и всеми государствами мира в силу бурного развития информационных технологий стоят непростые задачи создания специального государственно-правового механизма обеспечения и защиты прав и свобод человека и обеспечения баланса прав и законных интересов личности, общества, государства.

В этом контексте не вызывает сомнений, что оборот и защита данных граждан должны находиться в ведении государства.

В нашей стране осуществляет полномочия Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации (далее: Минкомсвязь России). Для граждан, находящихся на самоизоляции в связи с распространением коронавируса, были запущены порталы, информирующие граждан о сервисах, начиная от заказа еды и продуктов питания до обучения и получения медицинских консультаций онлайн. Кроме того, Минкомсвязь России запустила пилотный проект по «доступному Интернету». Эксперимент продлится до 1 июля 2020 г.

Мы должны признать, что зарождается право, целью которого является регулирование не только отношений в дижитал-системах, но и с участием искусственного интеллекта.

Сейчас мы можем констатировать, что Конституция Российской Федерации содержит общие положения, характеризующие правовой статус личности, однако в рамках цифровизации требуется их детальная контекстная интерпретация в нормативных правовых актах. При этом важно помнить, что как бы динамично не развивалось цифровое (виртуальное, информационное) пространство, отношения в нем должны быть построены на законности и подпадать под действие Конституции как Основного закона государства.

Итак, цифровые технологии стремительно развиваются, все сферы жизнедеятельности общества подвержены их внедрению. Однако любой процесс в правовом государстве должен быть основан на ряде принципов. Один из них – недопустимость

дискриминации. Для «цифровых отношений» часто неважен ни цвет кожи, ни гендерные признаки, ни иные показатели. И в этом смысле цифровизация может помочь нивелировать человеческие негативные стереотипы. Следующий – принцип качества и безопасности. Применение электронных технологий, кодирование информации не должны иметь своей целью причинение вреда. Полезным может оказаться опыт некоторых европейских государств по использованию результатов видеонаблюдения и иных процессов за лицами, которые признаются силовыми структурами как потенциальные преступники (причем учитывать необходимо и негативный опыт, учиться на чужих ошибках). В современных реалиях актуальна и цифровая слежка в условиях пандемии. В ряде государств внедрена система слежения через смартфоны, проектируются онлайн-карты с передвижениями. Однако современные технологии позволяют не только контролировать, но и предупреждать возможную опасность. Так, государство осуществляет смс-рассылку с предупреждениями. Именно все эти действия должны быть основаны на следующих принципах – прозрачность и подконтрольность пользователя.

Под их воздействием изменяется и конституционно-правовой статус личности. И меняется он неоднозначно. С одной стороны, налицо положительные тенденции, касающиеся как политических, так и экономических, социальных прав, прав в сфере культуры, влекущие в целом упрощение и удобство их реализации.

С другой стороны, не стоит забывать и об отрицательных аспектах. Практика повсеместного использования цифровых технологий и дальнейшее углубление и проникновение их практически во все без исключения сферы общественной жизни показывают, что достаточно часто это приводит к негативным последствиям для граждан, использующих электронные ресурсы как для работы, так и в быту. Причем в первую очередь негативные последствия как раз и наступают в достаточно специфической сфере – личной жизни человека.

Важно отметить то, что цифровизация на современном этапе неизбежна. В дальнейшем она будет также воздействовать на правовые институты, определенно изменяя их. Именно поэтому государству и личности следует стараться извлекать из процесса цифровизации только те аспекты, которые повлекут за собой благие последствия, и, напротив, нейтрализовывать и своевременно выявлять негативные факторы данного процесса.

Подводя итог, необходимо констатировать, что на данном этапе процесса цифровизации конституционно-правовой статус по своему содержанию не претерпевает принципиальных изменений, но меняются формы и способы взаимодействия государства и личности, меняется форма реализации прав и свобод, исполнения обязанностей. Критика процесса связана прежде всего с теми вероятными негативными последствиями, которые могут возникать в результате противоправных действий других лиц. Возможно, что для повышения уровня гарантированности безопасности личности, частной жизни придется внимательно и срочно вводить новеллы в нормы административного и уголовного законодательства.

Таким образом, несмотря на все вышесказанное, пока рано говорить о том, что личность становится «цифровой», ведь для законодателя и правоприменителя остается важным именно субъект, который способен на волеизъявление с учетом требований объема дееспособности и подтверждения своего намерения (как факта намерения, так и тождественности субъекта, выражающего намерения, и субъекта, обладающего правом на конкретное волеизъявление).

Список цитируемых источников

Авакьян 2019 – *Авакьян С. А.* Информационное пространство знаний, цифровой мир и конституционное право // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 7. С. 23–28.

Антопольский 2019 – *Антопольский А. А.* Права человека и Интернет: практика Европейского суда по правам человека // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14, № 2. С. 159–185.

Масловская 2019 – *Масловская Т. С.* Цифровая сфера и конституционное право: грани взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 9. С. 18–22.

Новикова 2013 – *Новикова К. Н.* Управление системой социальной поддержки населения с применением информационных технологий // Ученые записки Казанского университета. 2013. № 155(6). С. 338–342.

Цалиев 2019 – *Цалиев А. М.* Информационные и организационно-воспитательные меры обеспечения гарантии прав и свобод личности // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 41–45.

References

Antopolsky, A. A. (2019), “Human rights and the Internet: the practice of the European court of human rights”, *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*, vol. 14, no. 2, pp. 159–185.

Avak ʾyan, S. A. (2019), “Information space of knowledge, digital world and constitutional law”, *Konstitutsionnoe i munitsipal ʾnoe pravo*, no. 7, pp. 23–28.

Maslovskaya, T. S. (2019), “Digital sphere and constitutional law: facets of interaction”, *Konstitutsionnoe i munitsipal ʾnoe parvo*, no. 9, pp. 18–22.

Novikova, K. N. (2013), “Managing the social support system of the population using information technologies”, *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta*, no. 155(6), pp. 338–342.

Tzaliev, A. M. (2019), “Information and organizational and educational measures to ensure the guarantee of individual rights and freedoms”, *Konstitutsionnoe i munitsipal ʾnoe parvo*, no. 10, pp. 41–45.

Информация об авторах

Абражеева Дина Викторовна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; degtevadina@mail.ru

Балакин Александр Владимирович,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; balakinav33@gmail.com

Сердюк Алевтина Леонидовна,
кандидат юридических наук, Санкт-Петербургский университет Федеральной службы исполнения наказаний, Санкт-Петербург, Российская Федерация; alevtinaserdyuk@yandex.ru

Information about the authors

Abrazheeva Dina V.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; degtevadina@mail.ru

Balakin Aleksandr V.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; balakinav33@gmail.com

Serdyuk Alevtina L.,
PhD (law), St.-Petersburg University of the Federal Penitentiary Service, St. Petersburg, Russian Federation; alevtinaserdyuk@yandex.ru

Для цитирования

Абражеева Д. В., Балакин А. В., Сердюк А. Л. Конституционно-правовой статус личности в России в условиях цифровизации // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 149–154.

For citation

Abrazheeva, D. V., Balakin, A. V. and Serdyuk, A. L. (2020), “Constitutional status of the personality in Russia in conditions of digitalization”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 2(55), pp. 149–154.

УДК 341.01

В. В. Богатырёв[1, 2]
[1] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация

V. V. Bogatyrev[1, 2]
[1] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation
[2] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation

Системность международного права в современных условиях

System of international law in modern conditions

Ключевые слова: право; правовая система; система международного права; диссипативная система; консервативная система; правовые ритмы.

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы исследования международного права с точки зрения общей теории систем. Утверждается, что международное право состоит из системных образований разных по своим свойствам: международно-правовой системы – диссипативной и нелинейной; системы международного права и систем международно-правовых норм – консервативных и линейных. Первая система динамичная и может саморазвиваться, обмениваясь со средой энергией, материей и идеями, тогда как вторые стабильны и непосредственно зависят от первой. Выявление этих особенностей позволит более точно прогнозировать развитие международного права в целом.

Key words: law; legal system; international law system; dissipative system; conservative system; legal rhythms.

Abstract. The article discusses the prospects of studying international law from the point of view of the general theory of systems. It is said that international law consists of systemic formations of various properties: the international legal system, which is dissipative and non-linear; the system of international law and the system of international legal norms – conservative and linear. The former one is dynamic and can self-develop by exchanging energy, matter and ideas with the environment, while the latter ones are stable and directly dependent on the former. Identification of these features will make it possible to more accurately predict the development of international law as a whole.

В настоящее время под воздействием глобализации пришло понимание земной цивилизации как единого, взаимосвязанного организма, который является составной частью всего мироздания. Этому во многом способствовало применение в научных исследованиях системного метода, которой уже 63 года организованно используется международным научным сообществом. После основания системного движения Л. Берталанфи, А. Боулдингом, Р. Жерарром и А. Раппопортом [Rousseau, Wilby, Billingham, Blachfellneer 2016] была проделана огромная работа, которая привела к созданию значительного числа системных теорий, большого количества методик осуществления системных исследований [Midgley 2003], которые способствовали расширению и углублению знаний во многих областях человеческой деятельности: строительстве, здравоохранении, машиностроении, сельском хозяйстве, управлении, психологии и юриспруденции. Понимание права как совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, регулирующих общественные отношения, дало возможность ученым-юристам изучать данное явление, используя методологию естественных и технических наук, что позволит осуществлять более точное прогнозирование возможных вариантов его развития.

Право – явление глобальное и представляет собой правовую систему [Богатырёв 2011, с. 47], значительное место в которой занимает международное право. При этом оно само представляется как сложное, системное образование, которое и будет являться целью данного исследования. Для ее достижения мы должны выяснить, что представляет собой международное право с точки зрения общей теории систем, каковы ее системные элементы и в чем заключаются их особенности, а также какова их специфика на настоящий момент времени и чем это обусловлено.

Прежде всего нужно отметить, что работы по созданию единой концепции теории систем ведутся интенсивно, но сегодня она еще не создана, и это обусловлено рядом причин, таких как:

– отсутствие единого подхода к системе мировоззрения, которая опиралась бы на гносеологический и онтологический фундамент;

– отсутствие соответствующего категориального аппарата, раскрывающего универсальные осо-

© Богатырёв В. В., 2020

бенности систем и методологии, которые в ней можно использовать;

– отсутствие согласованных принципов исследования в теории систем;

– отсутствие понимания единства в научных знаниях, основанных на изоморфизме и системности научных знаний, сформулированных Л. Берталанфи и Р. Акоффом [Блауберг, Гельман, Зинченко 1969].

При этом следует обратить внимание на тот факт, что разработки общей теории систем все же ведутся, ярким примером могут служить работы: И. Пригожина по созданию теории диссипативных систем [Пригожин 1960], Г. Хакена по созданию синергетической теории, изучающей эффекты самоорганизации в физических системах [Хакен 1980], а также труды: Н. Винера по саморегуляции [Винер 1961] и У. Эшби по самоорганизации [Эшби 1962], – которые внесли значительный вклад в углубление знаний в данной области.

Создание синергетической теории, с одной стороны, расширило возможности по разработке общей теории систем, а с другой, послужила причиной возникновения серьезной полемики по их соотношению, причем диапазон высказываний был от «синергетика отменяет общую теорию систем» до утверждения о том, что синергетика – это только метод исследования в общей теории систем[1]. На наш взгляд, синергетика, по своей сути, является составной частью общей теории систем, так как дополняет ее исследованиями особой группы системных образований – диссипативных систем. Использование данного вида системных образований позволяет применить системный метод к социальным структурам и, в частности, к исследованию как вообще права, так и его особого вида – международного права.

Опираясь на последние исследования в данной области, сегодня мы можем использовать новый подход в познании системности как права в целом, так и международного права, в частности. Системные особенности права активно разрабатывались большой плеядой ученых-юристов как теоретиков [Алексеев 1975; Карташов 2006; Поленина 1979; Тиунова 1991], так и международников [Кириловская 2005; Кислицына 2014; Фельдман 1977], но использование синергетического метода позволяет раскрыть системные явления в международном праве под иным углом зрения.

Как правило, системные связи международного права рассматривались с позиций системно-дисциплинарного, системно-междисциплинарного и системно-мультидисциплинарного подходов. Так, при системно-дисциплинарном подходе использовались классические методы и принципы в системных исследованиях международно-правовой действительности, проводились исследования норм, институтов и отраслей международного права и их связи. При системно-междисциплинарном подходе рассматривались взаимные связи международного и внутригосударственного права, международного публичного и частного права, в системно-мультидисциплинарных исследованиях – его взаимодействие с философией, теорией международных отношений, социологией, политологией и т. д. Сегодня появилась возможность рассматривать международное право как систему в системно-трансдисциплинарном подходе, где используются наработки общественных и гуманитарных наук, а также естественных и технических, что расширяет познавательные возможности такого сложного явления, как международное право.

Использование системно-трансдисциплинарного подхода к познанию международного права позволит включить его к единоцентристскую картину современного мира. С точки зрения данной парадигмы весь существующий мир представляет собой единую систему, состоящую из совокупности объектов, которые находятся в закономерной связи и представляют собой функциональный ансамбль и которые по отдельности не являются самостоятельно существующими системами, а их внутренняя структура предопределяется потребностями и целью единой упорядоченной среды, предстающей перед нами в образе единого мира. В едином мире имеет место всеобщий порядок, опосредованный различными нормативными установками этой среды – биологическими, социальными, техническими. Эти нормативные установки формируют системный синтез нормативности, который выступает всеобщим императивом, к которому будет стремиться осознанно или не осознанно каждая составная часть функционального ансамбля. Это будет происходить независимо от уровня развития науки и человеческого общества, и нормативный императив будет соответствовать единой нормативной этике [Мокий 2017].

Исходя их вышеизложенного, можно заключить, что все мироздание функционирует по общим императивным нормам, которые должны стать основой каждого элемента функционального ансамбля: биологического, социального, технического. При этом нормативный императив имеет динамические и статические параметры. Статический параметр является общесистемным, а динамический представляет собой состояние нормативной составляющей горизонтальных и вер-

[1] *Николаев Е. А.* Соотношение синергетики и общей теории систем в исследовании проблем глобализации. URL: http://spkurdyumov.ru/globalization/sootnoshenie-sinergetiki-i-obshhej-teorii-sistem/ (дата обращения: 20.01.2020).

тикальных уровней функционального ансамбля. Все динамическое, что противоречит статическому императиву, будет изменяться в соответствии с общими параметрами системы и к нему стремиться. Так как социальная составляющая самая молодая, то ее динамическая нормативная структура движется к всеобщему императиву с помощью проб и ошибок, и сегодня имеет место значительное его противоречие статической мировой нормативности.

Исходя из предложенной теоретической конструкции, идея права является одним из нормативных императивов системы мироздания и представляет собой статическую его составляющую. Динамическую составляющую представляют собой системы законодательства во внутригосударственных правовых системах и система договоров в международно-правовом пространстве. С точки зрения системно-дисциплинарного подхода они должны в итоге слиться в единую глобальную правовую систему, которая и станет единым динамическими образом того же права [Богатырёв 2006, с. 50–53].

Элементы функционального ансамбля по отношению к мировой системе являются подсистемными образованиями и имеют как общие признаки системы, так и собственные качественные параметры. Международное право как подсистема обладает внутренней структурой, включающей в себя международно-правовую подсистему, подсистему международного права, а также подсистемы международно-правовых норм. В своем исследовании мы упор сделаем на двух основных подсистемах международно-правовой (международно-правовая система) и подсистеме международного права (система международного права), – так как они имеют совершенно разные качественные параметры. Для удобства изложения мы будем использовать в отношении их понятие «система».

Прежде всего под международно-правовой системой мы понимаем совокупность правовых норм международного происхождения, международных органов и организаций, а также международно-правового сознания, обеспечивающих в процессе юридической практики урегулирование выходящих за пределы национальных границ общественных отношений, возникающих между субъектами мирового сообщества [Гаврилов 2004, с. 112]. Международно-правовая система является составной частью и непосредственно зависима от более крупного образования – международной социальной системы [Богатырёв 2011, с. 25], которую в науке называют и глобальной цивилизацией [Астахов 2012, с. 52–54], и мегаобществом [Горбачев 2003, с. 37], и т. д. Современная международная социальная система состоит из трех взаимосвязанных блоков: личностей – международного глобального общества – государств и международных межгосударственных образований [Богатырёв 2011, с. 25].

С точки зрения синергетики любое общество, глобальное в том числе, представляет собой диссипативную систему [Бранский 1999, с. 350], которая имеет ярко выраженные признаки: открытость – способность обмениваться с внешней средой энергией, материей и информацией; неравновесность – способность обмениваться веществом, энергией и информацией между элементами самой системы; нелинейность – способность к самодействию [Бранский 1999, с. 351]. Важной особенностью диссипативных систем также является их постоянное балансирование между порядком и хаосом. Порядок и стабильность диссипативных систем, в частности в социальных системах, обеспечивается социальной нормативной системой, элементом которой как раз и является право, а в международной социальной системе эту роль выполняет международно-правовая система.

Международно-правовая подсистема является диссипативным образованием, что обусловлено ее возможностью самостоятельно реагировать на воздействия как из внешней среды, в частности нормативного императива мироздания, так и национальных правовых составляющих глобальной правовой системы, а также внутренних посылов отдельных субъектов или групп субъектов международного права. Эту функцию в правовой системе осуществляет один из ее главных элементов – правосознание.

В международно-правовой науке до сих пор продолжается дискуссия о том, является ли правовое сознание частью правовой системы. Так, С. В. Черниченко утверждает, что правовое сознание «скорее питательный исходный материал правовой системы, так сказать подсистема… оно как таковое не имеет нормативной основы, иначе надо будет признать, что правовая система возможна без права». Из этого утверждения он делает вывод, что «правосознание, вероятно, не входит в правовую систему и при осуществлении права» [Черниченко 1986]. А. В. Поляков считает, что право не может существовать вне человеческого сознания, право становится правом, лишь «преломляясь» сквозь сознание социального объекта [Поляков 2004].

Мы же считаем, что социальная сфера (а право является ее составной частью) есть создание осознанной человеческой деятельности, и существовать без нее, в принципе, не может. Именно сознание делает человека мерилом всех вещей, особенно в правовой сфере, так как право – явление искусственное, создано человеком и только им ис-

пользуется. С помощью правосознания человек осознает особенность тех или иных общественных отношений и создает систему норм для их оптимальной регуляции. С помощью правосознания он осуществляет деятельность по их воплощению в жизнь через систему созданных для этого органов и организаций. Без сознания человек перестанет быть человеком, а право – правом!

Правосознание имеет разные уровни существования: индивидуальное, групповое, которое делится на национальное и международное. Профессор Л. Х. Мингазов в связи с этим отмечает, что «сознание норм международного права предполагает наличие международного правосознания… Общее международно-правовое сознание формируется в процессе взаимодействия и противоборства различных систем государственного и международно-правового сознания и служит предпосылкой образования общепризнанных норм международного права» [Мингазов 1990, с. 82–83].

Обращая внимание на внутреннюю структуру правосознания, отметим, что традиционно оно делится на правовую психологию и правовую идеологию [Карташов 2006, т. 2, с. 19]. В диссипативной международно-правовой системе каждая из них играет отведенную ей роль. Правовая психология определяет внутреннюю готовность того или иного субъекта осознать и воспринять какую-либо правовую установку, уровень восприятия которого определяется его национальными, религиозными и возрастными особенностями. Правовая психология – явление довольно статичное. Именно ее диапазон дает возможность наиболее адекватно реагировать на внешние и внутренние воздействия, испытываемые обществом, от него зависит степень его устойчивого развития.

Правовая идеология представляет собой совокупность правовых идей, которые поступают в международное правосознание для подстройки международного правосознания международно-правовой системы с целью решения возникающих международных проблем. При этом правовая идеология – более динамичное явление, оно, как правило, интернационально и может создавать в международной нормативной системе правовое поле, под влиянием которого идет воздействие на участников правового регулирования. На определенном этапе развития мировой социальной системы правовая психология той или иной правящей политической элиты не в состоянии воспринять новые политические и правовые идеи, что ведет к возрастанию в обществе энтропии, приводящей к кризису и распаду системы – хаосу. Переход порядка в хаос И. Пригожин называет точкой бифуркации [Пригожин 1991, с. 46–52], в результате которой происходит расширение масштабов системы, повышается ее чувствительность к внешнему миру, и как итог возникают новые исторические перспективы, т. е. возникает возможность появления других, более совершенных, форм организации.

Применительно к международной правовой системе эта теоретическая установка получает подтверждение при исследовании истории международного права. На каждом уровне развития международной социальной системы ей соответствует своя международно-правовая система: Вестфальской социальной системе, сформированной в 1648 г., соответствует классическое международное право; Версальской социальной системе, созданной в 1919 г., – переходный период от классического к современному; дуалистической социальной системе, созданной в 1945 г., – современное международное право; однополярной социальной системе, функционирующей с 1990 г., – новый переходный период, который неизвестно чем и когда закончится [Богатырёв 2018].

При этом важно обратить внимание на то, что в результате бифуркации появляется несколько вариантов развития новой системы – аттракторов, по которым она может в дальнейшем развиваться. Прогнозировать, какой аттрактор станет основным, а какие будут отвергнуты, в принципе, невозможно, так как невозможно полностью просчитать все внутренние и внешние факторы, которые будут воздействовать на систему в тот или иной период, и какие из них станут определяющими в результате ее реакции на него. Исходя из всего вышесказанного, можно сделать заключение, что прогнозировать развитие международно-правовой системы как диссипативного образования с точки зрения системно-междисциплинарного подхода фактически невозможно, но с позиций наличия нормативного императива в системно-трансдисциплинарном подходе можно определить основное направление ее развития – стремление к основополагающей статичной идее права.

Важной составляющей международно-правовой системы является система международного права. Под системой международного права понимается «объективно существующая целостность внутренне взаимосвязанных элементов: общих принципов международного права, договорных и обычно-правовых норм, отраслей и институтов международного права» [Гаврилов 2005, с. 14]. В структуре международно-правовой системы это самый стабильный элемент, так как он представляет собой консервативное линейное образование. Самым важным моментов является отсутствие в системе права элемента, который обеспечивал бы ее саморазвитие. По сути, система международного права – обычный механизм, созданный субъектами международно-правовых систем. Система права подвержена толь-

ко внешнему воздействию, которое его изменяет и использует. Е. А. Миронова выделяет следующие внешние факторы:

– историко-правовые предпосылки;

– доктринальные разработки;

– вновь возникшие международные отношения, требующие урегулирования международно-правовыми нормами;

– усиливающиеся тенденции к фрагментации системы международного права [Миронова 2016].

Основой любой системы права, международной в том числе, является правовая норма, под которой понимается правило поведения, признаваемое государством и другими субъектами международного права в качестве юридически обязательного. Права и обязанности, содержащиеся в нормах права, являются содержанием правовых норм. При вступлении в международные отношения субъекты международного права реализуют свои права и обязанности.

Из всего вышесказанного можно сделать заключение, что система международного права создается, реформируется и используется субъектами международного права, которые являются составной частью международно-правовой системы, и система международного права по своей сути является совокупностью международно-правовых норм, объединенных в институты и отрасли.

Правотворческий процесс в международной правовой системе представляет собой согласование воль национальных государственных элит, что делает его довольно сложным и длительным по времени. Эта особенность приводит к тому, что развитие системы международного права значительно отстает от саморазвивающейся международно-правовой системы в целом, в результате чего возникает эффект фрагментации международного права. Под данным явлением понимается «негативное явление, приводящее к дестабилизации взаимодействия основных элементов целостной системы международного права, следствием которого является возникновение противоречий между различными институтами и отраслями, что, в свою очередь, снижает эффективность современного международного права как регулятора международных правоотношений» [Кислицына 2014, с. 74]. Данное явление в последнее время активно стали изучать как на Западе [Хафнер 2000; Koskenniemi, Leino 2002], так и в Российской Федерации [Кислицына 2014; Колодкин 2005]. При этом выделяется много оснований данного явления: кризис системы международного права, функциональная диверсификация, глобализация, отсутствие централизованных органов, специализация, наличие параллельных норм, расширение сферы охвата международного права, наличие конкурентных норм и т. д. Нам представляется, что основной причиной данного явления в современной системе международного права является возрастание энтропии в современной международно-правовой системе, обусловленное распадом международной социальной системы.

Сегодня в существующем однополярном мире, где главенствуют Соединенные Штаты Америки, которые пытаются навязать всему мировому сообществу свою национальную юрисдикцию, международное право не только не нужно, но и представляет некоторую угрозу, так как ограничивает его возможности и дает аргументы его противникам. Однако именно общая теория систем ставит под сомнение возможность социальной системы США контролировать всю мировую социальную систему, так как ей элементарно не хватит для этого энергии, материи и идей. Причем это не соответствует нормативному императиву мироздания. Современный кризис, если он разрешится с положительной динамикой, выведет диссипативную международную социальную систему на новый качественный уровень – многополярный, которому будет соответствовать новая диссипативная международно-правовая подсистема, сердцевиной которой будет новая консервативная система международного права.

Подводя итог вышесказанному, можно утверждать, что общая теория систем будет активно совершенствоваться. Все мироздание составляет собой единую мировую систему, чьим статичным элементом является нормативный императив, к параметрам которого стремятся динамичные нормативные системы: биологические, социальные и технические. Международное право как система представляет собой совокупность взаимосвязанных, взаимодействующих и входящих одна в другую подсистем: международно-правовой, системы международного права и систем международно-правовых норм. Эти подсистемы различаются по своим параметрам: международно-правовая – диссипативная, нелинейная; система международного права и системы международно-правовых норм – консервативные и линейные. Если первая может саморазвиваться, обмениваясь со средой энергией, материей и идеями, ее развитие просчитать, в принципе, невозможно, то вторые статичны и непосредственно зависят от содержания первой, и их развитие можно предвосхищать. Выявление этих особенностей позволит в дальнейшем более точно прогнозировать развитие всех системных образований международного права.

Список цитируемых источников

Алексеев 1975 – *Алексеев С. С.* Структура советского права. М. : Юрид. лит., 1975. 264 с.

Астахов 2012 – *Астахов Е. М.* Глобальная цивилизация и Россия // Вестник МГИМО–Университета. 2012. № 5. С. 52–54.

Блауберг, Гельман, Зинченко 1969 – Общая теория систем: задачи и методы // Системные исследования: ежегодник / ред. кол.: И. В. Блауберг [и др.]. М. : Наука, 1969. 204 с.

Богатырёв 2006 – *Богатырёв В. В.* Глобальное право – как закономерный этап правового развития // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. Иваново : ИГЭУ, 2006. Прил.: Актуальные проблемы экономического и социально-гуманитарного знания. С. 50–53.

Богатырёв 2011 – *Богатырёв В. В.* Глобальные процессы в праве. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2011. 216 с.

Богатырёв 2018 – *Богатырёв В. В.* Причины сегодняшнего состояния международно-правового регулирования: синергетический подход // Юридическая наука и практика: наследие, состояние и перспективы развития : в 3 ч. Гродно : ГрГУ, 2018. Ч. 3. С. 169–172.

Бранский 1999 – *Бранский В. П.* Искусство и философия. Калининград : Янтар. сказ, 1999. 704 с.

Винер 1961 – *Винер Н.* Нелинейные задачи в теории случайных процессов. М. : Иностр. лит., 1961. 158 с.

Гаврилов 2004 – *Гаврилов В. В.* Понятие национальной и международной правовых систем // Журнал российского права. 2004. № 11. С. 98–112.

Гаврилов 2005 – *Гаврилов В. В.* Понятие и взаимодействие международной и национальных правовых систем. Владивосток : ДВГУ, 2005. 216 с.

Горбачев 2003 – Грани глобализации: трудные вопросы современного развития / науч. рук. М. С. Горбачев. М. : Альпина Бизнес Букс, 2003. 592 с.

Карташов 2006 – *Карташов В. Н.* Теория правовой системы общества : в 2 т. Ярославль : ЯрГУ, 2006.

Кириловская 2005 – *Кириловская Н. Н.* Система международного права и его науки в отечественной правовой доктрине XIX–XX в. : автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2005. 27 с.

Кислицына 2014 – *Кислицына Н. Ф.* Развитие системы международного права на современном этапе. М. : ЛЕНАНДР, 2014. 152 с.

Колодкин 2005 – *Колодкин Р. А.* Фрагментация международного права // Московский журнал международного права. 2005. № 2. С. 38–62.

Мингазов 1990 – *Мингазов Л. Х.* Эффективность норм международного права. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1990. 207 с.

Миронова 2016 – *Миронова Е. А.* О новых тенденциях развития системы международного права // Огарёв-Online. 2016. № 13(78). С. 8.

Мокий 2017 – *Мокий В. С.* Трансдисциплинарные основания общей теории систем как академической научной дисциплины // Universum: Общественные науки. 2017. № 9(39). URL: http://7universum.com/ru/social/archive/item/5120 (дата обращения: 20.01.2020).

Поленина 1979 – *Поленина С. В.* Теоретические проблемы системы советского законодательства. М. : Наука, 1979. 205 с.

Поляков 2004 – *Поляков А. В.* Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода. СПб. : СПбГУ, 2004. 385 с.

Пригожин 1960 – *Пригожин И.* Введение в термодинамику необратимых процессов. М. : Иностр. лит., 1960. 150 с.

Пригожин 1991 – *Пригожин И.* Философия нестабильности // Вопросы философии. 1991. № 6. С. 46–52.

Тиунова 1991 – *Тиунова Л. Б.* Системные связи правовой действительности. СПб. : СПбГУ, 1991. 135 с.

Фельдман 1979 – *Фельдман Д. И.* О системе международного права // Советский ежегодник международного права. 1977. М. : Наука, 1979. С. 91–116.

Хакен 1980 – *Хакен Г.* Синергетика. М. : Мир, 1980. 406 с.

Хафнер 2000 – *Хафнер Г.* Риск фрагментации международного права // Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи ООН. 55 сессия (2000 г.). Дополнение № 10 (A/RES/55/10). URL: http://www.un.org/ru/ga/55/docs/55res1.shtml (дата обращения: 20.01.2020).

Черниченко 1986 – *Черниченко С. В.* Объективные границы международного и внутригосударственного права // Советский ежегодник международного права. 1984. М. : Наука, 1986. С. 81–104.

Эшби 1962 – *Эшби У. Р.* Конструкция мозга. Происхождение адаптивного поведения. М. : Иностр. лит., 1962. 397 с.

Koskenniemi, Leino 2002 – *Koskenniemi M., Leino P.* Fragmentation of international law? Postmodern Anxietiea // Leiden Journal of International Law. 2002. No. 15(3). P. 553–579.

Midgley 2003 – Systems thinking / ed. by G. Midgley. London : SAGE, 2003. Vol. 4. 306 p.

Rousseau, Wilby, Billingham, Blachfellner 2016 – *Rousseau D., Wilby J., Billingham J., Blachfellner S.* A typology for the systems field // Systema: connecting matter, life, culture and technology. 2016. Vol. 4, no. 1. P. 15–47.

References

Alekseev, S. S. (1975), *Struktura sovetskogo prava* [The structure of Soviet law], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Astakhov, E. M. (2012), "Global civilization and Russia", *Vestnik MGIMO–Universita,* no. 5, pp. 52–54.

Blauberg, I. V., Gel'man, O. Ya. and Zinchenko, V. P. (ed.) (1969), "General systems theory: tasks and methods", *Sistemnye issledovaniya: ezhegodnik* [System studies: yearbook], Nauka, Moscow, USSR.

Bogatyrev, V. V. (2006), "Global law – as a regular stage of legal development", *Vestnik Ivanovskogo energeticheskogo universiteta. Pril. "Aktual'nye problemy ekonomicheskogo i sotscial'no-gumanitarnogo znaniya",* IGEU, Ivanovo, Russia, pp. 50–53.

Bogatyrev, V. V. (2011), *Global'nye protsessy v prave* [Global processes in law], VYuI FSIN Rossii, Vladimir, Russia.

Bogatyrev, V. V. (2018), "Reasons for the current state of international legal regulation: a synergistic approach", *Yuridicheskaya nauka i praktika: nasledie, sostoyanie i perspektivy razvitiya, v 3 ch., ch. 3* [Legal science and practice: heritage, state and development prospects, in 3 pt., 3 pt.], GrGU, Grodno, Belarus.

Bransky, V. P. (1999), *Iskusstvo i filosofiya* [Art and philosophy], Yantarnyi skaz, Kaliningrad, Russia.

Chernichenko, S. V. (1986), "Objective boundaries of international and domestic law", *Sovetskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava.* 1984, Nauka, Moscow, USSR, pp. 81–104.

Eshbi, U. R. (1962), *Konstruktsiya mozga. Proiskhozhdenie adaptivnogo povedeniya* [Brain construction. The origin of adaptive behavior], Inostrannaya literatura, Moscow, USSR.

Fel'dman, D. I. (1979), "On the system of international law", *Sovitskii ezhegodnik mezhdunarodnogo prava.* 1977, Nauka, Moscow, USSR.

Gavrilov, V. V. (2005), *Ponyatie i vzaimodeistvie mezhdunarodnoi i natsional'nykh pravovykh sistem* [The concept and interaction of international and national legal systems], DVGU, Vladivostok, Russia.

Gavrilov, V. V. (2014), "The concept of national and international legal systems", *Zhurnal rossiiskogo prava,* no. 11, pp. 98–112.

Gorbachev, M. S. (ed.) (2003), *Grani globalizatsii: trudnye voprosy sovremennogo razvitiya* [The faces of globalization: difficult issues of modern development], Al'pina Biznes Buks, Moscow, Russia.

Kartashov, V. N. (2006), *Teoriya pravovoi sistemy obshchestva, v 2 t.* [Theory of the legal system of society, in 2 vol.], YarGU, Yaroslavl, Russia.

Khafner, G. (2000), "Risk of fragmentation of international law", *Ofitscial'nye otchety General'noi Assamblei OON. 55 sessiya (2000 g.). Dopolnenie No. 10 (A/RES/55/10)* [Official Records of the UN General Assembly. 55 session (2000). Supplement no. 10 (A/RES/55/10)], available at: http://www.un.org/en/ga/55/docs/55res1.shtml (Accessed 20 January 2020).

Khaken, G. (1980), *Sinergetika* [Synergetics], Mir, Moscow, Russia.

Kirilovskaya, N. N. (2005), The system of international law and its science in the domestic legal doctrine of the 19th – 20th centuries, Abstract of Ph. D. dissertation, international law, European law, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Kislitsyna, N. F. (2014), *Razvitie sistemy mezhdunarodnogo prava na sovremennom etape* [Development of the system of international law at the present stage], LENANDR, Moscow, Russia.

Kolodkin, R. A. (2005), "Fragmentation of international law", *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava,* no. 2, pp. 38–62.

Koskenniemi, M. and Leino, P. (2002), "Fragmentation of international law? Postmodern Anxietiea", *Leiden Journal of International Law,* no. 15(3), pp. 553–579.

Midgley, G. (ed.) (2003), *Systems thinking,* SAGE, London, UK, vol. 4.

Mingazov, L. Kh. (1990), *Effektivnost' norm mezhdunarodnogo prava* [The effectiveness of international law], Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta, Kazan, USSR.

Mironova, E. V. (2016), "About new trends in the development of the system of international law", *Ogarev-Online,* no. 13(78), p. 8.

Mokii, V. S. (2017), "Transdisciplinary foundations of the general theory of systems as an academic scientific discipline", *Universum: obshchestvennye nauki,* no. 9(39), available at: http://7universum.com/en/social/archive/item/5120 (Accessed 20 January 2020).

Polenina, S. V. (1979), *Teoreticheskie problemy sistemy sovetskogo zakonodatel'stva* [Theoretical problems of the system of Soviet legislation], Nauka, Moscow, USSR.

Polyakov, A. V. (2004), *Obshchaya teoriya prava: problemy interpretatsii v kontekste kommunikativnogo podkhoda* [General theory of law: interpretation problems in the context of a communicative approach], SPbGU, St. Petersburg, Russia.

Prigozhin, I. (1960), *Vvedenie v termodinamiku neobratimykh protsessov* [Introduction to the thermodynamics of irreversible processes], Inostrannaya literatura, Moscow, USSR.

Prigozhin, I. (1991), "The philosophy of instability", *Voprosy filosofii,* no. 6, pp. 46–52.

Rousseau, D., Wilby, J., Billingham, J. and Blachfellner, S. (2016), "A typology for the systems field", *Systema: connecting matter, life, culture and technology,* vol. 4, no. 1, pp. 15–47.

Tiunova, L. B. (1991), *Sistemnye svyazi pravovoi deistvitel'nosti* [Systemic relations of legal reality], SPbGU, St. Petersburg, Russia.

Viner, N. (1961), *Nelineinye zadachi v teorii sluchainykh protsessov* [Nonlinear problems in the theory of random processes], Inostrannaya literatura, Moscow, USSR.

Информация об авторе

Богатырёв Валерий Викторович,
доктор юридических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация;
valerii.bg@mail.ru

Information about the author

Bogatyrev Valery V.,
doctor of law, professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; valerii.bg@mail.ru

Для цитирования

Богатырёв В. В. Системность международного права в современных условиях // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 155–162.

For citation

Bogatyrev, V. V. (2020), "System of international law in modern conditions", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 155–162.

УДК 34.03

И. Д. Борисова[1, 2]
И. О. Кирова[1]
[1] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация

I. D. Borisova[1, 2]
I. O. Kirova[1]
[1] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation
[2] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation

Правовые основы интенсификации академической мобильности в Союзном государстве

Legal basis for intensification of academic mobility in the Union state

Ключевые слова: интеграция; высшее образование; академическая мобильность; Союзное государство.

Аннотация. Статья посвящена перспективам сотрудничества Российской Федерации и Республики Беларусь, а также их университетов в области науки и высшего образования. Авторы отмечают, что данное сотрудничество способно интенсифицировать интеграцию в регионе и улучшить общий рынок труда, но для этого требуется обновит нормативную правовую базу научно-образовательного сотрудничества. Авторы используют статистический метод при анализе фактического состояния нормативной базы, проблем и возможностей социальной интеграции на основе данных государственной статистики России и Белоруссии. Сделанные авторами выводы могут быть использованы для формирования предложений по дальнейшему сотрудничеству между странами, а также для изучения интеграционной политики.

Key words: integration; higher education; academic mobility; a Union state.

Abstract. The article considers the prospects of cooperation between the Russian Federation and the Republic of Belarus, as well as their universities in the field of science and higher education. The authors note that this cooperation is able to intensify integration in the region and improve the general labor market, but this requires updating the regulatory framework of scientific and educational cooperation. The authors use the statistical method in analyzing the actual state of the regulatory framework, problems and opportunities for social integration based on data from state statistics of Russia and Belarus. The findings obtained by the author can be used to formulate proposals for further cooperation between the countries, as well as to study integration policies.

В условиях глобализации мира, когда интегрируются и унифицируются политика, экономика и культура разных государств, происходит перемещение не только капитала, информации, услуг и товаров, но и населения, а значит, перемещаются их навыки и знания.

В динамично меняющемся мире университеты по сути своей остались такими же, какими они были десятилетия или даже столетия назад, демонстрируя удивительную живучесть как черту организации. Эта феноменальная стабильность в настоящее время может прерваться – мир переживает академическую революцию. Она требует от вузов изменения образовательных форматов, выработку собственной стратегии, ее постоянную корректировку [Корягина, Королев 2019].

Академическая мобильность играет значительную роль в интернационализации высшего образования и интеграции вузов в международное пространство. При этом она включает в себя не только обмен студентами и научными кадрами, но и научным и культурным потенциалом, ресурсами и технологиями обучения.

По данным ЮНЕСКО, сегодня приблизительно пять миллионов студентов учатся за пределами своих стран. В 2000 г. их было немногим больше двух миллионов, т. е. за двадцать лет эта цифра увеличилась почти на 250 %[1].

В современных условиях крайне актуально развитие системы образования и академической мобильности в рамках Союзного государства [Петровский, Сутырин 2017]. Образование должно

© Борисова И. Д., Кирова И. О., 2020

[1] ЮНЕСКО : [сайт]. URL: https://ru.unesco.org (дата обращения: 19.03.2020).

являться одной из ведущих сил интеграции в тесной взаимосвязи с социальной политикой и пониманием его не только как определенной деятельности, но и как особого образа жизни.

Главным достижением в формировании образовательного пространства Союзного государства является разработка современной нормативной правовой базы, обеспечивающей гражданам равные права на получение образования на территории Белоруссии и России, где будут закреплены нормы о предоставлении гражданам России равных с гражданами Белорусии прав на поступление и получение бесплатного среднего специального и высшего образования.

Научно-образовательное сотрудничество Белоруссии и России базируется на следующих договорных основаниях:

1) Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о взаимном признании и эквивалентности документов об образовании, ученых степенях и званиях от 27 февраля 1996 г.[1];

2) постановление Исполнительного Комитета Сообщества Беларуси и России от 11 апреля 1996 г. № 1 «О равных правах граждан на получение образования»[2];

3) Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о сотрудничестве в области культуры, образования и науки от 21 февраля 1995 г.[3];

4) Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Беларусь о научно-техническом сотрудничестве от 27 февраля 1997 г.[4];

5) Соглашение между Государственным высшим аттестационным комитетом Республики Беларусь и Высшей аттестационной комиссией Министерства образования Российской Федерации о взаимном признании и эквивалентности документов об ученых степенях от 29 сентября 1999 г.[5] с последующими дополняющими протоколами.

Как видим, эти документы были приняты достаточно давно. Позднее постановлением Высшего Государственного Совета Союзного государства от 25 ноября 2011 г. № 7 была утверждена Концепция социального развития Союзного государства на 2011–2015 годы[6] (далее: Концепция). Она предусматривает формирование единого образовательного пространства, согласование образовательных стандартов. Вместе с тем в Концепции в качестве приоритета не выделено развитие академической мобильности, хотя в других ее разделах речь идет о развитии профессиональной мобильности в рамках Союзного государства.

Чаще всего академическая мобильность реализуется в рамках какой-либо международной программы. Самой популярной является реализующая программы обмена в европейских странах ERASMUS+. Подобные международные программы поддерживаются правительствами стран, а также различными соглашениями на межгосударственном, межведомственном и межвузовском уровнях.

Финансирование мобильности осуществляется из разных источников обычно в виде стипендий или грантов, выделяемых различными университетами, фондами, компаниями, правительствами государств. Однако не исключено, что программа предусматривает частичное и/или полное самофинансирование. Чаще всего это либо коммерческие программы, либо обучение в частных вузах.

Согласно Болонской декларации выделяют два вида академической мобильности – вертикальную и горизонтальную[7]. По вертикальной мобильности студент проходит полный курс обучения в иностранном вузе, по горизонтальной – в течение определенного периода, чаще всего 1–2-х семестров. Договоры университетов также могут предусматривать более краткосрочные обмены студентов для учебной практики, стажировок магистрантов и аспирантов.

Изучением вопросов студенческой мобильности занимаются многие российские ученые. Так, значимость академической мобильности отмечают Д. В. Николаев, Т. И. Мясникова, Д. В. Суслова. Процесс формирования и продвижения академической мобильности является предметом изучения В. И. Байденко, В. В. Зайцева, В. Б. Кириллова, В. А. Садовничего, В. М. Филиппова, В. Н. Чистохвалова, Т. А. Шириной. Академическую мобильность как составную часть социальной активности, саморазвития, самореализации изучают М. М. Абдулаева, Н. А. Анисимова, Т. И. Мясникова, Е. А. Никитина, Т. А. Фугелова.

Привилегированность студенческой мобильности названа в указе Президента Российской Федерации В. В. Путина от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [8] (далее: Указ) в качестве первостепенного направления в поступательном развитии нашей страны. Кроме того, в Указе говорится о том,

[1] Бюллетень международных договоров. 1996. № 6.

[2] Российская газета. 1997. 22 апр.

[3] Бюллетень международных договоров. 1997. № 11.

[4] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[5] URL: https://belarus.mid.ru/ru/consular-services/consulate/regulations/agreement-between-the-rf-hac-and-hac-rb/ (дата обращения: 19.03.2020).

[6] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

[7] Болонский процесс. Историческая справка : [сайт]. URL: www.econ.msu.ru (дата обращения: 19.04.2020).

[8] Российская газета. 2018. 9 мая.

что необходимо интенсифицировать численность иностранных граждан, обучающихся в образовательных организациях высшего образования и научных организациях России, не менее чем в два раза, а также реализовать комплекс мер по трудоустройству лучших из них в Российской Федерации. В частности, в Указе сформулирована установка к 2025 г. довести число иностранных студентов, обучающихся в вузах России, до семисот десяти тысяч человек. Важно отметить, что к выполнению задач, обозначенных в Указе, приступил двадцать один университет – участник проекта Минобрнауки России «5/100», направленного на повышение конкурентоспособности российских вузов на международном образовательном рынке, а также значительная часть всех существующих в России школ высшего образования[1].

Согласно данным статистического сборника «Беларусь и Россия, 2018»[2] в 2017/2018 учебном году численность студентов из Республики Беларусь, очно обучающихся в России, составляла 3 779 чел., а количество россиян в белорусских университетах в том же году – 1 002 чел. Анализ динамики за последние 10 лет позволяет заключить о том, что численность белорусских студентов в России остается примерно равной (более 3 000 чел.), численность же российских студентов постепенно уменьшается. При этом, согласно данным Минобрнауки России, с 2013 г. поток студентов из Республики Беларусь в Польшу увеличился на 132 % и на 47 % уменьшился поток студентов в Россию[3]. То есть очевидно, что академическая мобильность в наших странах нуждается в совершенствовании.

Если рассматривать программы обмена, которые предлагают университеты, то можно заметить, что в Белорусском государственном университете основной упор делается на европейские страны, а не на Россию[4]. В географии иностранных студентов, например, Владимирского государственного университета доля студентов из Республики Беларусь очень невелика, а предлагаемые программы также направлены на европейские страны и США[5].

Данная проблема активно поднималась на VI форуме регионов Российской Федерации и Республики Беларусь, который проходил в Санкт-Петербурге в июле 2019 г. Во время своего выступления председатель Гродненского областного Совета депутатов И. Жук отметил, что студенты, преподаватели и ученые Белоруссии и России активно участвуют в европейских программах академической мобильности, но хотелось бы реализовать аналогичную программу в Союзном государстве. По межвузовским соглашениям такие обмены проводятся, но они в основном краткосрочные из-за ограниченности финансовых ресурсов университетов. Между тем деньги на эти цели могли бы выделяться из бюджета Союзного государства на конкурсной основе[6].

Интенсификация академической мобильности в регионе требует снятия барьеров и повышения мотивации населения. Барьерами являются отсутствие единых образовательных стандартов, недостаток материальной поддержки, слабое информационное обеспечение. Повышению мотивации могут способствовать введение программы двойного диплома, имиджевая кампания университетов, создание ивент-индустрии для участников академической мобильности, а также организация устойчивого комьюнити для поддержки сформированных связей.

Неоднократно звучат предложения о создании Сетевого университета, который бы включил в себя вузы Союзного государства [Абрамов 2015; Абрамов, Морозов 2016].

В вузах – участниках данной структуры должны быть созданы постоянные представительства Сетевого университета и достигнута договоренность о взаимозачете результатов обучения.

Основа сетевого взаимодействия вузов заключается в том, что студент выбирает на портале курсы в другом вузе, согласует выбранный курс со своим учебным планом в деканате отправляющего вуза, проводит семестр в другом вузе и получает зачетные единицы в свой диплом на основе взаимозачета. При более длительном обучении у студента появляется возможность получения одновременно двух дипломов вузов разных стран, что упрощает его дальнейшее трудоустройство.

В рамках своей работы данный университет может сотрудничать с Университетом ШОС, Сетевым университетом СНГ, а также Россотрудничеством. Это позволит молодежи взаимодействовать и развивать эффективные каналы научно-технического сотрудничества. В рамках Сетевого универ-

[1] «5/100» : [сайт]. URL: https://5top100.ru/universities/ (дата обращения: 19.04.2020).

[2] Национальный статистический комитет Республики Беларусь : [сайт]. URL: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/publications/izdania/index_12968/ (дата обращения: 19.04.2020).

[3] Минобрнауки России : [сайт]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/ru/activity/stat/highed/index.php (дата обращения: 19.04.2020).

[4] БГУ : [сайт]. URL: https://ums.bsu.by/ru/am/mezhvuz (дата обращения: 19.04.2020).

[5] ВлГУ : [сайт]. URL: http://international.vlsu.ru/index.php/zh/international-education/89-2011-09-07-08-46-19 (дата обращения: 19.04.2020).

[6] БЕЛТА – Новости Беларуси : [сайт]. URL: https://www.belta.by/society/view/programmu-akademicheskoj-mobilnosti-predlagaetsja-zapustit-v-sojuznom-gosudarstve-355358-2019 (дата обращения: 19.04.2020).

ситета будет возможно проведение научных конференций, форумов, сессий.

Кроме того, повышению мотивации на обучение в Союзном государстве могут способствовать программы выплаты стипендий, которые реализуются в настоящее время. Существует определенная квота на граждан каждой страны. Например, в 2020 г. утверждено 300 стипендий для белорусских студентов на обучение в России[1]. Однако этого недостаточно. Большое количество программ основано на самофинансировании, так как университеты не могут себе позволить оплату. Решением этой проблемы является разработка двухуровневой системы обеспечения материальной поддержки участников академической мобильности силами образовательных организаций высшего образования Российской Федерации и Республики Беларусь (включая министерства) и Постоянного комитета Союзного государства. Увеличение финансирования повысит желание студентов обучаться внутри Союзного государства; даст возможность выигрывать гранты на полную оплату обучения, стипендии на проживание в чужой стране, университеты будут обязаны за счет своих средств предоставлять места в общежитиях.

Студенты в основном пытаются попасть в передовой вуз (Минска, Москвы или Санкт-Петербурга), не рассматривая или не зная о существовании регионального с аналогичной программой. Для решения этой проблемы необходимо создание научно-образовательного портала, где будут зарегистрированы все вузы, участвующие в программе обмена. Подобные проекты действуют на уровне Европейского Союза, например ERASMUS+, и уже доказали свою успешность. На данном портале будут возможны объявление и подача заявок на гранты, вузы будут выкладывать информацию о себе, своих направлениях подготовки, проводимых онлайн-курсах. Если студент поучаствует в онлайн-курсе либо вебинаре от определенного вуза, ему понравятся тематика и уровень преподаваемого материала, то велика вероятность того, что для поступления он выберет для себя данный вуз. Кроме того, на портале будет возможно размещать перечень приоритетных направлений подготовки и курсов, доступных для академической мобильности, что позволит повысить известность данных программ, дополнительно продвигать наиболее перспективные образовательные программы с помощью рекламы и отзывов обучающихся.

Существует еще одна проблема, связанная с непредставлением или слабой подготовкой университетов в образовательных выставках. Исправить данную ситуацию можно путем активного сотрудничества вузов России и Белоруссии, в том числе региональных, что повысит информированность студентов и их желание участвовать в программах мобильности внутри Союзного государства.

Кроме того, университетам нужно более внимательно относиться к оформлению собственных сайтов, что также послужит повышению уровня информированности. Часто возникает ситуация, когда даже у так называемых топовых вузов на сайте невозможно либо крайне сложно найти необходимую информацию, либо актуальная информация отсутствует. То есть можно сделать вывод о незаинтересованности университета в новых студентах.

Странам необходимо гармонизировать подходы к процессу образования на пространстве Союзного государства. Для упрощения поступления студентов следует стандартизировать результаты выпускных экзаменов – объединить единый государственный экзамен и централизованное тестирование. Данная мера должна привести к увеличению притока студентов и интеграции региона. Кроме того, целесообразно перейти на единую систему оценивания (на данный момент в России действует пятибалльная шкала, а в Белоруссии – десятибалльная).

В рамках ЕАЭС действует взаимное признание дипломов, однако профессиональное образование на данном уровне не заканчивается. Для стимулирования мобильности научных кадров нужно унифицировать процедуру и правила присуждения ученых степеней и званий, тогда будет возможна работа иностранных ученых и преподавателей в любой стране Союзного государства, что должно привести к интенсификации научной деятельности. В этих целях целесообразно создать единый наднациональный орган по подобию Высшей аттестационной комиссии, который будет контролировать получение ученых степеней, дабы не возникла ситуация, когда в какой-то стране ученую степень будет проще получить или когда на рынке труда определенного государства ученая степень будет котироваться выше, чем другого.

Для укрепления интеграции в регионе необходимо также поддерживать устойчивые связи уже после завершения программ академической мобильности. Таким образом с помощью проведения совместных конференций, форумов, культурных и спортивных мероприятий, приглашения для проведения занятий, обмена опытом будет сохраняться устойчивый интерес к Союзному государству.

Итак, завершая статью, можем сделать следующие выводы. Нормативная правовая база образовательного сотрудничества Республики Беларусь и Российской Федерации устарела, ей требуются аудит и обновление платформы образовательного сотрудничества с учетом новых реалий. Важно уделить больше внимания проектному подходу, а также устранению конкретных барьеров в развитии

[1] Федеральная служба государственной статистики : [сайт]. URL: https://www.gks.ru (дата обращения: 19.04.2020).

научно-образовательных связей. Договорная база нуждается в дальнейшем содержательном наполнении практическими мероприятиями проектного типа с четкими целями, задачами и критериями результативности. Целесообразно рассмотреть создание программы академической мобильности на евразийском пространстве. Пилотный проект может быть запущен на базе Союзного государства, а затем выведен на уровень ЕАЭС в целом.

Барьер отсутствия единых образовательных стандартов можно преодолеть путем гармонизации подходов к процессу образования на пространстве Союзного государства; недостаток материальной поддержки – разработкой двухуровневой системы обеспечения материальной поддержки участников академической мобильности; слабое информационное обеспечение – проектированием единой информационной платформы. Повысить мотивацию на обучение в Союзном государстве возможно с помощью введения программ двойного диплома, имиджевой кампании образовательных организаций высшего образования (доступность онлайн-курсов, участие в образовательных выставках, информационных кампаниях), создания ивент-индустрии для участников академической мобильности (проведение научных, образовательных, культурных и спортивных мероприятий, а также с помощью создания устойчивого комьюнити для поддержки сформированных связей).

Список цитируемых источников

Абрамов 2015 – *Абрамов Р. А.* Интеграция университетов РФ и РБ – форма доступа к современному высшему образованию // Высшее образование в России. 2015. № 10. С. 68–74.

Абрамов, Морозов 2016 – *Абрамов Р. А., Морозов И. В.* Межстрановая интеграция университетов России и Белоруссии как механизм развития национальных инновационных систем Союзного государства // Проблемы современной экономики. 2016. № 3(59). С. 206–210.

Корягина, Королев 2019 – *Корягина И. А., Королев Г. В.* Академическая мобильность в меняющемся мире: российский опыт // Вопросы управления. 2019. № 2(38). С. 170–181.

Петровский, Сутырин 2017 – *Петровский П. С., Сутырин В. В.* Проблемы развития образовательного пространства в Союзном государстве Беларуси и России. Минск ; М. : Рос.-белорус. эксперт. клуб, 2017. 25 с.

References

Abramov, R. A. (2015), “Integration of universities of the Russian Federation and the Republic of Belarus – a form of access to modern higher education”, *Vysshee obrazovanie v Rossii,* no. 10, pp. 68–74.

Abramov, R. A. and Morozov, I. V. (2016), “Cross-country integration of universities in Russia and Belarus as a mechanism for the development of national innovative systems of the Union State”, *Problemy sovremennoi ekonomiki,* no. 3(59), pp. 206–210.

Koryagina, I. A. and Korolev, G. V. (2019), “Academic mobility in the changing world: Russian experience”, *Voprosy upravleniya,* no. 2(38), pp. 170–181.

Petrovsky, P. S. and Suty ’rin, V. V. (2017), “Problems of educational space development in the Union state of Belarus and Russia”, *Rossiisko-belorusskii ekspertnyi klub,* Minsk, Moscow, Belarus, Russia.

Информация об авторах

Борисова Ирина Дмитриевна,
доктор юридических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; idborisova@gmail.com
Кирова Ирина Олеговна,
Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; kirovaio@mail.ru

Information about the authors

Borisova Irina D.,
doctor of law, professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, the Russian Federation; idborisova@gmail.com
Kirova Irina O.,
Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation, kirovaio@mail.ru

Для цитирования

Борисова И. Д., Кирова И. О. Правовые основы интенсификации академической мобильности в Союзном государстве // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 163–167.

For citation

Borisova, I. D. and Kirova, I. O. (2020), “Legal basis for intensification of academic mobility in the Union state”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 163–167.

УДК 340+330

Р. Б. Головкин[1]
[1] *Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация*

R. B. Golovkin[1]
[1] *Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation*

Некоторые особенности цифровой формы интеграции права и экономики

Some features of the digital form of integration of law and economy

Ключевые слова: право; экономика; цифровизация; цифровая экономика; цифровое право; закон; нормативное регулирование цифровой среды.

Аннотация. Статья посвящена анализу современного развития взаимодействия права и экономики в цифровой форме. В статье исследуются современные правовые тренды обеспечения формирования и развития цифровой экономики в России; разрабатываются и предлагаются легальные дефиниции понятий «цифровая экономика» и «цифровое право»; формулируются предложения по совершенствованию процессов взаимодействия и цифровизации права и экономики.

Key words: law; economics; digitalization; digital economy; digital law; law; statutory regulation of the digital environment.

Abstract. The article analyzes the current development of interaction between law and economy in digital form. This paper examines the current legal trends in ensuring the formation and development of the digital economy in Russia. The study develops and proposes legal definitions of “digital economy” and “digital law”, and develops proposals for improving the processes of interaction and digitalization of law and the economy.

Сегодня цифровые технологии выступают в качестве определенного состояния и перспективы развития общественных отношений во всех сферах жизни общества, в том числе и в сфере экономики. Экономические отношения – это материальная основа обеспечения жизнедеятельности человека и человечества в целом. Как правило, реформы в сфере экономики обусловливают «цепную реакцию» изменений в системе всех социальных связей и процессов. Современное развитие высоких технологий, их перспективность, удобство для личности, общества и публичной власти, глобальный характер данных технологий обусловили необходимость цифровизации экономических отношений.

Принимая во внимание мировые тренды цифровизации, Правительством Российской Федерации поставлена задача обеспечить устойчивое экономическое развитие страны в условиях общемировых процессов цифровизации. Решение данной задачи позволит отечественной экономике достигнуть высокого уровня обеспечения достойной жизни граждан России[1].

Обеспечение любых реформ в государственно-организованном обществе осуществляется с помощью специализированных органов публичной власти и правового регулирования. В России внедрение цифровых технологий также осуществляется в соответствии с указанной закономерностью.

Так, в Российской Федерации в 2018 г. создано специальное Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, одной из задач которого является организация реформ в сфере цифровой экономики[2].

Отечественным государством также признается необходимость обеспечения цифровизации экономики правовым регулированием. Не случайно Правительством Российской Федерации поставлена важная задача современного развития общества – создание нормативной базы для цифровой экономики[3]. Для успешного решения поставленной задачи в рамках национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» разработан федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды», которым предусматривается принятие целого ряда правовых актов, направленных на обеспечение развития ци-

[1] Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» : утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 4 июня 2019 г. № 7. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/858/ (дата обращения: 06.03.2020).

© Головкин Р. Б., 2020

[2] О структуре федеральных органов исполнительной власти : указ Президента Рос. Федерации от 15 мая 2018 г. № 215 // Российская газета. 2018. 17 мая.

[3] Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации»; Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : утв. протоколом заседания президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам от 24 дек. 2018 г. № 16. URL: http://static.government.ru/media/files/urKHm0gTPPnzJlaKw3M5cNLo6gczMkPF.pdf (дата обращения: 19.02.2020).

фровой экономики[1]. Некоторые законы и подзаконные акты уже приняты, с учетом чего внесены соответствующие изменения в ряд действующих нормативных правовых актов Российской Федерации. Например, внесены изменения в федеральные законы: от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»[2], от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»[3], от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи»[4], от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности»[5] и другие правовые акты.

Отечественным государством формируется целостная система управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Так, Правительством Российской Федерации принято Положение о системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации», где закреплен алгоритм управления процессами цифровизации экономики и контроля за этими процессами[6]. Кроме того, приказом Минэкономразвития России от 4 июня 2019 г. № 308 утверждено Положение о Департаменте правовых основ цифровой экономики Министерства экономического развития Российской Федерации, в котором ставится задача по развитию системы правового регулирования цифровой экономики[7].

Таким образом, в последнее время с помощью правового регулирования активно регламентируется создание нового направления развития экономики. Иными словами, право выполняет формирующую роль цифровизации экономики, встраивая систему общеобязательных правил, регулирующих данные процессы. Далее, фактически посредством права это направление развития экономики и было инициировано, когда постановлением Правительства Российской Федерации была анонсирована цифровая экономика. Между тем до сих пор ни в отечественном, ни в зарубежном законодательстве не закреплено легальной дефиниции понятия «цифровая экономика», имеются лишь отдельные упоминания о явлениях, связанных с ней. Например, в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 1 декабря 2016 г. цифровая экономика рассматривается в контексте экономики нового технологического поколения[8]. В национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» понятие цифровой экономики можно вывести лишь из контекста: это данные в цифровой форме, которые являются ключевым фактором производства. В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 15 января 2020 г. цифровая экономика связана с цифровой трансформацией реального сектора экономики[9]. Иными словами, в правовом регулировании термин «цифровая экономика» используется для обозначения близких по смыслу IT-явлений, связанных с экономическими отношениями.

Однако отсутствие легальной дефиниции понятия «цифровая экономика» «размывает» границы предмета правового регулирования. С одной стороны, к цифровой экономике можно отнести все отношения, складывающиеся в системе производства, распределения, обмена и потребления, т. е. это вся экономика. С другой стороны, цифровая экономика – это лишь совокупность продуктов, услуг, создаваемых в цифровом (электронном) обороте.

Таким образом, отсутствие четкого предмета правового регулирования цифровой экономики превращает ее в определенный симулякр[10], модный тренд мирового развития. Следовательно, к настоящему моменту цифровая экономика есть некая иллюзия, сформированная с помощью права [Головкин 2016, с. 123–129]. Тем не менее цифровизация экономики – это, как справедливо считают многие исследователи, неизбежный и закономерный процесс [Смирнова 2019, с. 26–29]. В связи с этим представляется следующее: для поступательного осуществления данного процесса в русле поставленных государством задач необходимо, чтобы симулякр «цифровая экономика» при-

[1] Например, для обеспечения «цифровой среды доверия» проектом предусматривается принятие федерального закона, регулирующего механизмы формирования и использования «облачной» электронной подписи, установление унифицированных требований к универсальной (единой) усиленной квалифицированной электронной подписи, визуализацию электронной подписи в электронном документе, уточнение правового статуса аккредитованного удостоверяющего центра. Предусматривается принятие федерального закона, нацеленного на унификацию требований по идентификации, расширению возможностей и способов идентификации.

[2] Российская газета. 2001. 9 авг.

[3] Там же. 2006. 29 июля.

[4] Там же. 2011. 8 апр.

[5] Там же. 1996. 10 февр.

[6] О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : постановление Правительства Рос. Федерации от 2 марта 2019 г. № 234 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2019. № 11, ст. 1119.

[7] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[8] Парламентская газета. 2016. 2–8 дек.

[9] URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582 (дата обращения: 11.03.2020).

[10] Симуля́кр (от лат. simulo, делать вид, притворяться) – копия, не имеющая оригинала в реальности. Иными словами, семиотически, знак, не имеющий означаемого объекта в реальности. URL: https://dic.academic.ru/ (дата обращения: 12.03.2020).

обрел реальные черты и границы. Овеществление указанного симулякра возможно при реализации целого комплекса мероприятий, главное место среди которых занимает адекватное правовое регулирование общественных отношений, входящих в орбиту цифровой экономики.

Для решения указанной задачи в первую очередь целесообразно сформулировать и закрепить законодательно дефиницию цифровой экономики, использовав уже существующий доктринальный потенциал. Например, вызывает интерес определение, данное коллективом сотрудников Высшей школы экономики, согласно которому цифровая экономика представляет собой деятельность по созданию, распространению и использованию цифровых технологий и связанных с ними продуктов и услуг; в свою очередь цифровые технологии – это технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде [Гохберг 2019, с. 13].

Не менее важно создать правовой инструментарий, соответствующий цифровой экономике. Такая работа уже активно ведется законодателем, не случайно национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» предусматривает федеральный проект «Нормативное регулирование цифровой среды». В соответствии с предписаниями данного проекта формируется правовая база цифровой экономики. Одной из значительных вех в развитии данной базы можно считать вступивший в юридическую силу с 1октября 2019 г. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации», согласно которому в правоведение и юридическую практику введено понятие «цифровые права», которые рассматриваются как обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам[1]. С 1 января 2020 г. вступил в юридическую силу Федеральный закон от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2], который регулирует в том числе и ряд цифровых экономических отношений, связанных с оборотом цифровых гражданских прав. Например, в ст. 8–9 данного закона закрепляется положение о том, что утилитарные цифровые права могут предлагаться физическим и юридическим лицам только при условии, если они возникают в инвестиционной платформе и удостоверены цифровым свидетельством, которое выдается депозитарием обладателю утилитарного цифрового права, чей учет осуществляется этим депозитарием. В настоящее время также принят Государственной Думой в первом чтении проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах»[3].

В целом приведенные примеры свидетельствуют об активной правотворческой работе по обеспечению цифровизации экономики. Однако перевод права в цифровую плоскость в угоду иллюзорной цифровой экономике вовсе не означает, что появились какие-то новые по содержанию право или экономика. Юридический анализ правовых регуляторов, декларирующих и обеспечивающих развитие цифровой экономики, проявляет ряд обстоятельств и фактов, характеризующих данный процесс.

Во-первых, «цифровая экономика» – это термин легализованный и транслированный в массовый оборот, являющийся симулякром, слоганом совершенствования экономики в условиях современной информационно-коммуникационной среды. В связи с данным обстоятельством вполне можно согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что «цифровая экономика», «цифровой продукт» – это лишь фигуры речи [Бухтияров 2018].

Во-вторых, сегодня право, призванное регулировать отношения цифровой экономики, само является цифровым лишь в части регулирования цифровых прав.

В-третьих, цифровое право и цифровая экономика сами по себе не существуют. Содержательно указанные явления – это право и экономика в традиционном понимании. В связи с этим представляется, что «цифровая экономика» и «цифровое право» – это лишь одни из современных форм традиционных явлений экономики и права, а не какие-то новые явления.

В-четвертых, для повышения эффективности правового регулирования цифровой формы организации экономики целесообразно четко сформулировать и закрепить предмет правового регулирования цифровой экономики на базе ее легальной дефиниции, которую можно сформулировать следующим образом: цифровая экономика – это основанная на правовых предписаниях информационно-коммуникационная форма общественных отношений, связанных с производством, распределением, обменом, потреблением товаров и услуг на основе и в рамках IT-технологий.

В-пятых, цифровое право в связи с цифровой экономикой, с одной стороны, можно рассматривать как новую отрасль права, представляющую

[1] Российская газета. 2019. 20 марта.

[2] Там же. 7 авг.

[3] Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

собой систему норм права, регулирующих общественные отношения в сфере цифровой экономики. С другой стороны, цифровое право – это особая форма правового регулирования, в том числе и экономических отношений, в информационно-коммуникационной среде.

Список цитируемых источников

Бухтияров 2018 – *Бухтияров А.* Маленькими шагами к большим цифрам // Банковское обозрение. 2018. № 11. URL: https://zen.yandex.ru/media/bosfera/malenkimi-shagami-k-bolshim-cifram-5bf5646b83b40c00aa0bf778 (дата обращения: 12.03.2020).

Головкин 2016 – *Головкин Р. Б.* Иллюзии в праве // Вестник Владимирского юридического института. 2016. № 1(38). С. 123–129.

Гохберг 2019 – Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение : докл. НИУ ВШЭ ; науч. ред. Л. М. Гохберг. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 85 с.

Смирнова 2019 – *Смирнова Е. Е.* Налоговые риски экономических субъектов в цифровой экономике // Финансы. 2019. № 1. С. 26–29.

References

Bukhtiyarov, A. (2018), "Small steps to big numbers", *Bankovskoe obozrenie,* no. 11, available at: https://zen.yandex.ru/media/bosfera/malenkimi-shagami-k-bolshim-cifram-5bf5646b83b40c00aa0bf778 (Accessed 12 March 2020).

Gokhberg, L. M. (ed.) (2019), *Chto takoe tscifrovaya ekonomika? Trendy, kompetentsii, izmerenie* [What is the digital economy? Trends, competencies, measurement], Izdatel 'skii dom "Vysshaya shkola ekonomiki", Moscow, Russia.

Golovkin, R. B. (2016), "Illusions in law", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 1(38), pp. 123–129.

Smirnova, E. E. (2019), "Tax risks of economic entities in the digital economy", *Finansy*, no. 1, pp. 26–29.

Информация об авторе

Головкин Роман Борисович,
доктор юридических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; golovkinrombor@mail.ru

Information about the author

Golovkin Roman B.,
doctor of law, professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; golovkinrombor@mail.ru

Для цитирования

Головкин Р. Б. Некоторые особенности цифровой формы интеграции права и экономики // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 168–171.

For citation

Golovkin, R. B. (2020), "Some features of the digital form of integration law and economy", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 168–171.

УДК 341.231.14-055.2

Р. Б. Головкин[1]
А. В. Гудкова[2]
[1] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация

R. B. Golovkin[1]
A. V. Gudkova[2]
[1] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation
[2] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation

Некоторые проблемы развития правового статуса женщин

Some problems of women's legal status development

Ключевые слова: женщины; правовой статус; субъективные права; юридические обязанности; правовые отношения; субъекты правоотношений.

Аннотация. В статье рассматриваются особенности субъективных прав и юридических обязанностей женщин при участии их в различных правовых отношениях, где они выступают специальным субъектом. Правовой статус женщин, активно участвующих в государственном управлении и других публичных отношениях, не только не меньше по объему, чем у мужчин, но в отдельных случаях оказывается несколько большим. Между тем, как отмечают авторы статьи, борьба женщин за свои права привела к игнорированию юридических обязанностей, которые всегда уравновешивают права в юридическом статусе и содержании правоотношений. В заключение авторы делают вывод, что продолжающаяся сегодня в России борьба женщин за свои права не имеет смысла, так как объем прав и мужчин, и женщин в соответствии с действующим законодательством равен.

Key words: women; legal status; subjective rights; legal obligations; legal relations; subjects of legal relations.

Abstract. The article examines the peculiarities of women's subjective legal and legal obligations when they participate in various legal relations, where they act as a special subject. The legal status of women actively involved in governance and other public relations is not only less volume than men, but in some cases, there is a little more right. Meanwhile, as discussed in the article, women's struggle for their rights has led to the disregard of legal obligations, which always balance rights in the legal status and content of legal relations. In General, as summarized in the article, the ongoing struggle of women for their rights today in Russia, does not make sense, since the scope of rights of both men and women in accordance with current legislation is equal.

Многовековая борьба женщин за свои права позволила современным женщинам, наравне с мужчинами, участвовать в выборах, в управлении государством, заниматься многими видами деятельности, которые долгое время считались прерогативой мужчин – служить в армии, полиции и других правоохранительных органах, руководить крупным бизнесом и т. д. Иными словами, женщины сегодня – полноценный субъект правоотношений, юридически в целом равный в правах с мужчинами. Не случайно вопросы гендерного равноправия находят свое отражение во многих научных исследованиях [Акимова 2018; Богомазова 2008; Воронина 2013; Лушников, Лушникова, Тарусина 2015; Сафонова 2018 и др.].

Положение о женщине как полноценном субъекте правоотношений складывалось веками. Уже в источниках обычного права прослеживается некоторая тенденция к выравниванию прав женщин с мужчинами. Так, в записях обычаев германских племен – Салической правде, учитывавшей нравственные аспекты совершенных преступлений, жизнь свободной женщины приравнивалась к жизни королевского приближенного (титул XLI, п. 3)[1]. В ст. 88 Пространной редакции «Русской правды» устанавливалась одинаковая ответственность за убийство свободной женщины и мужчины[2]. Однако имущественные и иные права женщин были существенно ограничены. В качестве примера можно привести Древний Вавилон, Древний Рим, по законодательству которых женщина не имела права заключать договоры, все осуществлялось только при помощи опекуна; женщина была ограничена в праве собственности на имущество и лишена права наследования. В ст. 37

[1] Салическая правда. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/salic.htm (дата обращения: 10.04.2020).

[2] Хрестоматия по истории государства и права России : учеб. пособие / сост. Ю. П. Титов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2005. С. 38.

© Головкин Р. Б., Гудкова А. В., 2020

Соборного уложения 1649 г. была закреплена возможность передачи женщин, вышедших замуж за беглого крепостного, как имущества собственнику данного крепостного[1].

Право длительное время было тесно связано с религиозными нормами, и поэтому правовой статус женщин и их положение в обществе были обусловлены религиозными предписаниями. Статус женщины характеризовался не только меньшими, по сравнению с мужчинами, правами, но и тем фактом, что практически полностью женщина не признавалась самостоятельным субъектом общественных, в том числе правовых отношений. Например, в Библии женщины называются нечистыми существами[2] или отождествляются с врагами[3]. Кроме того, в Библии прямо признается неравная ценность мужчин и женщин: «И сказал Господь Моисею, говоря: объяви сынам Израилевым и скажи им: если кто дает обет посвятить душу Господу по оценке твоей, то оценка твоя мужчине от двадцати лет до шестидесяти должна быть пятьдесят сиклей серебряных, по сиклю священному; если же это женщина, то оценка твоя должна быть тридцать сиклей»[4].

Неравенство социального и правового статуса мужчин и женщин проявляется и в исламе, о чем свидетельствует, например, положение о свидетелях при удостоверении договоров займа, где говорится, что в качестве свидетелей по данным сделкам необходимо привлекать двух мужчин. Если не будет двух мужчин, то одного мужчину и двух женщин. Замена одного мужчины при удостоверении договора займа двумя женщинами обосновывается в Коране тем, что если одна из женщин ошибется, то другая ей напомнит[5]. При наследовании мужчине достается доля, равная доле двух женщин[6]. Существующее положение в Коране, где говорится, что Аллах дал преимущество мужчинам перед женщинами, и что мужчины являются попечителями женщин[7], прямо указывает на тот факт, что женщина не является самостоятельным субъектом правовых и многих других общественных отношений.

Приведенные примеры правовых и религиозных норм свидетельствуют о неравноправном социально-правовом положении женщин, по сравнению с мужчинами. Социальный и правовой статус женщины складывался в виде образа подчиненного мужчине существа, что дало основание некоторым авторам утверждать, что несколько столетий назад женщины приравнивались по социально-правовому статусу фактически к домашним животным[8].

Данное резкое суждение совсем не соответствует действительности. Анализ религиозных текстов и раннего правового регулирования позволяет заключить, что защита жизни и здоровья как мужчин, так и женщин находилась приблизительно на одном уровне. И хотя и в праве, и в религиозных текстах закреплялось имущественное неравенство, а также исключалось участие женщин во властных политических отношениях, тем не менее следует отметить, что подчиненное положение не снижало ценности женщины для общества как матери, как хранительницы домашнего очага, как объекта преклонения и любви. В качестве подтверждения данного тезиса достаточно вспомнить нашу отечественную поэзию, например:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты[9].

Или:

Умеешь ты сердца тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой уничтожить,
Улыбкой нежной оживить;
Умеешь ты польстить случайно
С холодной важностью лица
И умника унизить тайно,
Взяв пылко сторону глупца!
Как в Талисмане стих небрежный,
Как над пучиною мятежной
Свободный парус челнока,
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понял север хладный;
В наш круг ты брошена судьбой,
Как божество страны чужой,
Как в день печали миг отрадный![10]

---

[1] Соборное уложение 1649 года. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1961. С. 236.

[2] Библия. В. З. Книга Пророка Изекииля. 36:17. URL: https://lib.pravmir.ru/page/biblia (дата обращения: 23.12.2019).

[3] Там же. Книга Пророка Наума. 3:13. URL: https://lib.pravmir.ru/page/biblia (дата обращения: 23.12.2019).

[4] Там же. Левит. 27:1–7. URL: https://lib.pravmir.ru/page/biblia (дата обращения: 23.12.2019).

[5] Коран / пер. Э Кулиева. Сура 2 «Аль-Бакара=Корова», аят 282. URL: https://quran-online.ru/download (дата обращения: 23.12.2019).

[6] Там же. Сура 4 «Ан-ниса=Женщины», аят 11. URL: https://quran-online.ru/download (дата обращения: 23.12.2019).

[7] Там же, аят 34. URL: https://quran-online.ru/download (дата обращения: 23.12.2019).

[8] *Корж Д.* Борьба за права женщин // Cosmopolitan. 2011. 24 марта. URL: https://www.cosmo.ru/psychology/psychology/borba-za-prava-zhenshchin/ (дата обращения: 28.01.2020).

[9] *Пушкин А. С.* Я помню чудное мгновение // Полное собрание сочинений. М. : Правда, 1954.

[10] *Лермонтов М. Ю.* Додо (Умеешь ты сердца тревожить…). URL: https://poemata.ru/poets/lermontovmihail/dodo-umeesh-ty-serdtsa-trevozhit/ (дата обращения: 24.12.2019).

В религиозных текстах также встречаются упоминания о важности женщин для мужчин. Например, в Библии описывается сюжет как царская наложница управляет самим царем и его государством: «Я видел его и Апамину, дочь славного Вартака, царскую наложницу, сидящую по правую сторону царя; она снимала венец с головы царя и возлагала на себя, а левою рукою ударяла царя по щеке. И при всем том царь смотрел на нее, раскрыв рот: если она улыбнется ему, улыбается и он; если же она рассердится на него, он ласкает ее, чтобы помирилась с ним. О, мужи! Как же не сильны женщины, когда так поступают они?»[1].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что подчиненное положение женщины в обществе лишь обусловливает социальную, в том числе юридическую ответственность за них мужчины. Обладая более широким спектром прав, мужчины обязаны были обеспечивать жизнедеятельность женщин в полном объеме и представлять их интересы в правоотношениях.

Безусловно, в силу указанных обстоятельств объем субъективных прав женщин на протяжении длительного исторического периода был существенно органичен. Например, женщины как в России, так и за рубежом были лишены избирательных прав вплоть до XIX в., т. е. до тех пор, пока не началась активная борьба за права женщин. Так, в 1850 г. в США впервые прошел первый Общенациональный съезд женщин, на котором была сформирована Национальная ассоциация по избирательным правам женщин. Благодаря работе этой ассоциации в 1869 г. женщины, проживающие в штате Вайоминг, получили активное избирательное право[2].

Сделанный первый шаг в наделении отдельными государствами женщин избирательными правами обусловил поступательное развитие права голоса женщин на политической арене во всем мире, которое фактически растянулось более чем на столетие. Так, одними из первых женское избирательное право ввели Новая Зеландия (1893 г.), Австралия (1902 г.), в Европе – Российская империя (на территории Великого княжества Финляндского, 1906 г.), в исламском мире – Азербайджан (1918 г.); в числе последних – Кувейт (2005 г.), Объединенные Арабские Эмираты (2006 г.) и Саудовская Аравия (2011 г.)[3].

На международном уровне отражением борьбы женщин за свои права стало принятие ряда таких международных правовых актов, как: Межамериканская конвенция о закреплении политических прав женщин[4], Всеобщая декларация прав человека, которая гарантирует, вне зависимости от пола, участие каждого в управлении своей страной, равный доступ к государственной службе и выборам (ст. 21)[5]; Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин[6] и др.

Сегодня формально юридически права мужчин и женщин в целом выровнялись. О данном факте свидетельствуют конституции Российской Федерации и многих других стран, которые содержат общие нормы о закреплении основных прав в независимости от пола субъектов правоотношений. Например, в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с действующим Основным законом страны. Например, в ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации установлено, что основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения.

В Конституции Бразилии в ст. 5 зафиксировано, что все равны в правах. В ч.1 уточняется, что мужчины и женщины равны в правах и обязанностях[7].

Равенство прав мужчин и женщин признается Конституционными актами Канады (ст. 2 Конституционного акта 1982 г.)[8]. В ст. 8 Конституции Федерации Малайзии закрепляется положение о том, что все равны перед законом и защищаются законом вне зависимости от пола[9]. Да и практически во всех современных правовых системах равенство прав мужчин и женщин закрепляется на конституционном уровне.

Казалось бы, можно заключить, что вековая борьба женщин за свои права успешно завершена, они стали полноценными субъектами социальной жизни и правоотношений. Тем не менее некоторые

[1] Библия. В. З. Книга Ездры. 4:29–32. URL: https://lib.pravmir.ru/page/biblia (дата обращения: 23.12.2019).

[2] *Корж Д.* Указ. соч.

[3] Когда женщины получили право голоса в разных странах. URL: https://locals.md/2018/kogda-zhenshhinyi-poluchili-pravo-golosa-v-raznyih-stranah-mira-karta/ (дата обращения: 28.01.2020).

[4] Inter-American Convention on the granting of political rights to women. URL: http://www.oas.org/juridico/english/treaties/a-44.html (дата обращения: 28.01.2020).

[5] Всеобщая декларация прав человека : [принята резолюцией 217 A (III) Генер. Ассамблеи ООН от 10 дек. 1948 г.]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 28.01.2020).

[6] Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин : [принята резолюцией 34/180 Генер. Ассамблеи ООН от 18 дек. 1979 г.]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 28.01.2020).

[7] Конституция Бразилии. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=563 (дата обращения: 30.01.2020).

[8] Конституционные акты Канады. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=47 (дата обращения: 30.01.2020).

[9] Конституция Федерации Малайзии. URL: https://worldconstitutions.ru/?p=655 (дата обращения: 30.01.2020).

эксперты утверждают, что формальное законодательное равенство не означает реального равенства прав мужчин и женщин. Так, в исследовании «Женщины, бизнес и закон» (Women, Business and the Law), проведенном Всемирным банком, на основании анализа правовых систем 190 стран сформирован индекс гендерного равноправия, учитывающий несколько социальных показателей. Согласно проведенному исследованию сегодня в мире у женщин на четверть меньше прав, чем у мужчин[1].

Не оспаривая результаты проведенного исследования, можно оценить его как тенденциозное, направленное на обоснование недостаточности прав у женщин, по сравнению с мужчинами. Прежде всего, это исследование, претендуя на глобальность, тем не менее затрагивало лишь трудовую составляющую социального имиджа женщин. Кроме того, опубликованные результаты исследования свидетельствуют о положительной динамике развития прав женщин. Так, исследователи отмечают, что за 50 лет разрыв в правах мужчин и женщин сократился более, чем вдвое[2].

Необходимо иметь в виду, что современные конституции различных стран официально закрепляют гендерное равенство, отмечая, что основные права и свободы имеет «каждый». Однако данный факт не означает фактического равенства мужчины и женщины, так как сами по себе они так же сильно отличаются, как отличаются реальные субъекты правоотношений. Право фиксирует лишь формальное равенство. Так, все мы потенциально равны, но фактически не одинаковы в силу объективных и субъективных причин: возраста, образования, телосложения, региона проживания и т. д. Иными словами, мы все равноправны, но фактически не равны. Именно поэтому представляется, что сторонники гендерного равноправия подменяют нормативное равенство прав мужчин и женщин, которое уже установлено фактически во всем мире, существующим фактическим неравенством, которого невозможно избежать в силу различий мужчин и женщин.

Постоянный рост объема прав женщин – это не только заслуга борцов за права женщин, это фактическое состояние общественных отношений, связанное с изменением численности, гендерного состава общества и изменением социальных ролей женщин. Кроме того, гендерное равенство обусловливается особенностями современного правового регулирования, для которого правосубъектность в общих правоотношениях носит внеполовые признаки, исходя лишь из возраста и психического здоровья участников правоотношений.

Следовательно, продолжающаяся борьба женщин за свои права в современных условиях правового регулирования – это форма гендерного экстремизма, инструмента политических «разборок» между различными политическими и экономическими кланами и группами, а также средство давления на определенных политиков или чиновников.

Результаты проведенного краткого анализа правового положения современных женщин, прежде всего в Российской Федерации, позволяют выявить ряд закономерностей и обстоятельств.

Во-первых, с точки зрения современных социальных, в том числе и правовых, норм права мужчин и женщин равны. Данный факт подтверждается конституционным законодательством большинства стран мира, в том числе и России.

Во-вторых, борьба женщин за свои права превратилась в разновидность экстремизма, направленного против мужчин. Случаи сексуального домогательства, которыми часто обосновывается борьба за права женщин, также имеют место и в отношении мужчин. Ревностные защитники прав женщин часто реализуют свои личные имущественные, карьерные и иные интересы, а не интересы женщин в целом.

В-третьих, историческая борьба женщин за свои права привела к психологическому дисбалансу социально-правового имиджа женщин. Акцент исключительно на правах женщин исключил из поля зрения этих борцов концепцию обязанностей женщин. Дело в том, что каждому праву корреспондирует соответствующая обязанность. Следовательно, борьба за женские права на практике привела к тому, что женщины, наряду с равными с мужчинами правами, получили и равные с ними обязанности. Приведенная выше историческая ретроспектива социально-правового имиджа женщин позволяет заключить, что исторически мужчины несли ответственность за женщин, обязаны были обеспечивать их жизнедеятельность. Таким образом, получив равные права с мужчинами, современные женщины обязаны содержать и заботиться о мужчинах. На практике данная ситуация порождает инфантилизм, безответственность мужчин, «размывает» гендерную идентификацию.

Как показало проведенное исследование, многие женщины хотели бы иметь равные права с мужчинами, но при этом хотели бы иметь обязанности женщин прошлого, когда мужчина был гарантом женского благополучия.

Итак, можно заключить, что борьба за права женщин имеет ряд последствий как социально-позитивного, так и негативного свойства, на которые «борцы» за права женщин и не рассчитывали.

---

[1] *Найденова Т.* 4 % полного гендерного равенства // Эконс. 2020. 17 янв. URL: https://econs.online/articles/details/4-procenta-polnogo-gendernogo-ravenstva/ (дата обращения: 28.01.2020)

[2] Там же.

Список цитируемых источников

Акимова 2018 – *Акимова Ю. А.* Конституционная концепция гендерного равноправия // Государственная служба и кадры. 2018. № 2. С. 22–32.

Богомазова 2008 – *Богомазова О. И.* Правовой статус женщин и его особенности в современном обществе : дис. … канд. юрид. наук. Владимир, 2008. 142 с.

Воронина 2013 – *Воронина О. А.* Политика гендерного равенства в современной России: проблемы и противоречия // Женщина в российской обществе. 2013. № 3. С. 12–20.

Лушников, Лушникова, Тарусина 2015 – *Лушников А. М., Лушникова М. В., Тарусина Н. Н.* Гендер в законе. М. : Проспект, 2015. 480 с.

Сафонова 2018 – *Сафонова Н. А.* Проблема положения женщины в современном российском обществе // Молодой ученый. 2018. № 14(200). С. 250–251.

References

Akimova, Yu. A. (2018), "Constitutional concept of gender equality", *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry,* no. 2. pp. 22–32.

Bogomazova, O. I. (2008), Legal status of women and its features in modern society, Ph. D. Thesis, theory and history of state and law, history of the doctrines of law and state, Vladimir Law Institute of the FPS of Russia, Vladimir, Russia.

Lushnikov, A. M., Lushnikova, M. V. and Tarusina, N. N. (2015), *Gender v zakone* [Gender in law], Prospekt, Moscow, Russia.

Safonova, N. A. (2018), "The problem of the position of women in modern Russian society", *Molodoi uchenyi,* no. 14(200), pp. 250–251.

Voronina, O. A. (2013), "Politics of gender equality in modern Russia: problems and contradictions", *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 12–20.

Информация об авторах

Головкин Роман Борисович,
доктор юридических наук, профессор, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; golovkinrombor@mail.ru

Гудкова Анна Валерьевна,
кандидат исторических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; 388153@gmail.com

Information about the authors

Golovkin Roman B.,
doctor of law, professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; golovkinrombor@mail.ru

Gudkova Anna V.,
PhD (history), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; 388153@gmail.com

Для цитирования

Головкин Р. Б., Гудкова А. В. Некоторые проблемы развития правового статуса женщин // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 172–176.

For citation

Golovkin, R. B. and Gudkova, A. V. (2020), "Some problems of women 's legal status development", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 172–176.

УДК 343.812.08

Д. А. Ерин[1]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

D. A. Erin[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation*

Владимирская офицерская школа МВД СССР (1946–1951 гг.): организационно-правовые основы деятельности по подготовке кадров для тюремной системы

Vladimir officer school of the Ministry of Internal Affairs of the USSR (1946–1951): organizational and legal basis for training personnel for the prison system

Ключевые слова: история государства и права; история правоохранительных органов; исправительно-трудовая система; МВД СССР; офицерские школы; Владимирская офицерская школа; подготовка кадров.

Аннотация. В статье на основе ранее неопубликованных документов раскрывается специфика организационно-правового регулирования деятельности Владимирской офицерской школы МВД СССР по подготовке кадров для тюремных учреждений в послевоенный период.

Key words: history of state and law; history of law enforcement agencies; a correctional labor system; Ministry of Internal Affairs of the USSR; Officer schools; Vladimir officer school; personnel training.

Abstract. Based on previously unpublished documents, the article reveals the specifics of organizational and legal regulation of the Vladimir officer school of the Ministry of Internal Affairs of the USSR for training personnel for prison institutions in the post-war period.

Подготовка кадров всегда была важнейшей составляющей исправительно-трудовой системы Советского государства и прошла вместе с ней достаточно длительный путь становления, воплотив в себе все положительные и отрицательные стороны всей исправительно-трудовой политики Советского государства. Если 30–40-е гг. XX в. были периодом зарождения системы подготовки, в основе которой лежало скорейшее удовлетворение потребностей советской исправительно-трудовой системы в квалифицированных специалистах, то последующий, послевоенный, период (конец 1940-х – начало 1950-х гг.) характеризовался дальнейшим совершенствованием системы подготовки, поиском новых организационно-правовых форм и повышением качества подготовки офицерских кадров.

Среди отечественных ученых-юристов и историков эпоха послевоенного развития советской исправительно-трудовой системы всегда вызывала особый интерес. Вместе с тем при достаточно серьезном исследовании этого периода деятельности исправительно-трудовой системы часть вопросов еще не получила достаточного освещения, среди которых необходимо выделить изучение организационных и правовых основ развития профессиональной подготовки кадров. В отечественной историко-правовой науке эта сторона исправительно-трудовой системы, особенно в послевоенный период, оставалась за рамками научного интереса или рассматривалась, как правило, в контексте общей или региональной истории системы МВД СССР и кадровой политики в ней [Будашевский 2016; Детков 1999; Зубков 2006; Проценко 1998; Смыкалин 2015; Тимофеев 1999]. В настоящее время, пожалуй, единственным источником знаний о послевоенном развитии системы подготовки кадров для исправительно-трудовой системы служат истории образовательных организаций, которые продолжают осуществлять подготовку кадров либо ранее ее осуществляли, а сейчас находятся в подчинении других ведомств [Гордиенко 2014; Емельянов 2013]. Именно необходимость, хотя бы частично, восполнить этот пробел в историко-правовых исследованиях и предопределила выбор тематики настоящей статьи: на примере одного из старейших учебных заведений системы – Владимирской офицерской школы МВД СССР (ныне ВЮИ ФСИН России) раскрыть организационные и правовые аспекты функционирования новой формы подготовки специалистов – офицерских школ в период их существования с 1946 по 1951 г.[1]

[1] Предвоенный и военный периоды рассмотрены нами ранее [Ерин 2018].

© Ерин Д. А., 2020

О необходимости повышения уровня подготовки кадров для системы МВД СССР говорилось в приказе МВД СССР от 10 ноября 1946 г. «О мероприятиях по подготовке и переподготовке руководящих и оперативных кадров МВД СССР»[1]. Приказ констатировал, что подавляющее большинство указанных категорий сотрудников не соответствовали предъявляемым требованиям как в плане общего образования, так и в плане специальной подготовки; заочное образование и внешкольная учеба по повышению служебно-оперативной подготовки не были организованы. Особо подчеркивалось, что существовавшая сеть школ не давала юридического образования, что оказывало негативное влияние на деятельность по применению советского уголовного и исправительно-трудового законодательства, а следовательно, и на соблюдение социалистической законности. Подчеркивалось, что подготовка кадров осуществлялась в отрыве и вне связи с системой общего образования. Это приводило к тому, что курсанты не получали знаний в объеме высших и средних учебных заведений. Таким образом, требовалось проведение скорейших преобразований в системе подготовки кадров, в первую очередь уровня руководителей и оперативных работников МВД СССР.

В качестве важнейших задач по подготовке и переподготовке кадров органов МВД СССР приказ называл следующие: повысить уровень общеобразовательной, специальной и политической подготовки работников руководящего и оперативного состава МВД СССР; в течение ближайших 4–5 лет добиться того, чтобы весь основной руководящий и оперативный состав прошел либо очное обучение в школах МВД СССР, либо заочное, причем, наряду со спецдисциплинами, в обязательном порядке предполагалось изучение юридических дисциплин[2]. Согласно приказу от 10 ноября 1946 г. Высшая школа МВД СССР была переименована в Высшую офицерскую школу МВД СССР, а все республиканские и межобластные школы МВД СССР переименовывались в офицерские школы МВД СССР с обязательной юридической подготовкой в рамках программ юридических школ. Все одногодичные офицерские школы МВД СССР переводились на двухгодичное (очное) обучение.

Важнейшим шагом в становлении профессионального образования стало закрепление в приказе организации заочного обучения для руководящего и оперативного состава, не прошедшего школьную подготовку и не имевшего высшего и среднего юридического образования по программе Высшей и местных офицерских школ МВД СССР. Кроме того, при каждой школе предписывалось создать курсы переподготовки руководящего и оперативного состава, что давало возможность повысить уровень профессионализма руководителей основных низовых звеньев системы управления в органах МВД СССР.

Во всех офицерских школах устанавливалась единая структура: два отделения – основное (очное) и заочное, а также курсы переподготовки руководящего и оперативного состава при каждой офицерской школе.

Прием курсантов на основное (очное) и заочное отделения должен был осуществляться только на базе законченного среднего образования. Однако, учитывая специфику подготовки кадров для национальных республик, в местные офицерские школы разрешалось принимать лиц, имевших семилетнее образование. Комплектование школ осуществлялось за счет: оперативного, начальствующего и офицерского состава органов и войск МВД СССР, а также милиции; рядовых и сержантов органов и войск МВД СССР. Кроме того, кандидаты на поступление должны были являться членами или кандидатами в члены ВКП(б), ВЛКСМ, которых направляют партийные и комсомольские организации; иметь среднее образование (10 классов), возраст не старше 30 лет. Предписывалось на основные отделения зачисление производить по результатам вступительных экзаменов по истории СССР, географии, русскому языку и литературе[3].

Таким образом, офицерские школы признавались основной формой подготовки и переподготовки оперативных и руководящих кадров для всей системы МВД СССР. Приказ МВД СССР от 10 ноября 1946 г. устанавливал перечень офицерских школ МВД СССР, их профиль, численность и срок обучения переменного состава на отделениях подготовки и переподготовки. Всего было сформировано 14 школ: Высшая офицерская школа МВД СССР и 13 офицерских школ[4]. Для всех школ устанавливался профиль подготовки – оперативный состав МВД СССР, для Ленинградской – подготовка начальников оперативных отделений, их заместителей и начальников районных отделов–отделений МВД СССР, для Владимирской офицерской школы МВД СССР (200 чел.) – оперативный состав тюрем.

Согласно приказу подготовка кадров во Владимирской офицерской школе МВД СССР строилась следующим образом: отделение подготовки оперативного состава тюрем со сроком обучения 2 года – 50 чел.; курсы переподготовки начальников тюрем (срок обучения – 9 мес.) – 50 чел.; курсы переподготовки оперативного состава (срок обучения – 9 мес.) – 25 чел.; курсы переподготовки

[1] Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 208. Л. 94.

[2] Там же. Л. 94(об).

[3] Там же. Л. 96.

[4] Там же. Л. 99(об).

дежурных помощников начальников тюрем (срок обучения – 9 мес.) – 75 чел.[1]

Приказом МВД СССР от 25 июня 1947 г. в рамках комплекса мероприятий по развитию подготовки и переподготовки руководящих и оперативных работников МВД СССР было утверждено типовое Положение об офицерской школе МВД СССР[2] (далее: Типовое положение), которое должно было стать основой для последующих положений, разрабатывающихся применительно к каждой конкретной школе. Согласно Типовому положению офицерская школа являлось специальным учебным заведением МВД СССР, чьей основной целью были подготовка и переподготовка оперативных кадров, «…воспитанных в духе революционной бдительности, вооруженных марксистско-ленинской теорией, специальными и юридическими знаниями и беззаветно преданных Советской Родине»[3].

Все офицерские школы находились в непосредственном подчинении у 4-го отдела Управления кадров МВД СССР, что свидетельствовало о единой централизованной системе ведомственного образования. В оперативном отношении школы подчинялись начальникам управлений МВД соответствующих административно-территориальных образований, где дислоцировалось учебное заведение. В Типовом положении в обязательном порядке закреплялись вопросы комплектования основного отделения, курсов при школах: требования к кандидатам, сроки вступительных экзаменов (с 10 по 25 августа) и т. д. Причем, если для основных отделений перечень требований был установлен достаточно четкий, то на курсы переподготовки направлялись офицеры, «…нуждающиеся в повышении своих теоретических знаний и состоящие в резерве на выдвижение»[4]. В отличие от приказа от 10 ноября 1946 г., в Типовом положении впервые четко и определенно говорилось о правовом положении лиц, поступивших в учебные заведения. Пункт 16 Типового положения устанавливал, что «…лица, зачисленные на основные отделения, именуются курсантами». Офицеры, зачисленные на курсы переподготовки и основное отделение подготовки руководящего состава органов МВД СССР, назывались слушателями[5].

Типовым положением регламентировались структура школы, формы обучения, закреплялось обязательное наличие циклов, таких как: социально-экономические дисциплины, юридические дисциплины, общеобразовательные, спецдисциплины, военно-физическая подготовка[6]. Особое внимание уделялось замещению должности начальника цикла, который назначался по согласованию с отделом кадров МВД–УМВД и утверждался Управлением кадров МВД СССР. В соответствии с Типовым положением циклы были сформированы во Владимирской офицерской школе МВД СССР к концу 1946 г.

Преподавательский состав подразделялся на штатный и приватный. В качестве обязательных требований к преподавателям закреплялись наличие высшего образования и опыт педагогической или практической работы по специальности преподаваемой дисциплины. Лишь в отношении спецдисциплин допускалось наличие у преподавателя среднего образования и «…достаточного опыта практической агентурно-оперативной работы в органах МВД»[7].

Весной 1946 г. Владимирская школа подготовки начальствующего состава тюрем НКВД СССР была переименована во Владимирскую школу МВД СССР, а согласно приказу МВД СССР от 10 ноября 1946 г. стала называться «Владимирская офицерская школа МВД СССР». В течение 1946 г. на основании соответствующих приказов были осуществлены два набора курсантов и слушателей на очную форму обучения. Приказом МВД СССР от 7 февраля 1946 г. № 28 в школу были зачислены на отделение начальников тюрем 42 чел., на отделение оперативных работников 68 чел., на отделение переподготовки дежурных помощников начальников тюрем (далее: ДПНТ) 129 чел.[8] Результаты выпуска этого набора были представлены следующими показателями: отделение начальников тюрем закончили (5 мая 1946 г.) 42 чел., отделение оперативных работников (10 августа 1946 г.) 74 чел., отделение ДПНТ 123 чел. и двое считались прослушавшими курс обучения. Выпускные экзамены соответствовали профилю подготовки для обоих отделений – русский язык (письменно) и история ВКП(б) (устно), для отделения оперработников – спецдисцилины № 1, 2, 3; для ДПНТ – тюремное дело.

Причем нужно подчеркнуть, что разница между количеством принятых и выпущенных курсантов и слушателей объяснялась практикой принятия в учебное заведение дополнительного количества абитуриентов уже после объявления приказа о зачислении. Например, 23 февраля 1946 г. в школу были зачислены три сотрудника, направленные на обучение из МВД Эстонской ССР. Кроме того, Тюремное управление, исходя из потребно-

[1] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 1а. Д. 208. Л. 100.
[2] Там же. Д. 225. Л. 166.
[3] Там же. Л. 166(об).
[4] Там же. Л. 167.
[5] Там же. Л. 167–167(об).
[6] Там же. Л. 170.
[7] Там же. Л. 171.
[8] Архив ВЮИ ФСИН России. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 5, 28–30.

стей в кадрах, оставляло за собой право в директивном порядке и по служебной необходимости осуществлять переводы курсантов и слушателей с одного отделения на другое.

1946 г. был наполнен серьезными событиями в политической жизни Советского Союза. В этот год в стране проводились мероприятия по формированию органов советской власти – выборы в верховные советы союзных республик, что свидетельствовало о продолжении курса на послевоенное восстановление всех сфер жизни государства в условиях мирного времени. Обеспечение проведения данных мероприятий в сфере охраны общественного порядка, особенно в достаточно нестабильных с политической точки зрения республиках, потребовало очередного привлечения сил и средств системы МВД СССР. Это затронуло и Владимирскую офицерскую школу МВД СССР. Приказом начальника школы от 22 декабря 1946 г. 129 курсантов и 2 офицера были направлены в оперативную командировку «…по выполнению задания Правительства…» в Литовскую ССР. В состав командированных были отобраны все слушатели: из отделения начальников тюрем (38 чел,), отделения оперативных работников (39 чел.), остальные из отделения ДПНТ. Они осуществляли вспомогательную деятельность в качестве приданных сил при проведении оперативных мероприятий на территории Марьямпольского оперативного участка (каждый уезд в оперативном отношении именовался оперативным участком), с дислокацией в деревне Шумская, а 18 февраля 1947 г. прибыли обратно[1].

Руководство МВД СССР достаточно серьезно подходило к кадровому обеспечению системы. Не случайно в 1947 г. на основании соответствующего приказа МВД СССР от 15 января 1947 г. по всей системе была проведена так называемая кадровая чистка. Например, только в течение 1947 г. из Владимирской офицерской школы МВД СССР по различным основаниям были отчислены 46 курсантов и слушателей-заочников как не соответствующие предъявляемым требованиям. В 1948 г. были откомандированы 13 чел. кандидатов на поступление на отделение переподготовки ДПНТ «по неграмотности».

Приказом МВД СССР от 13 марта 1947 г. Владимирская офицерская школа МВД СССР перешла на новое штатное расписание с общим числом аттестованных сотрудников в количестве 31 чел. и вольнонаемных – 9 чел.[2]

В соответствии с приказом МВД СССР от 29 мая 1947 г., утвердившим Положение о заочном обучении руководящих и оперативных кадров МВД СССР, во Владимирской офицерской школе МВД СССР было открыто заочное отделение со сроком обучения три года. Только за четыре учебных года (1947/48, 1948/49, 1949/50, 1950/51 учеб. г.) на это отделение был принят 1 091 чел., выпущены 569[3]. Подобная разница между набором и выпуском объяснялась периодическими реорганизациями учебных заведений системы, что приводило к переводам заочников либо в другие учебные заведения МВД СССР, либо на очное обучение, либо в систему МГБ СССР. Так, в 1950 г. во Владимирскую офицерскую школу МВД СССР были переведены 568 заочников из Киевской и Кишиневской офицерских школ МВД СССР, которые передавались в ведение МГБ СССР. В 1951 г. набор заочников во Владимирскую офицерскую школу МВД СССР вообще не был предусмотрен планом МВД СССР[4]. Однако с 1 января 1951 г. в школу были переведены 230 заочников из бывшей Киевской офицерской школы и дополнительно зачислены работники милиции УМГБ по Владимирской области[5]. В 1947 г. было принято решение на основании Положения о заочном обучении при офицерских школах и школах начсостава милиции МВД СССР организовать при Владимирской офицерской школе МВД СССР очную группу из числа сотрудников УМВД и милиции Владимирской области, Владимирской тюрьмы и Владимирской офицерской школы, поступивших на заочное обучение во Владимирскую, Ленинградскую офицерские школы и Горьковскую школу начсостава милиции в количестве 28 чел.[6]

Несмотря на важность подготовки специалистов для системы по заочной форме обучения, количество слушателей-заочников превышало возможности учебного заведения. Не случайно в 1951 г. подчеркивалось, что «…большую неорганизованность вносят заочники, прибывающие на сессии, располагавшиеся в помещениях и на территории школы…»[7]. Вместе с тем к концу 1951 г. руководство Управления военно-учебных заведений (далее: УВУЗ) МВД СССР отмечало, что, в сравнении с другими офицерскими школами МВД СССР, «… Владимирская школа добилась лучших результатов в деле организации и проведения заочного обучения и успеваемости…»[8].

К концу 1947 г. структура Владимирской офицерской школы МВД СССР включала: основное очное (двухгодичное) отделение подготовки опе-

[1] Архив ВЮИ ФСИН России. Ф. 3. Оп. 1. Д. 3. Л. 205, 207; Ф. 1.Оп. 6. Д. 2, Л. 21, 23.

[2] Там же. Ф. 1. Оп. 6. Д. 2. Л. 38.

[3] ГАРФ. Ф. 9422. Оп. 1. Д. 818. Л. 10.

[4] Там же. Л. 10.

[5] Отдел специальных фондов и реабилитации жертв политических репрессий ИЦ УМВД по Владимирской области (ОСФиРЖПР ИЦ УМВД по Владимирской области). Ф. 16. Оп. 1. Д. 18. Л. 24.

[6] Архив ВЮИ ФСИН России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 2. Л. 184.

[7] ГАРФ. Ф. 9422. Оп. 1. Д. 818. Л. 15.

[8] Там же. Д. 925. Л. 119.

ративного состава, отделение переподготовки начальников тюрем, отделение переподготовки оперативного состава, отделение переподготовки ДПНТ и заочное отделение.

Переменный состав школы на 1948/49 учеб. г. был представлен следующим образом: на основном двухгодичном отделении обучались 100 курсантов (1-й курс – 51 чел., 2-й курс – 49 чел.); на отделении переподготовки начальников тюрем – 27 чел.; на отделении переподготовки ДПНТ – 65 чел.; на отделении переподготовки оперативных работников – 26 чел. Итого курсантов и слушателей насчитывалось 219 чел.[1]

С 1949 г. Владимирская офицерская школа МВД СССР начала осуществлять подготовку руководящего состава тюрем с двухгодичным сроком обучения, также были открыты курсы переподготовки инструкторов боевой и специальной подготовки с 4,5-месячным сроком обучения (с 1950 г. срок обучения был увеличен до 9 мес.)[2].

В июле 1949 г. состоялся первый выпуск основного двухгодичного отделения подготовки оперативных работников в количестве 48 чел., 26 из которых были направлены в распоряжение «Енисейстроя» МВД СССР (г. Красноярск)[3].

В 1949 г. в системе подготовки учебного заведения произошли серьезные изменения. Повышение требований к руководящему составу тюремных учреждений поставило новую задачу – поднять на качественно новый уровень подготовку будущих руководителей. Руководством МВД СССР был взят курс на переход от системы переподготовки этой категории сотрудников к их полноценному обучению. В школе был впервые осуществлен набор на двухгодичное отделение подготовки руководящего состава тюрем (26 чел.). Таким образом, с 31 августа 1949 г. подготовка по очной форме осуществлялась на отделении подготовки руководящего состава тюрем, отделении подготовки оперативного состава, отделении подготовки ДПНТ и курсах подготовки инструкторов боевой подготовки[4].

В 1950 г. на основании соответствующей директивы Управления кадров МВД СССР во Владимирской офицерской школе МВД СССР в целях улучшения подготовки учебно-воспитательной работы и оказания помощи курсантам и слушателям во внеклассное время для организации самоподготовки и проведения культурно-массовых мероприятий за восемью группами курсантов и слушателей очного отделения в качестве кураторов были закреплены восемь офицеров постоянного состава школы[5].

Существенный интерес представляют собой тематические планы для всех отделений Владимирской офицерской школы МВД СССР, в которых достаточно подробно представлены тематика и количество часов, причем значительная доля здесь принадлежала общеобразовательным и гуманитарным дисциплинам. Например, тематический план по истории ВКП(б) для основного отделения подготовки руководящего состава и оперативного состава (второй год обучения) на 1950/51 учеб. г. был рассчитан на 170 ч, по политэкономии – на 170 ч, по экономической географии – на 100 ч, тогда как на уголовный процесс – 68 ч, криминалистику – тоже 68 ч и т. д.[6] Для первого года обучения основного двухгодичного отделения на русский язык отводилось 108 ч, на историю СССР –152 ч, теорию государства и права –72 ч, на советское уголовное право – 84 ч[7]. Причем для отделения переподготовки ДПНТ и курсов подготовки инструкторов боевой подготовки русский язык, история ВКП(б), советское государство и право, уголовное право были обязательными предметами.

Особый интерес для исследователя представляет Акт с приложениями о приеме Владимирской офицерской школы МВД СССР в систему Управления военно-учебных заведений МВД СССР от 19 июля 1951 г. (по состоянию на 1 июля 1951 г. (далее: Акт)[8], характеризующий практически все стороны организации и деятельности школы. На его основании учебное заведение из ведения Управления кадров МВД СССР переподчинялось УВУЗ МВД СССР, с сохранением условного номера в/ч 370.

Согласно указанному Акту офицерские кадры Владимирской офицерской школы МВД СССР (постоянный состав) вполне соответствовали предъявляемым требованиям времени. Так, по состоянию на июль 1951 г. в школе согласно штатному расписанию должны были числиться 44 чел., а по факту был 41 офицер, из которых членами ВКП(б) были 30 чел., кандидатами в члены партии – 4 чел.; высшее образование имели 21 чел., среднее – 15 чел., начальное среднее – 5 чел.; военное образование – 17 чел., закончили курсы усовершенствования – 10 чел., не имели военного образования – 15 чел.[9] Курсантов и слушателей, при штатном количестве в 200 чел., насчитывалось 198. Обучающиеся распределялись следующим образом: отделение подготовки руководящего состава тю-

[1] Архив ВЮИ ФСИН России. Ф. 1. Оп. 6. Д. 3. Л. 145.

[2] ГАРФ. Ф. 9422. Оп. 1. Д. 818. Л. 3.

[3] Архив ВЮИ ФСИН России. Ф. 2. Оп 1. Д. 6. Л. 203, 209.

[4] Там же. Д. 7. Л. 244.

[5] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4. Л. 4.

[6] ОСФиРЖПР ИЦ УМВД по Владимирской области. Ф. 16. Оп. 1. Д. 9. Л. 3–36.

[7] Там же. Д. 11. Л. 1, 40–52, 53, 72, 74.

[8] ГАРФ. Ф. 9422. Оп. 1. Д. 818. Л. 2.

[9] Там же. Л. 3.

рем (два года обучения) – 52 чел. (1-й курс – 26 чел., 2-й – 26 чел.); отделение подготовки оперативного состава (2 года обучения) – 74 чел.; курсы переподготовки ДПНТ – 48 чел.; курсы подготовки инструкторов – 24 чел.

Подготовка специалистов осуществлялась на основании учебных и тематических планов, утвержденных Управлением кадров МВД СССР, причем юридические дисциплины преподавались по программам юридических школ, а специальные дисциплины – по программам Высшей офицерской школы МВД СССР, что свидетельствовало о единстве в первую очередь ведомственного и гражданского юридического образования при учете специфики учебного заведения.

На 1 июля 1951 г. во Владимирской офицерской школе МВД СССР были следующие циклы: социально-экономические дисциплины (история ВКП(б), политэкономия, география, история СССР), специальные дисциплины (спецдисциплины № 1, 2, тюремное дело), юридические дисциплины (теория государства и права, советское государственное право, административное право, уголовное право, гражданское право, трудовое право, криминалистика, уголовный и гражданский процессы, судебная медицина, судебная психиатрия, основы бухучета); общеобразовательные дисциплины (русский язык и литература), военно-физическая подготовка (уставы вооруженных сил, огневая и строевая тактика, военная топография, физподготовка и самбо)[1].

Акт достаточно объективно оценивал все аспекты организации и деятельности учебного заведения. Так, за 1951 г. к партийной ответственности были привлечены всего 5 чел., наложено 21 дисциплинарное взыскание, снято 13 взысканий и объявлено 150 поощрений. Не случайно руководство МВД СССР отмечало, что «…общее политико-моральное состояние школы здоровое…», а «…имеющийся штат по своим деловым и политическим качествам способен обеспечить выполнение учебных планов школы…»[2].

Советская исправительно-трудовая система нуждалась в расширении номенклатуры подготовки кадров. В связи с этим на основании указания УВУЗ МВД СССР от 12 сентября 1951 г. во Владимирской офицерской школе МВД СССР были организованы краткосрочные курсы по переподготовке работников двух спецотделов – отделений органов МВД СССР в количестве 45 слушателей со сроком обучения 2,5 мес. с 1 октября по 15 декабря 1951 г. Причем преподавание специальных предметов возлагалось не на преподавательский состав школы, а на работников 2-го спецотдела МВД СССР[3].

План основных мероприятий Владимирской офицерской школы МВД СССР на 1951/52 учеб. г. от 30 октября 1951 г. закреплял основные задачи, ставившиеся перед коллективом учебного заведения, среди которых важнейшей являлась «…хорошая организация учебного процесса, обеспечивающая подготовку высококвалифицированных, политически и культурно грамотных офицеров для органов МВД…»[4].

Таким образом, необходимо констатировать, что период с 1946 по 1951 г. характеризовался как новый этап развития всей системы подготовки кадров для исправительно-трудовых учреждений, важнейшее место в которой отводилось Владимирской офицерской школе МВД СССР, готовившей кадры для тюремных учреждений МВД СССР. Главной особенностью периода развития ведомственного образования стало сочетание проверенных временем и не утративших актуальности форм обучения в виде переподготовки действующих сотрудников и становления полноценной подготовки (рассчитанной на двухгодичный срок обучения) специалистов, получавших юридическое образование.

Список цитируемых источников

Будашевский 2016 – *Будашевский Г. В.* Деятельность исправительно-трудовых учреждений Ленинграда и Ленинградской области в послевоенный период (середина 1940-х – средина 1950-х гг.) : дис. … канд. ист. наук. СПб., 2016. 263 с.

Гордиенко 2014 – Академия управления МВД России: 85 лет в строю 1929–2014 / под ред. В. В. Гордиенко. М. : АУ МВД России, 2014. 404 с.

Детков 1999 – *Детков М. Г.* Тюрьмы, колонии и лагеря России. М. : Вердикт-1, 1999. 448 с.

Емельянов 2013 – Владимирский юридический институт. Хроника, события, люди. К 70-летию ВЮИ ФСИН России / под общ. ред. С. Н. Емельянова. Владимир : ВЮИ ФСИН России, 2013. 208 с.

Ерин 2018 – *Ерин Д. А.* Владимирские курсы начсостава ГТУ НКВД СССР – Владимирская школа подготовки начсостава тюрем НКВД СССР в предвоенный и военный периоды: организационно-правовые основы подготовки кадров // Вестник Владимирского юридического института. 2018. № 2(47). С. 7–13.

[1] ГАРФ. Ф. 9422. Оп. 1. Д. 818. Л. 7.

[2] Там же. Л. 9, 15.

[3] Там же. 925. Л. 8.

[4] Там же. Л. 134.

Зубков 2006 – Уголовно-исполнительное право России: теория, законодательство, международные стандарты, отечественная практика конца XIX – начала XXI века / под ред. А. И. Зубкова. Изд. 3-е, перераб. и доп. М. : Норма, 2006. 701 с.

Проценко 1998 – *Проценко Д. В.* Государственная образовательная политика в системе МВД России: историко-правовой анализ : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1998. 398 с.

Смыкалин 2015 – *Смыкалин А. С.* Колонии и тюрьмы в Советской России. М. : Русайнс, 2015. 224 с.

Тимофеев 1999 – *Тимофеев В. Г.* Уголовно-исполнительная система России: цифры, факты, события. Чебоксары : ЧГУ, 1999. 206 с.

References

Budashevsky, G. V. (2016), Activities of correctional labor institutions of Leningrad and the Leningrad region in the post-war period (mid-1940s – mid-1950s), Ph. D. Thesis, national history, St. Petersburg History Institute of the RAS, St. Petersburg, Russia.

Detkov, M. G. (1999), *Tyur ’my, kolonii i lagerya Rossii* [Prisons, colonies and camps in Russia], Verdikt-1, Moscow, Russia.

Emel ’yanov, S. N. (ed.) (2013), *Vladimirskii yuridicheskii institut. Khronika, sobytiya, lyudi. K 70-letiyu VYuI FSIN Rossii* [Vladimir Law Institute. Chronicle, events, people. On the occasion of the 70th anniversary of VUI FSIN of Russia], VYuI FSIN Rossii, Vladimir, Russia.

Erin, D. A. (2018), “Vladimir courses for the command staff of the State Customs Committee of the NKVD of the USSR – Vladimir school for training the command staff of the prisons of the NKVD of the USSR in the pre-war and military periods: the organizational and legal foundations of training”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(47), pp. 7–13.

Gordienko, V. V. (ed.) (2014), *Akademiya upravleniya MVD Rossii: 85 let v stroyu 1929–2014* [Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia: 85 years in service 1929–2014], AU MVD Rossii, Moscow, Russia.

Protsenko, D. V. (1998), State educational policy in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia: historical and legal analysis, D. S. Thesis, theory of law and state, history of law and state, history of political and legal doctrines, St. Petersburg Academy of the MIA of Russia, St. Petersburg, Russia.

Smykalin, A. S. (2015), *Kolonii i tyur ’my v Sovetskoi Rossii* [Colonies and prisons in Soviet Russia], Rusains, Moscow, Russia.

Timofeev, V. G. (1999), *Ugolovno-ispolnitel ’naya sistema Rossii: tsifry, fakty, sobytiya* [Penal system of Russia: figures, facts, events], ChGU, Cheboksary, Russia.

Zubkov, A. I. (ed.) (2006), *Ugolovno-ispolnitel ’noe pravo Rossii: teoriya, zakonodatel ’stvo, mezhdunarodnye standarty, otechestvennaya praktika kontsa XIX – nachala XXI veka, izd. 3-e, pererab. i dop.* [Penal law of Russia: theory, legislation, international standards, domestic practice of the late 19th – early 21st century, 3th ed., rev. and enl.], Norma, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Ерин Дмитрий Александрович,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; dmitry-0333@mail.ru

Information about the authors

Erin Dmitry A.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; dmitry-0333@mail.ru

Для цитирования

Ерин Д. А. Владимирская офицерская школа МВД СССР (1946–1951 гг.): организационно-правовые основы деятельности по подготовке кадров для тюремной системы // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 177–183.

For citation

Erin, D. A. (2020), “Vladimir officer school of the Ministry of Internal Affairs of the USSR (1946–1951): organizational and legal basis for training personnel for the prison system”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 177–183.

УДК 34.01

Т. Е. Зяблова[1]
В. В. Мамчун[2]
[1] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация

T. E. Zyablova[1]
V. V. Mamchun[2]
[1] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation
[2] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation

Некоторые аспекты изучения преамбул нормативных правовых актов в российской и польской теории права

Some aspects of studying the preamble of normative legal acts in the Russian and the Polish theory of law

Ключевые слова: преамбула; аренга; нормативный правовой акт; конституция; структура; значение; мотив.

Аннотация. Статья посвящена изучению степени научной разработанности проблемы преамбул нормативных правовых актов. Проводится сравнительный анализ результатов исследований, осуществляемых в рамках теории права российскими и польскими учеными-юристами по вопросам, связанным с содержанием понятия преамбулы, ее элементным составом, а также анализируются обстоятельства, обусловливающие включение преамбулы в нормативные правовые акты.

Key words: preamble; arenga; normative legal act; Constitution; structure; meaning; motive.

Abstract. The article analyzes the state of scientific development of the actual problem of the preambles of normative legal acts. A comparative analysis of the results of research is carried out within the framework of the theory of law by Russian and Polish legal scholars on the content of the concept of the preamble, its element composition, as well as the circumstances that determine the placement of the preamble in normative legal acts are analyzed.

Одно из самых значимых событий в общественно-политической жизни России начала 2020 г. – внесение в Основной закон государства поправок, предложенных Президентом Российской Федерации В. В. Путиным, актуализирует научные исследования преамбулы нормативного правового акта, темы, не получившей до настоящего времени должного освещения в юридической литературе. На недооценку роли данного правового феномена в юридической науке России и других стран указывают В. М. Баранов и Л. К. Лутова [Баранов, Лутова 2012; Лутова 2011].

В связи с этим вполне обоснованным представляется обращение к опыту изучения некоторых аспектов явления преамбулы нормативного правового акта в российской и польской теории права. В ряде случаев будут привлечены результаты исследований белорусского правоведа С. Г. Василевича, сделанные на основе анализа трудов А. И. Абрамовой, С. А. Авакьяна, Г. А. Гаджиева, Ю. А. Тихомирова [Василевич 2017a; Василевич 2017b].

Изучение любой проблемы в рамках теории права, как правило, предваряется обзором уже проведенных исследований и характеристикой степени изученности проблемы. В данном случае следует отметить, что и в российской, и в польской правовой доктрине исследования по интересующей нас проблематике встречаются нечасто.

Посвятившая исследованию преамбул нормативного правового акта свое диссертационное исследование Л. К. Лутова в 2011 г. отмечала, что в общетеоретической российской литературе не было ни одного специального монографического исследования, посвященного данной проблеме. Весь наличный материал характеризуется ею как фрагментарно и часто противоречиво представляющий отдельные элементы характеристики некоторых преамбул конкретных нормативных правовых актов. Данный автор выражает особую озабоченность о состоянии интерпретации проблемы преамбул в учебной литературе, которое, представляя собой несколько малосодержательных тезисов, могло дезориентировать обучающихся и лишить их возможности составить адекватное представление о сущности, месте, функциях и реальных практических возможностях рассматриваемого феномена [Лутова 2011].

Как указывала Л. К. Лутова, вся имеющаяся литература о преамбулах нормативных правовых актов была представлена в диссертации Р. В. Артемьевой «Преамбула Конституции Российской Феде-

© Зяблова Т. Е., Мамчун В. В., 2020

рации: нормативное содержание и проблемы реализации» [Артемьева 2007].

Следует отметить, что с тех пор ситуация изменилась незначительно. В настоящее время доктринальные представления о преамбулах нормативных правовых актах формируются на основании монографии В. М. Баранова и Л. К. Лутовой [Баранов, Лутова 2012] и нескольких научных статей [Василевич 2017b; Мазаева 2012].

Незначительно изменилось положение и с учебной литературой. Материал о преамбулах нормативных правовых актов включается в учебники, но в большинстве случаев он не отражает или неполно отражает содержание достижений доктрины [Кашанина 2011; Томин 2015].

В Польше состояние изученности преамбул несколько иное. Хотя автор монографического исследования, посвященного проблематике преамбул, Р. Краевский и считает, что наука не уделяет им достаточно внимания [Krajewski 2019], следует отметить прежде всего, что базовые сведения о преамбулах как правовом феномене содержатся в юридических лексиконах и литературе по правоведению, в работах по теории государства и права и по конституционному праву [Bator, Gromski, Kozak, Kaźmierczyk, Pulka 2006, s. 171; Krukowski 2002, s. 108; Kuciński 2008, s. 197, Kustra 2000, s. 205; Maroń 2011, s. 83; Wronkovska 2005, s. 36].

Вместе с тем научных работ общетеоретического уровня, действительно, мало. В первую очередь следует назвать один из основных трудов, посвященных исследуемой проблеме, работу М. Э. Стефанюк «Преамбула нормативного правового акта в доктрине и процессе становления и применения польского права в 1989–2007 гг.», изданную в 2009 г. [Stefaniuk 2009].

В 2019 г. была издана монография Р. Краевского «Преамбулы нормативных актов. Значение и составление», освещающая вопросы общего характера: понятие преамбулы, ее место в нормативном правовом акте, язык преамбул, а также особенности преамбул конституций и специфика составления преамбул различных видов нормативных актов. Монография также содержит основные аргументы участников дискуссии по проблеме нормативности преамбул [Krajewski 2019].

О повышении интереса к проблеме свидетельствует исследование преамбулы в формате научной статьи Б. Сосновского, в которой коротко характеризуются элементы структуры преамбул польских правовых актов [Sosnowski 2016]. Значение преамбулы обсуждается и в средствах массовой информации [Krolikowski 2008].

О значительном внимании к преамбуле Конституции Польши говорит и факт обсуждения проблемы ее нормативности в Конституционном Трибунале Польши [Sosnowski 2016].

Совершенно неожиданным источником информации о состоянии изученности проблемы преамбул нормативных правовых актов в Польше и свидетельством довольно пристального интереса ученых к ней явилось постановление Верховного суда Польши от 25 февраля 2016 г. по делу о проверке люстрационного свидетельства. В данном постановлении при решении вопроса о нормативном характере преамбулы закона «О раскрытии информации о документах органов государственной безопасности в период 1944–1990 годов» приводится большой фрагмент дискуссии о нормативном характере преамбулы закона, ведущейся в польской науке теории права[1].

В. М. Баранов анализирует случай, когда в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации при формулировании им своих правовых позиций четыре раза были сделаны ссылки на преамбулы Конституции Российской Федерации и других нормативных правовых актов [Баранов 2018, с. 158–159], а также другие эпизоды, свидетельствующие о ссылках судов на преамбулы нормативных правовых актов. Однако практика детального освещения доктринальной дискуссии по какому-либо теоретическому вопросу в решениях судов Российской Федерации не известна.

Более детально, чем в российской теории права, вопрос о понятии «преамбула» рассматривается польскими исследователями. В частности, обращает на себя внимание, во-первых, обоснованность использования понятия «преамбула» и, во-вторых, оперирование, наряду с понятием «преамбула», термином «аренга» (arenga).

Р. Краевский отмечает, что некоторые представители доктрины отрицают обоснованность использования понятия «преамбула». Так, А. Гвиждзь полагает, что это слово является ненужным заимствованием из иностранных языков, демонстрирующим снобизм тех, кто им пользуется, вместо того, чтобы использовать понятие «введение» (вступление) [Krajewski 2019, s. 16]. Р. Краевский категорически не согласен с этим утверждением. По его мнению, термин «преамбула» устоялся как в науке права, так и в других контекстах, поэтому нет причин им не пользоваться [Krajewski 2019, s. 16].

Наряду с термином «преамбула», в правовой науке и практике Польши широко используются понятие «аренга». Подчеркивая синонимичность указанных терминов, Б. Сосновский после слова «преамбула» помещает слово «аренга» в скобки и поясняет, что если преамбула означает торжественное введение в нормативных правовой акт, указывающий на обстоятельство его издания, а также определяющий его цели, то само понятие «аренга» име-

[1] Postanowienie składu siedmiu sędziów Sądu Najwyższego dnia 25 lutego 2016 r. URL: prawo.ug.edu.pl (дата обращения: 27.03. 2020).

ет более общий характер, и только его уточнение, путем ссылок на конкретный нормативный правовой акт, позволяет понять цель его использования. В качестве примера он приводит Введение в Конституцию Республики Польши 1997 г. Представляется, что такое объяснение не вполне ясно отграничивает два явления [Sosnowski 2016]. В данном случае важно иметь в виду, что оба они используются как абсолютно равнозначные.

В отличие от польского правового текста, где слово «аренга» используется как равнозначное термину «преамбула», в российской специальной литературе этот термин не применяется. Более того, потребуется некоторое время, чтобы обнаружить его правовое содержание в сети «Интернет».

В историческом контексте аренгой называют вводную формулу к акту или формулу, описывающую обстоятельства составления акта. А. Ф. Литвина поясняет, что строгое разграничение терминов «аренга» и «преамбула» проводится не всегда. При этом слово «аренга» подразумевает жесткое членение акта на заранее определенные элементы, в то время как «преамубла» – менее строгий термин [Литвина 2003].

Таким образом, можно предположить, что содержание понятия «аренга» существенно не отличается от содержания преамбулы, но, скорее, отсылает к структуре формулы, т. е. к генетическому аспекту преамбул. Выбор в пользу слова «преамбула» в русском языке – вопрос традиции.

При проведении работы по сравнительному анализу трактовки понятия «преамбула» в польской и российской литературе, в частности, в трудах Р. Краевского [Krajewski 2019] и М. Э. Стефанюк [Stefaniuk 2009], с одной стороны, и В. М. Баранова и Л. К. Лутовой [Баранов, Лутова 2012], с другой, определенную трудность представляют различные теоретические подходы к исследованию и стиль его проведения. В некоторой степени это объясняется жанровыми особенностями диссертации и монографии. Тем не менее налицо различие между аналитической наполненностью работы российских правоведов, завершением анализа каждого фрагмента работы формулированием теоретических положений, выводов, практических рекомендаций и предложений и, в основном, описательной связи с объектом исследования, типичной для польских исследователей.

Отмеченное обстоятельство особенно явно прослеживается по сравнению с четкой, ясной, подкрепленной удачными примерами характеристикой признаков преамбулы нормативного правового акта, составленной В. М. Барановым и Л. К. Лутовой [Баранов, Лутова 2012]. Представляется, что это различие кроется в логике мышления об исследуемом предмете. В «российском варианте» конечной целью является убеждение научной общественности и практиков-правотворцев в значимости преамбулы как необходимого и важного элемента структуры нормативного правового акта, обоснованной ее организационно-творческими возможностями. Польские ученые более озабочены выяснением обстоятельств, обусловливающих наличие (или отсутствие) преамбулы в нормативном правовом акте.

Различие исследовательских подходов отмечается и рецензентами монографии М. Э. Стефанюк, которые констатируют использование в работе методологического аппарата, свойственного как теории права (при исследовании фрагментов, посвященных нормативности, и правил толкования преамбул), так и другим областям юриспруденции: международного права (анализ преамбул актов международного права), конституционного права (анализ преамбулы конституции), истории права, социологии правотворчества (понятие преамбулы в дискуссиях пленарных заседаний Сейма) и социологии правоприменения (приведение примеров преамбул в обоснованиях решений судов). При таком широком охвате проблематики преамбул акценты были поставлены крайне неравномерно и в основном на социологии права. Менее убедительным стал как раз общетеоретический аспект работы [Wróblewski, Zajęcki 2009].

Эти же замечания характерны для монографии Р. Краевского, который не дает собственных комментариев к положениям цитируемых им коллег, предоставляя это читателю. При этом нельзя не отметить широкий круг привлеченной к работе специальной литературы и нормативных правовых актов, которые имеют или, наоборот, не имеют преамбул [Krajewski 2019].

Одним из основополагающих вопросов проблемы преамбул является вопрос о том, как часто и при каких обстоятельствах они должны помещаться в нормативных правовых актах. Следует отметить, что полной определенности в ответах на данный вопрос нет ни в российской, ни в польской науке права.

Так, В. М. Баранов и Л. К. Лутова убеждены, что преамбула должна сопровождать каждый нормативный правовой акт, будучи необходимым и поэтому обязательным элементом его структуры. Представляется, что данное утверждение, скорее, отражает «желаемое», нежели соответствует современной практике законотворчества, когда законопроекты часто разрабатываются поспешно и принимаются в первом чтении: времени на качественную подготовку преамбулы просто не хватает [Баранов, Лутова 2012].

Другие авторы выражаются не столь определенно. Так, в Методических рекомендация по юридико-техническому оформлению законопроектов, подготовленных в 2003 г. Главным Государствен-

но-правовым управлением Президента Российской Федерации, Правовым управлением Аппарата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, Правовым управлением Аппарата Правительства Российской Федерации, Правовым управлением Аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации и Министерством юстиции Российской Федерации, преамбула называется в числе структурных элементов законопроекта, но считается необязательной[1].

С. Г. Василевич полагает необходимым отказаться от представления о том, что преамбулы обязательны только в крупных и значимых актах и актах, касающихся новаций правового статуса гражданина, изменения конституции, конституционных законов. При этом ограничивается констатацией того, что подход должен быть более широким [Василевич 2017а].

Неопределенность в данном вопросе подчеркивается и теоретическими положениями польских исследователей. Так, Р. Краевский высказывается против слишком частого использования преамбул, особенно в менее значимых законах, поскольку это привело бы к своеобразной девальвации их особой роли и, говоря шире, к ослаблению ценности права, в которой с помощью введений законодатель хотел бы убедить адресатов закона [Krajewski 2019, s. 22]. В то же время он признает правоту Б. Сосновского, который выражает уверенность в том, что «отказ от преамбул был бы неправильным по нескольким причинам. Они содержат определенные универсальные максимы, признаваемые большинством общества. Корректная интерпретации преамбул формирует перечень ценностей, которыми руководствовался законодатель. Они выражают ratio legis, благодаря чему становятся понятными причины издания данного акта, позволяющие соотнести его с соответствующим историческим контекстом и с изменениями общественно-политического характера, происходящими в данном обществе» [Sosnowski 2016].

Как было указано выше, большое внимание в польской теории права уделяется обсуждению критериев, определяющих наличие или отсутствие преамбул в качестве структурной части нормативных правовых актов. Р. Краевский отмечает отсутствие их правовой регламентации и, соответственно, указаний относительно данного вопроса. Принципы правотворческой техники в качестве приложения к постановлению Совета министров от 2 июня 2002 г., в целом достаточно детально описывающие структуру правового акта и, будучи единственным документом, регламентирующие данный аспект, не предусматривают наличия в правовом акте введения. Таким образом, они соответствуют содержанию ранее действующих Принципов правотворческой техники от 5 ноября 1991 г., в которых также о преамбуле не упоминается. Однако, как отмечает Р. Краевский, в § 16 Принципов правотворческой техники от 9 декабря 1961 г. № 238, которые официально опубликованы не были, говорилось о том, что «в проекте законов, имеющих принципиальное либо особо важное общественно-политическое или хозяйственного значение, можно поместить введение, выражающее мотивы и цели акта». Это обстоятельство, по мнению автора, свидетельствует об игнорировании законодателями как законодательной традиции, так и собственно практики и непоследовательности законодателя [Krajewski 2019, s. 19].

Данный факт также никак не поясняет вопрос о факторах, обусловливающих расположение преамбул в некоторых нормативных правовых актах. Тем не менее анализ польских исследований показывает, что преамбулами «снабжены» наиболее важные нормативные правовые акты. Кроме того, наличие преамбул, в свою очередь, должно свидетельствовать об особом значении акта.

Так, комментируя закон от 29 июля 2005 г. о противодействии насилию в семье, А. Важный пишет: «…следует признать, что решение законодателя о предварении текста закона преамбулой, правильное и свидетельствует о “сообщении” закону высокого статуса». П. Галецкий, К. Бобиньская и К. Айкстейд, оценивая закон об охране психического здоровья от 19 августа 1994 г., также отмечают, что «помещая преамбулу в законе, законодатель тем самым подчеркивает существенное значение последнего для охраны психического здоровья и польской правовой системы». Данную точку зрения разделяют и многие другие исследователи [Krajewski 2019, s. 20].

В целом, соглашаясь с критерием важности закона, следует возразить, что этот критерий недостаточен и требует дальнейшей конкретизации. В связи с этим Р. Краевский выдвигает в качестве критерия обоснованности помещения в нормативный правовой акт преамбулы «свободу законодателя» как «свободу его усмотрения в решении данного вопроса». Р. Краевский делает вывод, что размещение в нормативных правовых актах преамбулы является результатом исключительно свободного усмотрения законодателя. Именно поэтому введения есть в важнейших международных актах, в Конституции Польши и в некоторых законах, а также в ряде случаев в постановлениях органов территориального самоуправления (местного права) и различных уставах и кодексах этики. Не содержат преамбул распоряжения и приказы [Krajewski 2019, s. 21]. Однако представляется, что и этот критерий создает эффект «замкнутого круга», так как анализ большого числа важных правовых актов показывает, что преамбула в них поме-

[1] URL: http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/rekomend/ (дата обращения: 01.04.2020).

щается не всегда. В частности, это хорошо проследить на примере законов, закрепляющих установление государственных праздников и дней памяти. В большинстве случаев они имеют преамбулы: например, закон от 26 апреля 1950 г. об установлении 1 мая Дня государственного праздника, закон от 15 февраля 1989 г. об установлении Национального праздника независимости, закон от 20 марта 2002 г. об учреждении 2 мая Дня Полонии и поляков за границей и др. [Krajewski 2019, s. 23].

Вместе с тем закон от 6 апреля 1990 г. о возвращении Национального праздника 3 мая уже не имеет введения. Нет его и в законе от 24 апреля 2015 г. об установлении Национального Дня Победы, хотя в его ст. 1 указывается на мотивы принятия закона. Законодатель признал необходимым указать на цель закона, но не в преамбуле, как бы продолжая стиль декрета от 8 мая 1945 г. об объявлении праздника Победы и Свободы, в котором также не было преамбулы, но цель его празднования была указана в ст. 1.

Более того, Р. Краевский называет случаи, когда по «свободному усмотрению» законодателя преамбула закона, регулирующего определенные общественные отношения, «пропадает» при издании нового закона, имеющего тот же предмет регулирования, и др. [Krajewski 2019, s. 23–25].

В связи с этим следует отметить, что в качестве гипотезы, частично объясняющей причину отказа законодателя от помещения преамбул, называется частое использование их в законах разного уровня периода Народной Польши, приведшее к обратному результату со сменой политического режима. Действительно, в период с 1950 по 1983 г. число законов, содержащих преамбулу, порой достигало 19 % от их общего числа. Однако и данная гипотеза не дает универсального результата, поскольку касается только актов, имеющих «идеологическое значение». Таким образом, «основная проблема» польской правовой науки относительно причин помещения преамбул в нормативные правовые акты пока остается неразрешенной.

Еще одним важным аспектом исследования преамбул нормативных правовых актов является их элементный состав. Т. В. Кашанина и Б. Сосновский считают, что не существует строго установленной структуры преамбулы; она может быть различной [Кашанина 2011; Sosnowski 2016]. Эта точка зрения подтверждается в ходе анализа посвященной преамбулам литературы. Единственным общепризнанным положением является то, что преамбула не разделяется на отдельные части. Относительно элементов, формирующих содержание преамбулы, мнения ученых не совпадают, подчас значительно. Так, в Методических рекомендациях по юридико-техническому оформлению законопроектов, о которых речь шла выше, указывается, что преамбула определяет цели и задачи законопроекта, но не содержит легальные дефиниции и не формулирует предмет его регулирования. Т. В. Кашанина полагает, что преамбула включает мотивы принятия закона, а также цели и задачи, которые законодатель намеревается достичь в процессе реализации нормативного акта [Кашанина 2011].

Как и в других случаях, по данному вопросу максимально определенно высказываются В. М. Баранов и Л. К. Лутова [Баранов 2015; Баранов, Лутова 2012]. Они считают, что необходимо законодательно закрепить шесть основных регулятивных элементов преамбулы нормативного правового акта, подчеркивая, что эти элементы обязательны и должны быть размещены в строгой последовательности. Авторы относят к ним: предмет регуляции документа; цель нормативного правового акта, сферу его действия, принципы регламентируемой деятельности, систему используемых в них дефиниций и нормативные ссылки.

С. Г. Василевич не настаивает на строго определенном порядке расположения и обязательном наличии в преамбуле всех ее структурных элементов. При этом он полагает, что преамбула должна содержать перечень регулируемых вопросов, направленность закона (его цель), а также мотивы издания акта, его основные задачи. Кроме того, в ней должны быть включены краткий анализ состояния ранее урегулированных прежними актами общественных отношений и ожидаемые результаты от введения в действие акта. Именно такой элементный состав позволит, по мнению автора, повысить качество проектов нормативных правовых актов и усилить ответственность разработчиков за их подготовку [Василевич 2017а].

Не ставя перед собой задачу детального комментирования перечисленных выше элементов, сравним их с элементным составом, предлагаемым польскими исследователями.

Перечисляя элементы в составе преамбулы, польские ученые не устанавливают какой-либо последовательности или иерархии. Согласно данным Р. Краевского, как правило, первым называются мотивы издания акта. Далее идут цели, которые он преследует, либо функции, для выполнения которых создается закон. Т. Шовин, Т. Ставецкий, П. Вечорек и С. Саган дополняют этот перечень такими элементами, как базовые ценности, которыми руководствуется законодатель и которые он пропагандирует и намеревается защищать.

Э. Кустра делает акцент на таком элементе преамбулы, как цель издания закона. Г. Маронь, являясь сторонником точки зрения о факультативном значении преамбулы, помимо ее уже упомянутых структурных элементов, называет историко-политический генезис принятия данных правовых норм.

Согласно мнению Л. Моравского, преамбула определяет цели регулирования, аргументирует их и в ряде случаев ссылается на определенную традицию либо исторический контекст, указывает на политические или идеологические основы данного акта, а также на более или менее пространный характер. Й. Кучиньски, как и другие авторы, считает, что некоторые важные нормативные акты могут включать в себя преамбулы или торжественное введение, из которых следует их ratio legis [Krajewski 2019, s. 14–15].

Особую позицию занимает Б. Сосновский, который в качестве элементов преамбулы называет цель и мотивацию нормативного правового акта, а также обращение к Богу и к воле суверена. Следующим важным элементом преамбулы, по мнению этого автора, является ratio legis, понимаемая им как обоснование цели законодателя, своеобразная историческая и общественная легитимация конкретного акта [Sosnowski 2016].

Дефиниция, соединяющая и обобщающая все признаки преамбулы, сформулирована М. Э. Стефанюк: преамбула – это «интегративная часть нормативного акта, находящаяся между его названием и частью, состоящей из статей или параграфов, включающая такие элементы, как указание адресата и предмета правового регулирования; определение общественно-политического генезиса правового текста через упоминание о различных исторических событиях, приведших к его изданию; характеристика основного содержания текста акта; определение мотивов и целей, для реализации которых издается акт, а также ценностей, которые признаются законодателем и защищаются данным законом. В ряде случаев преамбула содержит правовые основания его издания и призыв к применению акта. Как отмечает автор, данный перечень сформулирован в результате анализа большого числа нормативных актов и не всегда содержится в каждом из них [Stefaniuk 2009, s. 15].

Из данного и большинства других перечней элементов преамбул, представленных в польской теории права, следует широкое применение термина «мотив», против использования которого высказываются В. М. Баранов и Л. К. Лутова. По их мнению, мотив не является юридическим понятием. Этот психологический феномен вряд ли можно выразить четкими правовыми понятиями и практически невозможно отграничить от намерений законодателя, поэтому не следует отражать и учитывать его в официальных юридических документах [Баранов, Лутова 2012].

Однако, учитывая многозначность данного понятия в русском и польском языках, следует указать, что в данном контексте в польских текстах слово «мотив» вполне может использоваться как имеющее значение «события, вещи, предмета или лица»[1].

Подводя итог краткому обращению к опыту исследования проблемы преамбул нормативных правовых актов в Польше, можно сделать вывод, что проведение сравнения и даже простое ознакомление с уже достигнутыми результатами, несомненно, интересно и полезно для формирования наиболее полного представления о важном правовом феномене преамбул нормативных правовых актов. Выводы польских коллег позволяют оценить результаты работы, проведенной российскими исследователями, наметить новые направления научных изысканий, внести коррективы в используемый методологический инструментарий. Представляется, что у ученых обоих государств большие перспективы в работе в связи с необходимостью решения целого ряда проблем, изучение которых только начато. К ним следует отнести проблемы элементного состава преамбул, их классификаций, особенностей преамбул, включенных в различные виды нормативных правовых актов, создание целостной картины значения преамбул и др.

Список цитируемых источников

Артемьева 2017 – *Артемьева Р. В.* Преамбула Конституции Российской Федерации: нормативное содержание и проблемы реализации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. 40 с.

Баранов 2015 – Юридическая техника / под ред. В. М. Баранова. Н. Новгород : НА МВД России, 2015. 830 с.

Баранов, Лутова 2012 – *Баранов В. М., Лутова Л. К.* Преамбула нормативного правового акта: проблемы теории и практики : монография. Н. Новгород : НА МВД России, 2012. 406 с.

Василевич 2017a – *Василевич С. Г.* К вопросу о структуре акта законодательства (белорусский опыт) // Мониторинг правоприменения. 2017. № 3(24). С. 34–38.

Василевич 2017b – *Василевич С. Г.* Роль и значение преамбулы нормативного правового акта для обеспечения системности правового регулирования // Юридическая наука и практика: вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 2(38). С. 19–22.

[1] Hasło «motyw» // Cotojest. Słownik internetowy. URL: https://www.cotojest.info/motyw_649.html (дата обращения: 05.04.2020).

Кашанина 2011 – *Кашанина Т. В.* Юридическая техника. М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. 496 с.

Литвина 2003 – *Литвина А. Ф.* Жанр автобиографической преамбулы: «Поучение» Владимира Мономаха как духовная грамота // Славяноведение. 2003. № 4. С. 3–27.

Лутова 2011 – *Лутова Л. К.* Преамбула нормативного правового акта (проблемы теории и практики) : дис. … канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2011. 271 с.

Мазаева 2012 – *Мазаева Е. С.* Концептуальная основа формулирования преамбул в конституциях зарубежных стран // Юридическая техника. 2012. № 6. С. 300–304.

Томин 2015 – *Томин В. А.* Юридическая техника. СПб. : С.-Петерб. юрид. ин-т (фил.) Акад. Генер. прокуратуры Рос. Федерации, 2015. 84 с.

Bator, Gromski, Kozak, Kaźmierczyk, Pulka 2006 – *Bator A., Gromski W., Kozak A., Kaźmierczyk S., Pulka Z.* Wprowadzenie do nauk prawnych. Leksykon tematyczny. Warszawa : LexisNexis, 2006. 328 s.

Krajewski 2019 – *Krajewski R.* Preambuły aktow normatywnych. Znaczenie i zestawienie. Bydgoszcz : Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2019. 250 s.

Krolikowski 2008 – *Krolikowski J.* Preambuła nie tak calkiem bez znaczenia // Rzeczpospolita. 2008. 28 marca.

Krukowski 2002 – *Krukowski J.* Wstęp do nauki o państwie o prawie. Lublin : TNKUL, 2002. 168 s.

Kuciński 2008 – *Kuciński J.* Nauka o państwie i prawie. Warszawa : Almamer Wyższa Szkoła Ekonomiczna, 2008. 294 s.

Kustra 2000 – *Kustra E.* Wstęp do nauki o państwie i prawie. Toruń : TNOiK, 2000. 240 s.

Maroń 2011 – *Maroń G.* Wstęp do prawoznawstwa. Rzeszów : Widanictwo Universytetu Rzeszowskiego, 2011. 242 s.

Sosnowski 2016 – *Sosnowski B.* Geneza, rola i cechy preambuly w aktach prawnych // Zeszyt Studencki Kół Naukowych Wydziału Prawa i Administracji UAM. 2016. № 6. S. 207–221.

Stefaniuk 2009 – *Stefaniuk M. E.* Preambuła aktu normatywnego. W doktrynie oraz w procesie stanowienia i stosowania polskiego prawa w latach 1989–2007. Lublin : UMCS, 2009. 626 s.

Wronkowska 2005 – *Wronkowska S.* Podstawowe pojęcia prawa i prawoznawstwa. Poznań : Ars boni et aegui, 2005. 206 s.

Wróblewski, Zajęcki 2012 – *Wróblewski B., Zajęcki M.* Problemy z pojęciem normatywności tekstu aktów prawnych // Ruch prawniczy, ekonomiczny i socjologiczny. 2012. № 2. S. 293–306.

References

Artem 'eva, R. V. (2007), Preamble to the Constitution of the Russian Federation: normative content and implementation problems, Abstract of Ph. D. dissertation, the constitutional law, the municipal law, Moscow Humanitarian University, Moscow, Russia.

Baranov, V. M. (ed.) (2015), *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technique], NA MVD Rossii, Nizhny Novgorod, Russia.

Baranov, V. M. and Lutova, L. K. (2012), *Preambula normativnogo pravovogo akta: problemy teorii i praktiki* [Preamble of a normative legal act: problems of theory and practice], NA MVD Rossii, Nizhny Novgorod, Russia.

Bator, A., Gromski, W., Kozak, A., Kaźmierczyk, S. and Pulka, Z. (2006), *Wprowadzenie do nauk prawnych. Leksykon tematyczny* [Introduction to the legal sciences. Thematic vocabulary], Lexis Nexis, Warsaw, Poland.

Kashanina, T. V. (2011), *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technology], Norma, INFRA-M, Moscow, Russia.

Krajewski, R. (2019), *Preambuły aktow normatywnych. Znaczenie i zestawienie* [Preamble of normative acts. Meaning and summary], Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, Bydgoszcz, Poland.

Krolikowski, J. (2008), "The preamble is not so insignificant", *Rzeczpospolita.* March 28.

Krukowski, J. (2002), *Wstęp do nauki o państwie o prawie* [Introduction to learning about the state of law], TNKUL, Lublin, Poland.

Kuciński, J. (2008), *Nauka o państwie i prawie* [Science about the state and law], Almamer Wyższa Szkoła Ekonomiczna, Warsaw, Poland.

Kustra, E. (2000), *Wstęp do nauki o państwie i prawie* [Itroduction to learning about the state and law], TNOiK, Torun, Poland.

Litvina, A. F. (2003), "Genre of the autobiographical preamble: "Instruction" by Vladimir Monomakh as a spiritual letter", *Slavyanovedenie,* no. 4, pp. 3–27.

Lutova, L. K. (2011), Preamble of a normative legal act (problems of theory and practice), Ph. D. Thesis, theory and history of state and law, history of the doctrines on state and law, Volga branch of Russian Academy of Justice, Nizhny Novgorod, Russia.

Maroń, G. (2011), *Wstęp do prawoznawstwa* [Introduction to jurisprudence], Widanictwo Universytetu Rzeszowskiego, Rzeszow, Poland.

Mazaeva, E. S. (2012), “The conceptual framework for the formulation of preambles in the constitutions of foreign countries”, *Yuridicheskaya tekhnika,* no. 6, pp. 300–304.

Sosnowski, B. (2016), ”Origin, role and features of the preamble in legal acts”, Zeszyt Studencki Kół Naukowych Wydziału Prawa i Administracji UAM, no. 6, pp. 207–221.

Stefaniuk, M. E. (2009), *Preambuła aktu normatywnego. W doktrynie oraz w procesie stanowienia i stosowania polskiego prawa w latach 1989–2007* [Preamble of a normative act. In the doctrine and in the process of establishing and applying Polish law in 1989–2007], UMCS, Lublin, Poland.

Tomin, V. A. (2015), *Yuridicheskaya tekhnika* [Legal technology], Sankt-Peterburgskii yuridicheskii institut (filial) Akademii General ʾnoi Prokuratury Rossiiskoi Federatsii, St. Petersburg, Russia.

Vasilevich, S. G. (2017a), “On the issue of the structure of the legislative act (Belarusian experience), *Monitoring pravoprimeneniya,* no. 3(24), pp. 34–38.

Vasilevich, S. G. (2017b), “The role and significance of the preamble of a normative legal act to ensure the consistency of legal regulation”, *Yuridicheskaya nauka i praktika: vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii,* no. 2(38), pp. 19–22.

Wróblewski, B. and Zajęcki, M. (2012), ”Problems with the notion of normativity of the text of legal acts”, *Ruch prawniczy, ekonomiczny i socjologiczny,* no. 2, pp. 293–306.

Wronkowska, S. (2005), *Podstawowe pojęcia prawa i prawoznawstwa* [Basic concepts of law and jurisprudence], Ars boni et aegui, Poznan, Poland.

Информация об авторах

Зяблова Татьяна Евгеньевна,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; tizet69mail.ru

Мамчун Владимир Вячеславович,
кандидат юридических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; vladimirmamchun@mail.ru

Information about the authors

Zyablova Tat ʾyana E.,
PhD (law), associate professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; tizet69mail.ru

Mamchun Vladimir V.,
PhD (law), associate professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; vladimirmamchun@mail.ru

Для цитирования

Зяблова Т. Е., Мамчун В. В. Некоторые аспекты изучения преамбул нормативных правовых актов в российской и польской теории права // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 184–191.

For citation

Zyablova, T. E. and Mamchun, V. V. (2020), “Some aspects of studying the preamble of normative legal acts in the Russian and the Polish theory of law”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 184–191.

УДК 340

О. С. Игнатов[1]
[1] *Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация*

O. S. Ignatov[1]
[1] *University of the Prosecutor of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation*

Интегративная функция Конституции Российской Федерации: структура и системные свойства

Integrative function of the Constitution of the Russian Federation: structure and system properties

Ключевые слова: Конституция Российской Федерации; Основной закон; интегративная функция; свойства; структура; система; целостность; взаимодействие; единство; иерархия; государство; право; общество.

Аннотация. Основной закон Российского государства является средством интеграции социальных отношений и институтов и выполняет важную роль по обеспечению целостности государства и права, развитию общества. С точки зрения функционального подхода (функций права) автор исследует основные направления правового воздействия Конституции Российской Федерации. Базовым тезисом статьи выступает идея о том, что интегративная функция конституции проявляется не только в праве и системе законодательства, но и в политике, экономике, духовно-культурной жизни общества. С этих позиций автор раскрывает структуру и системные признаки интегративной функции Основного закона страны.

Key words: Constitution of the Russian Federation; basic law; integrative function; properties; integrity; interaction; unity; hierarchy; system; state; law; society.

Abstract. The basic law of the Russian state is a means of integrating social relations and institutions and plays an important role in ensuring the integrity of the state and law and the development of the society. From the point of view of the functional approach (functions of law), the author examines the main directions of the legal impact of the Constitution of the Russian Federation. The basic thesis of the article is the idea that the integrative function of the Constitution is manifested not only in law and legislation, but in Politics, Economics, spiritual and cultural life of society as well. From this position, the author reveals the structure and system features of the integrative function of the basic law.

Конституционные реформы в России и странах СНГ оказывали и продолжают оказывать влияние на важнейшие сферы жизнедеятельности общества. Конституция Российской Федерации 1993 г. так же, как и конституции стран СНГ, выдержала проверку временем. Принятые более четверти века назад конституции обеспечили базовые ценности общества и личности: целостность личности, общества и государства, социальное согласие, гражданский мир, устойчивость государственных институтов, права и свободы человека, – проявив, таким образом, одну из главных на современном этапе функций – интегративную. Конституционные новеллы обусловили новый вектор развития правовых систем России и стран СНГ, закрепили новые политические и правовые ориентиры. Конституционные положения обусловили разработку и принятие значительного количества нормативных правовых актов, образующих систему конституционного законодательства и конституционно-правового регулирования.

Вместе с тем существенно изменились и реальные общественные отношения. В условиях глобальных вызовов и развития внутренних процессов образовались новые социальные связи, заметно усложнились существующие. Это предопределило необходимость выработки новых конституционных механизмов регулирования общественных отношений в условиях новых исторических вызовов и реинтеграции стран – участников СНГ [Бабурин 2013, с. 597].

Функции конституции приобретают в современных условиях новое содержание, что требует серьезного теоретического осмысления с позиций конституционно-правовой науки. Конституционное развитие государств – участников СНГ вариативно и характеризуется разнообразием и самобытностью политических и правовых традиций каждой страны. Вместе с тем общей закономерностью конституционного развития стран СНГ является непреклонность в укреплении государства и развитии правовой системы. Конституционные реформы в России и СНГ обусловлены необходимостью определения нормативных контуров социально-экономического развития каждой страны. Роль и значение основных законов в данном случае сложно переоценить. В современных условиях обеспечение конституционной законности и правопорядка, конституционной безопасности становится важным условием реализации национальных стратегических целей развития каждого из государств – членов СНГ. При этом научный анализ состояния, тенденций и перспектив реализации интегративного потенциала конституций стран – членов СНГ приобретает характер научной задачи. Проблема интегративных

© Игнатов О. С., 2020

свойств Конституции Российской Федерации и конституций стран СНГ становится одной из приоритетных проблем конституционно-правовой науки.

Конституция Российской Федерация как нормативный правовой акт, обладающий высшей юридической силой и обеспечивающий главные показатели отечественной политической и правовой системы, обнаруживает (проявляет) свои функции наиболее рельефно, которые нуждаются в отдельном осмыслении. Конституцию нередко называют Основным законом страны, и это не случайно, поскольку именно данный документ является ядром российской системы законодательства и политики, определяет векторы развития государства и права. В конституционном тексте сконцентрированы исходные начала правового регулирования, правопорядка, законности, демократии, детализирующиеся в отраслевых законах и подзаконных актах [Москалькова, Черников 2011, с. 39].

В самом общем плане под интегративной функцией автор понимает воздействие конституционных норм на общественные отношения в целях обеспечения целостности общества, государства и социально-политических институтов. С точки зрения философской категории «форма» интегративная функция проявляет свое содержание в двух первичных, комплексных сферах – внутренней и внешней. Внутренняя соответствует понятию «национальное» и в качестве объектов приложения имеет конституционный строй (конституционная безопасность [Альхименко 2006, с. 27; Гончаров 2006; Шуберт 2001, с. 17]), правопорядок, конституционную законность [Елагин 2003] и целостность социально-политических институтов и процессов внутри страны. Внешняя ориентирована на укрепление международного сотрудничества и обеспечение международного правопорядка и безопасности.

При рассмотрении структуры исследуемой функции целесообразно исходить из отраслевого признака, т. е. основываться на тех сферах, в которых интегративное воздействие основного закона наиболее ощутимо. В этом смысле практически все сферы (включая частную жизнь) испытывают на себе конституционно-правовое воздействие, в том числе интегративное.

В методологическом плане автор использует распространенный в науке прием выделения в составе основных функций государства и права подфункций [Пожарский 2012]. Структуру исследуемой функции образуют следующие направления (подфункции).

Политическая (государственная) интеграция представляет собой учреждение и обеспечение государственной целостности и системности публичной власти (органов государства и институтов местного самоуправления). Государственная целостность составляет основополагающий принцип российского федерализма [Уханкин 2009, с. 13]. «Целостность, – как отмечает О. И. Чепунов, – создает внутренний системно-властный связующий потенциал элементов системы – органов государственной власти, то есть способность системы сохранять качественные параметры в условиях различных воздействий на нее» [Чепунов 2011, с. 26]. Важным элементом рассматриваемой подфункции является взаимодействие публичной власти с институтами гражданского общества – активными участниками политического процесса и правовой жизни [Киричёк 2015].

Экономическая интеграция выражается в конституционно-правовом регулировании единства экономического пространства, единства кредитно-денежной политики, защиты национальной валюты, юридической защиты института собственности.

Социальная интеграция как подфункция проявляется в конституционно-правовом воздействии на общество как единый функциональный организм и нацелена на сохранение гражданского мира и согласия, обеспечение единой социальной политики. Мировой конституционный опыт, как правило, основывается на регулировании института социального государства, вмещающего в себя комплекс нормативных установок и принципов в сфере социальной политики государства.

Духовно-культурная интеграция обусловлена необходимостью сохранения исторически сложившегося государственного единства, исторической памяти и преемственности, защиты государственного языка. Как правило, нормы и принципы, определяющие интеграционное воздействие основного закона в рассматриваемой сфере содержатся в преамбуле.

Правовая интеграция имеет своей целью обеспечение иерархичности законодательства, гармонизации системы права (прежде всего, отраслей и институтов) и правовой системы в целом, обеспечение единства конституционной законности, обеспечение единства системы (включая гарантии) прав и свобод человека и гражданина, закрепление системы правовых ценностей. Юридическая интеграция в содержании рассматриваемой функции является доминирующим направлением, объем которого неуклонно возрастает в связи с увеличением правового регулирования в целом, что на современном этапе является устойчивой тенденцией.

Реальное, фактическое действие интегративной функции конституции обеспечивает механизм ее реализации, представляющий собой систему элементов, обеспечивающих реализацию интегративного потенциала основного закона. Сущность механизма реализации интегративной функции конституции выражается в следующих признаках.

Во-первых, механизм реализации интегративной функции конституции является непрерывно развивающейся (обновляющейся) системой. Как система он характеризуется наличием прямых и

обратных, вертикальных и горизонтальных связей между компонентами. Кроме того, некоторые элементы рассматриваемого механизма подвержены изменениям с учетом социально-политических и иных особенностей, т. е. в конкретно-исторических условиях, в контексте определенного вектора конституционно-правового развития общества.

Во-вторых, механизм реализации интегративной функции конституции характеризует ее в качестве одной из главных, комплексных направлений воздействия основного закона, распространяющегося на разнообразные общественные отношения.

В-третьих, категория «механизм» применительно к исследуемой функции позволяет приблизить определенный социально желаемый результат – достижение определенного (сохранение) социального состояния (безопасность, мир, солидарность, единство и т. п.).

В-четвертых, в современных условиях механизм реализации интегративной функции конституции направлен на обеспечение легальности и легитимности публичной власти, государства. В этой связи целесообразно рассматривать в рамках указанного механизма элементы, обеспечивающие положительный имидж государственной власти и легитимность государства.

Структуру рассматриваемого механизма образуют:

– нормативная составляющая (конституционные нормы и принципы, правовые акты органов конституционного правосудия (контроля);

– институциональная составляющая (система институтов публичной власти и гражданского общества);

– праксиологический (деятельностный) компонент (методы осуществления публичной власти, деятельность институтов публичной власти и институтов гражданского общества);

– система гарантий (общие, организационные и юридические);

– ресурсы (экономические (материальные), информационные, идеологические, кадровые).

Изменение конституционных норм является формой оптимизации механизма реализации интегративной функции основного закона, а также выступает средством интеграции (политической, экономической и правовой) государств – членов СНГ. Конституционно-правовое развитие в государствах СНГ характеризуется наличием конвергенции конституционных норм, принципов и идей, в связи с чем конституции стран СНГ обладают общим (схожим в сравнении) нормативно-целевым и ценностно-смысловым потенциалом для реинтеграции государств – членов СНГ и образования новой государственно-политической формы (союза).

Интегративная функция конституции выступает неотъемлемым элементом в системе свойств основного закона и находится в прямых и обратных связях с иными функциями, обеспечивая целостность и развитие общества и государства. Комбинации приоритетов и акцентов в соотношении и взаимодействии интегративной функции с иными элементами определяются конкретными историческими, социально-экономическими и политическими условиями. Наиболее ярко проследить особенности указанного взаимодействия можно на примере таких главных функций конституции, как программно-целевая, учредительная и гарантирующая.

Взаимодействие учредительной и интегративной функций с точки зрения последовательности характеризуется первичностью фундаментальных ценностей, принципов и социально-политических институтов, устанавливаемых (учреждаемых) основным законом, и обеспечивающим, объединяющим характером их правовой интеграции. Целевым содержанием учредительной функции является нормативная фиксация (социально-волевое установление) фундаментальных основ (принципов, ценностей, смыслов, целей, институтов) жизнедеятельности общества. Целевым содержанием интегративной функции выступает обеспечение их единства и целостности. В этом смысле учредительная функция конституции нормативно закрепляет (учреждает) объекты интеграции для придания им свойств целостности.

С точки зрения юридической техники свойство целостности закрепляется при помощи различных языковых единиц (единство, неделимость, сообщество, согласие, дружба, мир, объединение (соединенность), общее (всеобщее, общность), вместе, система, взаимодействие, сотрудничество, союз, согласованность и др.).

Взаимодействие программно-целевой и интегративной функций проявляется в нормативно-консолидирующем воздействии на целевые ориентиры и принципы, закрепленные в основном законе. Реализация большинства конституционных целей и принципов требует общесоциальной (народной) консолидации, взаимодействия институтов гражданского общества с институтами публичной власти, согласованного функционирования органов государственной власти, международной интеграции. В данном случае интегративная функция носит обеспечивающий характер по отношению к программно-целевой функции, тогда как последняя обеспечивает целевое содержание интегративной функции. Гарантирующая и интегративная функции носят обеспечивающий характер по отношению к учредительной и программно-целевой функциям.

Рассуждая на тему наиболее острых, актуальных проблем (трудностей) обеспечения целостности общества при помощи конституционных

средств, автор предлагает возможные алгоритмы оптимизации механизма реализации интеграции правового и политического пространства СНГ. В данном случае в центре внимания должны оказаться осуществляемая в Российской Федерации конституционная реформа, а также конституционные изменения в странах СНГ. Дело в том, что в конституциях государств – членов СНГ содержатся нормы, принципы и ценности, в совокупности представляющие нормативную и идеологическую основу (фундамент) для перехода (в перспективе) к качественно новому этапу политической, экономической, духовно-культурной и правовой интеграции в формате СНГ. Принимая во внимание существование конституционных норм не только в писаном варианте, но и в сознании граждан, следует принять во внимание сохранившиеся по инерции и частично возрождающиеся элементы социально-политической и правовой организации советского культурного, политического, экономического и правового пространства (труд, память, единство органов государственной власти и органов местного самоуправления). На этапе конституционной реформы, проводимой в России, данная особенность приобретает характер закономерной тенденции в силу преемственности конституционного развития каждой страны – участницы СНГ. В этой связи конституционный опыт Советского Союза, в том числе опыт интеграции союзных республик (национальная политика), представляют перспективное научное направление.

При этом особый порядок внесения изменений в конституционный текст, закрепленный в конституциях стран СНГ, не выступает барьером для оптимизации механизма интегративного воздействия конституции. Внесение изменений не является единственным способом и необходимым элементом юридических гарантий интегративной функции. Многие интегративные показатели вполне могут и должны регулироваться (обеспечиваться) при помощи нормативных правовых актов меньшей юридической силы, правоохранительной, контрольно-надзорной, правоприменительной и правоинтерпретационной практик.

Список цитируемых источников

Альхименко 2006 – *Альхименко В. В.* Конституционная безопасность (теоретические аспекты) // Органы внутренних дел и безопасность государства: история и современность. М. : Акад. упр. МВД России, 2006. С. 24–33.

Бабурин 2013 – *Бабурин С. Н.* Мир империй: территория государства и мировой порядок. М. : Магистр, 2013. 829 с.

Гончаров 2006 – *Гончаров И. В.* Конституционно-правовые основы обеспечения внутренней безопасности Российской Федерации // Органы внутренних дел и безопасность государства: история и современность. М. : Акад. упр. МВД России, 2006. С. 40–41.

Елагин 2003 – *Елагин Р. И.* Конституционная законность в организации органов государственной власти субъектов Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2003. 27 с.

Зорькин 2019 – *Зорькин В. Д.* Конституционно-правовое развитие России. М. : Норма, 2019. 448 с.

Киричёк 2015 – *Киричёк Е. В.* Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в условиях взаимодействия полиции и институтов гражданского общества в Российской Федерации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2015. 51 с.

Москалькова, Черников 2011 – *Москалькова Т. Н., Черников В. В.* Нормотворчество. М. : Проспект, 2011. 364 с.

Пожарский 2012 – *Пожарский Д. В.* Охранительная функция государства: вопросы системности // Государство и право. 2012. № 2. С. 110–114.

Уханкин 2009 – *Уханкин В. В.* Конституционно-правовой механизм обеспечения государственной целостности Российской Федерации : автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с.

Чепунов 2011 – *Чепунов О. И.* Системное взаимодействие органов государственной власти в Российской Федерации : автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2011. 55 с.

Шуберт 2001 – *Шуберт Т. Э.* Национальная безопасность России: конституционно-правовые аспекты. Сравнительно-правовое исследование. М. : Право и Закон, 2001. 176 с.

References

Al'khimenko, V. V. (2006), "Constitutional security (theoretical aspects)", *Organy vnutrennikh del i bezopasnost' gosudarstva: istoriya i sovremennost'* [Internal affairs bodies and state security: history and present], Akademiya upravleniya MVD Rossii, Moscow, Russia, pp. 24–33.

Baburin, S. N. (2013), *Mir imperii: territoriya gosudarstva i mirovoi poryadok* [The world of empires: state territory and world order], Magister, Moscow, Russia.

Chepunov, O. I. (2011), System interaction of state authorities in the Russian Federation, Abstract of D. Sc. dissertation, theory and history of law and state, history of the doctrines on law and state, constitutional law, municipal law, RANEPA, Moscow, Russia.

Elagin, R. I. (2003), Constitutional legality in the organization of public authorities of the constituent entities of the Russian Federation, Abstract of Ph. D. dissertation, constitutional law, municipal law, Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia.

Goncharov, I. V. (2006), "Constitutional and legal foundations of ensuring the internal security of the Russian Federation", *Organy vnutrennikh del i bezopasnost' gosudarstva: istoriya i sovremennost'* [Internal affairs bodies and state security: history and present], Akademiya upravleniya MVD Rossii, Moscow, Russia, pp. 40–41.

Kirichek, E. V. (2015), Legal and organizational mechanism for ensuring constitutional rights and freedoms of man and citizen in the context of interaction between the police and civil society institutions in the Russian Federation, Abstract of D. Sc. dissertation, juridical activity, prosecutorial activities, human rights and law enforcement, constitutional law, constitutional litigation, municipal law, Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia.

Moskal'kova, T. N. and Chernikov, V. V. (2011), *Normotvorchesvo* [Rulemaking], Prospect, Moscow, Russia.

Pozharsky, D. V. (2012), "The state protective function: systemic issues", *Gosudarstvo i parvo,* no. 2, pp. 110–114.

Shubert, T. E. (2001), *Natsional'naya bezopasnost' Rossii: konstitutsionno-pravovye aspekty. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [National security of Russia: constitutional and legal aspects. Comparative legal research], Pravo i Zakon, Moscow, Russia.

Ukhankin, V. V. (2009), Constitutional and legal mechanism for ensuring the state integrity of the Russian Federation, Abstract of Ph. D. dissertation, constitutional law, municipal law, Academy of Management of the MIA of Russia, Moscow, Russia.

Zor'kin, V. D. (2019), *Konstitutsionno-pravovoe razvitie Rossii* [Constitutional and legal development of Russia], Norma, Moscow.

Информация об авторе

Игнатов Олег Сергеевич,
Университет прокуратуры Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; i3105o@yandex.ru

Information about the author

Ignatov Oleg S.,
University of the Prosecutor of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; i3105o@yandex.ru

Для цитирования

Игнатов О. С. Интегративная функция Конституции Российской Федерации: структура и системные свойства // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 192–196.

For citation

Ignatov, O. S. (2020), "Integrative function of the Constitution of the Russian Federation: structure and system properties", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 192–196.

УДК 340.1

Н. Ф. Насриддинова[1]
[1] Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация

N. F. Nasriddinova[1]
[1] Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Место правоохранительной функции в системе функций государства, ее понятие и содержание

The place of the law enforcement function in the system of state functions, its concept and content

Ключевые слова: государство; функция государства; правоохранительная функция государства; содержание функций государства.

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-правовые аспекты правоохранительной функции государства. Автором анализируются основные подходы к понятию правоохранительной функции государства. В качестве объекта правоохранительной функции государства автор предлагает рассматривать общественные отношения, подлежащие правовой охране и защите от противоправных посягательств.

Key words: state; state function; law enforcement function of the state; the content of the state function.

Abstract. The article deals with the theoretical and legal aspects of the law enforcement state function. The author analyzes the main approaches to the concept of law enforcement state function. The author suggests considering public relations that are subject to legal protection and protection from illegal encroachments as an object of the state's law enforcement function.

Вопросы, посвященные функциям государства, не теряют своей актуальности на протяжении уже многих лет. Из всего множества существующих определений функций государства целесообразно выделить два основных подхода. Одни ученые рассматривают функции государства как главные направления деятельности государства, обусловленные его социальным содержанием. Другие под функциями государства понимают деятельность отдельных государственных органов (или государства) по решению задач в конкретный исторический период своего развития. На наш взгляд, вторая позиция является менее удачной, поскольку, несмотря на то, что функции государства и соотносятся с понятием деятельности государства, разница между этими двумя терминами при подобном подходе выражается лишь в количественном формате. Кроме того, деятельность государства представляет собой процесс реализации функций государства, а не сами функции. В связи с этим более правильной видится позиция тех авторов, которые под функциями понимают именно содержание деятельности государства.

Помимо того, на современном этапе все чаще можно встретить так называемые авторские дефиниции исследуемого явления.

Так, Д. В. Пожарский под функциями государства понимает «имманентные направления и виды публично-властной деятельности государства, обусловленные целями и задачами, выражающие его сущность и ценность» [Пожарский 2014, с. 12]. Весьма интересной представляется позиция Л. А. Морозовой, которая функции государства определяет как «особый механизм государственного воздействия на общественные процессы и отношения, определяющий главные направления и содержание его деятельности по управлению обществом» [Морозова 2019]. При этом данный ученый не отвергает «классического» понимания функций как основных социально значимых направлений деятельности на конкретном историческом этапе развития. Полагаем, что определяющим в понимании (определении, анализе, классификации) функций государства является именно их обусловленность сущностью и социальным назначением государства. С данной позиции предпримем попытку определить понятие и содержание одной из важнейших функций государства – правоохранительной функции.

Вопрос о понятии правоохранительной функции государства (в научной литературе встречаются такие названия, как: функция обеспечения реализации основных прав и свобод человека и гражданина, функция охраны правопорядка, правозащитная функция) является дискуссионным. В учебной и научной литературе можно встретить около десяти различных подходов к определению правоохранительной функции. Наиболее часто встречающимися являются следующие определения правоохранительной функции:

– деятельность государства по обеспечению точного выполнения правовых предписаний всеми гражданами, организациями, государственными органами;

© Насриддинова Н. Ф., 2020

– деятельность государства по защите прав и свобод человека и гражданина, по утверждению законности и правопорядка;

– направление деятельности государства по охране общественных отношений, урегулированных нормами права;

– направления государственной деятельности, связанные в первую очередь с обеспечением охраны и защиты прав и свобод, а также законных интересов личности, государства и общества в целом.

В научном сообществе до сих пор нет единства во мнении и относительно сущности правоохранительной функции, ее места в системе функций государства. Встречаются даже высказывания ученых о целесообразности отнесения правоохранительной функции к числу функций государства, при этом правоохранительная функция рассматривается в качестве функции государственной власти или вообще отдельных органов государства. Так, в качестве критерия или фактора, влияющего на отнесение правоохранительной функции именно к функциям государства, И. Н. Зубов называет невозможность реализации правоохранительной функции отдельной ветвью власти или государственным органом [Зубов 1999, с. 148]. Тем самым ученый подчеркивает возможность реализации данной функции всем государственным аппаратом, а не отдельным его органом или ветвью власти. Эту позицию разделяет О. В. Харченко, отмечая, что «правоохранительная функция в той или иной мере осуществляется всеми государственными органами, т. е. государством в целом» [Харченко 2008, с. 5]. Кстати, данный автор отождествляет понятия «правоохранительная функция» и «правозащитная функция», что, на наш взгляд, является необоснованным. Несмотря на то, что в научной литературе встречаются работы, в которых отождествляются понятия «охрана» и «защита», мы придерживаемся той точки зрения, согласно которой «правовая охрана» и «правовая защита» являются разными по содержанию и объему категориями. Они различаются по цели и основаниям применения мер. Цель правовой охраны видится шире, поскольку состоит не только в пресечении противоправного поведения (цель правовой защиты), но и в обеспечении прав и законных интересов субъектов правоотношений. Говоря об основаниях правовой охраны и правовой защиты, следует отметить, что основанием правовой защиты выступает факт совершения противоправного деяния, а основанием правовой охраны – закрепление в законодательстве прав и свобод человека. Д. В. Мазаев по этому поводу справедливо заметил, что «правовая охрана осуществляется на постоянной основе, а правовая защита используется при угрозе или непосредственном нарушении прав, свобод или законных интересов субъектов правоотношений» [Мазаев 2013, с. 25–26].

В. С. Афанасьев небезосновательно выделяет правоохранительную функцию в числе других основных функций государства: экономической, политической, социальной, культурной [Афанасьев 2018, с. 56]. По нашему мнению, все дискуссии относительно выделения правоохранительной функции как основополагающей (внутренней или внешней) функции государства должны быть сняты по двум причинам. Во-первых, в связи со значительным пластом научных исследований: научных статей, монографий, учебных пособий, защищенных кандидатских и докторских диссертаций, посвященных отдельным аспектам правоохранительной функции государства. Во-вторых, провозглашение и закрепление в Основном законе государства таких постулатов, как: Российская Федерация – правовое государство (ст. 1), признание человека, его прав и свобод высшей ценностью (ст. 2), признание и защита государственной, муниципальной, частной и иных форм собственности (ст. 8), а также закрепление за государством обязанности признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 2), – определяют обязательность осуществления государством правоохранительной функции.

С трудом можно согласиться с мнением Т. Н. Радько, В. В. Лазарева и Л. А. Морозовой, относящих функцию обеспечения законности и правопорядка к производным функциям (т. е. сопутствующим функциям), в то время как, например, экологическую функцию (охрана окружающей среды) эти авторы относят к числу главных функций, т. е. имеющих приоритетное значение на том или ином этапе исторического развития [Радько, Лазарев, Морозова 2014]. На наш взгляд, главными функциями следует считать именно те направления деятельности государства, которые имеют место на протяжении всего времени его развития с момента зарождения. С этой позиции правоохранительная функция выступает в качестве основной, поскольку появилась одновременно с возникновением государства. Здесь наблюдается определенная связь с функцией военной, которая в большей степени направлена на обеспечение суверенитета и защиту государства от внешних угроз, в то время как правоохранительная функция – на обеспечение прав и свобод граждан в большей степени внутри государства. Конечно, не надо идеализировать и полностью противопоставлять данные функции, поскольку известно, что, например, военная функция может быть реализована и в условиях военных конфликтов внутри государства. Однако тесная диалектическая связь у рассматриваемых функций, безусловно, есть.

По мнению С. М. Зырянова, для выделения правоохранительной функции следует определиться с объектом охраны, под которым ученый, с одной стороны, предлагает понимать права, а с другой стороны, в качестве объекта охраны могут выступать «правовые установления, изданные в целях или якобы в целях охраны тех же прав» [Зырянов 2017, с. 46]. В правовой литературе встречается несколько подходов к понятию объекта правоохранительной функции, в числе которых выделяются права и свободы человека и гражданина, законные интересы общества и государства, правопорядок как определенное, основанное на принципе законности правовое поле.

Отчасти противоречивой видится позиция О. С. Лапшиной, которая, рассматривая соотношение правоохранительной функции государства и охранительной функции права, пришла к умозаключению, что охранительная функция права предназначена для охраны сформировавшихся общественных отношений, в то время как правоохранительная деятельность (которая, по мнению этого ученого, является формой осуществления правоохранительной функции государства) связана с охраной самого права [Лапшина 2008]. Во-первых, данным автором не упоминаются такие возможные формы осуществления правоохранительной функции, как правотворческая или правоприменительная. Охрана прав и свобод человека и гражданина начинается с момента их правового закрепления, установления их правового обеспечения, механизма реализации и дальнейшего правоприменения. Во-вторых, не нужно забывать о негосударственных учреждениях, которые также могут быть наделены полномочиями в правоохранительной сфере. В-третьих, органы местного самоуправления в соответствии с Федеральным законом от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации»[1] также наделены такими полномочиями, как: обеспечение безопасности дорожного движения, обеспечение пожарной безопасности, обеспечение безопасности людей на водных объектах и т. д.

Мы предлагаем рассматривать правоохранительную функцию государства как основополагающую, приоритетную функцию государства. Она возникла одновременно с появлением государства и была направлена на охрану (обеспечение, защиту) прав, свобод и интересов правящего класса (лица, правящей семьи, правящей элиты). Правоохранительная функция предназначена для сохранения и охраны накопленного культурного, экономического, социального, духовного уровня развития от противоправных посягательств. В этой связи под объектом правоохранительной функции, по нашему мнению, следует понимать общественные отношения, подлежащие правовой охране и защите от противоправных посягательств.

Таким образом, с учетом вышеизложенного предлагаем следующее определение правоохранительной функции: это обусловленная сущностью и социальным назначением государства основополагающая функция государства, представляющая собой основные направления деятельности государства по достижению цели охраны (сохранения) баланса интересов общества и правящего класса (отдельного лица, правящей семьи, группы лиц) от противоправных посягательств.

Список цитируемых источников

Афанасьев 2018 – *Афанасьев В. С.* Функции государства: начала философско-системного анализа // Труды Академии управления МВД России. 2018. № 3(47). С. 54–58.

Зубов 1999 – *Зубов И. Н.* Правоохранительная функция государства: содержание, структуры и механизм реализации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 1999. № 3. С. 148–153.

Зырянов 2017 – *Зырянов С. М.* Правоохранительная функция государства // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 5. С. 45–50.

Лапшина 2008 – *Лапшина О. С.* О соотношении охранительной функции права и правоохранительной функции государства // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2008. № 2(4). С. 51–55.

Мазаев 2013 – *Мазаев Д. В.* Соотношение категорий «правовая охрана» и «правовая защита» в контексте отраслей российского права и законодательства // Общество и право. 2013. № 4(46). С. 25–29.

Морозова 2019 – *Морозова Л. А.* Теория государства и права : учебник. М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. 464 с.

Пожарский 2014 – *Пожарский Д. В.* Охранительная функция государства (теоретико-методологические проблемы) : дис. … д-ра юрид. наук. М., 2014. 418 с.

Радько, Лазарев, Морозова 2014 – *Радько Т. Н., Лазарев В. В., Морозова Л. А.* Теория государства и права : учеб. для бакалавров. М. : Проспект, 2014. 568 с.

Харченко 2008 – *Харченко О. В.* Правоохранительная функция в системе функций государства // Полицейское право. 2008. № 1(11). С. 5–8.

[1] Парламентская газета. 2003. 8 окт.

References

Afanas ’ev, V. S. (2018), “Functions of the state: the beginning of philosophical and system analysis”, *Trudy Akademii MVD Rossii,* no. 3(47), pp. 54–58.

Kharchenko, O. V. (2008), “Law enforcement function in the system of state functions”, *Politseiskoe parvo,* no. 1(11), pp. 5–8.

Lapshina, O. S. (2008), “On the correlation between the protective function of law and the law enforcement function of the state”, *Vestnik Samarskoi gumanitarnoi akademii. Seriya “Pravo”,* no. 2(4), pp. 51–55.

Mazaev, D. V. (2013), “Correlation of categories «legal availability» and «legal protection» in the context of branches of Russian law and legislation”, *Obshchestvo i parvo,* no. 4(46), pp. 25–29.

Morozova, L. A. (2019), *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law], Norma, INFRA-M, Moscow, Russia.

Pozharsky, D. V. (2014), The protective function of the state (theoretical and methodological problems), D. Sc. Thesis, theory and history of law and state, history of the doctrines on law and state studies, Kutafin Moscow State Law Institute, Moscow, Russia.

Rad ’ko, T. N., Lazarev, V. V. and Morozova, L. A. (2014), *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law], Prospekt, Moscow, Russia.

Zubov, I. N. (1999), “Law enforcement function of the state: content, structure and mechanism of implementation”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii,* no. 3, pp. 148–153.

Zyryanov, S. M. (2017), “Law enforcement function of the state”, *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii,* no. 5, pp. 45–50.

Информация об авторе

Насриддинова Нилуфар Фахритдиновна,
Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; beemubina2002@mail.ru

Information about the author

Nasriddinova Nilufar F.
Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; beemubina2002@mail.ru

Для цитирования

Насриддинова Н. Ф. Место правоохранительной функции в системе функций государства, ее понятие и содержание // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 197–200.

For citation

Nasriddinova, N. F. (2020), “The place of the law enforcement function in the system of state functions, its concept and content”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 197–200.

УДК 340.1

Т. М. Нинциева[1]
[1] *Чеченский государственный университет, Грозный, Российская Федерация*

T. M. Nintsieva[1]
[1] *Chechen State University, Grozny, Russian Federation*

Процессуально-правовое регулирование как особый вид правового регулирования

Procedural legal regulation as a special type of legal regulation

Ключевые слова: правовое регулирование; процессуально-правовое регулирование; сущность; вид; процессуальные средства; юридический процесс.

Аннотация. В статье рассмотрены правовое и процессуально-правовое регулирование в их соотношении; изучены подходы ученых к определению сущности правового регулирования. На основе проведенного исследования выявлена сущность процессуально-правового регулирования. Под ней автор понимает особый вид правового регулирования, в ходе которого с помощью процессуально-правовых средств, а также мер вспомогательного характера создаются соответствующие условия для достижения целей юридического процесса.

Key words: legal regulation; procedural-legal regulation; essence; type; procedural means; legal procedure.

Abstract. This article considers legal and procedural regulation in their relation. The approaches of scientists to determining the essence of legal regulation are studied. On the basis of the study, the essence of procedural and legal regulation has been revealed. The author considers it as a special type of legal regulation, during which appropriate conditions are created by procedural and legal means, as well as measures of a subsidiary nature, to achieve the objectives of the legal procedure.

Вопросы, связанные с пониманием сущности правового регулирования, по-прежнему остаются актуальными в юридической науке. Как отмечает М. Ю. Осипов, «проблема понятия и сущности правового регулирования – это одна из фундаментальных и наиболее сложных проблем юридической науки. Сложность данной проблемы обусловлена тем, что в юридической литературе не существует однозначного подхода к данной проблеме» [Осипов 2014, с. 44]. Несмотря на довольно значительное количество работ, посвященных анализу правового регулирования, в полной мере эта проблема пока не решена, особенно, если говорить о соотношении правового и процессуально-правового регулирования. Следует признать правомерной точку зрения В. Н. Протасова, согласно которой «…не все в порядке в нашем правоведении с пониманием общепроцессуальных закономерностей правового регулирования» [Протасов 2003, с. 53]. Действительно, сегодня тематика процессуально-правового регулирования остается малоизученной. В связи с вышеизложенным предпримем попытку внести свой определенный вклад в решение этой проблемы.

Исследование начнем с сущностной характеристики правового регулирования вообще, поскольку оно – родовое понятие, а его видом является процессуально-правовое регулирование (подчеркнем, особым видом, специфическим).

© Нинциева Т. М., 2020

Значительный вклад в исследование правового регулирования был сделан в советский период. Это связано с трудами таких известных ученых, как: С. С. Алексеев, Н. Г. Александров, М. И. Байтин, В. М. Горшенев, В. Н. Кудрявцев, В. В. Лазарев, П. Е. Недбайло, И. С. Самощенко и др. Их заслугой стало то, что правовое регулирование рассматривали во взаимосвязи с функциональным предназначением права и государственно-правовым механизмом.

Так, П. Е. Недбайло полагал, что «правовое регулирование выражается в установлении соответствующего правила, в организации и согласовании поведения людей в соответствии с ним, в оценке и разрешении фактов общественной жизни с точки зрения этого правила» [Недбайло 1960, с. 95]. При таком подходе во главу угла ставится соответствующее правило, позволяющее разрешить ту или иную жизненную ситуацию. Однако ученый не пояснял, что подразумевается под «соответствующим правилом».

По мнению С. С. Алексеева, правовое регулирование – это «осуществляемое при помощи правовых средств (юридических норм, правоотношений, индивидуальных предписаний и т. д.) результативное, нормативно организационное воздействие на общественные отношения с целью их упорядочения, охраны, развития) в соответствии с общественными потребностями» [Алексеев 1981]. В этом случае именно правовое и организацион-

ное воздействие с помощью правовых средств позволяет упорядочить, охранить и развить общественные потребности (интересы).

В порядке небольшого отступления отметим, что понятия правового регулирования и правового воздействия органично связаны. Как принято считать в теории права, правовое регулирование представляет собой основную, важнейшую часть правового воздействия на общественные отношения. Под правовым регулированием общественных отношений ученые в большинстве своем понимают лишь одну из форм воздействия права на общественные отношения — воздействие при помощи специфических правовых средств: норм права, правоотношений, актов реализации [Абдуллаев, Комаров 2003, с. 497–499; Байтин 2005, с. 148–177; Щербакова 2017, с. 363–372].

Возвращаясь к рассмотрению правового регулирования, подчеркнем, что в советское время была создана теоретическая основа для дальнейшего исследования правового регулирования, в том числе и в отраслях права.

В современный период вопросы относительно правового регулирования и его механизма продолжают оставаться в поле зрения ученых. Так, согласно мнению М. Ю. Осипова, «правовое регулирование представляет собой специфическое юридическое воздействие на общественные отношения, которые входят в предмет правового регулирования, путем придания этим отношениям юридической формы, а также регламентацию процессов правотворчества, установления норм договора процесса реализации прав и обязанностей, принадлежащих субъектам этих отношений, образующее определенную систему… система правового регулирования представляет собой образующую единое целое иерархически структурированную совокупность взаимодействующих и взаимосвязанных между собой как статических элементов: объекта, предмета, принципов, целей, метода, механизма, так и динамических: регламентацию процессов установления норм права, регламентацию базовых правоотношений, регламентацию установления норм договора, регламентацию процесса реализации прав и обязанностей субъекта права, регламентацию процесса правоприменения» [Осипов 2006, с. 19–22]. И опять-таки правовое регулирование рассматривается через призму воздействия (юридического, по мнению автора, правового, по нашему мнению) на общественные отношения.

В свою очередь, А. Ф. Черданцев определяет рассматриваемую категорию как «регулирование общественных отношений при помощи норм права и других юридических средств» [Черданцев 1999, с. 5]. Полагаем, что отдельное упоминание права и юридических средств несколько некорректно, поскольку нормы права входят в разряд юридических средств. Однако мы солидарны с этим ученым в том, что регулируются общественные отношения с помощью правовых средств.

Можно приводить и другие примеры, но анализ приведенных и других точек зрения ученых-юристов относительно понимания ими сущности правового регулирования позволяет считать, что правовое регулирование – это: а) воздействие права (и юридических инструментов) на общественные отношения с целью их упорядочения; б) специфическая деятельность управомоченных субъектов, направленная на регламентацию поведения субъектов права.

В чем же заключается сущность правового регулирования? Ответ на этот вопрос, полагаем, кроется в выделении признаков правового регулирования. Прежде всего отметим, что правовое регулирование – это деятельность управомоченных субъектов, направленная на упорядочение определенных общественных отношений, которая реализуется с помощью правовых средств и имеет специфические объект (общественные отношения) и предмет (поведение и деятельность субъектов права) правового регулирования.

Правовое регулирование осуществляется путем принятия норм права, установления предписаний индивидуального характера, реализации прав и обязанностей субъектами правоотношений и правоприменения. При этом оно направлено на создание нормативной модели поведения и деятельности субъектов права и представляет собой определенную систему. Кроме того, правовое регулирование носит стадийный характер, оно включает в себя определенные стадии, т. е. представляет собой процесс.

Таким образом, есть все основания считать, что правовое регулирование – это динамическая, системная и организующая деятельность управомоченных субъектов, направленная на упорядочение общественных отношений. Исходя из такого подхода, сущность правового регулирования заключается в упорядочении общественных отношений, входящих в предмет правового регулирования.

Далее, установив сущность правового регулирования, перейдем к выявлению сущности процессуально-правового регулирования как его особого вида. Здесь следует сказать, что исследование этой научной категории практически находится в зачаточном состоянии: имеются лишь отдельные труды общетеоретической направленности, касающиеся процессуально-правового регулирования и его механизма, хотя существует явная необходимость в их изучении, в том числе и для потребностей практики. Должна быть разработана

общая теория процессуально-правового регулирования. Именно в этом нам видится одна из важнейших задач современной правовой (общетеоретической прежде всего) науки.

Как справедливо отмечает В. Н. Протасов, «общая теория процессуального права должна решить две основные, связанные между собой, задачи: а) сформировать теоретические положения, в равной степени относящиеся ко всем процессуальным явлениям; б) предложить общеправовой критерий разграничения материального и процессуального в правовой системе» [Протасов 2003, с. 53]. И хотя ученый в этом случае говорит об общей теории процессуального права, его верное суждение вполне распространимо на перспективу создания общей теории процессуально-правового регулирования.

Еще раз повторим, что процессуально-правовое регулирование является особым видом правового регулирования в целом. Эта особенность заключается в том, что процессуально-правовое регулирование специфично по своим целям, задачам, объектам, субъектам, а также функциям и особенностям применения процессуально-правовых средств. Полагаем, что названные выше специфические особенности процессуально-правового регулирования одновременно являются и его основными признаками, позволяющими установить его сущность. Так, основная цель процессуально-правового регулирования заключается в обеспечении законности и обоснованности рассмотрения и разрешения юридических дел, а также в создании соответствующих условий для этого. В свою очередь, задачи процессуально-правового регулирования конкретизируют основную цель, и они нередко прямо предусмотрены в процессуальном законодательстве (например, ст. 2 АПК РФ, ст. 6 УПК РФ); их решение как раз и позволяет достичь стоящих перед процессуально-правовым регулированием целей.

Подчеркнем, что процессуально-правовое регулирование осуществляется, безусловно, с помощью процессуально-правовых средств, которые тесно связаны с его целями и задачами [Струнков 2005]. «В соответствии с относительностью понятий цели и средства, – пишет Б. А. Кистяковский, – право бывает то средством, то целью на пути к построению всесторонней организации совместного существования людей» [Кистяковский 1998, с. 396], в том числе и на пути эффективного процессуально-правового регулирования, добавим мы.

Как известно, процессуально-правовые средства представляют собой комплексную систему юридических инструментов и деяний, включающих юридическую технологию, что позволяет достигать социально значимых целей и результатов для удовлетворения потребностей субъектов права. Наряду с этим, процессуально-правовые средства обеспечивают интересы субъектов и участников юридического процесса, позволяют законно и обоснованно рассматривать и разрешать юридические дела, являются основными элементами действия процессуального права и важным компонентом механизма процессуально-правового регулирования [Лукьянова 2001; Протасов 2020].

Обратим внимание и на специфику юридических фактов в сфере процессуально-правового регулирования, заключающуюся в том, что они в своем большинстве представлены процессуальными действиями, которые зафиксированы законодательно и определены в нормах процессуального права. Отметим также особенности процессуальных правоотношений и процессуально-правовых актов; последние из них являются результатом процессуально-правового регулирования.

Если говорить о функциях процессуально-правового регулирования, то, исходя из общетеоретического подхода к функциям права как основным направлениям воздействия права на общественные отношения и поведение людей, к их числу следует отнести защиту прав и законных интересов субъектов и участников юридического процесса, вынесение законных и обоснованных процессуально-правовых актов, обеспечение режима законности в деятельности субъектов правоприменения и др.

В итоге, рассмотрев некоторые сущностные характеристики процессуально-правового регулирования, постараемся дать ответ на ранее поставленный вопрос о его сущности. Но вначале приведем следующее определение, предложенное М. Н. Шрамковой: «Под процессуально-правовым регулированием мы предлагаем понимать осуществляемый при помощи системы процессуально-правовых средств процесс нормативно-организующего воздействия на процессуально-правовые охранительные общественные отношения, приведения их в определенную систему для обеспечения их упорядочения, целенаправленного и результативного развития» [Шрамкова 2012, с. 133]. Из этого определения, не вдаваясь в подробное его толкование, примем во внимание суждение автора только о том, что процессуально-правовое регулирование – это в первую очередь процесс, причем нормативно-организующего воздействия, что обусловливает взаимосвязь процессуально-правового регулирования с юридическим процессом.

С нашей точки зрения, под процессуально-правовым регулированием следует понимать особый, специфический вид правового регулирования, в процессе которого при помощи процессуально-правовых средств и мер обеспечительно-вспомогательного характера создаются необходимые

условия для эффективного, законного и обоснованного рассмотрения и разрешения юридических дел в ходе и по результатам юридического процесса; при этом соблюдаются все права и обязанности субъектов права. Следовательно, сущность процессуально-правового регулирования заключается в обеспечении законного и обоснованного рассмотрения и разрешения юридических дел, создания соответствующих условий для достижения целей юридического процесса.

В заключение отметим, что в настоящей статье в полном объеме невозможно было рассмотреть все вопросы относительно заявленной темы, полагаем, весьма актуальной и перспективной, что предполагает дальнейший научный поиск в избранном направлении.

Список цитируемых источников

Абдуллаев, Комаров 2003 – *Абдуллаев М. И., Комаров С. А.* Проблемы теории государства и права. СПб. : Питер, 2003. 715 с.

Алексеев 1981 – *Алексеев С. С.* Общая теория права. В 2 т. Т. 1. М. : Юрид. лит., 1981. 361 с.

Байтин 2005 – *Байтин М. И.* Сущность права (современное понимание на грани двух веков). М. : Право и государство, 2005. 544 с.

Кистяковский 1998 – *Кистяковский Б. А.* Философия и социология права. СПб. : Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1998. 798 с.

Лукьянова 2001 – *Лукьянова Е. Г.* Механизм процессуального регулирования и его элементы // Журнал российского права. 2001. № 7. С. 91–95.

Недбайло 1960 – *Недбайло П. Е.* Применение советских правовых норм. М. : Госюриздат, 1960. 511 с.

Осипов 2014 – *Осипов М. Ю.* Основные подходы к понятию и сущности правового регулирования // Современные проблемы права и управления / под ред. И. Б. Богородицкого, Ю. В. Киселевич. Тула : Ин-т законоведения и упр. ВПА, 2014. С. 44–51.

Осипов 2006 – *Осипов М. Ю.* Правовое регулирование как динамическая система // Право и политика. 2006. № 11. С. 19–23.

Протасов 2003 – *Протасов В. Н.* О насущной потребности в новой учебной дисциплине – «Общей теории процессуального права» // Государство и право. 2003. № 12. С. 53–59.

Протасов 2020 – *Протасов В. Н.* Общая теория процессуального права. М. : Юрайт, 2020. 186 с.

Струнков 2005 – *Струнков С. К.* Процессуально-правовые средства: проблемы теории и практики : монография. Саратов : Изд-во СГАП, 2005. 131 с.

Черданцев 1999 – *Черданцев А. Ф.* Теория государства и права. М. : Юрайт, 1999. 429 с.

Шрамкова 2012 – *Шрамкова М. Н.* Цели и функции процессуально-правового регулирования // Право и управление. XXI век. 2012. № 1(22). С. 133–135.

Щербакова 2017 – *Щербакова Е. К.* Особенности механизма правового воздействия // Учёные записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2017. Т. 159, кн. 2. С. 363–372.

References

Abdullaev, M. I. and Komarov, S. A. (2003), *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Problems of the theory of state and law], Piter, St. Petersburg, Russia.

Alekseev, S. S. (1981), *Obshchaya teoriya prava, v 2 t., t. 1* [General theory of law, in 2 vol., vol. 1], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Baitin, M. I. (2005), *Sushchnost ' prava (sovremennoe ponimanie na grani dvukh vekov)* [The essence of law (modern understanding on the verge of two centuries)], Pravo i gosudarstvo, Moscow, Russia.

Cherdantsev, A. F. (1999), *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of government and rights], Yurait, Moscow, Russia.

Kistyakovsky, B. A. (1998), *Filosofiya i sotsiologiya prava* [Philosophy and sociology of law], Izdatel 'stvo Russkogo Khristianskogo gumanitarnogo instituta, St. Petersburg, Russia.

Luk 'yanova, E. G. (2001), "The mechanism of procedural regulation and its elements", *Zhurnal rossiiskogo prava,* no. 7, pp. 91–95.

Nedbailo, P. E. (1960), *Primenenie sovetskikh pravovykh norm* [Application of Soviet legal norms], Gosyurizdat, Moscow, USSR.

Osipov, M. Yu. (2014), "The main approaches to the concept and essence of legal regulation", *Sovremennye problemy prava i upravleniya* [Modern problems of law and management], in Bogoroditsky, I. B. and Kuselevich, Yu. V. (ed.), Institut zakonovedeniya i upravleniya VPA, Tula, Russia, pp. 44–51.

Osipov, M. Yu. (2006), "Legal regulation as a dynamic system", *Pravo i politika,* no. 11, pp. 19–23.

Protasov, V. N. (2003), "On the urgent need for a new discipline – "General theory of procedural law", *Gosudarstvo i parvo*, no. 12, pp. 53–59.

Protasov, V. N. (2020), *Obshchaya teoriya protsessual 'nogo prava* [General theory of procedural law], Yurait, Moscow, Russia.

Strunkov, S. K. (2005), *Protsessual 'no-pravovye sredstva: problemy teorii i praktiki* [Legal procedural means: problems of theory and practice], Izdatel 'stvo SGAP, Saratov, Russia.

Shramkova, M. N. (2012), "Goals and functions of legal regulation", *Pravo i upravlenie. XXI vek,* no. 1(22), pp. 133–135.

Shcherbakova, E. K. (2017), "Features of the legal impact mechanism", *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta, Seriya "Gumanitarnye nauki",* vol. 159, book 2, pp. 363–372.

Информация об авторе

Нинциева Тамила Магомедовна,
кандидат юридических наук, доцент, Чеченский государственный университет, Грозный, Российская Федерация; tamila761076@mail.ru

Information about the author

Nintsieva Tamila M.,
PhD (law), associate professor, Chechen State University, Grozny, Russian Federation; tamila761076@mail.ru

Для цитирования

Нинциева Т. М. Процессуально-правовое регулирование как особый вид правового регулирования // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 201–205.

For citation

Nintsieva, T. M. (2020), "Procedural legal regulation as a special type of legal regulation", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 201–205.

УДК 342.2

В. С. Плетников[1]
М. С. Плетникова[2]
[1] Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Российская Федерация
[2] Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Екатеринбург, Российская Федерация

V. S. Pletnikov[1]
M. S. Pletnikova[2]
[1] Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation
[2] Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Yekaterinburg, Russian Federation

Государственные учреждения в механизме (аппарате) современного Российского государства: вопросы теории и практики

State institutions in the mechanism (apparatus) of the modern Russian state: issues of theory and practice

Ключевые слова: государство; Российское государство; государственное учреждение; механизм (аппарат) государства; Федеральная служба исполнения наказаний; орган государства.

Аннотация. В статье предлагается современное видение места и роли государственного учреждения в механизме (аппарате) государства. Поднимается вопрос о понятии «государственное учреждение» и вытекающих из него проблемах. Современная отечественная юриспруденция, действующее законодательство закрепляют за данным субъектом иные функции, нежели были предложены советской юриспруденцией. Авторы доказывают это суждение на примере государственных учреждений, подведомственных силовым органам государственной власти, используя диалектическую и системную методологию с элементами юридической герменевтики, опираясь на сравнительно-правовой метод.

Key words: a state; Russian state; a state institution; a mechanism (apparatus) of the state; Federal Penitentiary Service; a body of the state.

Abstract. The article proposes a modern vision of the place and role of the state institution in the mechanism (apparatus) of the state. The issue of the notion of “state institution” and the problems arising therefrom was raised. Modern domestic jurisprudence and the current legislation establish different functions for this subject than those ones which had been proposed by Soviet jurisprudence. The authors prove this judgement on the example of state institutions dependent on the authority of the state power , using dialectical and systemic methodology with elements of legal hermeneutics, based on a comparative-legal method.

Российское государство в массовом сознании ассоциируется с такими органами государственной власти, как: Президент Российской Федерации, Правительство Российской Федерации, Федеральное Собрание Российской Федерации и высшие суды. При этом в механизме (аппарате) Российского государства есть группа субъектов, без которых невозможно представить современное государство – государственные учреждения. Они находятся на порядок ближе к человеку и от них, в частности, зависит его жизнь.

В большей части научных и учебно-методических работ, посвященных исследованию механизма (аппарата) государства, государственные учреждения фигурируют [Плетников, Шабуров, Плетникова 2008; Фетюкова 2017; Ямпольская 1954]. При этом приходится констатировать, что в банке диссертационных исследований Российской государственной библиотеки по научной специальности, представители которой отвечают за научно-методическое обеспечение всех сфер права, нет ни одной работы, посвященной непосредственно данной проблеме. Аналогичная ситуация складывается и при обращении к научной электронной библиотеке eLIBRARY.ru. При этом каждый второй автор при исследовании механизма (аппарата) государства обращает внимание на государственные учреждения как на элемент (звено) данного механизма. В связи с этим для более полного раскрытия данного вопроса считаем возможным обратиться к отдельным трудам ученых, работающих в сфере конституционного права, гражданско-правовых, финансовых и административно-правовых отношений [Воробьёва 2010; Карягин 2012; Королёва 2006; Романов 2012]. В современном отечественном гражданском законодательстве под учреждением понимается одна из организационно-правовых форм юридического лица, и авторы вынуждены обращать соответствующее внимание на данное явление.

Для начала в целях формирования целостного представления о природе и месте государственных учреждений в механизме (аппарате) государства

© Плетников В. С., Плетникова М. С., 2020

предлагаем обратиться к положениям, которые были сформированы во второй половине XX в. – в период, когда данная концепция получила свою современную форму.

Одной из немногих работ, авторы которой обратили внимание на необходимость описания природы государственного учреждения, его места и роли в механизме (аппарате) государства, является коллективный труд «Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия» [Манов 1970]. Авторы данной работы считают, что «государственные учреждения – такое звено механизма государства, которое властной силой не обладает. Под государственным учреждением обычно понимается либо рабочий, вспомогательный аппарат органа государства (например, управление делами, канцелярия и т. д.), либо государственная организация, имеющая самостоятельные задачи и подчиненная соответствующему органу государства (например, школы, высшие учебные заведения, библиотеки и т. д.)». Государственное учреждение, по мнению авторского коллектива, «…в той или иной мере осуществляет экономическую и социально-культурную деятельность, вытекающую из потребностей всего общества. К тому же социально-культурные учреждения готовят кадры для государственного аппарата, а вспомогательные учреждения органов государства часто подготавливают решения властно-управленческих органов государства и во многом их предопределяют» [Манов 1970, с. 247].

Если экстраполировать данную характеристику на современную отечественную государственно-правовую жизнь, то сразу следует указать на тот факт, что уже значительный отрезок времени в истории Российского государства государственное учреждение не воспринимается как «рабочий, вспомогательный аппарат органа государства», о чем уже было сказано выше. Сегодня из этой характеристики за государственными учреждениями остается статус государственных организаций, имеющих самостоятельные задачи, подчиненных соответствующему органу государства, осуществляющих социально-культурную деятельность. Проследить социально-культурную направленность государственных учреждений можно, обратившись, например:

– к Федеральному закону от 3 ноября 2006 г. № 174-ФЗ «Об автономных учреждениях»[1], в ст. 2 которого указано, что государственные учреждения осуществляют полномочия органов государственной власти «в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, средств массовой информации, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта…»;

– к Федеральному закону от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях»[2], ст. 9.2 которого гласит, что государственные учреждения осуществляют полномочия органов государственной власти «в сферах науки, образования, здравоохранения, культуры, социальной защиты, занятости населения, физической культуры и спорта…» и др.

Как ни парадоксально, государственные учреждения в современной России осуществляют и экономическую деятельность, хотя п. 1 ст. 123.21 Гражданского кодекса Российской Федерации[3] устанавливает, что «учреждением признается унитарная некоммерческая организация, созданная собственником для осуществления управленческих, социально-культурных или иных функций некоммерческого характера». То есть экономическая (хозяйствующая) деятельность возможна только для обеспечения реализации заявленной цели. Если обратимся к практике, то обнаружим весьма интересные примеры. Так, при Министерстве обороны Российской Федерации функционирует федеральное государственное бюджетное учреждение «Центральное жилищно-коммунальное управление»[4]. Из названия учреждения следует, что оно создано для управления жилищно-коммунальным хозяйством Министерства обороны Российской Федерации. При этом, если ознакомиться с целями и основными видами деятельности данной организации, то можно увидеть, что она занимается содержанием (эксплуатацией) объектов военной и социальной инфраструктуры и предоставлением коммунальных услуг в интересах Вооруженных Сил Российской Федерации, т. е. фактически коммерческой деятельностью, не связанной с целями и задачами Министерства обороны Российской Федерации.

Однако на этом проблемы, связанные с организацией государственных учреждений, не заканчиваются. Классически, как следует из представленной выше характеристики, государственные учреждения осуществляли социально-культурные функции, связанные (что немаловажно) с необходимостью решения проблем всего общества. Иные функции государственные учреждения выполняли постольку, поскольку это было необходимо для ведения (осуществления) своей непосредственной деятельности. В современных условиях, о чем свидетельствует отечественная юридическая практика, к государственным учреждениям в том числе

[1] Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 45, ст. 4626.

[2] Там же. 1996. № 3, ст. 145.

[3] Там же. 1994. № 32, ст. 3301.

[4] Министерство обороны Российской Федерации : [сайт]. URL: https://structure.mil.ru/structure/department/cjku.htm (дата обращения: 15.04.2020).

относятся организации, на которые возлагаются в первую очередь иные функции, а социально-культурная деятельность, наоборот, является сопутствующей. Так, в практике российского государственно-правового строительства много государственных учреждений такого рода присутствует в системе исполнения наказаний, например:

– федеральное казенное учреждение «Следственный изолятор № 1 Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Свердловской области»;

– федеральное казенное учреждение «Исправительная колония № 3 Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Свердловской области» и др.

В соответствии с Уставом федерального казенного учреждения «Следственный изолятор № 1 Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Свердловской области»[1] целью деятельности данного учреждения является «содержание под стражей лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, исполнение в соответствии с законодательством Российской Федерации уголовных наказаний». Согласно Уставу федерального казенного учреждения «Исправительная колония № 3 Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Свердловской области»[2] целью деятельности данного учреждения является «исполнение в соответствии с законодательством Российской Федерации уголовного наказания в виде лишения свободы». Таким образом, каждое из учреждений данного типа выполняет в первую очередь правоохранительную деятельность, а «организация деятельности по оказанию осужденным помощи в социальной адаптации; организация оказания медицинской помощи осужденным, содержащимся в Учреждении, есть деятельность второстепенная». И почти в каждом случае, касающемся деятельности казенного государственного учреждения, возникают такого рода проблемы, так как особенности правового положения казенных учреждений, в отличие от иных типов, определены ст. 161 Бюджетного кодекса Российской Федерации[3], разработчики которого не сочли необходимым дополнительно указать на социально-культурную направленность данной организации. Таким образом, в современных условиях ряд субъектов, ранее обладавших статусом государственных предприятий/организаций, автоматически превращаются в государственные учреждения.

Однако на этом проблемные вопросы на заканчиваются. Так, 17 декабря 2018 г. было вынесено определение Верховного Суда Российской Федерации по делу № 309-ЭС18-17151[4], из содержания которого следует, что государственные учреждения в соответствии с п. 5 Положения о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденного указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314[5], так же, как и ФСИН России, осуществляют государственные полномочия. И, по мнению Верховного Суда Российской Федерации, «согласно вышеприведенным законоположениям Федеральное казенное учреждение “Исправительная колония № 1 Главного управления Федеральной службы исполнения наказаний по Челябинской области” относится к числу органов исполнения наказания, входящих в структуру ФСИН России, а следовательно, являясь ответчиком по настоящему делу, в соответствии с подпунктом 1.1 пункта 1 статьи 333.37 НК РФ имеет право на освобождение от уплаты государственной пошлины». Из этого следует, что государственное учреждение освобождается от уплаты государственной пошлины, поскольку является государственным органом (истцом или ответчиком) по делам, рассматриваемым арбитражными судами.

Если придерживаться данной логики и дальше, то можно сделать однозначный вывод: вышеуказанное решение Верховного Суда Российской Федерации должно автоматически повлечь для государственных учреждений ряд дополнительных обязанностей, например, обязанность выполнить требования Федерального закона от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»[6]. Так, в соответствии со ст. 13 данного закона государственные органы должны размещать значительный объем информации о своей деятельности в сети «Интернет» (в зависимости от сферы деятельности), чего многие из приведенных даже в настоящей статье субъектов не делают, следовательно, должны быть привлечены к юридической ответственности. Однако и к юридической ответственности они не привлекаются. Возникает закономерный вопрос о последовательности действий

[1] URL: http://www.66.fsin.su//structure/sizo-1.php (дата обращения: 15.04.2020).

[2] URL: http://www.66.fsin.su//structure/ik-3.php (дата обращения: 15.04.2020).

[3] Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 31, ст. 3823.

[4] URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/eeadfd0e-253b-43ee-a047-2158c225c08f/f95c52fc-7f7f-48d0-81a2-8cfca0a35b95/A76-18461-2017_20181217_Opredelenie.pdf (дата обращения: 15.04.2020).

[5] Вопросы Федеральной службы исполнения наказаний : указ Президента Рос. Федерации от 13 окт. 2004 г. № 1314 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 42, ст. 4109.

[6] Собрание законодательства Российской Федерации. 2009. № 7, ст. 776.

отдельных органов государственной власти и о целесообразности принимаемых ими решений.

Итак, в результате анализа теоретических положений и практики отечественного государственно-правового строительства было установлено, что в современной юриспруденции государственное учреждение в механизме (аппарате) современного Российского государства выступает в качестве субъекта, который:

– в зависимости от выполняемых им функций может быть приравнен к органу государства;

– выполняет, наравне с основной социально-культурной, и иные функции, в том числе управленческие, экономические (хозяйствующие), а также функцию обеспечения безопасности, что является в корне неверным и влечет за собой проблемы не только правового, но и организационного характера.

Список цитируемых источников

Воробьёва 2020 – *Воробьёва Л. П.* Модернизация сектора государственного управления: совершенствование правового положения государственных (муниципальных) учреждений // Научное обозрение. Сер. 1, Экономика и право. 2010. № 5. С. 14–26.

Карягин 2012 – *Карягин Н. Е.* Новое в правовом положении государственных и муниципальных учреждений // Муниципальная служба: правовое вопросы. 2012. № 3. С. 4–6.

Королёва 2006 – *Королёва Т. В.* Гражданско-правовой статус государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования (государственного вуза) и его структурных подразделений : автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2006. 27 с.

Манов 1970 – Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия / отв. ред. Г. Н. Манов. М. : Юрид. лит., 1970. 624 с.

Плетников, Шабуров, Плетникова 2008 – *Плетников В. С., Шабуров А. С., Плетникова М. С.* Аппарат управления экономикой в механизме Российского государства : монография. Екатеринбург : Изд-во УрЮИ МВД России, 2008. 118 с.

Романов 2012 – *Романов А. В.* Некоторые особенности государственных казенных учреждений, входящих в систему МВД Российской Федерации // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Юриспруденция». 2012. № 2. С. 53–57.

Фетюков 2017 – *Фетюков Ф. В.* Взаимодействие государства и гражданского общества : монография. М. : Юрлитинформ, 2017. 160 с.

Ямпольская 1954 – *Ямпольская Ц. А.* Органы советского государственного управления в современный период. М. : АН СССР, 1954. 228 с.

References

Fetyukov, F. V. (2017), *Vzaimodeistvie gosudarstva i grazhdanskogo obshchestva* [Interaction between the state and civil society], Yurlitinform, Moscow, Russia.

Karyagin, N. E. (2012), "New in the legal status of state and municipal institutions", *Munitsipal 'naya sluzhba: pravovye voprosy,* no. 3, pp. 4–6.

Koroleva, T. V. (2006), Civil-legal status of the state educational institution of higher vocational education (state university) and its structural subdivisions, Abstract Ph. D. dissertation, civil law, business law, family law, private international law, North Caucasian Academy of Public Administration, Rostov-on-Don, Russia.

Manov, G. N. (ed.) (1970), *Marksistsko-leninskaya obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Osnovnye instituty i ponyatiya* [Marxist-Leninist general theory of state and law. Basic institutions and concepts], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Pletnikov, V. S., Shaburov, A. S. and Pletnikova, M. S. (2008), *Apparat upravleniya ekonomikoi v mekhanizme rossiiskogo gosudarstva* [Economic management apparatus in the mechanism of the Russian state], Izdatel 'stvo UrYuI MVD Rossii, Yekaterinburg, Russia.

Romanov, A. V. (2012), "Some peculiarities of state institutions, which are part of the system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation", *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta, Seriya "Yurisprudentsiya",* no. 2, pp. 53–57.

Vorob 'eva, L. P. (2010), "Modernization of the public administration sector: improvement of the legal position of state (municipal) institutions", *Nauchnoe obozrenie, Seriya 1 "Ekonomika i parvo",* no. 5, pp. 14–26.

Yampol 'skaya, Ts. A. (1954), *Organy sovetskogo gosudarstvennogo upravleniya v sovremennyi period* [Bodies of Soviet state administration in the modern period], AN USSR, Moscow, USSR.

Информация об авторах

Плетников Виктор Сергеевич,
кандидат юридических наук, доцент, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Российская Федерация; pvs80@mail.ru
Плетникова Мария Сергеевна,
кандидат юридических наук, доцент, Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Екатеринбург, Российская Федерация; maka.pletnikova@mail.ru

Information about the authors

Pletnikov Viktor S.,
PhD (law), associate professor, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russian Federation; pvs80@mail.ru
Pletnikova Mariya S.,
PhD (law), associate professor, Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Yekaterinburg, Russian Federation; maka.pletnikova@mail.ru

Для цитирования

Плетников В. С., Плетникова М. С. Государственные учреждения в механизме (аппарате) современного Российского государства: вопросы теории и практики // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 206–210.

For citation

Pletnikov, V. S. and Pletnikova, M. S. (2020), "State institutions in the mechanism (apparatus) of the modern Russian state: issues of theory and practice", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 206–210.

УДК 342.5

Е. Ю. Сизганова[1]
Е. П. Потапова[1]
[1] Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация

E. Yu. Sizganova[1]
E. P. Potapova[1]
[1] Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation

Базовые принципы разработки Кодекса этики государственных и муниципальных служащих в России и за рубежом: сравнительный анализ

Basic principles for the development of Code of Ethics for state and municipal public servants in Russia and abroad: a comparative analysis

Ключевые слова: кодекс этики и служебного поведения; моральные принципы; служебное поведение государственных и муниципальных служащих.

Аннотация. Вопросы этики служебного поведения государственных и муниципальных служащих приобретают сегодня особую актуальность в связи с негативными явлениями в системе взаимодействия таких субъектов общественных и юридических отношений, как государство и общество. Эти вопросы являются важными не только для Российской Федерации, но и для других стран, поэтому требуют четкого и систематизированного нормативного обеспечения. В статье представлены результаты сравнительного анализа содержания некоторых российских и зарубежных нормативных документов, определяющих особенности правового регулирования служебного поведения государственных и муниципальных служащих.

Key words: code of ethics and official conduct; moral principles; official conduct of state and municipal employees.

Abstract. Issues of ethics of official conduct of state and municipal employees are gaining particular relevance today in connection with negative phenomena in the system of interaction between such subjects of public and legal relations as the state and society. These issues are important not only for the Russian Federation, but also for other countries and require clear and systematic regulatory support. The article presents the results of a comparative analysis of foreign experience and the content of some regulatory documents that determine the specifics of regulation of official conduct of state and municipal employees.

Реализуя основные идеи теории эффективного государственного управления, правительства многих стран предпринимают шаги по реализации действенного нормативно-правового регулирования в сфере этики поведения государственных служащих как представителей государственной системы управления. Это связано с необходимостью подтверждения легитимности государственной власти, а также с установлением определенных правоотношений между государством и гражданами страны как субъектами права. В процессе данных правоотношений происходит передача гражданами функций и полномочий по управлению страной государственным структурам, поэтому данные структуры заинтересованы в формировании позитивного отношения к ним со стороны населения. Соответственно, человек, выбравший путь служения интересам государства и общества, должен обладать определенным набором нравственных качеств личности и иметь сформированные этические принципы. Однако этика – понятие, рассматриваемое целым рядом наук, а потому многогранное и имеющее различные трактовки. В самом общем смысле понятие этики является отражением моральных норм и правил, соответствующих ценностям гуманизма и представлениям данного общества о должном поведении в конкретном социальном контексте.

При анализе содержания нескольких региональных и ведомственных кодексов этики государственных служащих мы обнаружили проблему формального и не всегда однозначного толкования положений «Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих»[1] (далее: Кодекс этики РФ), хотя в основе его разработки лежат положения Конституции Российской Федерации и других законодательных актов Российской Федерации, которые едины для нормативного пространства России в целом и должны быть реализованы

© Сизганова Е. Ю., Потапова Е. П., 2020

[1] Типовой кодекс этики и служебного поведения государственных служащих Российской Федерации и муниципальных служащих : [одобрен решением президиума Совета при Президенте Рос. Федерации по противодействию коррупции от 23 дек. 2010 г., протокол № 21]. URL: https:// rosmintrud.ru/ministry/programms/anticorruption (дата обращения: 25.03.2020).

во всех нормативных документах. Немаловажно и то, что при создании данного документа авторы ориентировались на моральные нормы и принципы, характерные как для российского, так и для международного сообществ.

В связи с этим целью настоящего исследования стали выявление базовых нормативных принципов и сравнительный анализ особенностей создания законодательства, регулирующего сферу этики поведения государственного служащего в России и за рубежом. Для достижения поставленной цели мы определили следующие задачи исследования:

– изучение содержания российских и зарубежных нормативных документов, определяющих политику государства по отношению к этике поведения служащих;

– выявление нормативных принципов создания таких документов;

– сопоставление норм, регламентирующих этику и поведение государственных и муниципальных служащих в Кодексе этики РФ и в кодексах других стран.

Прежде всего нужно остановиться на некоторых принципиальных моментах разработки этических кодексов, характерных для большинства демократических стран, в том числе и для России.

По мнению американского ученого Терри Л. Купера, понятие административной этики послужило основой регулирования механизма и критерием качества работы государственных и муниципальных служащих в результате утверждения парадигмы нового государственного управления [Cooper 2004]. Для сохранения лидирующей роли этики служебного поведения среди других регуляторов профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих он называет необходимость концентрации исследовательской мысли на базовых вопросах указанной этики, без ответа на которые не удастся сохранить устойчивость нормативного регулирования в исследуемой сфере.

Несмотря на обилие исследований, дающих обоснование базовых норм административной этики, исходя из норм различных профессиональных этик, а также общечеловеческих моральных норм, Терри Л. Купер обращается к центральному вопросу об административной этике как социальному конструкту, который необходимо всегда «встраивать» в конкретный социальный контекст.

Рассмотрим, какие базовые принципы заложены в основу законодательства по административной этике в большинстве англоязычных стран.

Исходные основания нормативных документов по этике поведения служащих излагаются в Конституции США. Так, решение гражданина об устройстве на государственную службу в США, как подчеркивают исследователи, является в первую очередь решением осуществлять деятельность *на благо страны и народа*, а лишь затем решением относительно своего карьерного роста и получения дохода [Millan 2019].

Теория гражданства – еще один базовый принцип, опирающийся на историческую американскую политическую традицию наделять население страны правом формирования нормативных основ государственного управления. Являясь субъектами управления, граждане делегируют свои полномочия государственным служащим, а те в свою очередь должны выполнять определенные в нормативных правовых документах этические обязательства, которые в американском обществе ассоциируются с понятием «хорошего гражданина». Отсюда и определенные в кодексах и законах различных государств нормы этичного поведения, предполагающего ответственность перед населением, подотчетность перед гражданами своей страны, лояльность к гражданам своей страны как главному гаранту государства, уважение к достоинству каждого отдельного взятого индивида, проживающего в данной стране, поощрение готовности к обсуждению общественно значимых вопросов. При этом, в каком бы департаменте не работали госслужащие, они обязаны отстаивать интересы тех, кто доверил им управление страной.

Еще в 70-е годы прошлого века исследователи государственного управления в США обратили внимание на то, что главным этическим принципом государства был провозглашен *принцип социальной справедливости*.

Обратившись к Кодексу этики РФ, мы также найдем отражение этого принципа. Так, в гл. II, содержащей основные принципы и правила служебного поведения государственных (муниципальных) служащих, есть пункты, предписывающие служащему быть индифферентным к любым профессиональным или социальным группам и организациям, проявлять терпимость и уважение к обычаям и традициям народов России и других государств, учитывать культурные и иные особенности различных этнических, социальных групп и конфессий.

В гл. III, куда включены рекомендуемые этические правила служебного поведения государственных (муниципальных) служащих, также указывается на недопустимость со стороны государственного служащего высказываний и действий дискриминационного характера по каким бы то ни было причинам. Такие нормы лежат в основе решения вопросов антикоррупционного поведения и проблемы конфликта интересов. С одной стороны, это вызвано необходимостью эффективного управления, но с другой – возникает вопрос о том, каким образом госслужащему следует выстраи-

вать взаимодействие с отдельными категориями граждан, такими как люди с ограниченными возможностями здоровья, например. Такие граждане нуждаются в особом отношении, отличающемся от стандартного, а также в создании специфических условий для жизнедеятельности. Возможно, нет необходимости отражать это в Кодексе этики РФ, но внести дополнительные пункты в уже имеющиеся рекомендации по соблюдению государственными (муниципальными) служащими норм этики представляется рациональным.

Наиболее поддерживаемым нормативным ориентиром этики государственного управления служит *принцип подчинения деятельности государственной службы интересам общества*. Несмотря на определенную «академичность», данный принцип является центральным ориентиром при ведении судебных разбирательств в сфере государственного управления западных стран.

Ричард Гир и Джордж Фредериксон, исследуя проблему этического регулирования государственного управления, отмечают такую специфическую взаимосвязь вопросов этики и демократических процедур, как *подотчетность власти перед гражданами*, которая является не просто процедурой, но и базовым принципом, регулирующим деятельность госслужащих [Frederickson, Ghere 2013].

При анализе этики социальной и организационной культуры госслужащих эти авторы обратили внимание на феномен «ограниченной этики», в которой власть государственного управления в отношении принятия того или иного этически обоснованного решения буквально проникает в юридические и бюджетно-финансовые ограничения деятельности служащего на определенном уровне власти. В этом смысле подотчетность бюрократии была провозглашена авторами в качестве одного из дополнительных механизмов, усиливающих нравственную основу власти как одного из институтов демократии. Авторы также одними из первых среди исследователей моральных оснований государственного управления подняли вопрос о политической этике (этике политиков) как отдельном серьезном исследовательском направлении в сравнении с «мелкими этическими вопросами» государственной коррупции.

В каждом из отдельных случаев принятия политических решений, по мнению указанных ученых, неизбежной является коллизия между должным и сущим, между очевидным и субъективно воспринимаемым и даже еще более сложные коллизии, имеющие место во взаимоотношениях легитимности власти и ее восприятия общественным мнением. Указанные коллизии имеют место в силу того обстоятельства, что социальные структуры, такие как: *законы, правила, организации и правительства, – не существуют «вне» человеческого сознания.* Занимая те или иные государственные посты, служащие становятся частью динамичного государственного аппарата и автоматически допускают нарушения этических норм, при этом не нарушая другие законы. Часто коррупция ассоциируется с получением личной выгоды. Однако она не сводится к взяткам и незаконным выплатам. Коррумпировать общественное благо или социальные процессы означает вести их к деградации, относиться к ним с позиции более низких общественных стандартов, чем того требуют эти институты.

Возникновение названных проблем привело к постановке вопроса об этической компетентности госслужащих. Речь идет о разработке механизмов устойчивости и вместе с тем гибкости деятельности госслужащих, работающих в условиях изменившегося сегодня общества.

Одновременно исследователи обращают внимание на глобальный процесс легитимации власти через «публичность» форм вовлеченности граждан в решение насущных государственных проблем как часть новой парадигмы общественно-государственного управления.

Проанализировав ряд международных деклараций, договоров и других межгосударственных нормативных актов, можно утверждать, что в основе принципов нормотворчества государств лежат общезначимые понятия, отражающие суть естественных прав человека на самоопределение, свободу, доверие и стабильность. Сегодня нельзя с полной уверенностью утверждать, что данные принципы уже легли в основу всех нормативных документов по этике государственных служащих. Однако важность таких, пока носящих рекомендательный характер в России, и обязательных к выполнению этических предписаний в США или Великобритании принципов, подтверждается тем, что стабильность функционирования правительств многих стран зависит от того, насколько высок уровень доверия населения к деятельности государственных служащих.

Еще один актуальный принцип административной этики – это так называемый *принцип прозрачности* деятельности органов власти в стране. Практика государственного управления показывает, что нередко в силу иерархичности сложившейся структуры государственного управления складываются вертикальные взаимосвязи, которые мешают эффективной работе и принятию ответственных и взвешенных решений со стороны служащих на подчиненных уровнях управления.

Говоря об опыте США, следует также упомянуть о том, что в ряде случаев уставы американских городов содержат этические принципы, сочетающие в себе как единое для всей страны понимание,

так и специфическое нормативное регулирование поведения муниципальных служащих в соответствии с уникальными особенностями данной территории. В российских уставах муниципальных образований такая специфика отражена слабо либо не отражена вовсе.

Степень значимости нормативного регулирования этичного поведения государственных служащих для США подчеркивает создание Офиса правительственной этики. Эта организация курирует постоянно реализуемую и обновляемую программу по этике исполнительной власти и работает с сообществом специалистов по этике, состоящим из почти 5 000 чиновников по этике в более чем 130 агентствах[1].

В гл. 4 Кодекса управления гражданской службой Великобритании[2] отражены следующие принципы и правила поведения государственных служащих: честность и беспристрастность при исполнении своих обязанностей, добросовестность, недопустимость злоупотребления своим служебным положением в собственных интересах, недопустимость ситуации конфликта интересов. Гражданские служащие также не должны участвовать в какой-либо политической или общественной деятельности, которая может компрометировать государственную службу в целом.

Интересно также, что в качестве общего принципа в Великобритании установлен двухлетний запрет на занятие политической деятельностью и на лоббирование своих интересов для государственных служащих после того, как они покинут государственную службу.

В Кодексе поведения австралийской государственной службы (Закон о государственной службе Австралии № 147, 1999)[3] обозначены следующие этические принципы: честность и добросовестность; осторожность и осмотрительность; уважение и вежливость; недопустимость коррупционного поведения; предотвращение конфликта интересов; служение интересам государства; создание хорошей репутации.

Сравнивая содержание данного документа с содержанием Кодекса этики РФ в части наказания государственного служащего за неэтичное поведение, можно заключить, что санкции, которые могут быть наложены на государственного служащего в связи с нарушением кодекса поведения, достаточно серьезные. В зависимости от степени значимости нарушения это могут быть: выговор, сокращение оклада, штраф, понижение квалификации или увольнение.

В Кодексе этики РФ заложены основы для того, чтобы государственный служащий проявил собственную осознанную гражданскую позицию, выстроенную на соблюдении норм этики, позволяющих сформировать позитивное отношение населения к государственной и муниципальной службе. При этом нужно напомнить – в данном нормативном акте также указывается на то, что соблюдение положений кодекса является одним из критериев оценки качества профессиональной деятельности и служебного поведения служащего.

Таким образом, сравнительный анализ базовых принципов создания законодательства, регулирующего сферу этики поведения государственного служащего в России и за рубежом с точки зрения отражения специфики государственной политики в данной сфере, позволяет сделать следующие выводы.

Независимо от страны происхождения данных нормативных документов, в них можно выделить следующие общие для всех государств принципы поведения государственных служащих:

– признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина;

– честность и беспристрастность при выполнении служебных обязанностей;

– вежливое, доброжелательное и корректное отношение к потребителям государственных услуг;

– толерантность в отношении к гражданам;

– бескорыстие, независимость, принципиальность и антикоррупционное поведение;

– открытость, подотчетность обществу и осознание ответственности за свое поведение перед населением и государством.

На основании вышеизложенного можно судить о том, что рассмотренные в контексте англосаксонской традиции принципы этики государственного управления могут считаться базовыми и использоваться в условиях глобального мира применительно к этике государственного управления во многих других странах. В связи с этим возникает вопрос о правомерности существования глобальной этики государственного управления.

Обращаясь к зарубежному законодательству, следует отметить еще одну важнейшую проблему – проблему кодификации вопросов этики государственных служащих. Она состоит в том, что существует некоторое расхождение между традиционными для конкретной страны представлениями о нравственных нормах и ценностях и общечеловеческими ценностями и ориентирами. В связи с

[1] Офис правительственной этики США : [сайт]. URL: https://www.oge.gov/web/oge.nsf/Mission%20and%20Responsibilities (дата обращения: 25.03.2020).

[2] Государственная служба Великобритании GOV.UK : [сайт]. URL: https://www.gov.uk/government/collections/civil-service-conduct-and-guidance (дата обращения: 25.03.2020).

[3] Австралийская комиссия государственной службы : [сайт]. URL: https:// www.apsc.gov.au/ (дата обращения 27.03.2020).

этим возникает вопрос о том, как можно говорить о конкретизации отдельных положений Кодекса этики РФ, когда не сложилось общих подходов для определения концептуальных основ этичного поведения государственных служащих на международном правовом пространстве.

Таким образом, изучив содержание российских и зарубежных кодексов этики государственных и муниципальных служащих, мы выявили следующие базовые принципы их разработки: открытость публичной деятельности государства на благо страны и народа; подотчетность населению страны как гаранту государственной власти; принцип подчинения деятельности государственной службы интересам общества; принцип социальной справедливости и объективности норм законодательства; принцип неукоснительного соблюдения прав и свобод гражданина.

Сопоставление норм, регламентирующих этику и поведение государственных и муниципальных служащих в России и за рубежом, показало, что этические стандарты государственных служащих в глобальном смысле рассматриваются как механизмы, обеспечивающие повышение уровня доверия к государственным институтам со стороны общественности и направлены на формирование правовой и нравственной культуры институтов государственного управления.

Список цитируемых источников

Cooper 2004 – *Cooper Terry L.* Big questions in administrative ethics: a need for focused, collaborative effort // Public Administration Review. 2004. Vol. 64, No. 4. P. 395–407. URL: http://www.jstor.org/stable/3542489 (дата обращения: 25.03.2020).

Frederickson, Ghere 2013 – *Frederickson H. George, Ghere Richard K.* Ethics in public management. Dayton : University of Dayton Commons, 2013. 19 p. URL: http://ecommons.udayton.edu/pol_fac_pub/43 (дата обращения: 25.03.2020).

Millan 2019 – *Millan S. B.* Design thinking and collaborative governance for public service innovation: an application in civic technology: unpublished doctoral dissertation, Quezon City, 2019. URL: https://up-diliman.academia.edu/AttySharonMillan (дата обращения: 27.03.2020).

References

Cooper, T. L. (2004), Big questions in administrative ethics: a need for focused, collaborative effort, *Public Administration Review*, vol. 64, no. 4, pp. 395–407, available at: http://www.jstor.org/stable/3542489 (Accessed 25 March 2020).

Frederickson, N. G. and Ghere, R. K. (2013), Ethics in public management, University of Dayton Commons, Dayton, OH, USA, available at: http://ecommons.udayton.edu/pol_fac_pub/43 (Accessed 25 March 2020).

Millan, S. B. (2019), Design thinking and collaborative governance for public service innovation: an application in civic technology, D. Sc. Thesis, National College of Public Administration and Governance, University of the Philippines, Dilijan, Quezon City, Philippines, available at: https://up-diliman.academia.edu/AttySharonMillan (Accessed 27 March 2020).

Информация об авторах

Сизганова Елена Юрьевна,
кандидат педагогических наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; sizganov@rambler.ru
Потапова Елена Петровна,
кандидат философских наук, доцент, Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Владимир, Российская Федерация; tala68@mail.ru

Information about the authors

Sizganova Elena Yu.,
PhD (pedagogy), associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; sizganov@rambler.ru
Potapova Elena P.,
PhD (phylosophy), associate professor, Vladimir branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russian Federation; tala68@mail.ru

Для цитирования

Сизганова Е. Ю., Потапова Е. П. Базовые принципы разработки Кодекса этики государственных и муниципальных служащих в России и за рубежом: сравнительный анализ // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 211–215.

For citation

Sizganova, E. Yu. and Potapova, E. P. (2020), "Basic principles for the development of Code of Ethics for state and municipal servants in Russia and abroad: a comparative analysis", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta*, no. 2(55), pp. 211–215.

УДК 340.62

М. А. Симонова[1]
Т. Н. Турко[1]
[1] *Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация*

M. A. Simonova[1]
T. N. Turko[1]
[1] *Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir,the Russian Federation*

Гендерное насилие как опасная форма гендерной дискриминации: теоретико-правовой аспект

Gender-based violence as a dangerous form of gender discrimination: theoretical and legal aspect

Ключевые слова: дискриминация; насилие; абьюзер; гендерное насилие; семейно-бытовое насилие; гендерная дискриминация; гендерное равенство.

Аннотация. В статье авторами рассмотрена проблема гендерной дискриминации, обозначены ее разновидности и формы, особое внимание уделено проблеме гендерного насилия, в частности, семейно-бытового насилия как одной из наиболее опасных форм гендерной дискриминации. Проанализировано отечественное и зарубежное законодательство, внесены предложения по изменению и дополнению действующего законодательства с целью решения проблемы гендерного насилия, в частности, семейно-бытового насилия и его профилактики.

Key words: discrimination; violence; abuser; gender-based violence; domestic violence; gender discrimination; gender equality.

Abstract. In the article the authors consider the problem of gender discrimination, identify its varieties and forms, pay special attention to the problem of gender violence, in particular, domestic violence, as one of the most dangerous forms of gender discrimination. Domestic and foreign legislation have been analyzed, proposals to change and supplement the existing legislation to address the problem of gender violence have been made, in particular, domestic violence and its prevention.

Насилие и дискриминация, вызванные гендерными признаками, являются актуальной проблемой не только в современном российском обществе, но и в рамках всего мирового сообщества. Проблема гендерного неравенства стала привлекать к себе внимание в начале XX в., когда женщины начали предпринимать попытки уравнять свои права с мужчинами и получить возможность работать, иметь активное избирательное право, принимать участие в политической жизни и управлении обществом и государством. В настоящее время гражданские права мужчин и женщин в большинстве стран уравнялись, однако в социальной сфере, особенно в семейных отношениях, все еще существует множество гендерных проблем.

Борьба за гендерное равенство и против дискриминации началась с момента создания ООН. В ст. 1 Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, принятой резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 1979 г., было закреплено понятие «дискриминация»[1].

Большое внимание вопросу гендерного равенства уделяют Пекинская декларация и Пекинская платформа действий от 1995 г. Положения, закрепленные в ст. 13, 24 Пекинской декларации, принятой на четвертой Всемирной конференции по положению женщин, проходившей в Пекине 4–15 сентября 1995 г., указывают на намерения увеличивать число женщин в политических и экономических структурах, на желание искоренить абьюз в отношении женщин и подчеркивают связь национальной безопасности с положением женщин[2].

Гендерную политику государства традиционно принято считать частью социальной политики. Уровень ее развития зависит от того, насколько много государственная власть уделяет внимания данному вопросу, немалое значение имеет также отношение общества к проблеме гендерного равенства [Шумилина 2017, с. 79]. Современная политика России практически не обращается к проблеме гендерной дискриминации, отсутствуют исследования, охватывающие различные аспекты проблемы проявления гендерной дискриминации как на уровне государства, так и на уровне основной ячейки общества, существуют пробелы в действующем законодательстве, на законодательном уровне отсутствует понятие «дискриминация по признаку пола», фактически отрицается наличие самой проблемы. Во многом это связано

[1] Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 17.04.2020).

© Симонова М. А., Турко Т. Н., 2020

[2] Пекинская декларация. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/womdecl.shtml (дата обращения: 17.04.2020).

с российским менталитетом и влиянием религиозных и патриархальных воззрений [Окулич 2014, с. 30]. Наиболее ярким тому подтверждением является узаконивание в 2017 г. декриминализации побоев в семье. Подобный шаг идет вразрез с политикой большинства развитых государств на современном этапе, которые стремятся ужесточить наказание за проявление гендерной дискриминации и семейно-бытового насилия.

Дискриминация в общем виде представляет собой ущемление или нарушение прав человека вследствие его принадлежности к определенному полу, расе, национальности, языку, происхождению и др. Данный феномен в полной мере противоречит принципу равноправия, лежащему в основе возникновения и реализации общественных отношений и закрепленному в важнейших нормативных правовых актах: Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, а также в Конституции Российской Федерации.

Дискриминация может проявляться в двух формах: формальной и материальной [Максимов 2012, с. 119]. Формальная дискриминация проявляется в различии людей на основе объема их прав и свобод, определяемых нормами общества или государства, т. е. ограничиваются права отдельных категорий граждан, или предоставления «необходимых привилегий» каким-либо категориям. Формальная дискриминация в свою очередь делится на позитивную и негативную. Позитивная формальная дискриминация может служить привилегией для определенных групп людей, имеющей целью уравнять их права и возможности самореализации со всеми гражданами, например, дети-сироты, дети военнослужащих, погибших при исполнении служебных обязанностей, люди с ограниченными возможностями здоровья пользуются льготами для поступления в образовательные организации высшего образования; специальные трудовые отношения для женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет.

Негативная формальная дискриминация представляет собой запрещенное неравное отношение, ущемление прав и свобод человека, а также его интересов, например, гендерная дискриминация, расовая дискриминация, дискриминация по религиозной принадлежности.

Материальная дискриминация выражается в ограничении прав людей, находящем свое реальное воплощение при отсутствии формально-определенных для этого оснований. Единственной формой материальной дискриминации является насилие [Максимов 2012, с. 119]. Под насилием мы понимаем запрещенное правом, умышленное принудительное физическое, психологическое или иное воздействие на субъекта с целью причинения ему страданий. Насилие как форма дискриминации – это всегда процесс, систематическое причинение страданий. Насилие существует в нескольких видах, основными из них являются: физическое, психологическое, сексуальное, экономическое. Указанные виды могут сочетаться, образуя компилированные формы.

Физическим насилием можно назвать действия абьюзера, влекущие нарушение физической неприкосновенности человека с целью причинения ему боли и страданий. К физическому насилию можно отнести следующие действия: нанесение удара кулаком или предметом, пинки, пощечина, неожиданные удары, создание препятствия для совершения каких-либо правомерных действий жертвой абьюза.

Сексуальное насилие может быть контактным, проявляться в действиях, понуждающих потерпевшего к половым отношениям против его воли с применением силы или угроз (изнасилование, насильственные действия сексуального характера, принуждение к половому контакту в присутствии посторонних лиц и т. п.) либо бесконтактным, например, половое сношение одного из партнеров с другим человеком, в то время как жертва абьюза должна за этим наблюдать. Данный вид насилия является особенно деструктивным, наносит глубокие психоэмоциональные травмы, может приводить к формированию пограничного расстройства личности, а также суицидальному поведению.

Как физическое, так и сексуальное насилие в любом случае сопровождается эмоциональным, или психологическим, насилием.

Психологическое насилие как самостоятельный вид насилия обычно начинается незаметно и постепенно, а также может выражаться в разных формах. Оно может выражаться в виде критики, оскорблений, повышения голоса при разговоре с жертвой, чрезмерного контроля, бойкотирования – игнорирования чувств, изоляции – запрета на общение с родственниками, друзьями или иными лицами, унижения при посторонних либо же триангуляцией. Если психологическое насилие совершается многократно и является длящимся, это приводит к инвазии, у жертвы разрушаются границы личного пространства, переворачивается мышление и возникает полное подчинение [Маннаникова 2019, с. 407]. Крайне опасной формой психологического насилия является газлайтинг: абьюзер психологически воздействует на жертву, осуществляет манипулирование сознанием с целью заставить жертву сомневаться в собственной адекватности, дееспособности и психическом здоровье.

Экономическое насилие, как правило, начинается одномоментно, имеет главной целью унише-

ние или намеренное ограничение. Оно прослеживается в отказе предоставления денежных средств на удовлетворение необходимых потребностей человека, например, на покупку медикаментов, в трате общих денежных средств на личные нужды, саботируя при этом выполнение бытовых обязанностей, запугивании или злоупотреблении более высоким социальным статусом.

Гендерное насилие представляет собой комплексную форму насилия. Абьюзер, как правило, применяет одновременно несколько форм запрещенного правом воздействия на жертву. Гендерное насилие можно считать наиболее опасной разновидностью гендерной дискриминации, а именно ее материальной формой.

Гендерная дискриминация проявляется в распределении социополовых ролей мужчины и женщины либо в умалении статуса лица определенного пола (в основном женщин). Хотя с развитием научно-технического прогресса данный феномен расширяет свои границы и уже направлен не только на мужчину и женщину, но и на гомосексуалистов, лесбиянок и бисексуалов.

Сегодня проблема гендерного насилия и гендерной дискриминации существует как в обществе в целом, так и в отдельных его сферах, острее всего проявляясь в семейно-бытовой сфере. Нужно понимать, что гендерная дискриминация является детерминантой гендерного насилия. Гендерное насилие, являясь ее результатом, выражается в различных запрещенных законом формах, которые ущемляют или нарушают права человека.

Если гендерное насилие проявляется в форме семейно-бытового насилия, то вследствие этого происходит не только нарушение правовых предписаний, но и нарушение нормальной семейной жизни, нивелирование семейных ценностей и ячейки общества как таковой. Это приводит не только к эмоциональной деструкции конкретной личности, но может также порождать создание ложной опасной модели общественных отношений и даже провокации преступного поведения со стороны жертвы абьюза.

В последнее время в средствах массовой информации приводится печальная статистика увеличения и распространения случаев проявления гендерного насилия, особенно в семейных отношениях, нередки случаи эмоционального срыва жертвы абьюза и, как следствие, совершение преступления в отношении абьюзера. Известны факты, когда в ходе совершения преступления против абьюзера страдают и иные, сторонние, лица.

В настоящее время в России не существует отдельного закона, предусматривающего адекватное наказание за совершение социально-бытового насилия, хотя подобные законы приняты уже в 127 странах мира. Рассматриваемое правонарушение в нашем государстве декриминализировано, за него предусмотрена административная ответственность в соответствии со ст. 6.1.1 КоАП РФ. Наказание предполагает штраф в размере от пяти до тридцати тысяч рублей, либо административный арест на срок от десяти до пятнадцати суток, либо обязательные работы на срок от шестидесяти до ста двадцати часов. В основном наказание осуществляется в виде штрафа, соответственно, эти денежные средства изымаются из общего семейного бюджета, что не только не приводит к профилактике дальнейшего проявления семейно-бытового насилия, но и может порождать новую агрессию.

Возможность привлечения абьюзера к уголовной ответственности в соответствии со ст. 115 УК РФ появляется лишь в случае причинения жертве легкого вреда здоровью. Медицинскими критериями квалифицирующих признаков в отношении легкого вреда здоровью являются: временное нарушение функций органов и (или) систем (временная нетрудоспособность) продолжительностью до трех недель от момента причинения травмы (до 21 дня включительно). Поверхностные повреждения, в том числе: ссадина, кровоподтек, ушиб мягких тканей, включающий кровоподтек и гематому, поверхностная рана и другие повреждения, не влекущие за собой кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты общей трудоспособности, расцениваются как повреждения, не причинившие вред здоровью человека[1].

В связи с правовой непросвещенностью населения, а также необходимостью выхода на работу чаще всего складываются ситуации, когда женщины закрывают листки временной нетрудоспособности гораздо раньше, как только видимые синяки и ссадины проходят, не дожидаясь трех недель, не обследуются на наличие внутренних повреждений, даже если есть соответствующие показания. В результате этого судебным экспертам остается только констатировать: повреждения не повлекли временной утраты трудоспособности свыше 21 суток, и потому абьюзер привлекается к административной, а не к уголовной ответственности.

В ноябре 2019 г. на официальном сайте Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации был опубликован текст проекта Федерального закона «О профилактике семейно-бытового насилия в Российской Федерации»[2]. По за-

[1] Об утверждении Медицинских критериев определения степени тяжести вреда, причиненного здоровью человека : приказ Минздравсоцразвития России от 24 апр. 2008 г. № 194н // Российская газета. 2008. 5 сент.

[2] URL: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/59925.html/ (дата обращения: 12.05.2020).

думке авторов, новый законопроект был призван устранить пробелы в праве, защитить жертв семейно-бытового насилия, поскольку сегодня отсутствуют реальные инструменты для их защиты, а также осуществить профилактику семейно-бытового насилия. Данный законопроект включает в себя следующие новеллы: дается определение понятия «семейно-бытовое насилие»; вводятся предписания для защиты лиц, пострадавших от рук абьюзера; предусматривается несколько форм превентивного воздействия, которые могут применяться одновременно.

Указанный законопроект имеет достаточно большое количество сторонников, однако противников у него еще больше в связи с неопределенностью правового регулирования, а именно: несовершенством правовой дефиниции «лица, подвергшиеся социально-бытовому насилию» (в данное определение не входят лица, являющиеся сожителями); правовой нечеткостью основной дефиниции «семейно-бытовое насилие» (в ней используются определения, не имеющие однозначного понимания в юридической науке и позволяющие крайне широкую интерпретацию, из объема понятия исключены административно наказуемые правонарушения и уголовные преступления); крайне размытой юридической формулировкой «нарушитель» (она не включила в себя никаких признаков, тем самым вступив в противоречие с презумпцией невиновности, в качестве нарушителя законопроект предлагает рассматривать только совершеннолетнее лицо, что выводит из числа лиц, совершающих семейно-бытовое насилие, несовершеннолетних и искажает реальную жизненную ситуацию). Помимо указанных недостатков, законопроект подвергся критике в связи с расхождением целей законопроекта и реальной возможностью реализации декларируемых целей, появлением юридически тупиковых ситуаций, в частности, в вопросах профилактики семейно-бытового насилия, ведь нарушитель должен временно покинуть территорию совместного проживания только при условии наличия у него возможности проживать в ином жилом помещении.

Итогом правового несовершенства и масштабной критики рассматриваемого законопроекта стало то, что он так и не был принят, а значит, можно констатировать отсутствие реальной возможности комплексного решения и профилактики семейно-бытового насилия в России на современном этапе.

Однако такой закон нужен. Как один из возможных вариантов мы предлагаем заимствовать положительный опыт действия подобного закона, а также комплекса мер поддержки и профилактики, давно существующих и реально работающих в США, адаптировав их к российской действительности.

Соединенные Штаты добились большого прогресса в борьбе с гендерным насилием. Принятие в 1994 г. закона «О насилии в отношении женщин» стало переломным моментом в борьбе с семейно-бытовым насилием в США, в реализации комплексного подхода федерального законодательства к гендерному насилию (прежде всего, в отношении женщин). При этом данный закон не только содержал положения о привлечении абьюзеров к ответу, но и предусматривал программы помощи жертвам такого насилия. С тех пор как этот закон вступил в силу, уровень насилия в отношении гражданских и официальных супругов снизился на 67 %.

Указанный закон расценивал любое домашнее насилие как уголовное преступление. При этом его не раз признавали антиконституционным, а в 2011 г. Республиканская партия США вообще приостановила его действие. Однако в марте 2013 г. под давлением общественного мнения был подписан обновленный закон «О насилии в отношении женщин». Кроме того, было открыто более 1 500 убежищ для жертв домашнего насилия, разработано множество государственных программ по предотвращению семейно-бытового насилия, организована сеть ресурсов по вопросам домашнего насилия, с целью информирования населения и усиления профилактики в этой сфере на личном, местном уровнях, а также на уровне всего общества создана национальная служба экстренной связи по вопросам домашнего насилия (это круглосуточная телефонная служба, где консультанты оказывают помощь на разных языках). Служба дает немедленный ответ жертвам семейно-бытового насилия и членам их семей. Консультант анализирует индивидуальную ситуацию каждого обратившегося и определяет, что необходимо предпринять в ближайшее время. В Министерстве юстиции США создан отдел борьбы с насилием над женщинами, а также функционирует более 200 специальных судов, которые рассматривают дела о семейно-бытовом насилии[1].

Кратко рассмотрим, как работает закон «О насилии в отношении женщин» в США. Так, если жертва гендерного насилия (в 97 % случаев это женщины) обращается в полицию, полиция прибывает в течение нескольких минут. Она осматривает жертву на предмет признаков физического абьюза, а квартиру на предмет разрушений. Если полицейские находят повреждения, абьюзера арестовывают и помещают на 24 ч в камеру. За это

[1] Блог посольства США в Москве. URL: https://embassy-voices.livejournal.com/28143.html (дата обращения: 12.05.2020).

время происходит заслушивание дела в суде. Даже если жертва забрала заявление, абьюзера продолжает судить штат. Данная поправка была внесена в закон в связи с тем, что многие жертвы насилия по разным причинам забирают заявления.

Обычно в первый раз абьюзер получает предупреждение и обязан пройти 26 сессий терапии, по одному часу в неделю, т. е. в течение полугода. Терапия оплачивается самим абьюзером. Терапевт каждый месяц пишет отчет о результативности терапии с абьюзером и предоставляет его в суд. Через 26 недель суд рассматривает дело и принимает решение, как поступить с абьюзером дальше. Если нарушитель настаивает на том, что его «довела» сама жертва, его отправляют в места лишения свободы. Если он осознал свою вину и пересмотрел свое поведение, его отпускают, но при повторном совершении семейно-бытового насилия, он будет отправлен в места лишения свободы.

Терапия абьюзеров обычно проходит в группе, в которой не более 12 чел. Формат – не наказывающий, а обучающий, дискуссионный. Специально обученные сертифицированные терапевты моделируют для абьюзеров эффективное поведение в ситуациях конфликта. Людей, разрешающих конфликты исключительно силой, учат новым способам урегулирования конфликтов. Комната для терапии оборудована так, что в случае необходимости терапевт нажимает кнопку и через несколько секунд в комнате появляется вооруженный отряд полиции, участники терапии об этом знают, также они знают, что ведется видеосъемка их занятий. Такую работу обычно проводят только аккредитованные судом агентства, у которых есть все необходимое оборудование для безопасности терапевтов и самих участников групп.

Кроме обязательного курса терапии, абьюзеру запрещено жить в своем доме, пока не закончится срок наказания, это прописано в защитном ордере. Если жертва указывает в защитном ордере, что она не хочет получать телефонные звонки или электронную почту от абьюзера, не хочет, чтобы он подходил к ней на расстояние 20 м, он обязан выполнять все предписания.

Все аресты, защитные ордера, обвинения заносятся в досье абьюзера, что, безусловно, влияет на нахождение работы, получение гражданства, карьерный рост[1].

Закон США «О насилии в отношении женщин» не искоренил насилие в стране, но он значительно сократил количество погибших и успешно защищает права живых жертв абьюза. Помимо закона, как уже ранее упоминалось, в США существует эффективная система профилактики семейно-бытового насилия, в которой задействовано огромное количество должностных лиц, государственных органов и некоммерческих организаций, даже медицинские работники и преподаватели всех образовательных организаций проходят обучение с целью распознавания жертв гендерного насилия и проведения с ними первичной просветительской работы.

Завершая статью, мы пришли к следующему выводу: для того чтобы борьба с гендерным насилием в России стала реальной и эффективной, чтобы проблема не замалчивалась, а абьюзеры не привлекались лишь к административной ответственности, для того чтобы система профилактики действительно работала, нужно дополнить действующее российское законодательство качественным, юридически грамотным и эффективным законом «О профилактике семейно-бытового насилия», а также использовать положительный зарубежный опыт комплексного подхода к решению и профилактике проблемы гендерного насилия, в частности, опыт США.

Список цитируемых источников

Максимов 2012 – *Максимов А. А.* Теоретические проблемы определения и соотношения гендерного насилия и гендерной дискриминации // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. №10-1(24). С. 119–121.

Мананникова 2019 – *Мананникова А. Г.* Клинический анализ абьюза в трудовых и личных отношениях // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2019. Т. 5, № 2. С. 406–410.

Окулич 2014 – *Окулич А. И.* Гендерная дискриминация и ее проявление в российском обществе // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2014. № 5. С. 29–32.

Шумилина 2017 – *Шумилина Д. В.* Гендерное равенство в контексте политического развития Российской Федерации: проблемы, инициативы, потенциал // PolitBook. 2017. № 3. С. 78–92.

[1] Закон о домашнем насилии в США. Как это работает. URL: https://zen.yandex.ru/media/newsvo/zakon-o-domashnem-nasilii-v-ssha-kak-eto-rabotaet-5d1a505635d3d600ad5d1796?utm_source=serp (дата обращения: 12.05.2020).

References

Maksimov, A. A. (2012), "Theoretical problems of defining and correlation of gender violence and gender discrimination", *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul 'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki,* no. 10-1(24), pp. 119–121.

Manannikova, A. G. (2019), "Clinical analysis of abuse in labor and personal relationships", *Intellektual 'nye resursy – regional 'nomu razvitiyu,* vol. 5, no. 2, pp. 406–410.

Okulich, A. I. (2014), "Gender discrimination and its manifestation in Russian society", *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Ural 'skii region,* no. 5, pp. 29–32.

Shumilina, D. V. (2017), "Gender equality in the context of political development of the Russian Federation: problems, initiatives, potential", *PolitBook,* no. 3, pp. 78–92.

Информация об авторах

Симонова Марина Анатольевна,
кандидат юридических наук, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; m.a.voronkova@mail.ru

Турко Татьяна Николаевна,
Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; tatiana.turko886@mail.ru

Information about the authors

Simonova Marina A.,
PhD (law), Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; m.a.voronkova@mail.ru

Turko Tat 'yana N.,
Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; tatiana.turko886@mail.ru

Для цитирования

Симонова М. А., Турко Т. Н. Гендерное насилие как опасная форма гендерной дискриминации: теоретико-правовой аспект // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 216–221.

For citation

Simonova, M. A. and Turko, T. N. (2020), "Gender-based violence as a dangerous form of gender discrimination: theoretical and legal aspect", *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 216–221.

УДК 340.1+616-036.21

О. Д. Третьякова[1]
Р. Б. Головкин[2]
[1] Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация
[2] Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация

O. D. Tret ʾyakova[1]
R. B. Golovkin[2]
[1] Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation
[2] Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation

Теоретико-правовые проблемы организации и реализации правовых режимов, обеспечивающих борьбу с коронавирусной инфекцией в Российской Федерации

Theoretical and legal problems of organization and implementation of legal regimes that ensure the fight against coronavirus infection in the Russian Federation

Ключевые слова: коронавирусная инфекция; пандемия; правовое регулирование; правовой режим; правовой режим самоизоляции; правовой режим карантина; правовой режим повышенной готовности.

Аннотация. Статья посвящена исследованию правового регулирования общественных отношений в связи с борьбой с коронавирусной пандемией в Российской Федерации. В работе анализируются правовые режимы самоизоляции, карантина и повышенной готовности, их содержание и технико-юридические противоречия. На основе проведенного анализа выработаны теоретические и практические предложения по организации правового регулирования борьбы с пандемией.

Key words: coronavirus infection; pandemic; legal regulation; legal regime; legal regime of self-isolation; legal regime of quarantine; legal regime of high readiness.

Abstract. The article studies the legal regulation of public relations in connection with the fight against the coronavirus pandemic in the Russian Federation. The article analyzes the legal regimes of self-isolation, quarantine and high readiness, their content and technical and legal contradictions. Based on the analysis, theoretical and practical proposals for organization of legal regulation of the fight against the pandemic were developed.

Правовое регулирование – эффективный инструмент государственного воздействия на общественные отношения, управление социальными связями и процессами. Государство с помощью права обеспечивает жизнедеятельность общества, самой публичной власти и отдельного индивида. В зависимости от различных ситуаций государство выстраивает правовое регулирование по факту существующих общественных отношений или на перспективу их возникновения или изменения [Алексеев 2005, Матузов, Малько 2001].

Современная ситуация, обусловленная распространением коронавирусной инфекции во всем мире, несмотря на теоретическую готовность к регулированию отношений в условиях чрезвычайных ситуаций, к которым можно отнести и пандемию, на практике потребовала значительного правового опосредования ряда мер государственного воздействия по формированию общественных отношений, складывающихся в процессе борьбы с коронавирусной инфекцией 2019-nCoV.

Изначально регулирование отношений в сфере противодействия обстоятельствам чрезвычайных ситуаций, в том числе связанных со здоровьем населения, предусматривалось двумя ключевыми федеральными законами: от 21 декабря 1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера»[2] и от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»[3].

Поскольку данные нормативные правовые акты преимущественно носят перспективный характер, они не выдержали столкновения с реальностью пандемии коронавируса 2019-nCoV. Дело в том, что к моменту распространения коронавируса в Российской Федерации тип отношений, связанных с данным заболеванием, не являлся предметом правового регулирования указанных законов и связанных с ними подзаконных правовых актов. Так, норма-дефиниция, закрепляющая в ст. 1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» понятие чрезвычайной ситуации, в изначальной ее редакции не рассматривала заболевание, представляющее опасность для окружающих, в качестве чрезвычайной ситуации.

© Третьякова О. Д., Головкин Р. Б., 2020

[2] Российская газета. 1994. 24 дек.
[3] Там же. 1999. 6 апр.

Полагаем, что именно этими обстоятельствами обусловлен факт издания ряда указов мэра Москвы, где изначально возникла наиболее острая ситуация с распространением коронавирусной инфекции. Эти указы предусматривали ограничения, направленные на предотвращение распространения коронавирусной инфекции, которые не вытекали из вышеназванных федеральных законов. Были сконструированы нормы (которые были продублированы многими региональными нормативными правовыми актами), вводящие в правовой оборот ряд отношений, характеризующихся в указе мэра Москвы как правовой режим «самоизоляция».

В юридической науке *правовой режим* – это особый порядок правового регулирования, выражающийся в комплексе юридических средств, которые характеризуют особое сочетание взаимодействующих дозволений, запретов, а также позитивных обязываний и создают особую направленность регулирования [Алексеев 1989, с. 185]. В указе мэра Москвы от 29 марта 2020 г. № 34-УМ «О внесении изменений в Указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ»[1] (далее: Указ № 34-УМ) дефиниции самоизоляции не содержится, но из установленных ограничений и иных мер, характеризующих режим самоизоляции, можно данную дефиницию вывести, например: самоизоляция – это комплекс ограничительных мер для населения, которые вводятся законодательством на определенный срок для борьбы с распространением опасного заболевания. Граждан просят соблюдать режим: не выходить на улицу без острой необходимости, ограничить контакты с другими людьми и соблюдать все рекомендации по профилактике вирусных заболеваний, предложенные медицинским сообществом[2]. Иными словами, данный правовой режим содержит в основном рекомендательные нормы.

В связи с эскалацией эпидемии коронавируса мэром Москвы и практически всеми руководителями субъектов Российской Федерации принимаются правовые акты, устанавливающие правовой режим «повышенная готовность».

Например, указ мэра Москвы от 5 марта 2020 г. № 12-УМ (ред. от 18 апреля 2020 г.) «О введении режима повышенной готовности»[3] устанавливает, что в связи с угрозой распространения в г. Москве коронавирусной инфекции необходимо ввести на территории г. Москвы режим повышенной готовности. Установление данного правового режима обусловлено своевременной реакцией публичной власти на федеральном уровне на изменение санитарно-эпидемиологической ситуации, которая выразилась в принятии ряда правовых актов, устанавливающих или изменяющих регулирование отношений в связи с пандемией коронавируса. Прежде всего, это касается внесения изменений в Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Изменения, внесенные в данный правовой акт Федеральным законом от 1 апреля 2020 г. № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» проявились в том, что в норму-дефиницию чрезвычайной ситуации (ст. 1) внесены дополнения, которые относят к чрезвычайной ситуации «заболевания, представляющие опасность для окружающих». В соответствии с новой редакцией данной статьи под чрезвычайной ситуацией понимается «обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения *заболевания, представляющего опасность для окружающих* (курсив наш. – *О. Т., Р. Г.*), стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей»[4].

Введение режима повышенной готовности в правовом смысле обосновано постановлением Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715 «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» в новой редакции от 31 января 2020 г., где в перечень заболеваний, представляющих опасность для окружающих, введена коронавирусная инфекция 2019-nCoV (п. 16)[5].

Юридические новации в области обеспечения правового режима повышенной готовности в связи с борьбой с коронавирусом тем не менее не исчерпали правовых и моральных проблем в этой области правоотношений. Начнем с того, что понятия правового режима «повышенная готовность» в открытом законодательстве не закреплено в соответствующей норме-дефиниции. В подп. «б» п. 6 ст. 4.1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» указывается лишь на тот факт, что государственные органы в условиях угрозы чрезвычайных ситуаций могут действовать в режиме повышенной готовности. При этом необходимо отметить, что содержание данного правово-

[1] Российская газета. 2020. 29 марта.

[2] Что такое самоизоляция? URL: https://ria.ru/20200408/1569764617.html (дата обращения: 22.04.2020).

[3] Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2020. № 14.

[4] Российская газета. 2020. 3 апр.

[5] URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 22.04.2020).

го режима согласно п. 7 нормы этой же статьи устанавливается Правительством Российской Федерации, а вводится этот режим в зависимости от уровня (объектового, местного регионального, межрегионального или всероссийского) соответствующим руководителем или органом (п. 8–9).

В постановлении Правительства Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации»[1] (далее: Постановление № 417) содержатся правила, раскрывающие общее содержание правового режима «повышенная готовность» применительно к борьбе с коронавирусом. Центральное место в этих правилах занимает положение, устанавливающее запрет на осуществление действий, создающих угрозу безопасности, жизни, здоровью, санитарно-эпидемиологическому благополучию иных лиц, находящихся на территории, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, или в зоне чрезвычайной ситуации; а также запрет на распространение заведомо недостоверной информации об угрозе возникновения или возникновении чрезвычайной ситуации (п. 3–4).

В п. 10 ст. 4.1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» указывается, что руководитель соответствующего уровня чрезвычайной ситуации может устанавливать дополнительные меры по ее предупреждению и преодолению. При этом в подп. «д» п. 10 особо оговаривается, что осуществление мер, обусловленных развитием чрезвычайной ситуации, не должно ограничивать права и свободы человека и гражданина.

Указом № 34-УМ установлены ограничения, которые вступают в определенную коллизию с нормой подп. «д» п. 10 ст. 4.1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» и Конституцией Российской Федерации. Так, устанавливается обязанность в п. 7.1 Указа № 34-УМ соблюдать режим самоизоляции граждан в возрасте старше 65 лет и граждан, имеющих хронические заболевания, а в п. 9.3 не покидать места проживания (пребывания).

Анализ данных норм позволяет говорить об их дефектности с точки зрения юридической техники. Дело в том, что правовые нормы-обязывания реализуются в поведении субъектов правоотношений в форме исполнения, т. е. активного поведения субъектов правоотношений, направленного на исполнение возложенных обязанностей. Рассматриваемый правовой акт обязывает субъектов воздерживаться от действий, иными словами, не покидать место жительства или пребывания, т. е. соблюдать эту норму. Прямо говорится о соблюдении и нормы п. 7.1 Указа № 34-УМ. То есть фактически устанавливается не обязанность, а *запрет*!

Кроме того, указание на режим самоизоляции без установления законодательных процедур и правил, дефиниции режима самоизоляции по существу сводит его к проявляемому запрету покидать место жительства или пребывания, а это уже ограничение его права на свободу передвижения, гарантируемого Конституцией Российской Федерации (ч. 1 ст. 27). Самоизоляция является фактически мерой государственного принуждения. Однако согласно ч. 2 ст. 55 Конституции Российской Федерации в стране не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина. С данным положением действующей Конституции Российской Федерации коррелируется установленный запрет в п. 10 ст. 4.1 Федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» на ограничение прав и свобод.

В то же время ограничение прав и свобод, особенно в части свободы передвижения и выбора места пребывания, вполне возможно в рамках действующего законодательства, но формально только в рамках установления правового режима чрезвычайного положения, когда Конституцией Российской Федерации допускаются запреты и ограничения, касающиеся прав и свобод. Так, согласно ч. 1 ст. 56 Конституции Российской Федерации в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя в соответствии с федеральным конституционным законом могут устанавливаться отдельные ограничения прав и свобод с указанием пределов и срока их действия. Иными словами, режим повышенной готовности согласно действующему законодательству формально недостаточен для ограничения прав и свобод.

Определенную конкуренцию Федеральному закону «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» в правовом обеспечении борьбы с коронавирусом составляет Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», который устанавливает категорию *«санитарно-эпидемиологическое благополучие населения»*: это состояние здоровья населения, среды обитания человека, при котором отсутствует вредное воздействие факторов среды обитания на человека и обеспечиваются благоприятные условия его жизнедеятельности (ст. 1).

[1] Российская газета. 2020. 8 апр.

Этим же законом закрепляется право высших должностных лиц субъектов Российской Федерации на введение и отмену на территории субъекта Российской Федерации ограничительных мероприятий (карантина) (ст. 6). Ограничительные мероприятия (карантин) трактуются в законе как административные, медико-санитарные, ветеринарные и иные меры, направленные на предотвращение распространения инфекционных заболеваний и предусматривающие особый режим хозяйственной и иной деятельности, ограничение передвижения населения, транспортных средств, грузов, товаров и животных.

Перечень ограничительных мероприятий устанавливается Постановлением № 417. Иными словами, Постановление № 417 интегрирует два федеральных закона, снимая конкуренцию между ними. Постановление № 417 устанавливает легальный перечень правил, регулирующих правоотношения, свойственные для карантина. В целом оно легитимизирует режим повышенной готовности и направлено на организацию санитарно-эпидемиологического благополучия населения.

Тем не менее успешному регулированию отношений, связанных с ограничениями, обусловленными коронавирусом, препятствуют некоторые технико-юридические погрешности Постановления № 417.

Во-первых, перечень ограничений является излишне обобщенным, все ограничения могут применяться при любой чрезвычайной ситуации. Следовательно, требуется дополнительное регулирование. В сложившихся условиях пандемии целесообразно было бы на федеральном уровне конкретизировать меры борьбы именно с коронавирусом.

Во-вторых, конструкции правовых норм, закрепляющих правила поведения при введении правового режима повышенной готовности и режима чрезвычайной ситуации, с точки зрения юридической техники имеют дефекты. Так, согласно подп. «а» п. 3 Правил поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации граждане *обязаны соблюдать* общественный порядок, *требования законодательства* Российской Федерации. При этом граждане обязаны выполнять законные требования (указания) руководителя ликвидации чрезвычайной ситуации (подп. «б» п. 3).

Названные технико-юридические проблемы в некоторой степени снимает указ Президента Российской Федерации от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»[1]. В нем предписывается высшим должностным лицам (руководителям высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации обеспечить разработку и реализацию комплекса ограничительных и иных мероприятий, прежде всего выражающуюся в определении территорий в границах соответствующего субъекта Российской Федерации, на которых предусматривается реализация комплекса ограничительных и иных мероприятий, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения, в том числе в условиях введения режима повышенной готовности.

В целом указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства Российской Федерации – это оперативные нормативные правовые и индивидуальные акты, которые в условиях сложнейшей ситуации борьбы с коронавирусной инфекцией позволяют своевременно реагировать на изменения общественных отношений в связи с рассматриваемым опасным заболеванием. Фактически данные правовые акты являются средством своевременной интеграции действующего законодательства, его изменения и дополнения в пределах полномочий.

Таким образом, краткий обзор содержания правовых режимов самоизоляции и карантина позволяет сделать определенные умозаключения.

Во-первых, самоизоляция и карантин – два взаимопроникающих правовых режима, направленных на преодоление коронавирусной инфекции. Режим самоизоляции изначально существовал как самостоятельный рекомендательный правовой режим, на определенном этапе увеличения массы заболевших данный режим стал обязательным и является составной частью правового режима повышенной готовности.

Во-вторых, правовой режим повышенной готовности реализуется в серии подзаконных правовых актов, что допускает расширительное толкование данной системы правового регулирования общественных отношений. В связи с данным обстоятельством представляется целесообразным внесение соответствующих дополнений в Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», где бы прямо закреплялось содержание данного правового режима, а порядок его осуществления уже можно реализовать через подзаконное регулирование.

В-третьих, правовой режим карантина, устанавливаемый во исполнение Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополу-

[1] URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 23.04.2020).

чии населения», в контексте борьбы с коронавирусной инфекцией является элементом правового режима повышенной готовности, предусмотренной Федеральным законом «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», следовательно, правовой режим повышенной готовности является интегратором правовых режимов самоизоляции и карантина.

В-четвертых, правовой режим повышенной готовности в целом на конституционном уровне не предполагает ограничения прав и свобод, которое возможно лишь при установлении правового режима чрезвычайной ситуации. В связи с данным обстоятельством требуются соответствующие изменения в Конституцию Российской Федерации и Федеральный закон «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера».

В-пятых, право является инструментом государства, поэтому решения органов и должностных лиц в рамках их компетенции в форме издания оперативных индивидуальных и нормативных правовых актов выступают эффективным инструментом правового регулирования внезапно возникающих и резко изменяющихся ситуаций, в том числе и отношений, складывающихся в связи с борьбой с коронавирусной инфекцией.

Список цитируемых источников

Алексеев 1989 – *Алексеев С. С.* Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М. : Юрид. лит., 1989. 288 с.

Алексеев 2005 – *Алексеев С. С.* Теория государства и права. М. : Норма, 2005. 496 с.

Матузов, Малько 2001 – Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М. : Юристъ, 2001. 776 с.

References

Alekseev, S. S. (1989), *Obshchie dozvoleniya i obshchie zaprety v sovetskom prave* [General permissions and general prohibitions in Soviet law], Yuridicheskaya literatura, Moscow, USSR.

Alekseev, S. S. (2005), *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law], Norma, Moscow, Russia.

Matuzov, N. I. and Mal ’ko, A. V. (ed.) (2001), *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law], *Yurist’’*, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Третьякова Ольга Дмитриевна,
доктор юридических наук, доцент, Владимирский государственный университет им. А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Российская Федерация; o_tretjakova@mail.ru

Головкин Роман Борисович,
доктор юридических наук, профессор, Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний, Владимир, Российская Федерация; golovkinrombor@mail.ru

Information about the authors

Tret ’yakova Ol ’ga D.,
doctor of law, associate professor, Stoletovs Vladimir State University, Vladimir, Russian Federation; o_tretjakova@mail.ru

Golovkin Roman B.,
doctor of law, professor, Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service, Vladimir, Russian Federation; golovkinrombor@mail.ru

Для цитирования

Третьякова О. Д., Головкин Р. Б. Теоретико-правовые проблемы организации и реализации правовых режимов, обеспечивающих борьбу с коронавирусной инфекцией в Российской Федерации // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 222–226.

For citation

Tret ’yakova, O. D. and Golovkin, R. B. (2020), “Theoretical and legal problems of organization and implementation of legal regimes that ensure the fight against coronavirus infection in the Russian Federation”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 222–226.

УДК 341.74(470-25)(091)

А. Ю. Тумин[1]
[1] Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация

A. Yu. Tumin[1]
[1] Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Проблематика московской полиции императорской России в историко-правовых исследованиях

The problems of the Moscow police of imperial Russia in historical and legal research

Ключевые слова: московская полиция; российская полиция; обер-полицмейстер; органы внутренних дел.

Аннотация. Статья посвящена процессу изучения вопросов становления московской полиции со времени ее образования в 1722 г. и до ликвидации в результате революционных событий 1917 г. в трудах ученых дореволюционного, советского и современного периодов. Автор изучил историко-правовые работы ученых разных исторических периодов и пришел к выводу, что структура и основные направления деятельности московской полиции Российской империи исследованы недостаточно. Статья подготовлена в связи с предстоящим 300-летним юбилеем московской полиции.

Key words: the Moscow police; the Russian police; chief police officer; law enforcement agencies.

Abstract. The article deals with the process of studying the formation of the Moscow police from the time of its formation in 1722 until liquidation as a result of the revolutionary events of 1917 in the works of scientists of the pre-revolutionary, Soviet and modern periods. The author studied the historical and legal works of scientists of different historical periods and came to the conclusion that the structure and main areas of activity of the Moscow police of the Russian Empire were not studied enough. The article was prepared in connection with the upcoming 300th anniversary of the Moscow police.

19 января 1722 г. высочайшим указом царя-реформатора Петра I была учреждена высшая полицейская должность Москвы – обер-полицмейстера[1]. На основании этого документа была создана московская полиция, которая в январе 2022 г. отметит свой 300-летний юбилей[2].

Несмотря на большое количество материалов по истории российской полиции, сведений о становлении, формах и методах работы московской полиции со времени ее возникновения в XVIII в. не так много. Изучение специальной историко-правовой литературы свидетельствует о том, что вся история такого крупного подразделения, как московская полиция в науке освещена недостаточно. За почти 300-летний период московская полиция прошла непростой пусть становления, претерпев множество реорганизаций. Между тем единой, комплексной работы, посвященной московской полиции периода Российской империи, до сих пор нет. В связи с этим представляется исключительно актуальным и важным исследовать богатый опыт деятельности московской полиции в дореволюционный период.

Процесс изучения данной проблемы можно разделить на три периода: дореволюционный (середина XIX – начало XX в.), советский (50–80-е гг. XX в.) и современный период (конец XX в. – настоящее время), – каждый из которых имеет свои особенности.

Первоначально изучением истории московской полиции занимались преимущественно ученые-полицеисты. Их работы носили описательный характер, практически отсутствовал анализ служебной деятельности. Полиция в их работах в основном рассматривалась как административный орган власти. Любопытно, что первым исследователем, начавшим изучать историю московской полиции, стал не отечественный ученый, а француз Жорж Лекоент де Лаво, работавший секретарем Императорского Московского общества.

Второй, или советский, период характеризуется незначительным количеством работ по истории полиции в связи с отсутствием интереса ученых-историков и юристов к данной проблематике вследствие идеологических установок. Исследование данных вопросов не приветствовалось, полиция представлялась карательным органом самодержавия, имеющим антинародную сущность, механизмом подавления революции. В связи с секретностью многих архивных фондов для советской историографии характерна узость источниковой базы.

[1] Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ РИ). Собр. 1. Т. VI, № 3883.

[2] Об объявлении Дня образования Московской полиции : приказ МВД России от 17 авг. 2017 г. № 650. URL: https://77.мвд.рф/documents/приказы-мвд-россии/ (дата обращения: 28.04.2020).

© Тумин А. Ю., 2020

В течение третьего периода значительно возрос ранее несправедливо утраченный интерес к изучению истории отечественных органов внутренних дел. Ученые стараются постепенно восполнить пробел, который образовался в советское время, появляются диссертации, монографии и научные статьи по данной тематике. Проводятся конференции, научные форумы, появляются издания к юбилеям региональных подразделений полиции и отдельных служб. Учеными наконец-то был развеян миф об антинародной сущности императорской полиции.

Первый период характеризуется появлением трудов таких ученых, как: И. Е. Андреевский, С. С. Громека, И. Г. Гурьянов, В. Н. Лешков, Д. И. Никифоров, И. Т. Тарасов, М. П. Щепкин и др. Первое упоминание о структуре и функциях московской полиции появилось в 1824 г. в книге французского исследователя Жоржа Лекоента де Лаво «Путеводитель в Москве» [Лекоент де Лаво 1824]. В историко-статистическом очерке данный автор кратко, буквально на нескольких страницах, описал структуру московской полиции в первой четверти XIX в. и деятельность городской пожарной охраны, подчеркнув исключительную важность этого подразделения полиции.

Спустя семь лет вышла в свет книга историка и профессионального переводчика И. Г. Гурьянова, состоящая из четырех частей, под названием «Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского» [Гурьянов 1831]. Работа представляет собой настоящую энциклопедию города и является ценнейшим источником сведений об истории российской столицы. Одну из глав И. Г. Гурьянов посвятил московской полиции и городскому пожарному депо, особо отмечая самоотверженную работу полицейских пожарных служащих.

Большое значение в изучение истории возникновения и развития московской полиции внес ученый-полицеист профессор В. Н. Лешков. В своем небольшом по объему труде «О древней московской городской полиции» он лаконично описал малоизвестные на тот момент особенности становления московской городской полиции [Лешков 1852]. На основе тщательного изучения правовой базы им была проведена серьезная работа по воссозданию исторического развития полиции Москвы в первой половине XVIII в. Автор первым в историко-правовой науке определил и обосновал дату образования московской полиции. Это является квинтэссенцией данной работы.

В середине XIX в. в журнале «Юридический вестник» вышел ряд статей русского публициста С. С. Громека на полицейскую тематику [Громека 1857, 1858a, 1858b]. В центре внимания этого автора были полицейское делопроизводство в городах, пределы и права полицейской власти.

Несколько позже известный отечественный юрист И. Т. Тарасов опубликовал статью «История русской полиции и отношение ее к юстиции», в которой обозначил вопросы развития российской полиции и выявил основные причины ее реформирования [Тарасов 1884]. Автор описал процесс зарождения московской полиции и некоторые выполняемые ею функции.

Историк и мемуарист Д. И. Никифоров в одной из глав крупного исследования «Старая Москва. Описание жизни в Москве со времен царей до двадцатого века» проанализировал деятельность первых московских обер-полицмейстеров, в том числе по организации работы по противодействию городским пожарам [Никифоров 1902].

В работе «Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы», содержащей обширный объем информации, историк-краевед М. И. Пыляев знакомит читателей с историей Москвы и деятельностью городских полицейских пожарных команд [Пыляев 1891].

Необходимо отметить весьма информативную работу русского юриста, архивиста и педагога И. Е. Андреевского «Полицейское право» в 2 томах [Андреевский 1874]. Первый том был посвящен полиции безопасности, где ученый анализировал историю московской полиции на этапе ее образования в Петровскую эпоху и до середины 80-х г. XIX в., сравнивал документы, регламентирующие деятельность петербургской и московской полиции, рассматривал вопросы финансирования. Ученый сделал вывод о том, что полиция в Российской империи первоначально была создана только в столичных городах по причине отсутствия средств на эти нужды в других городах империи. Несмотря на свою научную ценность, автор ошибочно указал дату образования московской полиции, не показал результаты служебной деятельности по борьбе с преступностью и обеспечением общественной безопасности.

Среди дореволюционных источников информации по истории московской полиции необходимо выделить работу в двух частях М. П. Щепкина «Опыт изучения общественного хозяйства и городов» [Щепкин 1882]. В настоящее время работа относится к категории редких книг и, к сожалению, несмотря на свою научную ценность, практически не цитируется современными исследователями. В труде содержится большой объем информации о штатах, структуре, размере жалованья, источниках финансирования московской полиции в XIX в., определены место и роль полиции среди местных органов государственной власти и управления. М. П. Щепкин подчеркнул, что городская полиция

преимущественно финансировалась из бюджета Москвы, объем расходов на содержание полиции постоянно рос, самое пристальное внимание городские власти уделяли формированию и финансированию пожарных команд и приобретению пожарного инвентаря. В книге приводится любопытное сравнение численности московской и лондонской полиций, соотношение количества полицейских с числом проживающих в этих городах.

Завершает дореволюционный период изучения истории московской полиции вышедшая в начале XX в. в журнале «Право» статья П. В. Всевятского «Преступность и жилищный вопрос в городе Москве» [Всевятский, 1909]. Автор публикации показал жизнь московского «дна», провел анализ состояния городской преступности в зависимости от квартирных условий жителей Москвы, показал уровень преступности в разрезе районов города.

В советское время история московской полиции императорской России практически не изучалась, о ее служебно-профессиональной деятельности специальных работ нет. После Октябрьской революции более чем на тридцать лет наметился перерыв в разработке тематики императорской полиции. В среде ученых не было принято сопоставлять царское прошлое и советский период, деятельность полиции ассоциировалась с угнетением рабочего класса. Начиная с 50-х гг. прошлого столетия появились робкие попытки изучать историю полиции дореволюционной России в рамках эволюции высших органов государственного аппарата. В середине 1950-х гг. вышло в свет многотомное издание Академии наук СССР «История Москвы» [Бахрушин 1953]. В фундаментальном коллективном исследовании истории столицы отводится незначительное место характеристике административно-полицейских учреждений города. Полиция имперской России в традициях того времени рассматривалась с идеологически предвзятых позиций как орган угнетения рабочего класса, опора самодержавия в подавлении народных масс. Видимо, чтобы скрасить общее негативное представление о полиции, авторы гораздо больше информации уделили описанию полицейских пожарных частей и их позитивной роли в жизнедеятельности города.

В книге Н. П. Ерошкина «История государственных учреждений дореволюционной России» кратко представлена история московской полиции на протяжении всей эпохи капитализма [Ерошкин 1968]. Автор в таком масштабном труде лишь в общих чертах описал структуру полицейского аппарата города и некоторые выполняемые им функции.

Аналогичный подход прослеживается и в справочном пособии А. В. Чернова «Государственные учреждения России в XVIII в. (законодательные материалы)», где дается довольно общий анализ деятельности Московской полицмейстерской канцелярии с 1722 по 1782 г. [Чернов 1960]. В работах указанных ученых деятельность московской полиции исследовалась конспективно в контексте государственного управления в сфере безопасности.

Крупным шагом в изучении истории полиции стало формирование на базе Высшей школы МВД СССР научной школы истории органов внутренних дел, основателем которой является профессор Р. С. Мулукаев. Первыми исследователями открытых архивов стали его последователи профессор А. Я. Малыгин и доцент А. В. Борисов. В рамках данной научной школы исследовались вопросы места и роли полиции Российской империи в системе государственных органов власти. Вместе с тем представители данной научной школы рассматривали лишь отдельные аспекты деятельности московской полиции в свете общеполицейской тематики. Знакомство с историческим наследием на основе обобщения архивных данных, начатое вышеуказанными авторами, подтолкнуло специалистов к дальнейшему изучению истории отечественной полиции. В результате появились новые научные труды. Это прежде всего работы З. И. Перегудовой, Л. И. Тютюника, А. Н. Ярмыша и других, которые значительно расширили представление о масштабах деятельности дореволюционной полиции. Однако каких-либо серьезных исследований в данный отрезок времени проведено не было.

Третий период характеризуется ростом научного интереса к теме дореволюционной полиции, который начался в 90-е гг. прошлого века, когда стали появляться комплексные работы по истории отечественных органов внутренних дел. Значительный вклад в изучение указанной проблематики внесли В. М. Курицын, В. В Лысенко, В. Ф. Некрасов, З. И. Перегудова, А. Е. Скрипилев и др. В работах этих авторов анализируется общий ход развития полицейских органов России на различных исторических этапах, при этом затрагиваются некоторые аспекты организации и особенности деятельности московской дореволюционной полиции, круг ее компетенции. Особое место в исследовании вопросов специфики деятельности полиции Санкт-Петербурга и Москвы занимают работы М. И. Сизикова, который на основе анализа законодательства достаточно полно раскрыл эволюцию полиции столичных городов [Сизиков 1992a, 1992b]. Его работы основаны на широком круге достоверных источников.

В конце XX в. интерес к истории полиции стал зарождаться не только в среде ученых, но и в самом ведомстве внутренних дел. В 1991 г. Главным информационным центром МВД СССР в специальных выпусках ведомственного журнала «Сборник

информационных изданий» был опубликован ряд довольно интересных статей о деятельности дореволюционной полиции, в том числе и московской, о создании отдельных ее подразделений, денежном содержании полицейских служащих, вооружении полиции [Сборник 1991]. Однако данные спецвыпуски были изданы малым тиражом, всего по 30 экз., и поэтому для большинства специалистов и исследователей оказались недоступны.

Повышенное внимание исследователей к полицейской тематике было вызвано 200-летием со дня образования МВД России и 300-летним юбилеем российской полиции. В результате активной научно-исследовательской деятельности вышли в свет труды А. В. Борисова, И. А. Калиниченко, П. В. Краснова, А. Я. Малыгина, В. Л. Минер, Р. С. Мулукаева, С. А. Невского, Н. С. Нижник, К. С. Романова, Ю. А. Реента. Вместе с тем в своих обобщающих работах проблемы московской дореволюционной полиции исследователи рассматривали достаточно узко, с использованием незначительного архивного материала.

Ряд ученых посвятили свои работы исследованию некоторых профессиональных направлений деятельности полиции, таких как: социальная функция полиции и профилактика проституции (И. А. Тарасова), проблемы противодействия преступности (И. К. Киикова), позитивные функции полиции (М. И. Сизиков), вопросы противодействия полиции религиозному диссидентству (С. А. Лукьянов), проблемы охраны общественного порядка (А. А. Мухортов, О. В. Гарина), вопросы обеспечения полицией безопасности уличного движения (Г. П. Рифицкий), оказание полицией медицинской помощи населению и профилактика заболеваний (Э. Р. Исхаков).

Следует отметить, что среди изучения многообразных функций дореволюционной полиции повышенный научно-исследовательский интерес в историко-правовой науке посвящен развитию общеуголовного сыска. К опыту сыскной деятельности полиции России обращались В. В. Грибов, В. И. Власов, В. И. Елинский, О. А. Лядов и др. Вместе с тем лишь некоторые авторы (В. И. Гурьев, Т. Л. Матиенко, В. Л. Рассказов) избрали объектом своего изучения отдельные аспекты деятельности московской полиции. Изучением управленческой элиты московской полиции периода Российской империи занимались А. О. Кокорев, А. Ю. Скрыдлов, А. Н. Шаханов, В. Н. Ярхо, в работах которых исследуются основные карьерные вехи московских обер-полицмейстеров и их профессиональная деятельность как крупных государственных чиновников. Правовые основы развития московской полиции, правовой статус сотрудников дореволюционной полиции, особенности комплектования кадрами, денежное содержание и система подготовки служащих рассматривались в работах Д. М. Аказеева, А. А. Сальникова, В. А. Якушева и других исследователей.

Особого внимания в отечественной историографии по объему и содержанию заслуживает работа авторского коллектива «История Московской милиции. Становление и развитие органов охраны общественного порядка с древности до наших дней» [Пронин 2006]. Это уникальное исследование отечественных ученых, признанных специалистов по истории российских органов внутренних дел. В книге освещены многие аспекты деятельности московской полиции Российской империи, ее структура, кадровый состав. Вместе с тем издание в большей степени ориентировано на изучение советского периода. В связи с этим вопросы деятельности дореволюционной полиции с позиций ее эволюции изучены довольно кратко и поверхностно.

Определенный научный интерес вызывает исследование московских историков В. Руга и А. Кокорева «Повседневная жизнь Москвы. Очерки городской жизни начала XX в.», в котором рассматривается деятельность московской полиции начала XX в., ее состав и вопросы взаимоотношения с простым городским населением [Руга, Кокорев 2018].

Серьезным исследованием истории московской полиции стала кандидатская диссертация В. И. Гурьева «Московская полиция в конце XIX – начале XX в.: организация, структура, состав» [Гурьев 2012]. В данной работе автор, используя богатый документальный материал, исследовал структуру московской полиции, деятельность чинов и качественный состав кадров в период с 1881 по 1917 г. Началом изучаемого периода стала дата принятия положения о московской полиции, а окончанием – Февральская революция, в ходе которой московская полиция была ликвидирована. Несмотря на то, что исследование проведено на основании изучения широкого круга источников, фондов Центрального исторического архива г. Москвы и, безусловно, является интересным и полезным для специалистов, однако оно посвящено лишь отдельному отрезку времени и не коснулось вопросов становления и эволюции московской полиции в наименее изученный период первой четверти и середины XVIII в. Это упростило сбор материала и полноту картины развития московской полиции с момента ее создания не раскрыло.

Некоторые сведения о московской полиции первой четверти XVIII – начала XX в., правовой основе ее деятельности содержатся в хрестоматии под редакцией В. Л. Кубышко «История правоохранительной системы России в документах: с древнейших времен до 1917 г.» [Кубышко 2018]. В юбилейном издании к 300-летию отечественной

полиции авторы осуществили фундаментальный подбор наиболее важных материалов, касающихся многовековой истории отечественных органов правопорядка. В нее вошли документы и материалы, отражающие длительный процесс становления московской полиции, а также роль и место полиции в системе городской власти.

Обобщая работы ученых о деятельности московской полиции в XVIII – начале XX в., следует отметить, что полиция данного периода ассоциировалась с символом власти, обладала широким кругом полномочий, выполняла многочисленные, не свойственные ей, с современных позиций, задачи. Вместе с тем данное направление остается недостаточно разработанным и требующим дальнейшего изучения. В этой связи уместно привести мнение начальника Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя кандидата педагогических наук И. А. Калиниченко: «В последнее время отмечается рост интереса к истории отечественной полицейской службы до 1917 г. За период существования Новой России работ, посвященных истории органов внутренних дел дореволюционного периода, вышло в разы больше, чем за предшествующие 70 лет. Однако в этой истории еще много “белых пятен”, многое требует пересмотра и новых объективных оценок. Сегодня необходим качественный прорыв в изучении истории органов внутренних дел» [Калиниченко 2019]. Как показывает краткий историко-правовой анализ, при значительном объеме научных исследований по истории российской полиции отдельной работы, посвященной всестороннему анализу истории создания и развития московской полиции периода Российской империи, подготовлено и издано не было, а направления ее деятельности, изменение структуры и функций исследованы фрагментарно. Историю московской полиции ученым еще предстоит написать.

Список цитируемых источников

Андреевский 1874 – *Андреевский И. Е.* Полицейское право. В 2 т. Т. 1. 2-е изд., испр. и доп. Спб. : Тип. В. В. Пратц, 1874. 648 с.

Бахрушин 1953 – История Москвы. В 6 т. Т. 2 / под ред. С. В. Бахрушина. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 559 с.

Всевятский 1909 – *Всевятский П. В.* Преступность и жилищный вопрос в городе Москве // Право. 1909. № 20. С. 1264–1273.

Громека 1857 – *Громека С. С.* Два слова о полиции // Русский вестник. 1857. Т. IX, № 11. С. 175–179.

Громека 1858a – *Громека С. С.* Пределы полицейской власти // Русский вестник. 1858. Т. XV, № 9. С. 170–179.

Громека 1858b – *Громека С. С.* Полицейское делопроизводство // Русский вестник. 1858. Т. XVI, № 13. С. 178–194.

Гурьев 2012 – *Гурьев В. И.* Московская полиция в конце XIX – начале XX в.: организация, структура, состав : дис. … канд. ист. наук. М., 2012. 177 с.

Гурьянов 1831 – *Гурьянов И. Г.* Москва, или Исторический путеводитель по знаменитой столице Государства Российского. В 4 ч. Ч. 3. М. : Тип. С. Селивановского, 1831. 416 с.

Ерошкин 1968 – *Ерошкин Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М. : Высш. шк., 1968. 368 с.

Калиниченко 2019 – *Калиниченко И. А.* История правоохранительных органов в документах // Российская полиция: три века служения Отечеству. В 2 ч. Ч. 1. М. : Акад. упр. МВД России, 2019. С. 34–39.

Кубышко 2018 – История правоохранительной системы России в документах: с древнейших времен до 1917 г. (к 300-летию российской полиции) : в 2 т. / под ред. В. Л. Кубышко. М. : ДГСК МВД России, 2018. 2 т.

Лекоент де Лаво 1824 – *Лекоент де Лаво Ж.* Путеводитель в Москве. М. : В Тип. Августа Семена, при Императ. Мед.-хирург. акад., 1824. 402 с.

Лешков 1852 – *Лешков В. Н.* О древней московской городской полиции. М., 1852. 56 с.

Никифоров 1902 – *Никифоров Д. И.* Старая Москва. Описание жизни в Москве со времен царей до двадцатого века. М. : Унив. тип., 1902. 204 с.

Пронин 2006 – История Московской милиции. Становление и развитие органов охраны общественного порядка с древности до наших дней / ред. В. В. Пронин. М. : Деловая Лига, 2006. 360 с.

Пыляев 1891 – *Пыляев М. И.* Старая Москва. Рассказы из былой жизни первопрестольной столицы. Спб. : Изд. А. С. Суворина, 1891. 575 с.

Руга, Кокорев 2018 – *Руга В. Э., Кокорев А. О.* Повседневная жизнь Москвы. Очерки городской жизни начала XX в. М. : Абрис, 2018. 256 с.

Сборник 1991 – Организация и деятельность полиции // Сборник информационных изданий. М. : ГИЦ МВД СССР, 1991. № 2–4.

Сизиков 1992a – *Сизиков М. И.* История полиции России (1718–1917). М. : Проф. образование, 1992. 68 с.

Сизиков 1992b – *Сизиков М. И.* Полицейская реформа Петра I // Правоведение. 1992. № 2. С. 88–96.

Тарасов 1884 – *Тарасов И. Т.* История русской полиции и отношение ее к юстиции // Юридический вестник. 1884. Т. XV, № 4. С. 551–574.

Чернов 1960 – *Чернов А. В.* Государственные учреждения России в XVIII в. (законодательные материалы). М. : МГИАИ, 1960. 579 с.

Щепкин 1882 – *Щепкин М. П.* Опыт изучения общественного хозяйства и городов. В 2 ч. Ч. 1. М. : Тип. М. П. Щепкина, 1882. 409 с.

References

Andreevsky, I. E. (1874), *Politseiskoe parvo, v 2 t., t. 1, 2-e izd., ispr. i dop.* [Police law, in 2 vol., vol. 1, 2nd ed., rev. and enl.], Tipografiya V. V. Pratts, St. Petersburg, Russian Empire.

Bakhrushin, S. V. (ed.) (1953), *Istoriya Moskvy, v 6 t., t. 2* [History of Moscow, in 6 vol, vol. 2], Akademiya nauk SSSR, Moscow, USSR.

Chernov, A. V. (1960), *Gosudarstvennye uchrezhdeniya Rossii v XVIII v. (zakonodatel'nye materialy)* [State institutions of Russia in the XVIII century (legislative materials)], MGIAI, Moscow, USSR.

Eroshkin, N. P. (1968), *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdenii dorevolyutsionnoi Rossii* [History of state institutions of pre-revolutionary Russia], Vysshaya shkola, Moscow, USSR.

Gromeka, S. S. (1857), "Two words about the police", *Russkii vestnik,* vol. IX, no. 11, pp. 175–179.

Gromeka, S. S. (1858a), "The limits of police power", *Russkii vestnik,* vol. XV, no. 9, pp. 170–179.

Gromeka, S. S. (1858b), "Police record keeping", *Russkii vestnik,* vol. XVI, no. 13, pp. 178–194.

Gur'ev V. I. The Moscow police in the late XIX – early XX centuries: organization, structure, composition, Ph. D. Thesis, national history, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.

Gur ʾyanov, I. G. (1831), *Moskva, ili Istoricheskii putevoditel' po znamenitoi stolitse Gosudarstva Rossiiskogo, v 4 ch., ch. 3* [Moscow, or the Historical guide to the famous capital of the Russian State, in 4 pt., pt. 3], Tipografiya S. Selivanovskogo, Moscow, Russian Empire.

Kalinichenko, I. A. (2019), "History of law enforcement in documents", *Rossiiskaya politsiya: tri veka sluzheniya Otechestvu, v 2 ch., ch. 1* [The Russian police: three centuries of service to the Fatherland, in 2 pt., pt. 1], Akademiya upravleniya MVD Rossii, Moscow, Russia.

Kubyshko, V. L. (ed.), (2018), *Istoriya pravookhranitel ʾnoi sistemy Rossii v dokumentakh: s drevneishikh vremen do 1917 g. (k 300-letiyu rossiiskoi politsii), v 2 t.* [The history of the law enforcement system of Russia in documents: from ancient times to 1917 (on the 300th anniversary of the Russian police), in 2 vol.], DGSK MVD Rossii, Moscow, Russia.

Lekoent de Lavo, Zh. (1824), *Putevoditel' v Moskve* [Travel guide in Moscow], V tipografii Avgusta Semena, pri Imperatorskoi Mediko-khirurgicheskoi akademii, Moscow, Russian Empire.

Leshkov, V. N. (1852), *O drevnei moskovskoi gorodskoi politsii* [On the ancient Moscow city police], Moscow, Russian Empire.

Nikiforov, D. I. (1902), *Staraya Moskva. Opisanie zhizni v Moskve so vremen tsarei do dvadtsatogo veka* [Old Moscow. Description of life in Moscow from the time of the kings to the twentieth century], Universitetskaya tipografiya, Moscow, the Russian Empire.

"Police organization and activities", *Sbornik informatsionnykh izdanii,* GITs MVD SSSR, Moscow, Russia, no. 2–4.

Pronin, V. V. (ed.) (2006), *Istoriya Moskovskoi militsii. Stanovlenie i razvitie organov okhrany obshchestvennogo poryadka s drevnosti do nashikh dnei* [History of the Moscow police. Formation and development of public order protection organs from antiquity to the present day], Delovaya liga, Moscow, Russia.

Pylyaev, M. I. (1891), *Staraya Moskva. Rasskazy iz byloi zhizni pervoprestol ʾnoi stolitsy* [Old Moscow. Stories from the past life of the capital of the throne], Izdanie A. S. Suvorina, St. Petersburg, Russian Empire.

Ruga, V. E. and Kokorev, A. O. (2018), *Povsednevnaya zhizn' Moskvy. Ocherki gorodskoi zhizni nachala XX v.* [Everyday life of Moscow. Essays on urban life at the beginning of the 20th century], Abris, Moscow, Russia.

Shchepkin, M. P. (1882), *Opyt izucheniya obshchestvennogo khozyaistva i gorodov, v 2 ch., ch. 1* [Experience in the study of social economy and cities, in 2 pt., pt. 1], Tipografiya M. P. Shchepkina, Moscow, Russian Empire.

Sizikov, M. I. (1992a), *Istoriya politsii Rossii (1718–1917)* [History of the Russian police (1718–1917)], Professional ʾnoe obrazovanie, Moscow, Russia.

Sizikov, M. I. (1992b), “Police reform of Peter I”, *Pravovedenie,* no. 2, pp. 88–96.

Tarasov, I. T. (1884), “The history of the Russian police and its attitude to justice”, *Yuridicheskii vestnik,* vol. XV, no. 4, pp. 551–574.

Vsevyatsky, P. V. (1909), “Crime and housing issues in the city of Moscow”, *Pravo,* no. 20, pp. 1264–1273.

Информация об авторе

Тумин Александр Юрьевич,

Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя, Москва, Российская Федерация; tumin-msk@mail.ru

Information about the author

Tumin Aleksandr Yu.,

Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; tumin-msk@mail.ru

Для цитирования

Тумин А. Ю. Проблематика московской полиции императорской России в историко-правовых исследованиях // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 2(55). С. 227–233.

For citation

Tumin, A. Yu. (2020), “The problems of the Moscow police of imperial Russia in historical and legal research”, *Vestnik Vladimirskogo yuridicheskogo instituta,* no. 2(55), pp. 227–233.

Светлой памяти Азалии Ивановны Долговой

23 апреля 2020 г. ушла из жизни всемирно известный российский ученый-криминолог Азалия Ивановна Долгова. К нашему большому горю не стало выдающегося ученого и руководителя научной школы, который до последних дней своей жизни продолжал активно участвовать в научной и общественной жизни.

Азалия Ивановна много лет в науке. Еще во времена студенчества, в конце 1950-х гг., ее волновали проблемы уголовного права и процесса, развития криминологии в нашей стране (тогда – СССР). Это были переломные годы в судьбах и страны, и многих ее граждан, в том числе и А. И. Долговой, которая прошла путь от следователя прокуратуры до помощника прокурора в Костромской области и Москве, от рядового советского гражданина до президента одной из самых влиятельных общероссийских общественных организаций – Российской криминологической ассоциации.

А. И. Долгова родилась 5 июля 1937 г. в Хабаровске. Ее биография – это биография человека из обыкновенной советской семьи, детство и юность которого прошли в столице великой страны – городе Москве. После окончания средней школы с серебряной медалью мечтала о профессии юриста. Ее путь в профессию и науку был не простым: после окончания юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в 1959 г. более шести лет работала в органах прокуратуры следователем, помощником прокурора: по надзору за дознанием и следствием в органах внутренних дел, по надзору за законностью рассмотрения в судах уголовных дел, по делам о несовершеннолетних. Приходилось ходить, как говориться, не только по асфальту и паркету.

С 1965 по 1968 г. А. И. Долгова проходила обучение в аспирантуре Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер по предупреждению преступности. В 1969 г. под научным руководством доктора юридических наук, профессора Звирбуля Владимира Карловича подготовила и защитила кандидатскую диссертацию на тему «Прокурорский надзор в уголовном судопроизводстве», а в 1980 г. – докторскую диссертацию на тему «Криминологические проблемы взаимодействия социальной среды и личности». В 1986 г. ей было присвоено звание профессора.

С 1968 по 2012 г. Азалия Ивановна работала во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, который позднее был переименован в Научно-исследовательский институт проблем укрепления законности и правопорядка, в дальнейшем – Научно-исследовательский институт Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Прошла путь от младшего научного сотрудника до заведующего отделом. Она занимала должности заведующего отделами криминологических проблем личности, общих проблем криминологии, проблем борьбы с организованной преступностью, терроризмом и экстремизмом, главного научного сотрудника НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.

Срок службы в органах и организациях прокуратуры – 52 года.

В 1993–2006 гг. А. И. Долгова возглавляла межведомственные рабочие группы по разработке федеральных законов «О борьбе с организованной преступностью», «О борьбе с коррупцией», являлась автором опубликованного законопроекта «О криминологической экспертизе». А. И. Долгова была членом Научно-консультативного совета Верховного Суда Российской Федерации.

Сферу ее научных интересов составляли теоретические проблемы криминологии, вопросы криминологической обусловленности законодательства о борьбе с преступностью. Весомый вклад А. И. Долгова внесла в разработку учений о преступности, ее детерминации и причинности, личности преступника, преступности несовершеннолетних, а также комплексных проблем борьбы с организованной преступностью, терроризмом, экстремизмом и коррупцией.

А. И. Долгова была научным руководителем немалого количества кандидатов наук, в том числе тех, которые в дальнейшем защитили докторские диссертации, среди них: доктор юридических наук, профессор О. Н. Ведерникова, доктор юридических наук, профессор В. В. Меркурьев, доктор юридических наук, профессор В. В. Астанин, доктор юридических наук, доцент С.Д. Белоцерковский и другие известные ученые. Сама Азалия Ивановна относила себя к «трудным» научным руководителям,

поскольку всегда ориентировала на проведение исследований, что всегда не просто. Нетерпимо относилась к небрежной и недобросовестной работе, не говоря уже о компиляции, а тем более плагиате. Особое значение в исследованиях Азалия Ивановна придавала сбору, обработке и анализу эмпирического материала. В своих выступлениях она всегда подчеркивала необходимость подготовки научных трудов с опорой на результаты конкретных методик исследований (анкетирование, интервьюирование, изучение документов и др.). Так, А. И. Долгова, возглавляя делегацию НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, неоднократно посещала исправительные учреждения на территории Владимирской области с целью изучения криминологических особенностей личности осужденных, являющихся лидерами преступной среды.

Она – автор более 350 научных работ, из них – более 15 монографий. В числе ее основных трудов: «Правосознание и его дефекты у несовершеннолетних правонарушителей» (М., 1970); «Социально-психологический аспект преступности несовершеннолетних» (М., 1980); «Курс советской криминологии» (М., 1985); «Преступность и общество» (М., 1990); «Российская криминологическая энциклопедия» (М., 2000); учебник «Криминология» (М., 1997, 2001, 2005, 2010); «Преступность, ее организованность и криминальное общество» (М., 2003); «Криминологические оценки организованной преступности и коррупции, правовые баталии и национальная безопасность» (М., 2011), «Личность организованного преступника: криминологическое исследование» (М., 2013) и др.

Одно из последних авторских пособий, подготовленных ею в стенах Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, – «Прокурорский надзор за исполнением законов о борьбе с терроризмом» (М., 2012). А. И. Долгова – автор многих глав и ответственный редактор учебника «Криминология», который выдержал четыре переиздания в России, переведен на китайский язык. Ее авторский краткий учебный курс «Криминология» переиздавался шесть раз.

Азалия Ивановна Долгова являлась заслуженным юристом РСФСР, почетным работником прокуратуры Российской Федерации доктором юридических наук, профессором. Она награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством» II степени, знаком отличия «За верность закону» I степени, медалью «Ветеран прокуратуры».

А. И. Долгова была бессменным президентом Российской криминологической ассоциации со дня ее основания 13 сентября 1991 г. Российская криминологическая ассоциация, насчитывающая в своих рядах более 1 300 членов – ученых, преподавателей, практических работников правоохранительных органов, специалистов в области криминологии, уголовного, гражданского, уголовно-исполнительного права из более чем половины субъектов Российской Федерации, понесла невосполнимую утрату.

Она была поистине легендой отечественной криминологии, крупным ученым, талантливым организатором, мудрым человеком и надежным другом.

Мы скорбим о кончине крупнейшего из современных российских криминологов, нашего коллеги, друга и соратника и выражаем глубокие и искренние соболезнования родным и близким Азалии Ивановны Долговой.

Заведующий отделом НИИ
Университета прокуратуры Российской Федерации
доктор юридических наук, профессор
В. В. Меркурьев,
заведующий кафедрой публично-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук, доцент
Д. А. Зыков,
доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин
Владимирского государственного университета
им. А. Г. и Н. Г. Столетовых,
старший преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
А. В. Кисляков,
преподаватель кафедры управления
и административно-правовых дисциплин
ВЮИ ФСИН России
кандидат юридических наук
И. В. Карлов

Краткие правила опубликования статей

Журнал «**Вестник Владимирского юридического института**» включен ВАК при Минобрнауки России в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по группам научных специальностей: 12.00.01–12.00.03, 12.00.08–12.00.12, 12.00.14, 12.00.15 (юридические науки).

Критерии отбора статей: новизна научной мысли, актуальность исследования, теоретическая и практическая значимость работ, обоснованность полученных результатов.

Требования к оформлению статей:

формат А4; гарнитура шрифта Times New Roman;
кегль 14-й; абзацный отступ – 1,25 см;
межстрочный интервал полуторный;
поля слева, справа, сверху, снизу – 2,5 см;
объем – не более 1 печатного листа (22 страницы).

Статья должна включать: индекс УДК (помещается в верхнем левом углу первой страницы), сведения об авторе (указываются фамилия, имя, отчество (при наличии), место работы, занимаемая должность, ученая степень, ученое звание (если имеются), контактные телефоны, e-mail); название статьи; аннотан цию; ключевые слова; основной текст; библиографический список.

Сведения об авторе, название статьи, аннотация, ключевые слова и библиографический список должны быть подготовлены в двух вариантах: **на русском и английском языках.**

В случае изменения личных данных автор обязан письменно уведомить об этом редакцию до момента выхода журнала из печати и размещения его электронной версии в Интернете.

К статье необходимо приложить **анкету автора публикации и оператора персональных данных** (оригинал)**,** которая является письменным согласием на обработку его персональных данных в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

Представляемые на рассмотрение редакционной коллегии материалы должны соответствовать концепции журнала, основными рубриками которого являются: «Научно-прикладные аспекты совершенствования деятельности учреждений и органов уголовно-исполнительной системы», «Актуальные проблемы российской юридической науки и правоприменительной практики», «Теория и история государства и права», «Политические и правовые системы зарубежных стран». Авторы несут ответственность за достоверность используемых материалов, точность цитат, имен, статистических данных, формул; за использование данных, не предназначенных для открытой печати. **Авторы гарантируют (несут личную ответственность), что предоставленный в редакцию материал ранее не публиковался и не представлен одновременно в другие журналы.**

Все статьи, поступившие в редакцию журнала, проходят обязательное рецензирование. Рецензирование проводится в виде двойного слепого рецензирования.

С авторами, в чьих статьях обнаружен заимствованный материал без ссылки на автора и(или) источник заимствования, журнал прекращает сотрудничество.

Материалы представляются в редакционно-издательский отдел научного центра института по e-mail: vestnik-VUI@yandex.ru; бумажный вариант по адресу: 600020, г. Владимир, ул. Большая Нижегородская, 67е, ВЮИ ФСИН России (редакционно-издательский отдел).

Статьи в журнале публикуются на платной основе. Стоимость одной публикации – 4 000 руб.

Журнал высылается авторам только **по их просьбе наложенным платежом**.

По вопросам опубликования материалов обращаться в редакционно-издательский отдел научного центра ВЮИ ФСИН России по тел.: (4922) 40-45-18, 40-45-14, 8-905-649-5050, e-mail: vestnik-VUI@yandex.ru.

Образец заполнения платежного поручения

Получатель (ОКТМО 17701001) ИНН 3329012372 КПП 332901001 УФК по Владимирской области (ВЮИ ФСИН России л/с 04281175960)	Сч. №	40101810800000010002
Банк получателя Отделение Владимир	БИК	041708001
Назначение платежа (КБК): 32011301991010200130 Доход от издательской деятельности, реализация журнала Вестник		

Анкета автора публикации и оператора персональных данных*

(заполняется (п. 1), подписывается автором публикации
и высылается в адрес редакции научно-образовательного журнала
«Вестник Владимирского юридического института»)

1. ФИО_____, паспорт ___ ___ _____

выдан _____
(кем, когда)

должность _____
_____

ученая степень, ученое звание_____
почтовый адрес _____
тел. _____, e-mail _____

2. Дубин Олег Борисович. Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования «Владимирский юридический институт Федеральной службы исполнения наказаний» (ВЮИ ФСИН России). Большая Нижегородская ул., 67е, г. Владимир, 600020.
(фамилия, имя, отчество оператора персональных данных, получающего согласие на обработку персональных данных автора публикации, место работы (службы), почтовый и юридический адрес)

3. Размещение персональных данных автора публикации в электронной и печатной версиях научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института».
(цель обработки персональных данных автора публикации)

4. Фамилия, имя, отчество автора публикации, место работы (службы), занимаемая должность, ученая степень, ученое звание, адрес электронной почты.
(перечень персональных данных, на обработку которых дается согласие автора публикации)

5. Занесение и хранение персональных данных автора публикации в ПК, их размещение на интернет-сайте института, в Российском индексе научного цитирования и тиражирование.
(перечень действий с персональными данными, на совершение которых дается согласие автора публикации; способы обработки персональных данных)

6. Настоящее согласие действует со дня его подписания до дня отзыва в письменной форме.
(срок, в течение которого действует согласие автора на обработку персональных данных)

7. Отзыв согласия автора публикации на обработку персональных данных осуществляется путем письменного уведомления последним оператора персональных данных за месяц до выхода научно-образовательного журнала «Вестник Владимирского юридического института» из печати (дата выхода из печати указывается на 4-й полосе обложки журнала).
(порядок отзыва согласия автора публикации на обработку персональных данных)

Автор публикации _____/_____/ «____» _____ 20__г.
(подпись) (фамилия и инициалы)

Оператор персональных данных _____/ Дубин О.Б. / «____»_____20__г.
(подпись) (фамилия и инициалы)

* Настоящая анкета разработана в соответствии с письмом Федерального агентства по образованию Министерства образования и науки Российской Федерации от 29 июля 2009 г. № 17-110 «Об обеспечении защиты персональных данных».